

Жюль
ВЕРН

ФЛАГ РОДИНЫ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

Жюль Верн

Жюль Верн

ИЗ ПУШКИ НА ЛУНУ
ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ
ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА
ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ
ПЯТЬ НЕДЕЛЬ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ
ВЛАСТЕЛИН МИРА
ФЛАГ РОДИНЫ

ГОРДИМСЯ ОСНОВАТЕЛЕМ

Жюль Верн

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА
ФЛАГ РОДИНЫ

ОПЫТ ОСНОВАНИЯ

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-3
ББК 84(4Фра)
В 35

Составитель серии *Д. Байкалов*

Оформление художника *А. Саукова*

Иллюстрации художника *П. Луганского*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Серия основана в 2009 году

Верн Ж.

В 35 **Флаг родины** : романы / Жюль Верн ; [пер. с фр. В. Гурович, О. Моисеенко]. — М. : Эксмо, 2010. — 608 с. — (Отцы-основатели).

ISBN 978-5-699-42196-1

В книгу вошло два приключенческо-фантастических романа знаменитого писателя. Первый рассказывает о Гражданской войне в США. Наряду с батальными сценами в романе происходит немало загадочных событий...

Во втором романе, «Флаг родины», рассказывается о судьбе Тома Рока, изобретателя разрушительного средства огромной силы. Желание нажиться на своем изобретении доводит Рока до сумасшествия, а его «фульгуратор» становится достоянием международных пиратов. По мотивам этого романа поставлен знаменитый фильм Карла Земана «Тайна острова Бэк-Кап».

УДК 82-3
ББК 84(4Фра)

© О. Моисеенко, Р. Гурович,
перевод на русский язык, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-42196-1

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА

Часть первая

ГЛАВА 1

На борту парохода «Шаннон»

Флорида была присоединена к Соединенным Штатам Америки в 1819 году и через некоторое время получила права отдельного штата. С ее присоединением территория Штатов увеличилась на 67 тысяч квадратных миль. Но тем не менее штат Флорида — всего лишь звезда второй величины в созвездии тридцати семи звезд американского национального флага.

Флорида — просто узкая и низменная коса, выдающаяся в море. Вследствие незначительной ее ширины орошающие ее реки — кроме реки Сент-Джонс — крупной роли играть не могут. Все они отличаются медленным течением, что вызвано характером местности. Гор на полуострове нет, встречаются лишь небольшие гряды холмов, которыми вообще богаты центральные и северные области Штатов. Своим очертанием Флорида напоминает хвост бобра, опущенный в океан между Атлантикой на востоке и Мексиканским заливом на западе.

Кроме штата Джорджия, примыкающего к ней с севера, Флорида с другими штатами не граничит. Граница же ее с Джорджией проходит по перешейку, соединяющему полуостров с материком.

Вообще говоря, Флорида край самобытный и на другие штаты непохожий. Население здесь смешанное —

полуиспанское, полуамериканское, и даже тамошние индейцы-семинолы сильно отличаются от своих соплеменников с Дальнего Запада. Если у южного побережья почва Флориды совсем бесплодна и покрыта песчаными дюнами, постепенно нанесенными Атлантическим океаном, то северные ее равнины отличаются необычайным плодородием, так что в этих областях Флорида вполне оправдывает данное ей название. Действительно, растительность северной равнины полуострова чрезвычайно богата, могуча и разнообразна. Объясняется это тем, что равнина орошается рекой Сент-Джонс, которая на протяжении двухсот пятидесяти миль, с юга на север, широко и плавно катит свои воды. На протяжении ста семи миль, вплоть до озера Джорджа, эта река судоходна. Протяженность Сент-Джонса объясняется направлением его русла, ибо реки, текущие поперек полуострова, не могут отличаться большой длиной. Сент-Джонс многоводен: в маленькие бухты, которыми изрезаны его берега, впадает множество притоков. Река Сент-Джонс — жизненная артерия страны. Ее живительные воды — кровь, протекающая по жилам земли, — питают этот край.

Седьмого февраля 1862 года вниз по Сент-Джонсу шел пароход «Шаннон». В четыре часа пополудни он должен был причалить у местечка Пиколаты, обслужив попутно пристани и некоторые форты графств Сент-Джонс и Патнам. Несколькими милями ниже по течению, за Пиколатой, пароход попадал уже в графство Дьювал, граничащее с графством Нассау и отделенное от него рекою того же названия.

Само по себе местечко Пиколата особого значения не имеет, но окрестности ее богаты плантациями инди-

го, риса, хлопчатника, сахарного тростника и обширными кипарисовыми лесами. Весь район поэтому населен довольно густо. Пристань Пиколаты стоит к тому же на оживленном торговом пути, ведущем в Сент-Огастин, один из крупных городов Восточной Флориды. Сент-Огастин находится на расстоянии десяти-двенадцати миль от Пиколаты и расположен в той части океанского побережья, невдалеке от которого находится остров Анастасия. Пиколата с городом соединена почти прямою дорогой.

В этот день на пристани Пиколаты пассажиров, ожидавшихся парохода, было больше обычного. Они прибыли из Сент-Огастина, и доставившие их восьми-местные дилижансы, запряженные четверкою или шестеркою мулов, мчались во весь опор по проложенной через болота дороге. Нужно было поспеть к пароходу, не то пришлось бы дожидаться по меньшей мере двое суток, чтобы добраться до любого населенного пункта — городка, местечка, форта или деревушки, лежащих ниже по течению реки. «Шаннон» обслуживал эти края отнюдь не ежедневно, а этот пароход в ту пору был единственным средством сообщения. Необходимо было, значит, поспеть в Пиколату к тому времени, когда «Шаннон» туда приходит; пассажиры были уже на пристани за час до прибытия парохода.

В ожидании парохода на пристани Пиколаты собралось человек пятьдесят. Можно было заметить, что все они что-то возбужденно обсуждали, разбившись на две сторонящиеся друг друга группы. По каким же важным торговым или политическим делам они приезжали в Сент-Огастин? Во всяком случае, было ясно, что ни к какому согласию они там не пришли. Приехав врагами,

они врагами и разъезжались. Это было видно и по той обособленности, с какой держались обе группы, и по сердитым взглядам и вызывающим словам, которыми они обменивались.

Но вот послышались протяжные свистки, и из-за поворота реки в полумиле выше Пиколаты показался «Шаннон». Из двух его труб вырывались густые клубы дыма, расплывавшиеся над вершинами прибрежных деревьев, которые гнулись и раскачивались под порывами морского ветра. Движущаяся громада парохода быстро росла. Последние три-четыре часа прилив замедлял продвижение парохода; но теперь начался отлив, и воды Сент-Джонса уносили «Шаннон» к устью.

Наконец прозвонил колокол. Колеса, вспенив воду, разом остановились, и «Шаннон» причалил к пристани.

Началась посадка. Пассажиры заторопились; одна из двух враждебных групп взошла на пароход первой, в чем другая ей, впрочем, не препятствовала. Вторая же группа, очевидно, поджидала кого-то, кто запаздывал.

Отделившись от этой группы, два-три человека поспешили к выходившей на набережную дороге на Сент-Огастин и с явным нетерпением стали вглядываться в даль. Их нетерпение было, впрочем, вполне понятным, ибо капитан «Шаннона», стоя на мостике, уже покрикивал:

— Садитесь, господа, садитесь скорее!

— Нельзя ли подождать еще несколько минут? — обратился к нему один из пассажиров второй группы, остававшейся еще на пристани.

— Никак нельзя, господа.

— Ну хотя бы минутку!

— Ни единой!

— Ну хоть полминутки!

— Невозможно! Отлив уже начался, и я рискую сесть на мель у Джэксонвилла.

— Да к тому же семеро одного не ждут, — прибавил кто-то из пассажиров первой группы, устроившихся уже на кормовой рубке «Шаннона».

— И я того же мнения, мистер Бербанк, — сказал капитан. — Служба прежде всего. Ну, господа, извольте садиться, даю команду отдать швартовы.

Пароход протяжно загудел.

Матросы начали было уже отталкиваться баграми от пристани, чтобы вывести пароход на середину реки, но остановились: во второй группе кто-то крикнул:

— Вот и Тексар!..

Из-за поворота набережной показался мчавшийся во весь опор экипаж. Взмыленная четверка мулов круто остановилась у пристани. Из экипажа вышел мужчина. Пассажиры, поджидавшие его у дороги, кинулись к нему навстречу, и затем все они поспешили подняться на пароход.

— Еще секунда, Тексар, и ты бы опоздал! — сказал ему один из ждавших его. — А это было бы очень досадно.

— И только дня через два ты смог бы вернуться в... А куда именно, мы узнаем, когда ты пожелаешь нам это сказать, — прибавил другой.

— Послушайся капитан этого нахала Джемса Бербанка, пароход был бы уже теперь на добрые четверть мили от Пиколаты.

Тексар поднялся с друзьями на носовую рубку. Он промолчал и только бросил косой взгляд на Джемса Бербанка, от которого его отделял капитанский мостик.

Но сколько непримиримой ненависти было в этом взгляде!

Джемс Бербанк, посмотрев в упор на Тексара, повернулся к нему спиной и занял место на кормовой рубке, где уже разместились все пассажиры первой группы.

— Бербанк что-то не в духе, — заявил один из спутников Тексара. — Да оно и понятно. Сколько он ни клеветал, как ни изворачивался, судья сумел разделаться с его ложными показаниями.

— Но не с ним самим, — отвечал Тексар. — Это уж я беру на себя!

Между тем «Шаннон» отшвартовался. Оттолкнув пароход от пристани длинными баграми, матросы вывели его на стрежень реки. Заработали колеса, и подгоняемый отливом «Шаннон» быстро поплыл меж берегов Сент-Джонса.

Известно, что представляют собой американские речные пароходы. Это настоящие многоэтажные дома, с широкими террасами и с двумя огромными трубами, поднимающимися над носовой частью. Над палубой протянут тент. Пароходы на Гудзоне и на Миссисипи — настоящие плавучие дворцы и могут вместить население целого городка. Правда, для такой реки, как Сент-Джонс, да и вообще для Флориды, нужды в громадных пароходах не было, и поэтому «Шаннон» по размерам своим был, так сказать, небольшим особняком, хотя по внутреннему расположению и наружному своему виду представлял собою точный сколок с разных «Кентукки» и «Ричмондов».

Погода стояла великолепная. По ясному голубому небу лишь кое-где на горизонте плыли легкие и перистые облака. В Новом Свете на тридцатой параллели в

феврале месяце почти так же жарко, как в Старом вблизи пустыни Сахары. Впрочем, чрезмерный зной умерялся здесь легким морским ветерком. И большинство пассажиров оставалось поэтому на палубе, вдыхая приносимый ветром аромат прибрежных лесов. От косых лучей солнца их защищали тенты, которые при быстром ходе судна колебались, точно индийские опахала.

Тексар и пять-шесть его сотоварищей спустились в буфет; привыкнув в американских барах к крепким напиткам, они принялись поглощать стакан за стаканом джин, английскую горькую и бурбон-виски. Все это был народ неотесанный, с грубыми манерами и речью; одеты они были в сукна и кожу, как люди, живущие больше в лесной глуши, чем в городах. Тексар, видимо, пользовался среди них большим авторитетом, которым был, вероятно, обязан как своему властному характеру, так и видному общественному положению и богатству. Он безмолвствовал, и вся компания поэтому тоже пила молча.

Наконец он нарушил молчание; взяв валявшуюся на столе газету, он пробежал ее глазами, но вскоре, отбросив ее прочь, проворчал:

— Какое старье!

— Еще бы не старье: номер-то от третьего дня, — поддакнул ему один из его спутников.

— А за три дня многое могло случиться, когда бои идут почти что рядом, — прибавил другой.

— Кстати, как теперь дела на фронте? — спросил Тексар.

— Федеральное правительство, говорят, подготавливает экспедицию во Флориду. Стало быть, со дня на день мы можем ждать вторжения северян.

— Да так ли это?

— Не знаю, но такие слухи ходили еще в Саванне, а в Сент-Огастине мне их подтвердили.

— Ну что ж, пусть они только явятся! Пусть! — вскричал Тексар, стукнув с такой силой кулаком по столу, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула. — Пусть только сунутся! Посмотрим, позволят ли флоридские рабовладельцы этим вора-аболиционистам ограбить себя!

Ответ Тексара станет понятным, если вспомнить причину великой междоусобной войны, которая вспыхнула в Северной Америке в то время, к которому относится наш рассказ. Начавшись 11 апреля 1861 года пушечным выстрелом по форту Самтер, эта война была теперь в самом разгаре и почти полностью охватила уже Южные штаты Америки. Ответ указывал и на то, что Тексар был защитником рабовладения и, следовательно, держал сторону большинства населения рабовладельческих штатов.

На борту «Шаннона» встретились, как нарочно, представители обеих враждующих партий: федералисты-северяне — противники рабовладения, или, как их называли еще, аболиционисты, и конфедераты-южане — сепаратисты, или сторонники рабовладения.

Час спустя Тексар со своими единомышленниками, которые уже порядком заложили за галстук, вышел на верхнюю палубу. Миновали уже правобережные бухты Трент и Шестимильную: в первой из них воды Сент-Джонса подступают почти к опушке густого кипарисового леса; во второй — доходят до Двенадцатимильного болота, о величине которого можно судить уже по одному его названию.

Пароход шел в это время вдоль берегов, окаймлен-

ных великолепными лесами. Тут были тюльпанные деревья, магнолии, сосны, кипарисы, кустарниковые дубы, юкки и много других, стволы которых исчезали в густой чаще азалий и драконова корня. Порой из бухточек, питающих своими водами болотистые равнины графства Дьювал и Сент-Джонс, доносился резкий запах мускуса. Однако его источником были отнюдь не цветущие кусты, столь ароматные в этом жарком климате, а аллигаторы, спешившие скрыться в высокой траве при шумном приближении «Шаннона». Из этих лесов, сливаясь в нестройный, но причудливый хор, доносились до парохода голоса всевозможных птиц — дятла, цапли, жакамара, выпи, белоголового голубя, дрозда-пересмешника и сотен других разнообразнейших пород всевозможной величины и окраски; лесная сова голосом чревоушателя повторяла все лесные звуки — вплоть до крика петуха, пронзительного, как звук рожка, и слышного чуть ли не за несколько миль.

Когда Тексар, поднимаясь на рубку, достиг верхней ступеньки трапа, он почти столкнулся с женщиной, собиравшейся спуститься в буфет. То была служанка семьи Бербанков, мулатка. Очутившись внезапно перед заклятым врагом своего хозяина, она отпрянула назад; лицо ее на миг выразило непреодолимое отвращение. Потом, казалось, не замечая злобных взглядов Тексара, она посторонилась.

Тексар пожал плечами и, обращаясь к своим спутникам, громко сказал:

— Это Зерма, одна из невольниц Бербанка, который выдает себя за противника рабства.

Зерма ничего не ответила и, когда освободился про-

ход, спустилась вниз, не обратив как будто никакого внимания на его слова.

Тексар прошел на носовую часть палубы. Закурив сигару и словно позабыв о своих спутниках, последовавших за ним наверх, он стал внимательно разглядывать левый берег Сент-Джонса. Здесь начиналось графство Патнам.

Тем временем на корме тоже шел разговор о войне. После ухода Зермы Джемс Бербанк остался с двумя друзьями, которые ездили с ним в Сент-Огастин. Один из них был его шурин Эдвард Кэррол, а другой — флоридец из Джэксонвилла, Уолтер Стэннард. Они, так же как и их противники, возбужденно обсуждали течение кровавой борьбы, от исхода которой зависела жизнь или смерть Соединенных Штатов. Но Джемс Бербанк, как мы увидим в дальнейшем, рассматривал события с совершенно иной точки зрения, нежели Тексар.

— Мне не терпится, — говорил он, — поскорее вернуться в Кэмдлес-Бей. Вот уже два дня, как мы оттуда. Быть может, за это время на фронте случилось что-нибудь новое, быть может, Дюпон и Шерман уже овладели Порт-Ройялом и островами Южной Каролины?

— Это случится, несомненно, в ближайшем же будущем, — ответил Эдвард Кэррол, — странно будет, если президент Линкольн не расширит военные действия до Флориды.

— Давно бы пора, — подхватил Джемс Бербанк. — Давно пора смирить высокомерных рабовладельцев Джорджии и Флориды, которые думают, что если они далеко, то до них уже не добраться. Взять хоть бы того же Тексара: посмотрите, как он себя нахально ведет. Рассчитывая на поддержку рабовладельцев штата, он

всячески старается возбудить общественное мнение против нас, сторонников Севера, и наше положение в этих условиях становится с каждым днем опаснее.

— Ты прав, Джемс, — согласился Кэррол. — Необходимо как можно скорее подчинить Флориду вашингтонскому правительству! Я жду и не дождусь, чтобы федералисты пришли и навели у нас порядок, иначе нам, пожалуй, придется бежать со своих плантаций.

— Они придут, и, вероятно, очень скоро, дорогой Бербанк! — вмешался Уолтер Стэннард. — Третьего дня, когда я уезжал из Джэксонвилла, город был взволнован слухами о намерении Дюпона форсировать фарватер Сент-Джонса, и сторонники рабовладения стали угрожать всем, кто не разделяет их взглядов. Боюсь, что у нас на днях вспыхнет мятеж. Попытаются свергнуть городские власти, а на их место посадить отъявленных негодяев.

— Что ж тут удивительного, — ответил Джемс Бербанк. — В ожидании федералистской армии нам предстоят тяжелые дни. Но изменить положение не в наших силах.

— Да, ничего не поделаешь! — продолжал Уолтер Стэннард. — Если в Джэксонвилле и вообще во Флориде и нашлось бы несколько честных людей, наших единомышленников, их все равно оказалось бы слишком мало, чтобы дать отпор конфедератам. Только приход федералистов может спасти нас, да и то если они не замешкаются.

— Да-да, пусть поскорей приходят, пусть избавят нас от этих мерзавцев! — воскликнул Джемс Бербанк.

Последующие события показали, как были правы в своих предвидениях и опасениях те из северян, кто вы-

нужден был в силу своих материальных интересов или семейных отношений жить среди рабовладельцев и принаравливаясь к их нравам и обычаям.

Джемс Бербанк и его друзья были правильно осведомлены о ходе военных событий. Федеральное правительство действительно готовило военную экспедицию во Флориду. И не столько с целью захвата этого штата и военной оккупации, как для того, чтобы закрыть все лазейки, которыми пользовались контрабандисты, нарушавшие морскую блокаду, вывозя продукты местного производства и, главным образом, ввозя оружие и боевые припасы. Вот почему «Шаннон» уже не отваживался больше обслуживать южное побережье Джорджии, находившееся тогда в руках генералов-северян. Из осторожности рейс его заканчивался на границе обоих штатов, чуть севернее устья Сент-Джонса, против северной оконечности острова Амильи, в порте Фернандина, где начиналась железнодорожная линия на Сидар-Кейс, которая доходит до Мексиканского залива, пересекая наискось весь полуостров Флориду. Севернее острова Амильи и реки Сент-Мэрис «Шаннон» мог быть захвачен судами федералистов, неустанно патрулировавших у этой части побережья.

И большинство пассажиров «Шаннона» состояло поэтому из жителей Флориды, не имевших надобности выезжать за пределы штата. Это были обитатели небольших городков и деревушек, разбросанных по берегам Сент-Джонса и его притоков; большинство из них жили в Сент-Огастине или Джэксонвилле. Каждый мог сойти с парохода в нужном ему месте по сходням на пристань или же на устроенные по английскому образцу

специальные пирсы, не пользуясь для этого пароходными шлюпками.

Между тем один из пассажиров собирался покинуть пароход, не дожидаясь, когда он остановится у пристани. Он желал высадиться на берег в таком месте, где не было видно ни деревни, ни какого-либо уединенного дома, ни даже простой рыбацкой или охотничьей хижины.

Пассажир этот был Тексар.

Часов около шести вечера «Шаннон» издал три резких свистка. Колеса его почти тотчас же перестали вращаться, и пароход двигался по замедленному в этой части реки течению. Это было недалеко от Черной бухты.

В эту бухту, образующую глубокую выемку в левом берегу реки Сент-Джонс, впадает какая-то безыменная речушка, которая протекает у форта Хелмен, почти на границе между графствами Патнам и Дьювал. Узкий проход в бухточку полностью скрыт за сплетениями зеленых ветвей, образующих непроницаемую завесу. Жители края и не подозревают о существовании этой темной лагуны. Никто не пытался туда проникнуть, никто не догадывался, что она служит убежищем Тексару, ибо берег Сент-Джонса, казалось, тянулся здесь непрерывной линией. Вот почему только очень искусному гребцу, хорошо знакомому с этой бухтой, удалось бы проникнуть в нее на своем челне в полумраке наступающих сумерек.

Вслед за свистком «Шаннона» с берега тотчас же донесся троекратный окрик, и среди высоких прибрежных трав замелькал яркий огонек. От берега к пароходу плыла, очевидно, какая-то лодка.

То был простой челнок с одним веслом. Вскоре он

приблизился уже на расстояние полкабельтова от парохода.

Тексар наклонился через борт и, сложив руки рупором, крикнул:

— Эй!

— Эй! — отвечали с лодки.

— Это ты, Скуамбо?

— Я, господин.

— Подъезжай-ка ближе.

Челнок подплыл к пароходу. При свете факела, прикрепленного на носу челнока, можно было разглядеть сидевшего в нем человека. То был крепкий и сильный, с обнаженным до пояса могучим торсом и спутанной черной гривой индеец.

Тексар повернулся к своим друзьям и пожал им всем руку, говоря с многозначительным видом: «До свиданья». Затем, кинув угрожающий взгляд в сторону Бербанка, он быстро спустился по трапу и сел в челн к индейцу.

Несколько оборотов колес — и пароход оставил челнок далеко позади; никто из пассажиров «Шаннона» и не подозревал, что легкое суденышко скрылось в чаще прибрежных зарослей.

— На пароходе одним негодяем меньше, — заметил Кэррол, не стесняясь присутствия друзей Тексара.

— Он не только негодяй, — сказал Бербанк, — он опасный преступник. Я ничуть в этом не сомневаюсь, хотя этому мерзавцу и удавалось всегда выйти сухим из воды, установив каким-то непостижимым образом свое алиби.

— Если этой ночью в окрестностях Джэксонвилла будет совершено преступление, — заявил Стэннард, —

то Тексар, во всяком случае, окажется ни при чем: ведь он только что покинул «Шаннон».

— Ну, я в этом не уверен, — возразил Бербанк. — После всего случившегося я ничуть не удивлюсь, если мне даже скажут, что он в это самое время убил или ограбил кого-нибудь в пятидесяти милях отсюда, на севере Флориды... Правда, меня не поразило бы также, если бы ему удалось доказать, что не он виновник преступления... Но довольно говорить о нем. Скажите-ка лучше, Стэннард, вы едете прямо в Джэксонвилл?

— Да, сегодня же вечером.

— Ваша дочь ожидает вас?

— Да, и я тороплюсь к ней.

— Понятно. А когда вы собираетесь к нам в Кэмдлес-Бей?

— На этих днях.

— Приезжайте-ка поскорее, дорогой Стэннард. Вы же знаете, что мы накануне важных событий, которые не преминут развернуться с приближением федеральных войск. Не безопаснее ли будет для вас и Алисы перебраться к нам в Касл-Хаус, чем оставаться в городе, где от южан можно ожидать любых безобразий?

— Вот это мне нравится! Да разве сам-то я не южанин, любезный Бербанк?

— Конечно, южанин, Стэннард, но вы мыслите, вы действуете, как северянин.

Час спустя «Шаннон», уносимый непрерывно усиливавшимся отливом, прошел мимо живописной деревушки Мандарен, приютившейся на склоне зеленого холма, и милях в пяти или шести ниже по течению остановился у правого берега реки.

Тут была устроена грузовая пристань. Чуть выше по

течению виднелся легкий пирс — красивое деревянное сооружение, подвешенное на двух проволочных тросах. То была пристань Кэмдлес-Бея.

На конце пирса стояли два негра с фонарями в руках, ибо наступила уже ночь.

Джемс Бербанк простился с мистером Стэннардом и в сопровождении Кэррола вступил на пирс.

За ними шла Зерма, которая отозвалась на окликавший ее откуда-то из темноты детский голосок:

— Я здесь, Ди! Здесь!

— А папа?

— И папа тоже.

Фонари стали удаляться от реки, а «Шаннон» продолжал свой путь, повернув к левому берегу. Тремя милями ниже Кэмдлес-Бея, на противоположном берегу реки, он остановился у пристани Джэксонвилла, где высадились большая часть остававшихся еще на нем пассажиров.

Здесь, между прочим, сошел на берег Уолтер Стэннард и трое или четверо из единомышленников Тексара, с которыми тот расстался полутора часами раньше, когда индеец приехал за ним на челноке. На пароходе осталось только человек шесть пассажиров, направлявшихся частью в Пабло — небольшое местечко близ маяка в устье Сент-Джонса, частью на остров Талбот, находящийся при входе в пролив того же названия, а частью, наконец, в порт Фернандину. «Шаннон» продолжал плыть по реке, благополучно миновав песчаную отмель, и скрылся через час за поворотом бухты Траут, где Сент-Джонс, становясь вдруг бурливым, смешивал свои воды с сердитым прибоем океана.

ГЛАВА 2

Кэмдлес-Бей

Кэмдлес-Бей — таково название плантации, принадлежавшей Джемсу Бербанку. Богатый плантатор жил там со всей своей семьей. Название свое плантация получила от бухты на Сент-Джонсе, находящейся немного повыше Джэксонвилла, на противоположном берегу. Вследствие такой близости плантации к городу сообщение между ними было удобным и легким: при попутном ветре от Кэмдлес-Бея до Джэксонвилла можно было добраться на хорошей лодке за какой-нибудь час. Кэмдлес-Бей находился на расстоянии не более трех миль от главного города графства Дьювал.

Плантация Джемса Бербанка была одной из лучших во всей Флориде. Кроме этих земель, у него еще были большие поместья в штате Нью-Джерси, который граничит со штатом Нью-Йорк. Таким образом, Бербанк мог считаться очень богатым человеком.

Место для плантации на правом берегу Сент-Джонса было выбрано чрезвычайно удобное, как бы самой природою приспособленное для возделывания, и человеку не приходилось затрачивать слишком много усилий, чтобы обрабатывать эту плодородную почву. При умном и распорядительном хозяине, бывшем в то время в расцвете сил и обладавшем вдобавок солидным капиталом, при удачно подобранном персонале, плантация находилась в цветущем состоянии.

Земли в поместье было четыре тысячи акров; и если в Южных штатах можно было встретить поместья больших размеров, то вряд ли где хозяйство было так хорошо поставлено, как у Бербанка. Господский дом, служ-

бы, конюшни, жилища для рабов, мастерские, рельсовая дорога между плантацией и пристанью, дороги для повозок и фургонов — все было устроено необыкновенно практично и удобно. На всей усадьбе лежал тот отпечаток домовитости и порядка, который умеют придать своему хозяйству обитатели Северных штатов.

С Кэмдлес-Беем могли сравниться только лучшие поместья Виргинии или обеих Каролин. Высокие плоскогорья плантации как бы специально были предназначены для хлебных злаков; в низинах разводились кофейные деревья и какао. Болотистые, топкие равнины с солончаковой почвой отведены были под рис и сахарный тростник.

Известно, что хлопок Флориды и Джорджии ценится на рынках Европы и Америки очень высоко благодаря шелковистости и длине его волокон, и хлопковые поля с их аккуратными насаждениями, нежной зеленью и лиловато-желтыми цветами составляли поэтому одну из главных доходных статей поместья. Во время сбора хлопка на этих полях, площадью от одного до полутора акров каждое, появлялось множество временных хижин, в которых жили невольники — женщины и дети, собиравшие с кустов коробочки и выбиравшие из них хлопок — операция, требующая большой осторожности, чтобы не повредить волокон. Затем хлопок сушился на солнце, очищался на чесальных машинах с зубчатыми колесами и вальцами, прессовался гидравлическими прессами, упаковывался в кипы, стягивался железными обручами и складывался в амбары в ожидании отправки. Погрузка на парусники или пароходы производилась тут же, с пристани Кэмдлес-Бея.

Кроме плантаций хлопка, у Джемса Бербанка были

также обширные насаждения кофе и сахарного тростника. Первые — заповедные участки с тысячью — тысячью двумястами деревьев высотой в пятнадцать-двадцать футов каждое; цветы их похожи на испанский жасмин, а плоды — на вишенку с двумя косточками, которые оставалось лишь извлечь и высушить. Вторые — луга, вернее болота, ощетилившиеся высоким тростником длиной от девяти до восемнадцати футов, с белыми султанами, развевающимися по ветру, точно плюмажи скачущей кавалерии. Сахарный тростник был предметом особого ухода в Кэмдлес-Бее: сахар из него получался в жидком виде, а потом перерабатывался в рафинад на сахарных заводах, хорошо оборудованных по тому времени. Побочными продуктами были сиропы, идущие на производство водки, рома и тростникового вина, которое готовится из смеси жидкого сахара с ананасным и апельсиновым соком. Это тоже была весьма доходная статья, хотя и не столь прибыльная, как хлопок.

Несколько участков с деревьями какао, бататом, маисом, ямсом, индиго, табаком, двести-триста акров рисовых полей — все это давало значительную прибыль.

Но был у него еще один источник дохода, приносящий прибыль не меньше, чем хлопок: неисчерпаемые лесные богатства поместья. Не говоря уже об апельсиновых, лимонных, манговых и хлебных деревьях, о маслинах, винных ягодах, перце и корице, о плодах всех фруктовых деревьев Европы, прекрасно акклиматизирующихся во Флориде, Джеймс Бербанк регулярно производил систематическую рубку своих лесов. Какие огромные богатства заключены были в кампешевом дереве, в мексиканском вязе, столь широко применяемых

теперь, в баобабах, в коралловом дереве с кроваво-красным стволом и цветами, в черном орехе, индийском златоцвете, в особом виде каштана с желтыми цветами, в южной сосне — прекрасном мачтовом лесе и строительном материале; в шоколадной каролинии, зерна которой, как петарды, лопаются на южном солнце, в зонтичной сосне, тюльпанном дереве, кедрах и особенно в кипарисах: огромные кипарисовые леса в пятьдесят-сто миль протяженностью покрывают полуостров Флориду. Джемсу Бербанку пришлось оборудовать по всей территории большие лесопилни. На речках — притоках Сент-Джонса — устроены были запруды, и эти речки, прервав свой мирный бег, образовали каскады — источник механической силы, необходимой для распиливания бревен и досок, количества которых хватало бы для нагрузки сотни судов.

Наконец, следует упомянуть и об огромных тучных лугах, на которых паслись лошади, мулы и многочисленный рогатый скот. Что же касается всевозможной дичи в лесах и болотах, то трудно даже представить себе, в каком изобилии она водилась в Кэмдлес-Бее, как, впрочем, и во всей Флориде.

Над лесами с пронзительным клекотом, напоминавшим звук надтреснутой трубы, на широко распростертых крыльях парили белоголовые орлы, кружили кровожадные грифы, огромные выпи с острыми, как штык, клювами. У реки среди камышей, среди зарослей гигантского бамбука жили розовые, или пурпурные, фламинго, белоснежные ибисы, словно слетевшие с какого-нибудь древнего египетского памятника, огромные пеликаны, мириады морских ласточек разных пород, ракоедки с зелеными хохолками и перьями, кулики с

пурпурным оперением в беловатых крапинках и коричневым пухом, жакамары, золотистые зимородки, целый мирок гагар, морских курочек, диких уток из породы свистунов, чирков, зуйков, не говоря уже о буревестниках, водорезах, морских воронах, чайках-фазтонах, которых порыв ветра может унести до самой середины реки, и соблазнительной добычи для лакомок — летучих рыб, или долгоперов. На лугах во множестве водились бекасы, морские и болотные кулики, султанки с пестрым оперением, где, точно на летающей палитре, смешались все цвета — красный, синий, белый, зеленый и желтый, куропатки, серые белки, красноногие голуби с белыми головками, а в качестве съедобной дичи — длиннохвостые кролики: нечто среднее между европейским зайцем и кроликом, — и целые стада ланей, а сверх того — еноты, черепахи, фараоновы мыши и, к несчастью, масса ядовитых змей. Таковы были представители животного царства в великолепном поместье Кэмдлес-Бей. К ним приходится причислить и негров, закабаленных на плантации. А во что же, если не во вьючный скот, обращены были эти человеческие существа, которые можно было покупать или продавать по желанию.

Однако как же Джемс Бербанк, этот убежденный сторонник освободительных доктрин северян, с нетерпением дожидавшийся победы Севера, продолжал до сих пор владеть невольниками? Неужели он не освободил бы их даже и тогда, когда наступили бы более благоприятные обстоятельства? Освободил бы, конечно! Он и собирался это сделать через несколько недель или даже дней, как только федеральная армия, занявшая уже некоторые населенные пункты в соседнем штате, вступит во Флориду.

Впрочем, Джемс Бербанк уже предпринял у себя в имении ряд мер, значительно улучшивших жизнь его рабов. Их у него было около семисот; помещались они в просторных и чистых хижинах, пищу получали хорошую; непосильной работой их не обременяли. Управляющему и его помощникам было строго-настрого приказано обращаться с неграми справедливо и мягко. Невольники в Кэмдлес-Бее работали поэтому очень усердно, хотя там давным-давно уже отменены были всякие телесные наказания. На других плантациях привыкли обращаться с рабами совсем по-иному, и соседи сильно косились на порядки, заведенные Джемсом Бербанком, так что положение его в этих краях было довольно затруднительно, особенно теперь, когда вопрос о рабовладении решался силою оружия.

Негры Джемса Бербанка, как мы уже говорили, жили в удобных и чистых хижинах. Около полусотни таких хижин составляли деревушку. Около десятка таких деревушек были разбросаны по берегам маленьких речек, протекавших по плантации. Негры жили вместе со своими женами и детьми. Члены одной семьи, если это было возможно, работали вместе — в поле, лесу или на фабрике, так что и в рабочие часы не разлучались. Во главе каждой деревушки стоял один из помощников управляющего, исполнявший в некотором роде обязанности старосты или, если угодно, мэра. Общее же управление всем хозяйством сосредоточивалось в господской усадьбе, окруженной высоким палисадом, заостренные колья которого утопали в роскошной флоридской зелени.

Господский дом походил на замок и вполне заслуженно носил название Касл-Хауса.

Кэмдлес-Бей издавна принадлежал предкам Джемса

Бербанка. В те времена, когда плантаторы еще боялись нападения индейцев, господский дом пришлось сильно укрепить. Не много времени прошло с тех пор, когда генерал Джессеп оборонял Флориду от индейцев-семинолов. Колонисты немало терпели от этих кочевников, которые их грабили и убивали, а жилища предавали огню. Даже города неоднократно подвергались набегам и грабежу. И теперь еще в некоторых местах можно наткнуться на развалины — следы набегов этих кровожадных индейцев. В пятнадцати милях от Кэмдлес-Бея, близ деревушки Мандарен, до сих пор показывают «дом крови», где был скальпирован индейцами плантатор Мотт, его жена и три дочери. Но теперь, конечно, война белых с краснокожими уже в прошлом. Семинолы частью истреблены, частью оттеснены к западу от Миссисипи. О семинолах уже ничего не слышно — только несколько их шаек блуждают еще среди болот Южной Флориды. И жителям края уже нечего опасаться свирепых туземцев.

Теперь понятно, почему жилища плантаторов строились в старину в виде укрепленных замков, в которых можно было бы отсидеться до прихода отрядов волонтеров из города или соседней деревни. Именно таким укрепленным замком и был Касл-Хаус в Кэмдлес-Бее.

Дом стоял на пологом холме посреди парка, обнесенного высоким палисадом. Парк был площадью в три акра, он кончался в нескольких сотнях ярдов от реки Сент-Джонс. Довольно глубокий ручей протекал вокруг парка, а высокий палисад делал его еще неприступней. Попасть в парк можно было только по мостику, переброшенному через ручей. От самой пристани Кэмдлес-Бея до первых лужаек усадьбы вела чудесная тенистая

бамбуковая аллея. Всюду в просветах между деревьями виднелись зеленые газоны, пересеченные широкими аллеями, которые сходились у обширной, усыпанной песком площадки перед главным фасадом Касл-Хауса.

Архитектура замка строгостью не отличалась, в ней было много несообразностей как в общих очертаниях, так и в деталях, но если бы осаждающим удалось проникнуть за палисад — здание могло бы выдержать осаду в течение нескольких часов. Окна нижнего этажа были защищены крепкими железными решетками. Дверь главного подъезда поражала своей массивной прочностью, в стенах были устроены бойницы, из которых можно было с фланга обстреливать нападающих. Окон и дверей в здании было очень немного. Вообще дом Джемса Бербанка, со своей высокой крышей, с центральной башней, над зубцами которой развевался украшенный звездами американский флаг, и толстыми стенами, гораздо больше походил на форт, чем на мирное жилище помещика. Как уже было сказано, здание строилось в те времена, когда должно было служить для своих обитателей защитой от набегов свирепых индейцев.

Под зданием существовал даже подземный ход, которым Касл-Хаус сообщался с небольшой бухтой на Сент-Джонсе, известной под именем бухты Марино. Он проходил под палисадом и окружающим парк ручьем. В крайнем случае через этот ход можно было тайно бежать.

Конечно, уже лет двадцать, как семинолы вытеснены с полуострова и больше не страшны, но как знать, что ожидает в будущем? И если индейцы не представляют уже угрозы для Джемса Бербанка, то не следовало ли ему опасаться своих же соотечественников? Разве он,

сторонник Севера, не был одинок в этих Южных штатах, не зависел от случайностей кровопролитной гражданской войны, не должен был быть готовым к жестокой расправе?

Сильно укрепленный и неприступный, Касл-Хаус внутри был удобным и уютным жилищем. Просторные комнаты были богато и со вкусом обставлены, так что семья Бербанков, живя в этой очаровательной местности, пользовалась полным комфортом, которым могут окружать себя состоятельные люди, если, кроме денег, обладают еще и художественным вкусом.

Позади замка, вплоть до ограды парка, скрытой под вьющимися растениями и ветвями страстоцвета, среди которых порхали стайки колибри, разбросаны были купы апельсиновых и масличных деревьев, росли понтедерии с лазоревыми цветами, гранаты и смоковницы; магнолии, которые распускали свои чашечки цвета старой слоновой кости и наполняли воздух чудным благоуханием; пальмы, тихо качавшие веерообразными вершинами под легким дуновением ветерка, гирлянды лиловой кобеи, юкка, звенящая, точно сталь отточенной сабли, розовые рододендроны, мирты и райские деревья — словом, в садах была собрана вся роскошная флора субтропиков, все, что только может порадовать взор и обоняние.

За садом, у самой ограды, под сенью громадных кипарисов и баобабов, находились службы: конюшни, амбары, маслобойни; псарни и птичники. Благодаря обилию деревьев домашние животные не страдали от тропического зноя, а близость воды поддерживала в воздухе приятную и живительную прохладу.

Среди обширных владений Джемса Бербанка место

для усадьбы было выбрано весьма удачно: туда не доносился ни шум хлопкоочистительных машин, ни скрип лесопилен, ни стук топоров в лесу. Тишину нарушало лишь пение множества птиц, порхавших по деревьям и яркостью своего оперения соперничавших с роскошными южными цветами. Но крылатые певуны так же радовали обитателей Касл-Хауса, как и легкий ветерок, доносивший до них ароматы окрестных лугов и лесов.

Таково было поместье Кэмдлес-Бей, принадлежавшее Джемсу Бербанку — одному из самых богатых людей Восточной Флориды.

ГЛАВА 3

Гражданская война

Пора, однако, сказать несколько слов о междоусобной войне, с которой тесно связаны события нашего рассказа.

Прежде всего нужно твердо установить следующее: как справедливо пишет граф Парижский, бывший адъютантом генерала Мак-Клееллана, в своей «Истории Гражданской войны в Америке», причиной Гражданской войны не был ни вопрос о тарифах, ни национальная рознь между южанами и северянами. Англосаксонская раса преобладала одинаково на всей территории Соединенных Штатов, а торговые вопросы ни разу не затрагивались во время этой ужасной братоубийственной войны. «Вся вражда возгорелась исключительно из-за вопроса о рабовладении, которое, будучи уничтожено в одних штатах республики, процветало в других, посеяв между ними жестокую рознь. Рабовладение глубоко изменило нравы той части штатов, где оно процветало,

ничуть как будто не повлияв на образ правления. Оно то и послужило не просто поводом и предлогом, а единственной причиной того антагонизма, неизбежным последствием которого явилась Гражданская война».

В рабовладельческих штатах общество разделялось на три класса. Внизу — четыре миллиона негров-рабов, цифра, равнявшаяся почти трети всего населения. Вверху — каста земельных собственников, в сущности малообразованных, но богатых, надменных людей, обладавших всей полнотой власти. Между этими двумя классами существовал третий — это был беспокойный класс неимущих, ленивых белых бедняков. Как ни странно, но представители этого класса оказались горячими сторонниками рабовладения: они боялись, что освобожденные негры легко поднимутся до их уровня.

Против Севера, таким образом, были не только богатые собственники, но и белые бедняки — особенно жившие в деревнях среди негров-невольников. Борьба принимала все более ожесточенный характер, и даже в семьях раздор доходил до того, что нередко один брат сражался в рядах федералистов, а другой — под знаменем конфедератов. Но великий народ не остановился ни перед какими жертвами для коренного уничтожения рабства. Уже в конце XVIII века знаменитый Франклин настаивал на освобождении негров. В 1807-м Джефферсон предложил конгрессу «воспретить торговлю неграми, что давно уже диктовалось самыми насущными интересами страны, ее моралью и честью». У Севера, таким образом, имелись серьезные основания, чтобы выступить на покорение Юга. Результатом этой победы было укрепление единства республики и разрушение вредного и ошибочного убеждения, что для американского

гражданина в первую очередь обязательны законы его штата и лишь во вторую — законы всей федерации.

Первые осложнения, вызванные рабовладением, возникли именно во Флориде. В начале XIX века индейский вождь Оссеола взял в жены беглую невольницу родом из Эверглейдса, болотистой части Флориды. Однажды эта женщина была поймана и насильно увезена как невольница. Оссеола поднял возмущение среди индейцев и повел их на рабовладельцев; он был схвачен, заключен в крепость, где и погиб. Но война продолжалась и, по словам историка Томаса Хиггинсона, обошлась Америке в три раза дороже, чем было некогда уплачено Испании за Флориду.

Вот вкратце как началась эта междоусобная война и каково было положение дел в феврале 1862 года, когда на долю Джемса Бербанка и его семьи выпали столь тяжелые испытания, что мы сочли возможным сделать их предметом нашего повествования.

Шестнадцатого октября 1859 года капитан Джон Браун, героически боровшийся за освобождение негров, с небольшим отрядом беглых невольников отважно овладел Гарперс-Ферри в Виргинии. Целью его, как он заявлял во всеуслышание, было освобождение чернокожих от рабства. Он был разбит отрядами милиции, захвачен в плен, приговорен к смертной казни и повешен с шестью своими сообщниками 2 декабря 1859 года в Чарлстоне.

Двадцатого декабря 1860 года в Южной Каролине состоялся конгресс южан, на котором единодушно был принят декрет об отделении от Северных штатов. 4 марта 1861 года, в Вашингтоне, был избран президентом республики Авраам Линкольн. Южные штаты видели в его

избрании угрозу рабовладению. 11 апреля 1861 года южане под командой генерала Борегара взяли форт Самтер, защищавший Чарлстонский рейд. Северная Каролина, Виргиния, Арканзас и Теннесси немедленно присоединились к сепаратистам.

Федеральное правительство собрало 75 тысяч волонтеров, чтобы защитить прежде всего Вашингтон, столицу Соединенных Штатов, от внезапного нападения южан. Началась усиленная заготовка оружия и боевых припасов: арсеналы Севера были пусты, тогда как у южан имелись богатые военные склады еще со времен президента Бьюкенена. Северяне ценой героических усилий пополняют свои боевые запасы. Потом Авраам Линкольн объявляет блокаду всех портов Юга.

Военные действия открылись прежде всего в штате Виргиния. Генерал Мак-Клееллан отбросил мятежников к западу, но 21 июля федералисты под командованием Мак-Довелла потерпели жестокое поражение при Булл-Ране и отступили к Вашингтону, который подвергся большой опасности, тогда как южанам не приходилось уже более бояться за свою столицу Ричмонд. Несколько месяцев спустя северяне снова были разбиты при Болл-Блаффе, но зато и южане потеряли форт Гаттерас и Порт-Ройял-Харбур, овладеть которыми им больше уже не удалось. В конце 1861 года главнокомандующим федеральной армии был назначен генерал Джордж Мак-Клееллан.

В том году каперские корабли южан бороздили моря Старого и Нового Света. Они находили себе убежище в портах Англии, Франции, Португалии и Испании. Это было большой ошибкой со стороны упомянутых дер-

жав, ибо тем самым за южанами признавались права воюющей стороны, и война затягивалась.

Последовал ряд знаменитых морских сражений. «Самтер» и его прославленный капитан Семс. Появление судна-тарана «Манассас». Морское сражение 12 октября в устье Миссисипи. Захват 8 ноября английского судна «Трент», на борту которого капитаном Уилксом были взяты в плен конфедератские уполномоченные, что чуть было не вызвало войны между Соединенными Штатами и Англией.

Между тем кровавые битвы на суше сопровождались переменным успехом. Фронт доходил уже до штата Миссури. У северян был убит генерал Лайон, вследствие чего их армия отступила к Ролле, а генерал Прайс с войсками конфедератов двинулся на север. 21 октября происходит сражение у Фредериктауна, 25-го — у Спрингфилда, а 27-го того же месяца Фремонс с федералистами занимает этот город. 19 декабря произошло сражение при Белмонте между войсками генерала Гранта и Полком, решающего значения не имевшее. Затем военные действия прекращаются ввиду наступления сильных холодов.

В первые месяцы 1862 года обе воюющие стороны развивают поистине огромную энергию. Конгресс Северных штатов вотировал заем в полмиллиарда долларов и предоставил президенту Линкольну право набрать пятьсот тысяч волонтеров; затем к концу войны их численность возросла до миллиона... Формируются несколько армий, самой сильной из которых была Потомакская. Ими командуют генералы Грант, Шерман, Мак-Клееллан — перечисляем только самых известных. Должны быть двинуты в бой войска всех родов оружия.

В кавалерии, артиллерии, пехоте и инженерных войсках почти по одному и тому же образцу формируются дивизии. Изготавливаются в огромном количестве орудия и боевые припасы: карабины Минье и Кольта, нарезные пушки системы Пэрротта и Родмена, гладкостенные пушки и единороги Дальгрена, гаубицы, картечницы, шрапнель, создаются осадные парки. Организуются военный телеграф и воздухоплавательные парки, корреспонденция с театра войны в крупнейших газетах, обозная часть с восемьюдесятью четырьмя тысячами мулов, запряженных в двадцать тысяч повозок. Заготовкой всех видов снабжения ведает начальник интендантской службы. Строятся новые военные корабли с тараном полковника Эллета, канонерки коммодора Фута, впервые участвующие в морских сражениях.

Не отставали от своих противников и южане. Хотя пушечные заводы имелись и в Новом Орлеане, и в Мемфисе, сталелитейные заводы, выпускающие пушки системы Пэрротта и Родмена в Тредогаре подле Ричмонда, но всего этого мало. Конфедератское правительство ищет помощи в Европе. Льеж и Бирмингем шлют ему суда, груженные оружием — артиллерийские орудия системы Армстронга и Витворта. Нарушителям блокады, устремляющимся в порты конфедератов в погоне за дешевым хлопком, удастся получить его лишь в обмен на военное снаряжение. Организуется армия. Ее возглавляют генералы Джонстон, Ли, Борегар, Джексон, Кристенден, Флloyd, Пиллоу. Конгресс южан 8 августа вотировал своему президенту Джефферсону Дэвису кредит на снаряжение четырехсот тысяч волонтеров, вербовавшихся сроком от года до трех лет, к которым присоеди-

нялись, кроме того, нерегулярные войска — милиция и ополчение.

Но эта лихорадочная подготовка к войне не мешает возобновлению военных действий во второй половине зимы. Из всей территории рабовладельческого Юга федеральное правительство заняло к этому времени только Мэриленд, западную Виргинию, часть штата Кентукки, большую часть штата Миссури и несколько пунктов на побережье.

Военные действия возобновляются прежде всего в восточной части Кентукки. 7 января Гарфилд разбил конфедератов при Мидл-Крике, а 20-го они снова потерпели поражение при Логан-Кроссе. 2 февраля генерал Грант погрузился с двумя дивизиями на большие пароходы, плававшие по реке Теннесси; при поддержке броненосной флотилии Фута он занял 6 февраля форт Генри, прорвав таким образом цепь укреплений, на которой базировалась, по словам историка этой Гражданской войны, «вся система обороны» конфедератского генерала Джонстона. Камберленд и главный город Теннесси оказались, таким образом, под прямой и непосредственной угрозой армии федералистов. И Джонстон поэтому вынужден был сосредоточить все свои силы около форта Донелсона, чтобы укрепиться для обороны в более удобном стратегическом пункте.

В это время корпус в шестнадцать тысяч человек под командой Бернсайда и флотилия из двадцати четырех приспособленных для военных целей пароходов с пятьюдесятью транспортными судами спускаются по Чесапику и отплывают 12 января из Хамптон-Родса. Несмотря на сильную бурю, флотилия эта достигла 24 января Пимлико-Саунда, чтобы захватить остров Роанок

и овладеть побережьем Северной Каролины. Но остров укреплен. На западе вход в пролив защищен заграждением из затопленных судов. Подступ к острову затрудняют артиллерийские батареи и полевые укрепления. Пять-шесть тысяч человек при поддержке флотилии из семи канонерок охраняют его. И все же, несмотря на мужественную защиту, с 7 на 8 февраля Бернсайд берет остров, захватив при этом двадцать пушек и более двух тысяч пленных. На следующий день федералисты овладели Элизабет-Сити и всем побережьем Олбемарл-Саунда, то есть всей северной частью этого внутреннего моря.

Чтобы полностью обрисовать положение дел до 6 февраля, необходимо упомянуть еще о защитнике Виргинии — солдате-пуританине, бывшем преподавателе химии, конфедератском генерале Джексоне. После отозвания Ли в Ричмонд Джексон командует армией южан и 1 января выступает с десятью тысячами человек из Винчестера через Аллеганы, чтобы захватить Бат, стоящий на железнодорожном пути в Огайо. Но из-за жестоких морозов и снежных бурь он вынужден вернуться в Винчестер, не дойдя до своей цели.

Вот что происходит тем временем на южном побережье от Каролины до Флориды.

Со второй половины 1861 года у федералистов уже было достаточно быстроходных судов, чтобы контролировать это побережье, хотя им и не удалось захватить знаменитый «Самтер», который в январе 1862 года ушел в Гибралтар, чтобы потом уже плавать в европейских водах. «Джефферсон-Дэвис», спасаясь от федералистов, хотел укрыться в Сент-Огастине, но гибнет при входе в пролив. Почти одновременно «Андерсен», одно из судов, крейсирующих у берегов Флориды, захватывает ка-

перское судно «Борегар». Но в Англии готовы уже новые каперские суда. Тогда Авраам Линкольн издает приказ о распространении блокады на берега Виргинии и Северной Каролины — фиктивная блокада, ибо она должна была охватить четыре тысячи пятьсот километров побережья, для наблюдения же за ними у северян имелось всего лишь две эскадры: одна — для блокады берегов Атлантики, другая — Мексиканского залива.

Двенадцатого октября конфедераты пытаются впервые освободить устье Миссисипи с помощью броненосца «Манассас» и флотилии брандеров. «Манассас» был первым бронированным судном. Попытка эта не удалась, и корвет «Ричмонд» 29 декабря ушел целым и невредимым; однако небольшой пароход «Си-Бёрд» сумел захватить шхуну федералистов у форта Монро.

Но северянам необходимо было получить оперативную базу для крейсирования в Атлантическом океане. И федеральное правительство решает овладеть фортом Гаттерас, господствующим над проливом того же названия, которым так часто пользуются нарушители блокады. Гаттерас — неприступная крепость. Она защищена квадратным редутом — фортом Кларк. Крепость охранялась гарнизоном в тысячу человек и 7-м полком Северной Каролины. Но этого оказалось недостаточно. Федералистская эскадра, состоящая из двух фрегатов, трех корветов, одного вестового судна и двух больших пароходов, 27 августа стала на якорь у пролива. Форт был атакован коммодором Стрингемом и генералом Батлером. Редут взят. Крепость Гаттерас после довольно длительного сопротивления подняла белый флаг. И северяне получают на все время войны оперативную базу.

В ноябре, несмотря на сопротивление конфедератов,

в руки федералистов попадает остров Санта-Роза, находящийся к востоку от Пенсаколы в Мексиканском заливе и считающийся частью флоридского побережья.

Но для успешного ведения дальнейших операций одной крепости Гаттерас было недостаточно. Понадобились еще и другие опорные пункты на побережьях Южной Каролины, Джорджии, Флориды. Два паровых фрегата «Уобаш» и «Сосквеган» и три парусных, пять корветов, шесть канонерок, несколько разведочных судов, двадцать пять угольщиков, груженных продовольствием и боевыми припасами, и тридцать два парохода, вмещающие пятнадцать тысяч шестьсот человек солдат под командой генерала Шермана, отданы под начало коммодору Дюпону. 25 октября эта флотилия снимается с якоря у порта Монро. Попав в жестокий шторм у мыса Гаттерас, она обследует пролив Хилтон-Хед между Чарлстоном и Саванной. Там находится Порт-Ройял — одна из крупнейших бухт в Штатах, где сосредоточены силы южан под командой генерала Риплея. Два форта, находящиеся на расстоянии четырех тысяч метров друг от друга — Уолкер и Борегар, — охраняют вход в бухту. Ее защищают восемь военных паровых судов, а благодаря песчаной отмели она почти недоступна для неприятельского флота.

Пятого ноября фарватер был обследован, и Дюпон, обменявшись лишь несколькими пушечными выстрелами с южанами, проникает в бухту. Высадить войска генерала Шермана ему пока не удастся. 7-го числа до полудня он атакует форт Уолкер, а вслед за тем и форт Борегар. Он ведет по ним ураганный огонь, засыпает их крупнейшими снарядами. И оба форта эвакуированы. Федералисты завладевают ими почти без боя. Шерман

занимает этот важнейший стратегический пункт, необходимый для дальнейшего развития военных операций. То был удар, нанесенный в самое сердце рабовладельческих штатов. В руки федералистов переходят затем один за другим соседние острова, даже остров Тайби и форт Пуласки на реке Саванне. К концу года в руках Дюпона оказываются пять крупнейших бухт: Норт-Эдисто, Святая Елена, Порт-Ройял, Тайби, Уорсо — и целый ряд мелких островков, рассеянных у берегов Каролины и Джорджии. 1 января 1862 года он берет, наконец, военные укрепления конфедератов на берегах Кусоу.

Таково было положение воюющих сторон в начале февраля 1862 года. Таковы были успехи федерального правительства на Юге, когда корабли коммодора Дюпона и войска Шермана подступили к границам Флориды.

ГЛАВА 4

Семейство Бербанков

Был восьмой час вечера, когда Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол поднялись по ступеням главного входа Касл-Хауса, обращенного к реке Сент-Джонс. Ведя за руку малютку, вслед за ними вошла и Зерма. Они вступили в просторный холл, в глубине которого под круглым сводом расходилась двумя маршами лестница, ведущая в верхние этажи.

Приезжих встретили миссис Бербанк и Пэрри — главный управляющий плантации.

- Что нового в Джэксонвилле?
- Ничего, мой друг.
- А от Джилберта есть известие?
- Есть... письмо.

— Ну, слава богу!

Таковы были первые слова, которыми обменялись супруги Бербанк.

Обняв жену и свою маленькую дочку Ди, Джемс Бербанк распечатал поданное ему письмо.

До приезда Бербанка оно лежало невскрытым. Положение писавшего письмо и его семейства во Флориде было таково, что миссис Бербанк желала, чтобы ее муж первый ознакомился с содержанием этого послания.

— Оно пришло, конечно, не по почте? — спросил Джемс Бербанк.

— Разумеется, нет, мистер Джемс, — отвечал Пэрри. — Это было бы большой неосторожностью со стороны мистера Джилберта.

— Кто же его принес?

— Какой-то человек из штата Джорджия, на которого наш юный лейтенант мог, очевидно, вполне положиться.

— Когда оно получено?

— Вчера.

— А где этот человек?

— Ушел в тот же вечер.

— Ему, надеюсь, хорошо заплатили?

— Да, мой друг, — ответила миссис Бербанк, — но только не мы, а сам Джилберт. У нас он наотрез отказался что-либо взять.

Холл был освещен двумя лампами, стоявшими на мраморном столе перед большим диваном. Джемс Бербанк сел к этому столу, жена и дочь поместились подле него. Эдвард Кэррол, поздоровавшись с сестрой, опустился в кресло, Зерма и Пэрри остались стоять около

лестницы. Оба они были как бы членами семьи, и потому письмо можно было читать в их присутствии.

Джемс Бербанк распечатал письмо.

— Оно от третьего февраля, — сказал он.

— Написано четыре дня тому назад! При нынешних обстоятельствах — срок немалый, — заметил Кэррол.

— Читай же, папа, читай! — вскричала маленькая Ди с нетерпением, свойственным ее возрасту.

Вот что было в письме:

«На борту, «Уобаш», на якоре близ Эдисто.

3 февраля, 1862.

Дорогой отец!

Во-первых — обнимаю тебя, матушку и сестренку, а также дядю Каррولا; Зерме передайте самый нежный привет от ее мужа, моего честного и преданного Марса. Мы с ним оба живы и здоровы и всею душою желали бы повидаться с вами. Кажется, это будет очень скоро, хотя нас за это проклянет мистер Пэрри, наш почтенный управляющий и горячий сторонник рабовладения, всегда так пламенно негодующий на успехи Севера».

— Это в ваш огород, Пэрри, — сказал Кэррол.

— Каждый имеет право держаться на этот счет своих убеждений, — ответил Пэрри тоном человека, не желающего их менять.

— «Это письмо вам доставит верный человек, — продолжал читать Бербанк, — поэтому можете быть совершенно спокойны. Вы, вероятно, уже знаете, что эскадра коммодора Дюпона овладела бухтой Порт-Ройял и соседними островами. Север понемногу берет верх над Югом. Вполне вероятно, что федеральное правительство

в скором времени попытается занять главнейшие порты Флориды. У нас поговаривают о предстоящей совместной экспедиции Дюпона и Шермана, которая предполагается в конце месяца. Очень может быть, что в таком случае нам поручат занять бухту Сент-Андрус, откуда нетрудно уже будет проникнуть и в самый штат Флориду.

Как мне хочется поскорее попасть туда, дорогой отец, — в особенности вместе с нашей победоносной эскадрой! Меня не перестает беспокоить положение нашего семейства среди враждебного сепаратистского населения. Но я все же твердо верю в близкое торжество тех идей, сторонниками которых всегда были обитатели Кэмдлес-Бея.

Ах, если бы я только мог хоть на сутки вырваться, чтобы повидаться с вами! Но нет! Это было бы слишком неблагоприятно как в отношении меня самого, так и в отношении вас; лучше уж набраться терпения. Еще каких-нибудь несколько недель, и мы будем все вместе в Касл-Хаусе!

Кончаю письмо и стараюсь вспомнить, не забыл ли я кому-нибудь послать привет. Так и есть, забыл: поклонитесь мистеру Стэннард и моей прелестной Алисе, по которой я так соскучился. Передайте мой сердечный привет ее отцу, а Алисе — что мои мысли всегда и неизменно с нею.

Твой почтительный и сердечно любящий сын

Джилберт Бербанк».

Джемс Бербанк положил прочитанное письмо на стол, а миссис Бербанк сейчас же взяла его и поцеловала. Потом и маленькая Ди крепко прижалась губами к тому месту, где стояла подпись ее брата.

— Славный юноша! — заметил Эдвард Кэррол.

— Да и Марс тоже славный! — сказала миссис Бербанк, взглянув на Зерму, которая обняла подбежавшую к ней Ди. — Надо известить Алису, что мы получили от Джилберта письмо, — прибавила она.

— Я напишу ей, — отвечал Джеймс Бербанк. — Впрочем, я сам на днях съезжу в Джэксонвилл и повидаюсь со Стэннардом. С того времени, как Джилберт написал это письмо, вероятно, получены уже новые известия о предполагаемой экспедиции. Хоть бы скорее пришли наши друзья-северяне и Флорида вернулась бы под звездное знамя! Наше положение здесь становится просто невыносимым.

Действительно, с тех пор как военные действия стали приближаться к югу, во Флориде наблюдалось резкое изменение во взглядах на вопрос, посеявший раздор между Севером и Югом.

В жизни Флориды — бывшей испанской колонии — рабство до того времени большой роли не играло, и в борьбе за него она не принимала столь деятельного участия, как Виргиния или обе Каролины. Но у сепаратистов теперь появились вожаки; эти люди, готовые поднять мятеж и надеявшиеся извлечь из него личные выгоды, оказывали давление на власти Сент-Огастина и особенно Джэксонвилла, где они опирались на подонки городского населения. Вот почему Джеймс Бербанк, северянин, взгляды которого были хорошо известны в округе, мог оказаться в очень опасном положении.

Джеймс Бербанк поселился в Кэмдлес-Бее около двадцати лет назад. Он приехал с женою и четырехлетним сыном из Нью-Джерси, где у него тоже были поместья. Мы уже видели, как стала процветать плантация благо-

даря его стараниям и при содействии его шурина Эдварда Кэррола. И это поместье, доставшееся ему от предков, очень полюбилось ему. Здесь же, пятнадцать лет спустя после того, как он поселился в Касл-Хаусе, у него родилась и маленькая Ди.

Джемсу Бербанку исполнилось сорок шесть лет. Это был человек крепкого сложения, деятельный и выносливый в труде; характер он имел энергичный, твердо держался своих убеждений и ни перед кем не стеснялся высказывать их. Высокого роста, с пробивающейся уже сединой, он был несколько суров с виду, но производил впечатление человека прямого и обходительного. По североамериканской моде он не носил ни усов, ни бакенбард, а только бородку и представлял поэтому чистейший тип янки из Новой Англии. Он пользовался на плантации всеобщей любовью, потому что был добр, и его слушались, потому что был справедлив. Его негры были ему глубоко преданы, и Джемс Бербанк с нетерпением лишь дожидался благоприятного момента, чтобы освободить их. Его шурин был приблизительно одного с ним возраста; он заведовал счетной частью в хозяйстве Кэмдлес-Бея. Эдвард Кэррол сходилась вообще в убеждениях со своим зятем, и на рабство у обоих были совершенно одинаковые взгляды.

На всей плантации один лишь управляющий Пэрри был упорным сторонником рабовладения. Не следует, однако, думать, что этот достойный человек дурно обращался с неграми, — наоборот, он всячески о них заботился. «Но, — утверждал он, — в некоторых жарких странах обработку земли можно поручить только неграм, а свободные негры — это уже не негры!»

Свою теорию Пэрри горячо отстаивал при всяком

удобном случае, но никто на это не обращал внимания, и на него за это не сердились. Сам же он выходил из себя, когда узнавал о военных успехах федералистов.

— И не приведи бог, что у нас тут будет, — говорил он, — когда мистер Бербанк освободит своих негров.

Но, в общем, это был превосходный и мужественный человек. И когда Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол записались в отряд милиции, участники которого назывались «minute-man» — «человек-минута», ибо в любой момент должны были быть готовы взяться за оружие, — он храбро присоединился к ним для борьбы с последними отрядами индейцев-семинолов.

Миссис Бербанк была в то время красивой сорокалетней женщиной; дочь ее обещала со временем походить на нее. Для мужа своего она была нежной и любящей подругой и немало способствовала его счастью. Она жила только для мужа и детей и теперь непрестанно трепетала за них с тех пор, как им угрожали превратности Гражданской войны, докатившейся уже до Флориды. Ее шестилетняя дочка Диана, или, вернее, Ди, как звали ее в семье, была, правда, с нею, но единственный ее сын Джилберт был далеко, и миссис Бербанк не всегда удавалось скрыть свой мучительный страх за него.

Джилберту было двадцать четыре года; как внешнею, так и всем своим внутренним обликом он очень походил на своего отца, но отличался большею непосредственностью и обаянием. Храбрец, искусный во всех видах спорта, он был прекрасным наездником, пловцом и охотником, к великому ужасу своей матери нередко избиравшим ареной своих подвигов дремучие леса и топкие болота графства Дьювал или бухты и русло Сент-Джонса, вплоть до самого его устья. Когда раз-

дались первые выстрелы войны за освобождение негров, Джилберт оказался таким образом вполне подготовленным ко всем трудностям солдатской жизни. Долг призывал его вступить в ряды армии федералистов, что он и сделал без малейшего колебания. Он спросил у отца разрешения. Как ни была огорчена жена, какими бы последствиями ни грозило ему самому решение Джилберта, Джемс Бербанк и не подумал противиться желанию сына. Он, как и сам Джилберт, считал, что в этом долг юноши, а долг превыше всего.

Джилберт уехал на Север, но отъезд его держался в строжайшей тайне. Если бы в Джэксонвилле узнали, что сын Джемса Бербанка в рядах армии северян, — это могло бы навлечь преследования на обитателей Кэмп-лес-Бея.

Молодой человек уехал с рекомендательными письмами к нью-джерсийским друзьям отца, и так как его всегда влекло к морю, то его определили во флот. В то время можно было быстро продвинуться по службе, а Джилберт был не из тех, кто плетется в хвосте. Вашингтонское правительство обратило внимание на двадцатичетырехлетнего юношу, не побоявшегося вступить в ряды аболиционистов, хотя семья его оставалась во враждебном федералистам крае. Вскоре Джилберт отличился при нападении на форт Самтер. Он был на «Ричмонде», когда этот корабль в устье Миссисипи подвергся нападению «Манассаса», и своей отвагой немало содействовал удачному исходу боя. После этого дела его сейчас же произвели в мичманы, хотя он и не учился в морском училище в Аннаполисе, как, впрочем, и все молодые офицеры, призванные из торгового флота. В новом чине Джилберт получил назначение в эскадру Дюпона и от-

личился в блистательном деле против форта Гаттераса и при взятии Си-Айленда, за что был произведен в лейтенанты и назначен на одну из канонерок Дюпона, собиравшихся форсировать фарватер реки Сент-Джонс.

Молодому человеку тоже не терпелось, чтобы поскорее окончилась эта кровопролитная война. Он любил и был любим. По окончании войны он надеялся вернуться в Кэмдлес-Бей и жениться на дочери лучшего друга своего отца, мисс Алисе Стэннард.

Мистер Стэннард не был флоридским землевладельцем. Человек состоятельный, он, овдовев, решил всецело посвятить себя воспитанию дочери. Он жил в Джэксонвилле, от которого до Кэмдлес-Бея было всего лишь три или четыре мили вверх по реке. С семейством Бербанков его связывала вот уже пятнадцать лет самая тесная дружба, и не проходило недели, чтобы он не побывал у своих друзей в Касл-Хаусе. Джилберт и Алиса Стэннард, можно сказать, выросли вместе. И брак между ними, давно задуманный их родителями и суливший прочное счастье молодым людям, был теперь решен окончательно. Хотя Уолтер Стэннард был южанином, однако он, как и некоторые из его сограждан, стоял за уничтожение рабства. Их, впрочем, было слишком мало, чтобы противостоять большинству землевладельцев Флориды и жителей Джэксонвилла, все больше и больше склонявшихся на сторону сепаратистов. И флоридские вожаки сепаратистов, опиравшиеся на подонки населения, всегда готовые к мятежу и насилиям, начинали на них косо поглядывать.

Родом Уолтер Стэннард был из Нового Орлеана. Его покойная жена была француженкой и умерла в молодости, оставив ему дочь, которая унаследовала от матери

великодушие и благородство души. Когда Джилберт уезжал в армию, Алиса проявила большое мужество, стараясь утешить миссис Бербанк и внушить ей бодрость. Глубоко и нежно любя своего жениха, она тем не менее твердила его матери, что долг Джилберта идти на войну, чтобы сражаться за освобождение части человечества. Невесте молодого Бербанка было в это время девятнадцать лет; это была красивая белокурая девушка с темно-карими, почти черными глазами, очаровательным цветом лица, стройная и прекрасно воспитанная. Она была с виду несколько серьезна, но когда улыбалась — улыбка совершенно преображала ее хорошенькое личико.

Описание семейства Бербанков будет неполно, если мы не упомянем о двух их преданных слугах, о Марсе и Зерме.

Мы уже видели из письма Джилберта, что он уехал на войну не один, а с Марсом. Молодой человек не мог выбрать себе более преданного товарища, чем этого невольника с плантации отца, ставшего, впрочем, вольным человеком с момента своего вступления на территорию Севера. Но для Марса Джилберт остался по-прежнему господином, которого он ни за что не хотел покинуть, хотя и мог бы поступить волонтером в один из негритянских батальонов, формировавшихся уже тогда Вашингтонским правительством.

Марс и Зерма были мулатами. Брат Зермы, Роберт Смоль, — знаменитый герой-невольник, который через четыре месяца после описываемых событий захватил у конфедератов в самой бухте Чарлстона небольшой пароход с двумя пушками и передал федеральному флоту.

Зерме было от кого позаимствовать душевное благо-

родство и мужество. Марсу тоже. Это была счастливая пара, которую в первые годы супружеской жизни несколько раз едва не разлучила гнусная торговля людьми. Но случай устроил так, что как раз, когда они едва не были проданы врозь, оба они попали в услужение на плантацию Кэмдлес-Бей.

Вот как это случилось.

Зерме шел теперь тридцать второй год, Марсу тридцать шестой. Они поженились семь лет назад, когда принадлежали еще прежнему своему владельцу, плантатору Тикборну, владения которого находились в двадцати милях от Кэмдлес-Бея вверх по течению Сент-Джонса. Уже в продолжение многих лет этот плантатор часто встречался с Тексаром, который находил в его доме радужный прием. Вообще говоря, Тикборн не пользовался уважением в графстве. Человек он был недалекий, дела свои страшно запутал и в конце концов вынужден был продать часть своих невольников.

Приблизительно в это время Зерма, несчастная, как и вообще все негры с плантации Тикборна, родила ребенка, которого у нее сейчас же отняли, а сама она была посажена в тюрьму за преступление, которого не совершила. Ребенок вскоре умер. Велико было горе Зермы и негодование Марса, но что могли они, бесправные рабы, сделать против своего господина, которому они принадлежали как вещь, потому что он их купил?

На этом, однако, не кончились беды несчастных супругов. На следующий же день после смерти ребенка их повели продавать с молотка и чуть было не разлучили. У них не было никакой надежды, что у нового хозяина они окажутся вместе. И действительно, на Зерму скоро нашелся покупатель, но только на одну Зерму, без Мар-

са. Покупатель этот был Тексар. Никакой плантации у него не было, и зачем ему понадобилась Зерма — неизвестно. Просто так, по какой-то причуде. Тикборн уже готовился покончить дело со своим приятелем, как вдруг подвернулся новый, более выгодный покупатель.

Джемс Бербанк случайно зашел на публичную продажу негров Тикборна и был тронут участью несчастной мулатки, тщетно молившей, чтобы ее не разлучали с мужем.

Бербанку нужна была кормилица для новорожденной дочки. Узнав, что среди выведенных на аукцион невольников Тикборна есть женщина, недавно потерявшая своего ребенка, он пожелал купить ее. Тронутый слезами Зермы, он купил за высокую цену не только ее, но и Марса.

Тексар знал Джемса Бербанка, который неоднократно выгонял его из своих владений как человека с сомнительной репутацией. С тех самых пор Тексар и возненавидел всеми силами души семью владельца Кэмдлес-Бея.

Тщетно Тексар пробовал бороться со своим богатым соперником и удвоил цену, которую запросил Тикборн за мулатку и ее мужа. Он только заставил Джемса Бербанка заплатить за свою покупку втридорога. В конце концов Марс и Зерма достались все же владельцу Кэмдлес-Бея.

Таким образом, муж и жена только остались в выигрыше: во-первых, они не были разлучены, а во-вторых, достались гуманнейшему плантатору во всей Флориде. Это смягчило их горе; они могли теперь без ужаса смотреть на свое будущее.

Прошло шесть лет, а мулатка Зерма все еще была в

полном расцвете своей своеобразной красоты. Господам своим она была предана всей душой, что уже неоднократно доказала и смогла доказать в дальнейшем. Марс тоже выказывал себя вполне достойным своей жены, с которой был навеки соединен великодушным поступком Джемса Бербанка. Он был образцом тех негров, в жилах которых течет немало креольской крови. Рослый, сильный и бесстрашный, он мог оказать неоценимые услуги своему новому хозяину.

Когда вновь купленные невольники попали на плантацию, с ними стали обращаться не как с рабами, а как со свободными людьми. Все сразу же оценили их доброту, честность и сообразительность. Марса специально приставили к молодому Джилберту Бербанку, а Зерма стала кормилицей Ди, и оба невольника превратились как бы в членов семейства Бербанков.

Зерма перенесла на маленькую Диану весь неизрасходованный запас материнской любви. Ди платила за это своей кормилице глубокой детской привязанностью, а миссис Бербанк питала к мулатке чувства дружбы и искренней признательности.

Такая же дружба существовала между Джилбертом и Марсом. Ловкий, проворный и сильный мулат обучил своего молодого господина всем видам спорта. Джемс Бербанк был очень рад, что приставил его к сыну.

Уйдя из-под власти Тикборна, Марс и Зерма были как нельзя более довольны своим положением и благословляли судьбу, избавившую их от ужаса попасть в руки Тексара. Они никогда не забывали, кому были этим обязаны.

ГЛАВА 5

Черная бухта

На другой день рано утром по берегу одного из островков, затерянных в глубине Черной бухты, прохаживался какой-то человек.

То был Тексар.

В нескольких шагах от него только что причалил индеец на той же самой лодке, которая подплыла накануне к «Шаннон».

То был Скуамбо.

Пройдясь несколько раз взад и вперед, Тексар остановился у одной из магнолий, пригнул нижнюю ветку и сорвал с нее лист вместе со стебельком. Потом он вырвал из записной книжки страницу, на которой было написано чернилами несколько слов, и, тонко скатав ее, подсунул под прожилки нижней стороны листа магнолии. Это было так ловко сделано, что сверху вид листа ничуть не изменялся.

Затем Тексар позвал:

— Скуамбо!

— Что, господин? — откликнулся индеец.

— Поезжай куда тебе велено!

Скуамбо взял лист магнолии; усевшись в лодку, он положил его перед собой; затем, энергично работая веслом, он обогнул оконечность островка и углубился в извилистый проток, скрытый под густым сводом ветвей.

Лагуна была изрезана целой сетью таких протоков, с мутною черною водою, как в некоторых европейских садоводствах. Кто не знал всех ходов и выходов этого лабиринта, тот непременно заплутался бы в лагуне сре-

ди всех ответвлений Сент-Джонса и никогда бы оттуда не выбрался.

Скуамбо плыл уверенно и смело, направляя свой челн туда, откуда, казалось, не было никакого выхода. Он раздвигал низко нависшие над водою ветки, которые снова смыкались за ним, так что никто бы не подумал, что тут сейчас проплыла лодка.

Индеец уверенно плыл по извилистым протокам, местам еще более узким, чем те канавки, которыми дренируют луга. При его приближении взлетали вспугнутые им стаи водоплавающих птиц. Скользкие угри бесшумно извивались среди видневшихся из воды корней. Скуамбо не обращал на них никакого внимания; не заботился он и о спавших в иле кайманах, которых легко мог разбудить, задев их лодкой. Он все плыл вперед, в узких местах работая веслом, точно багром.

Утро становилось все светлее, и ночной туман поднимался к небу, разгоняемый первыми лучами солнца, но под непроницаемым зеленым сводом, закрывавшим протоки, этого не было видно. Сквозь заросли не могли проникнуть даже отвесные лучи полуденного солнца. Впрочем, это болотистое, сырое место и не нуждалось в ярком дневном свете; для пресмыкающихся и гадов, кишущих в этой черноватой воде, для всех разновидностей болотных растений, плавающих на ее поверхности, полусвет был гораздо приятнее.

Около получаса Скуамбо лавировал между островками. Когда он наконец остановился, челнок достиг одного из самых отдаленных закоулков бухты.

В этом месте кончалась уже болотистая часть лагуны, деревья росли не так густо и пропускали лучи солнца.

Дальше открывалась большая низменная равнина,

окаймленная лесом. На ней росло пять-шесть деревьев. Болотистая почва была покрыта кочками и, как матрац, пружинилась под ногами. Кое-где в причудливом беспорядке на ней разбросаны были чахлые деревья сасофрасса и кустики лиловатых ягод.

Привязав свой челнок к стволу прибрежного дерева, Скуамбо сошел на берег. Ночной туман редел. Пустынный луг выступал все яснее из окутывавшей его дымки. Среди пяти или шести деревьев, очертания которых смутно вырисовывались во мгле, росла невысокая магнолия.

Индеец направился прямо к дереву. Наклонив одну из веток магнолии, он прикрепил к ней лист, данный ему Тексаром, и, когда выпущенная из рук ветвь вернулась в прежнее свое положение, этот лист затерялся среди зелени.

Скуамбо сел снова в челн и поплыл к островку, где его дожидался Тексар.

Черная бухта, получившая свое название от цвета воды в ней, была размером в пятьсот-шестьсот акров. Она питалась водами Сент-Джонса и представляла собою нечто вроде архипелага — множество мелких островков, среди которых, наверное, заплутался бы всякий, недостаточно хорошо знакомый с сетью извилистых протоков. Там было что-то около сотни островков, которые не соединялись между собою ни мостами, ни перемычками, только цепкие лианы да местами высокие развесистые деревья сплетались ветвями над разделявшими их рукавами реки. Установить сообщение между островками было, таким образом, нелегко.

Один из островков, находящийся в самом центре бухты, был наиболее значительным как по своим разме-

рам — акров двадцать, так и по высоте — футов пять или шесть над средним уровнем воды в Сент-Джонсе. Когда-то в старину здесь был построен небольшой форт, или блокгауз. Теперь он был совершенно заброшен, но его полусгнивший деревянный палисад еще стоял под разросшимися большими деревьями — магнолиями, кипарисами, дубами, черным орехом, южной сосной, увитыми длинными гирляндами кобеи и лиан.

Сам форт, вернее наблюдательный пункт, стоял внутри палисада, едва виднеясь сквозь чащу деревьев. Он был невелик и рассчитан, вероятно, человек на двадцать гарнизона. В деревянных стенах были проделаны бойницы. Дом, словно черепаха панцирем, прикрыт был дерновой крышей. Внутри центрального помещения устроено было несколько комнат, примыкавших к кладовой, предназначавшейся для хранения боевых припасов и провизии. Чтобы проникнуть в блокгауз, нужно было попасть сперва за ограду, пройдя через узкий потайной вход в палисаде, потом перейти обсаженный деревьями двор и, наконец, подняться по двенадцати ступеням, прорытым в земле и укрепленным бревнами. Тогда можно было войти в дом через единственную дверь, переделанную из прежней амбразуры.

Таково было постоянное, никому не ведомое убежище Тексара. Там, скрываясь от людских глаз, жил он со своим Скуамбо, очень ему преданным и в моральном отношении вполне его достойным. Кроме Скуамбо, там находилось пять или шесть негров-невольников, которые были ничуть не лучше индейца.

Как видит читатель, жилище Тексара роскошью не отличалось и не могло равняться с богатыми усадьбами, расположенными по обоим берегам Сент-Джонса, Тек-

сар и его слуги не были обеспечены там даже самым необходимым, хотя и не отличались требовательностью. Что мог им дать пустынный островок? С полдюжины домашних животных, небольшой огород, огурцы, картофель, ямс, десятка два фруктовых деревьев-дичков да охота в лесу и рыбная ловля в лагуне в любое время года. Но, очевидно, у обитателей блокауза были еще какие-нибудь другие источники дохода, известные одному лишь Тексару да еще Скуамбо.

Зато неприступность блокауза вполне обеспечивала безопасность его обитателей. Да и кто стал бы на них нападать и с какой стати? А если б это случилось, то о приближении врага немедленно дали бы знать два громадных свирепых пса караибской породы, разведенной во Флориде испанцами для поимки беглых негров.

Вот что представляло собой жилище Тексара, вполне его достойное. А вот что за человек был он сам.

Тексару исполнилось тридцать пять лет. Среднего роста, коренастый и сильный, он был превосходно закален тем образом жизни, который постоянно вел. Он был испанцем по происхождению, о чем свидетельствовала его внешность. У него были черные жесткие волосы, густые брови, зеленоватые глаза, широкий с тонкими губами ввалившийся рот, точно прорезанный ударом сабли, и курносый нос с ноздрями хищного зверя. Все в нем изобличало человека коварного и с сильными страстями. Прежде он носил бороду, но потом, каким-то образом наполовину спалив ее, стал бриться, отчего грубость и жестокость его лица сделались еще заметнее.

Во Флориде этот авантюрист появился лет двенадцать назад и поселился в заброшенном блокаузе, из которого его никто и не думал выгонять. Неизвестно

было, откуда он явился и как жил прежде, на этот счет он никогда не распространялся. Предполагали — так оно и было в действительности, — что он занимался раньше торговлей неграми, продавая свой товар в портах Джорджии и обеих Каролин. Но, по-видимому, он не нашёл себе состояния этой гнусной торговлей. Во всяком случае, он не пользовался ни малейшим уважением даже в краю, где подобные ему люди не являлись редкостью.

Хотя Тексара все знали с самой невыгодной стороны, это не мешало ему иметь большое влияние в графстве Дьювал и особенно в Джэксонвилле. Правда, влияние это распространялось лишь на наименее почтенную часть населения. Тексар ездил часто в Джэксонвилл по своим делам, о которых никогда не рассказывал. Там у него завелось немало друзей среди городских подонков. Мы уже видели, что он возвратился из Сент-Огастина не один, а в компании нескольких подозрительных личностей. Впрочем, под влиянием Тексара находились не только подонки общества, но также несколько землевладельцев по реке Сент-Джонс, и хотя сами они к нему не ездили, — ибо никто не знал, где он проживает, — зато принимали его у себя. Охота была естественным связующим звеном для людей сходных вкусов и нравов.

В последнее время влияние Тексара сильно возросло благодаря тому, что он вдруг объявил себя горячим сторонником определенных идей. Как только встал вопрос о рабовладении, Тексар тотчас же записался в ряды самых решительных и упорных приверженцев рабовладения. Он доказывал, что сам он лично не заинтересован в этом вопросе, ибо владеет всего лишь пятью-шестью невольниками, и если стоит за рабство, то только из

принципа. Этот принцип он и намерен защищать. Но каким же способом? Он действовал на самые низменные инстинкты толпы, подстрекая ее к грабежу, поджогам и даже убийствам тех землевладельцев и жителей штата, которые разделяли взгляды северян. И теперь этот опасный авантюрист задался целью сменить администрацию Джэксонвилла и на место людей умеренных, всеми уважаемых, поставить ярых своих приверженцев. Став при помощи мятежа хозяином в графстве, он немедленно бы расправился со своими врагами.

Понятно, что Джемс Бербанк и его единомышленники зорко следили за поведением этого столь опасного человека. Вот причина той страшной ненависти, с одной стороны, и крайнего недоверия — с другой, которые должны были лишь усилиться в связи с последующими событиями.

То, что стало известным о прошлой деятельности Тексара с тех пор, как он перестал заниматься торговлей неграми, было в достаточной мере подозрительным. Все наводило на мысль, что во время последнего набега семинолов он имел с ними тайные сношения. Быть может, он указывал им, на какие плантации лучше напасть, где удобнее устроить засаду или ловушку? Так оно, вероятно, и было, потому что вслед за последним нападением индейцев местная власть сочла нужным арестовать испанца и привлечь к суду по обвинению в сообщничестве с семинолами. Но Тексару удалось доказать свое алиби — к этому способу защиты он с успехом прибегал и впоследствии. Было установлено, что во время нападения на ферму в графстве Дьювал он находился в Саванне, то есть на расстоянии сорока миль к северу

от этой фермы, в штате Джорджия, за пределами Флориды.

В последующие годы на плантациях и почтовых дорогах Флориды участились грабежи и убийства. Во всех этих делах подозревался Тексар, но за неимением улик против него нельзя было начать судебного преследования.

Наконец представился, по-видимому, удобный случай схватить на месте преступления злодея, ускользавшего до сих пор от правосудия. По этому именно делу его и вызывали накануне на суд в Сент-Огастин.

За неделю перед тем Джемс Бербанк, Эдвард Кэррол и Уолтер Стэннард возвращались с одной из соседних плантаций. Дело было к вечеру, наступали сумерки. Вдруг до слуха их донеслись чьи-то вопли и стоны. Они поспешили в ту сторону, откуда слышались крики, и увидели перед собою уединенную ферму.

Ферма горела. Ее, вероятно, разграбили, а затем подожгли несколько злодеев, которые тем временем успели скрыться; Бербанку и его спутникам удалось заметить двоих бандитов, когда те пытались спрятаться в лесу; они бросились в погоню за грабителями. Догнать злодеев они не смогли, преступники успели удрать, но Бербанк, Кэррол и Стэннард узнали одного из них: то был Тексар.

К этому присоединилось потом еще одно веское доказательство: пробегая по опушке леса, испанец наткнулся на Зерму и чуть не сбил ее с ног. Она его тоже узнала, хотя испанец и улепетывал во все лопатки.

Разумеется, история эта наделала в графстве много шума. Грабеж с поджогом — это было самым страшным преступлением в глазах поселенцев, рассеянных по обширным просторам Флориды. Джемс Бербанк немед-

ленно сообщил суду о случившемся, и, основываясь на его показаниях, местные власти постановили привлечь Тексара к уголовной ответственности.

Испанец был доставлен в Сент-Огастин для очной ставки с уличавшими его свидетелями. Джемс Бербанк, Эдвард Кэррол, Уолтер Стэннард и Зерма единодушно подтвердили, что узнали Тексара в злоумышленнике, бежавшем с горевшей фермы. Они не колеблясь утверждали, что Тексар был одним из виновников преступления.

Со своей стороны, и Тексар тоже вызвал нескольких свидетелей в Сент-Огастин; и те не менее торжественно утверждали, что в тот вечер, когда горела ферма, Тексар находился вместе с ними в Джэксонвилле, в таверне Торильо, хорошо известной, но пользующейся дурною славой. Тексар безотлучно находился там с ними весь вечер. При этом один из свидетелей привел очень убедительную подробность: у Тексара в тот вечер произошла стычка с каким-то посетителем таверны, они подрались, и противник Тексара намеревался даже подать на него жалобу в суд.

После такого категорического утверждения, поддержанного к тому же показаниями совершенно посторонних Тексару лиц, судье в Сент-Огастине не оставалось ничего другого, как прекратить следствие и снять обвинение с Тексара. Так что и на сей раз этому странному субъекту удалось полностью доказать свое алиби.

Вот после этого-то разбирательства, 7 февраля вечером, возвращался Тексар со своими свидетелями из Сент-Огастина на пароходе «Шаннон». Мы уже видели, как он держал себя во время этого путешествия. С парохода испанец пересел в челнок к индейцу Скуамбо и

вернулся в уединенный форт, куда последовать за ним было бы очень мудрено.

Что же касается Скуамбо, смышленного и хитрого семинола, ставшего его верным подручным, то Тексар его взял к себе на службу как раз после последнего набега индейцев, с которым — и с полным основанием — связывали имя испанца.

Джемса Бербанка Тексар смертельно ненавидел и только и думал, как бы жестоко отомстить ему. Если бы Тексару удалось действительно захватить власть в свои руки, то при всех случайностях, ежедневно порождаемых войной, он мог бы стать крайне опасным для обитателей Кэмдлес-Бея. Джемс Бербанк обладал характером мужественным и твердым и был, конечно, далек от того, чтобы бояться подобного человека, но зато миссис Бербанк ожидала грядущих событий с чувством гнетущей тревоги за мужа и за всю свою семью.

Но в каком беспрестанном мучительном страхе жила бы эта семья, если бы знала, что Тексар догадывается об участии Джилберта Бербанка в военных действиях против Юга!

Откуда злодей мог узнать эту тайну? Да через своих шпионов, которые из всех сил старались услужить ему.

Как же было не опасаться того, что Тексар, зная о службе молодого Бербанка в эскадре коммодора Дюпона, попытается устроить молодому лейтенанту какую-нибудь ловушку? Но если бы негодяю удалось заманить юношу на флоридскую территорию и выдать его местным властям, то нетрудно догадаться, какую бы участь уготовили для сына Джемса Бербанка южане, раздраженные успехами федеральных войск.

Таково было положение дел в то время, с которого

начинается наш рассказ. Таково было положение федералистов, находившихся почти у самых берегов Флориды, и семьи Бербанков, которая жила в самом сердце графства Дьювал. Таково было положение Тексара, и не только в самом Джэксонвилле, но и на всей территории, занятой сторонниками рабовладения. Если бы единомышленникам Тексара удалось взять верх, то испанцу нетрудно было бы поднять мятеж среди городских подонков и натравить их на противников рабства в Кэмдлес-Бее.

Приблизительно через час Скуамбо вернулся на центральный островок бухты. Он вытащил челнок на берег, проник внутрь ограды и поднялся по лестнице в блокгауз.

— Отвез? — опросил Тексар.

— Отвез, господин, — отвечал индеец.

— Ну, а там как?.. Ничего, а?

— Ничего, господин.

ГЛАВА 6

ДЖЭКСОНВИЛЛ

— Нет-нет, Зерма, что ни говори, а ты для того только и рождена на свет, чтобы быть невольницей, — сказал, садясь на своего конька, управляющий плантации. — Невольницей, — повторил он вновь это слово, — а никак не свободной женщиной.

— Ну, а я держусь иного мнения, — спокойно возразила Зерма, ибо споры с управляющим Кэмдлес-Бея на эту тему стали для нее привычными.

— Держись, пожалуйста, но только в конце концов ты все равно согласишься со мною, что полного равенства между белыми и черными быть не может.

— Да ведь оно существует и всегда существовало, мистер Пэрри, оно установлено самою природою.

— Самой природой? Но природа распорядилась так, что на земле белых в десять, в двадцать... куда там — в сто раз больше, чем черных.

— Вот потому-то им и удалось поработить негров. Сила была на их стороне, и они употребили ее во зло. Будь негры многочисленнее, тогда белые были бы у них рабами... хотя нет, черные, наверно, оказались бы более справедливыми и, главное, не были бы так жестоки...

Не следует, однако, думать, что подобные разговоры, к слову сказать, совершенно праздные, мешали Зерме и управляющему жить в добром согласии. Но в данную минуту им и делать было нечего, как только болтать. Они, конечно, могли бы выбрать для беседы и более полезную тему, если бы не мания Пэрри — вечно сводить разговор к вопросу о рабстве.

Оба они сидели на корме одной из лодок, которая управлялась четырьмя неграми. Они, пользуясь отливом, плыли в Джэксонвилл. Управляющий ехал по делам мистера Бербанка, а Зерма за кое-какими покупками для малютки Ди.

Это было 10 февраля, то есть через три дня после возвращения Джемса Бербанка в Касл-Хаус, а Тексара в Черную бухту.

Само собою разумеется, что на следующий же день по прибытии Джемса Бербанка домой мистер Стэннارد и его дочь получили из Кэмдлес-Бея письмо, в котором было вкратце изложено то, что писал родителям Джилберт. Письмо пришло очень кстати, потому что Алиса жила в вечной тревоге с тех самых пор, как началась кровавая борьба между Югом и Севером.

Лодка, оснащенная латинским парусом, плыла быстро, и до Джексонавилла оставалось уже не больше четверти часа. У управляющего таким образом было мало времени для развития своей любимой темы, и он спешил воспользоваться оставшимися минутами.

— Нет, Зерма, нет! — продолжал он твердить свое. — Если бы даже негров было и больше, положение ничуть не изменилось бы. И вот помяни мое слово, чем бы ни кончилась война, все равно волей-неволей придется сохранить рабство, потому что для плантации необходимы невольники.

— А вот мистер Бербанк, как вам известно, думает иначе, — возразила Зерма.

— Знаю. Мистер Бербанк весьма почтенный человек, я его глубоко уважаю, но тут он, смею сказать, жестоко ошибается. Негр должен составлять такую же неотъемлемую принадлежность плантации, как домашние животные или земледельческие орудия. Если бы лошадь могла идти, куда захочет, если бы плуг мог сам себе выбирать хозяина, — невозможно было бы заниматься сельским хозяйством. Пусть только мистер Бербанк попробует освободить своих негров, он увидит тогда, что станется с Кэмдлес-Беем!

— Он давно бы уже это сделал, если бы обстоятельства ему позволили, и вам это известно, мистер Пэрри. А хотите знать, что было бы в Кэмдлес-Бее, если бы там объявили об освобождении негров? Поверьте, ни один из них не ушел бы с плантации и все остались бы по-прежнему, только право обращаться с нами, как со скотом, было бы отменено. А так как в Кэмдлес-Бее этим правом никогда не пользовались, то у нас и в этом отношении не было бы никакой перемены.

— Неужели ты надеешься убедить меня своими доводами, Зерма? — спросил управляющий.

— Нисколько, сударь, да это и ни к чему.

— Почему же?

— Потому что в душе вы совершенно согласны с мистером Бербанком, мистером Кэрролом, мистером Стэннардом и вообще со всеми великодушными и справедливыми людьми.

— Да нет же, Зерма, нет. Я утверждаю даже, что все, о чем я говорю, — в интересах самих же негров. Если дать им полную свободу, они погибнут, и племя их исчезнет с лица земли.

— Не разделяю вашего мнения, мистер Пэрри, что бы вы там ни говорили. Уж лучше всем нам погибнуть, чем быть обреченными на вечное рабство.

Управляющий хотел было возразить, и у него в запасе имелось, конечно, немало доказательств, но парус был уже спущен и лодка подошла к деревянной пристани, где должна была дожидаться возвращения его и Зермы. Они вышли на берег и отправились каждый по своим делам.

Город Джэксонвилл стоит на левом берегу Сент-Джонса, на краю обширной равнины, окруженной великолепными лесами. Часть долины, особенно вблизи реки, покрыта полями маиса, сахарного тростника и риса.

Лет за десять перед тем Джэксонвилл был всего лишь большой деревней; в глинобитных и камышовых хижинах его предместья жили одни только негры. Но теперь он стал уже настоящим городом с комфортабельными домами, прямыми мощеными улицами; число жителей в нем удвоилось. В ближайшем будущем значение этого крупнейшего центра графства Дьювал должно было еще

возрасти в связи с проведением железной дороги до Таллахаси, главного города Флориды.

Зерма и управляющий обратили внимание на то, что в городе все чем-то взбудоражены. Несколько сот человек — белые, мулаты и метисы — с нетерпением ожидали парохода, дым которого уже виднелся из-за косы на Сент-Джонсе, находящейся пониже города. Самые нетерпеливые, желая поскорее встретить пароход, вскочили даже в лодки или одномачтовые баркасы — обычные в тех краях рыбачьи суда.

Дело в том, что накануне с театра войны пришли очень важные известия. Слухи о какой-то большой экспедиции, замышляемой северянами, о которой писал в своем письме Джилберт Бербанк, дошли частично и до Джэксонвилла. Говорили, что эскадра коммодора Дюпона собирается в скором времени сняться с якоря и что с ней будут посланы десантные войска генерала Шермана. Никто точно не знал, в какую именно сторону пойдет эскадра, но все заставляло предполагать, что ближайшей целью экспедиции была река Сент-Джонс и побережье Флориды. Стало быть, после Джорджии теперь и Флориде угрожала непосредственная опасность быть занятой войсками северян.

Пароход шел из Фернандины. Когда он причалил к пристани, собравшаяся толпа услышала от приехавших пассажиров подтверждение этих слухов. Пассажиры сообщили, кроме того, что коммодор Дюпон первоначально остановится, вероятно, в бухте Сент-Андрус, где выждет благоприятного момента, чтобы форсировать пролив Амильи и прорваться в устье Сент-Джонса.

Громко крича и волнуясь, толпа рассыпалась по городу; с шумом разлетались большие южноамериканские

ястребы, как бы специально предназначенные для очистки улиц. Вожаки-подстрекатели, преимущественно из друзей Тексара, еще более возбуждали толпу возгласами: «Смерть северянам! Дадим им отпор!» На главной площади, перед зданием суда и епископальной церковью, происходили шумные демонстрации. Властям стоило немалых трудов водворить наконец порядок, хотя, как уже говорилось, далеко не все жители города были единомышленниками Тексара. Но в смутные времена над людьми умеренными неизменно берут верх те, кто яростней и громче кричит.

Особенно много было шума и неистовства в тавернах, где крепкие напитки придавали смелость крикунам. Там разные трактирные стратеги и политики строили всевозможные планы, чтобы разбить наголову федералистов.

— Нужно двинуть в Фернандину милицию! — предлагал один.

— Нужно потопить корабли в фарватере Сент-Джонса, — говорил другой.

— Нужно построить вокруг города земляные укрепления и подкатить к ним артиллерийские орудия, — было мнение третьего.

— Нужно потребовать присылки подкрепления по железнодорожной линии Фернандина — Сидар-Кейс.

— Нужно погасить маяк Пабло, чтобы эскадра Дюпона не могла проникнуть ночью в устье Сент-Джонса.

— Нужно посредине реки заложить торпеды.

К началу междоусобной войны этот снаряд был только что изобретен, и хотя предложивший пустить в дело торпеды сам хорошенько не знал, что это за штука, отчего же было не попробовать применить их?

— Но прежде всего, — кричал один из самых яростных ораторов в таверне Торильо, — прежде всего следует арестовать всех северян, находящихся в городе, и всех тех южан, которые с ними заодно!

Как же это такая простая мысль до сих пор никому не пришла в голову? А ведь она — *ultima ratio* фанатиков всех стран. Поэтому предложение это было встречено громким «ура!». Но, к счастью для честных и умеренных жителей Джэксонвилла, местные власти не решились внять этому «гласу народа».

Проходя по улицам, Зерма внимательно наблюдала за всем, что там происходило, чтобы по возвращении в Кэмдлес-Бей рассказать обо всем своему господину, для которого это волнение в городе представляло непосредственную угрозу. Если бы и начались насилия, они бы не ограничились только городом, а распространились на все плантации графства, и Кэмдлес-Бей пострадал бы одним из первых. Сообразив все это, мулатка решила непременно зайти к мистеру Стэннарду, жившему в предместье города, чтобы хорошенько разузнать у него о положении дел.

Стэннард занимал красивый и удобный дом, стоявший среди небольшого зеленого оазиса, уцелевшего при расчистке долины, когда безжалостно вырубали деревья. Стараниями Алисы дом содержался в безупречном порядке. Во всем чувствовалась рука умелой и рачительной хозяйки: Алиса с юных лет вела хозяйство в доме своего вдового отца.

Невеста Джилберта очень обрадовалась Зерме и прежде всего заговорила о письме юного лейтенанта. Мулатка почти дословно передала ей содержание письма Джилберта.

— Да, он теперь недалеко, — сказала Алиса. — Но как Джилберт вернется во Флориду? И какие опасности еще ждут его до окончания этой экспедиции!

— Не думай об опасностях, Алиса, — сказал Стэннард, — Джилберт ведь подвергался уже гораздо более серьезным испытаниям во время патрулирования у берегов Джорджии, а особенно в битве под Порт-Ройлом. Я полагаю, что флоридцы не окажут особенно упорного или длительного сопротивления. Что они могут поделать, если по их территории протекает Сент-Джонс и канонеркам легко проникнуть в самое сердце штата? Тут, по-моему, не мыслимо никакое сопротивление.

— Дай бог, чтобы вы были правы, отец, — вздохнула Алиса, — и чтобы эта ужасная война наконец окончилась.

— Она может окончиться только полным поражением Юга, — заметил Стэннард, — но это, к сожалению, будет не скоро. Я боюсь, что Джефферсон Дэвис и его генералы — Ли, Джонстон, Борегар — еще долго будут сопротивляться в Центральных штатах. Нет, нелегко войскам федералистов справиться с южанами. Конечно, овладеть Флоридой федералистам будет нетрудно, но это, увы, далеко еще не обеспечит за ними окончательной победы.

— Только бы Джилберт не сделал какой-нибудь опрометчивый шаг! — проговорила Алиса, ломая руки. — Если он уступит желанию повидаться с родными, благо они так близко...

— И с вами тоже, мисс Алиса, — добавила Зерма. — Ведь вы уже тоже член этой семьи!

— Да, Зерма, всем своим сердцем!

— Не бойся, Алиса, — сказал Стэннард. — Джилберт

не сделает такого безрассудства, тем более что коммодору Дюпону достаточно будет нескольких дней, чтобы овладеть Флоридой. Со стороны Джилберта было бы крайне рискованно приезжать сюда, пока здесь не водворятся федералисты.

— Особенно при нынешнем всеобщем возбуждении, — прибавила Зерма.

— Да, правда, сегодня с утра весь город в волнении, — продолжал мистер Стэннард. — Я видел жожаков и слышал, что они проповедуют. Тексар вот уже с неделю орудует среди них, возбуждает и подстрекает их, и кончится тем, что эти злодеи поднимут скоро народ не только против властей, но и против всех тех, кто думает иначе.

— Не лучше ли вам, мистер Стэннард, хоть на время уехать из города? — сказала Зерма. — А когда придут федералисты, вы вернетесь. Мистер Бербанк поручил мне сказать вам, что он будет очень рад видеть вас и мисс Алису в Касл-Хаусе.

— Да, я знаю, он меня давно приглашал, — отвечал мистер Стэннард. — Но вот вопрос: будет ли нам безопаснее в Касл-Хаусе, чем в Джэксонвилле? Когда эти негодяи, эти подонки захватят власть, они, наверное, примутся грабить и плантации.

— По-моему, мистер Стэннард, — возразила Зерма, — в момент опасности лучше быть всем вместе.

— Она права, отец, — вмешалась Алиса, — нам лучше быть вместе.

— Да я ничего не имею против, Алиса, — отвечал Стэннард, — и не отказываюсь от приглашения Бербанка, но только я не думаю, что опасность так близка. Пусть Зерма передаст Бербанку, что мне понадобится не-

сколько дней для устройства своих дел, а после этого мы отправимся с тобой в Касл-Хаус.

— И если мистер Джилберт придет туда, как будет он рад застать всех, кого любит, в сборе! — сказала Зерма.

Простившись с Уолтером Стэннардом и его дочерью, мулатка, пробираясь сквозь возбужденную толпу, вернулась на пристань, где ее дожидался управляющий. Оба они сели в лодку и поехали домой, причем мистер Пэрри возобновил недоконченный разговор как раз на прерванном месте.

Не ошибался ли мистер Стэннард, полагая, что опасность еще только надвигается? Ведь ход событий ускорялся, и Джэксонвилл с минуты на минуту мог сделаться ареной кровавой борьбы.

Впрочем, федеральное правительство действовало с большою осмотрительностью, стараясь щадить интересы Юга. Оно поставило себе задачей вводить новые порядки постепенно. Спустя два года после начала военных действий осторожный Авраам Линкольн еще не издавал декрета об уничтожении рабства на всей территории Соединенных Штатов. Лишь по прошествии нескольких месяцев появилось сперва президентское послание, в котором предлагалось разрешить этот вопрос посредством выкупа и постепенного освобождения негров; потом декрет об освобождении и, наконец, ассигнование конгрессом пяти миллионов франков с предоставлением правительству права возмещать землевладельцам их убыток в размере полутора тысяч франков за каждого освобожденного негра. Если кое-кто из генералов-федералистов и счел себя уполномоченным уничтожить рабство в завоеванных местностях, то правительство до сих пор относилось к этому неодобрительно и отказыва-

лось давать на это свою санкцию. Дело в том, что и среди самих федералистов не было единодушия в отношении отмены рабства, и называли даже некоторых генералов-северян, считавших эту меру еще преждевременной и неразумной.

Военные действия между тем продолжались, и конфедераты по большей части терпели неудачи.

Двенадцатого февраля генерал Прайс с миссурийской милицией вынужден был очистить Арканзас. Форт Генри был уже раньше взят федералистами, которые осаждали теперь форт Донелсон, защищенный сильной артиллерией и внешними укреплениями, протяженностью в четыре километра, с городком Довер включительно. Форт мужественно оборонялся, но, несмотря на снегопад и морозы, северяне так теснили его с суши корпусом генерала Гранта, численностью в пятнадцать тысяч человек, а со стороны реки — канонерками адмирала Фута, что 14 февраля он сдался с целой дивизией южан и всем вооружением.

Для конфедератов падение форта явилось тяжелым ударом и повлекло за собою очень важные последствия. Ближайшим из них было отступление генерала Джонстона, вынужденного покинуть крупный город Нашвилл на Камберленде. Охваченное паникой, население тоже бежало из города вслед за отступившей армией, а несколько дней спустя подобная же участь постигла и город Колумбус. Весь штат Кентукки оказался таким образом снова во власти федерального правительства.

Известие об этих тяжких неудачах было встречено во Флориде со страшным взрывом негодования и жажды мести. Власти оказались бессильными подавить волнение, охватившее весь штат вплоть до самых глухих дере-

вушек. С часу на час возрастала опасность для тех, кто не держался «южного» образа мыслей и не обнаруживал желания сопротивляться армии северян. В Таллахаси и Сент-Огастине происходили сильные беспорядки, подавить которые было весьма трудно. Но особенно бунтовали городские подонки в Джэксонвилле, где с минуты на минуту приходилось опасаться чудовищных насилий.

При таких обстоятельствах опасность, угрожавшая Кэмдлес-Бею, все возрастала. Правда, Джемс Бербанк, имея столько преданных слуг, мог в случае нападения продержаться несколько дней в своем доме, хотя запастись необходимым оружием и боевыми припасами в то время было очень трудно. Зато Уолтер Стэннард был совершенно беззащитен в Джэксонвилле и не мог не задуматься об участии, ожидавшей его, Алису и всех его домочадцев.

Джемс Бербанк знал об опасности, угрожавшей его другу, и слал ему письмо за письмом, настойчиво приглашая поскорее приехать с дочерью в Кэмдлес-Бей. Там было все-таки не так опасно оставаться, а в случае, если бы явилась необходимость бежать внутрь страны и скрываться до прихода северян, — устроить бегство из Кэмдлес-Бея было гораздо легче.

Уступая просьбам друга, Уолтер Стэннард решил наконец покинуть на время Джэксонвилл и укрыться в Касл-Хаусе. Он выехал из города тайно, утром 23 февраля, успешно скрыв от любопытных глаз все приготовления к отъезду. В одной из маленьких бухт Сент-Джонса, на милю повыше города, его ждала высланная из Кэмдлес-Бея лодка. Алиса и Стэннард быстро переправились через реку и благополучно вышли на берег в Кэмдлес-Бее, где их встретила вся семья Бербанков.

Их приняли с радостью. Разве миссис Бербанк не считала уже Алису своею дочерью? Теперь же все они были вместе. А вместе, казалось, можно легче перенести беду и увереннее встретить опасность.

Стэннарды вовремя уехали из города. На другой же день дом их подвергся нападению толпы негодяев, оправдывавших свое насилие чувством патриотизма. Властям с трудом удалось остановить грабеж и спасти дома других честных граждан, противников сепаратизма. Но ясно было, что близок час, когда власти эти будут свергнуты, а на их место посажены вожаки мятежников, которые уж, конечно, не станут сдерживать толпу, а, напротив, будут сами подстрекать ее.

Как и предполагал мистер Стэннард, Тексар уж с неделю покинул свое убежище в Черной бухте и явился в Джэксонвилл. Здесь его окружили обычные его приспешники из самых дрянных людей в штате, прибывшие с разных плантаций, расположенных по обоим берегам реки Сент-Джонс. Эти негодяи задумали по-своему повернуть дело не только в городах, но и в сельских местностях. Они завели сношения со всеми своими единомышленниками в разных графствах Флориды. Выдвигая на первый план вопрос о рабовладении, они с каждым днем расширяли круг своего влияния.

Еще немного, и всякие проходимцы, авантюристы и лесные бродяги, которых великое число в этих краях, станут хозяевами положения в Джэксонвилле и Сент-Огастине; они сосредоточат в своих руках всю власть, гражданскую и военную. Милиция и регулярные войска будут действовать заодно с этими насильниками, как это всегда бывает в смутные времена, когда считается, что позволительно любое насилие.

Джемсу Бербанку хорошо было известно все, что происходило за пределами Кэмдлес-Бея. Верные люди, на которых он мог вполне положиться, осведомляли его обо всем, что подготовлялось в Джэксонвилле. Он знал, что там снова появился Тексар, знал, что под его гнусным влиянием находятся городские подонки — в большинстве своем, как и сам Тексар, по происхождению испанцы. Когда подобный человек станет хозяином города, это будет прямой угрозой для Кэмдлес-Бея. И Джемс Бербанк стал усиленно готовиться к отпору, если таковой будет возможен, или же к бегству, если придется оставить поместье на разграбление. Нужно было серьезно подумать в первую очередь о спасении семьи и друзей.

В эти тревожные дни Зерма проявляла безграничную преданность. Она следила неустанно за подступами к плантации, особенно со стороны реки. Выбрав среди невольников Бербанка самых сообразительных и преданных, она расставила их дозорными в разных местах плантации, чтобы караулить поместье днем и ночью. Если бы кто-нибудь попытался напасть на Кэмдлес-Бей, они тотчас же подняли бы тревогу. Семью Бербанков, таким образом, не удалось бы застигнуть врасплох, у нее всегда бы хватило времени укрыться в Касл-Хаусе.

Но в тот момент Джемсу Бербанку вооруженное нападение еще не угрожало. Пока власть не перешла в руки Тексара, ему и его приспешникам приходилось действовать осторожно.

Под давлением общественного мнения судьи вынуждены были пойти навстречу сторонникам рабства, люто ненавидевшим северян.

Джемс Бербанк был самым крупным и богатым из

тех землевладельцев Флориды, которые открыто держались либеральных взглядов. И первый удар был направлен именно против него: его первым потянули к ответу за то, что, живя среди рабовладельцев, он был сторонником уничтожения рабства.

Двадцать шестого числа вечером в Кэмдлес-Бей явился из Джэксонвилла курьер и вручил Джемсу Бербанку конверт.

В конверте была повестка.

«Сим предписывается Джемсу Бербанку лично явиться 27-го числа сего февраля месяца в 11 ч. утра в суд, чтобы предстать перед законными властями города Джэксонвилла».

И все. Коротко и ясно.

ГЛАВА 7

Навстречу опасности

Хотя гром еще не грянул, но уже сверкнула предвещавшая грозу молния.

И если сам Джемс Бербанк сохранил спокойствие, то семья его не на шутку встревожилась. Зачем его вызывают в Джэксонвилл? Ведь это было не простое приглашение для дачи объяснений, а официальный вызов в суд. Чего же от него хотят? Уж не начато ли следствие? Не угрожает ли это его свободе или даже жизни? Если он, повинувшись вызову, уедет из Касл-Хауса, то позволят ли ему туда вернуться? А если ослушается и не поедет, решатся ли заставить его явиться силой? И в таком случае какие кары и насилия угрожают его близким?

— Не ездите, Джемс! — воскликнула миссис Бербанк, и чувствовалось, что вся семья разделяет ее мнение.

— Не покидайте нас, мистер Бербанк! — просила и Алиса.

— Подумай, ведь ты отдашь себя в руки этих людей, — прибавил Эдвард Кэррол.

Джемс Бербанк не отвечал. Грубый вызов возмутил его до глубины души, и он с трудом мог подавить в себе негодование.

Но что же, однако, там случилось? Почему вдруг так осмелели джэксонвиллские судьи? Уж не захватили ли город в свои руки сторонники Тексара? Не свергли ли они там законную власть и не стали ли сами на ее место? Нет. Пэрри только что приехал из Джэксонвилла, и ничего подобного там пока не произошло.

— Не получено ли известие о какой-нибудь неудаче северян, — предположил Уолтер Стэннард, — и флоридцы решились применить к нам насилие?

— Боюсь, что вы правы, — согласился Эдвард Кэррол. — Если северяне действительно потерпели поражение, то эти негодяи вообразят, что им уже нечего бояться эскадры Дюпона и что любое насилие сойдет им с рук.

— Я вспомнил, — сказал Стэннард, — что час тому назад я встретил одного джэксонвиллца, возвращавшегося в город, и он сказал мне, что в Техасе федералистские войска, потерпев серьезное поражение при Вальверде, отброшены милицией Сиблея за Рио-Гранде.

— Ну, так вот почему они так обнаглели, — заключил Кэррол. — Это ясно.

— Значит, войска Шермана и эскадра Дюпона не придут! — вскричала миссис Бербанк.

— Сегодня только двадцать шестое февраля, — сказала Алиса, — а Джилберт писал, что федералисты должны выйти в море не раньше двадцать восьмого числа.

— И потом, ведь требуется время, чтобы дойти до устья Сент-Джонса, форсировать вход в реку, преодолеть отмель и подойти к Джэксонвиллу, — прибавил Стэннارد. — На это нужно дней десять.

— Десять дней! — вздохнула Алиса.

— Десять дней! — упавшим голосом проговорила миссис Бербанк. — А до тех пор сколько несчастий может случиться!

Джемс Бербанк не вмешивался в разговор. Он думал, как отнестись к полученной повестке.

Если он не поедет в Джэксонвилл, то не повлечет ли это за собой разбойничье нападение на плантацию, причем власти палец о палец не ударят, чтобы этому помешать? Какая опасность угрожает в таком случае его семье? Нет, уж лучше самому подвергнуться опасности, рискнуть своей свободой, даже жизнью!

Миссис Бербанк с беспокойством поглядывала на мужа. Она видела, что он переживает сильную душевную борьбу, и не находила в себе смелости спросить о принятом им решении. Да и не одна она, все присутствующие это видели и тоже не решались обратиться к Бербанку.

Внесла ясность маленькая Ди. Она подошла к отцу и взобралась к нему на колени.

— Папа? — спросила она.

— Что тебе, малютка?

— Неужели ты поедешь... к ним... к этим злым людям?

— Да, родная, надо ехать.

— Джемс!.. — с ужасом вскричала миссис Бербанк.

— Ничего не поделаешь, дорогая. Я должен ехать и поеду!

Голос его прозвучал так решительно, что для всех стала ясна бесполезность дальнейшего спора: Бербанк, очевидно, все уже обдумал и взвесил. Жена подошла к нему, крепко обняла его, но отговаривать уже не пыталась. Да и что она могла ему сказать?

— Очень может быть, друзья мои, — заговорил Джемс Бербанк, — что мы и преувеличиваем значение этого ни на чем не основанного вызова. В чем меня могут обвинять? Решительно ни в чем. Разве в том, что я держусь известного образа мыслей? Но ведь за убеждения у нас не судят. Я никогда не скрывал их и, если нужно, выскажу свою точку зрения и теперь перед кем угодно.

— Джемс, мы поедем с тобой, — сказал Эдвард Кэррол.

— Да, верно, мы вас одного в Джэксонвилл не пустим, — прибавил Стэннард.

— Нет, друзья мои, — возразил Джемс Бербанк, — одного меня вызывают повесткой, один я и поеду. Может быть, меня задержат в городе на несколько дней, поэтому вам обоим лучше оставаться в Кэмдлес-Бее. Вам на время моего отсутствия я поручаю свою семью.

— Так ты поедешь, папа! — вскричала Ди.

— Поеду, дочка! — с деланой веселостью отвечал Бербанк. — И если я завтра не вернусь домой к завтраку, то приеду к обеду, и уж, во всяком случае, вечер мы проведем вместе. Кстати, не купить ли тебе чего-нибудь в Джэксонвилле? Говори, чего бы тебе хотелось? Что тебе привезти оттуда?

— Папа... ты... приезжай только сам поскорее, — пролепетала девочка, выразивши этими словами желание всей семьи.

Бербанк дал распоряжения об охране плантации, необходимой при столь тревожных обстоятельствах, и все разошлись на ночь по своим комнатам.

Ночь прошла спокойно, а на другое утро Джемс Бербанк встал с зарею и пошел на пристань, где и отдал приказание приготовить к восьми часам лодку для поездки в Джэксонвилл.

Когда он возвращался с пристани в Касл-Хаус, к нему подошла Зерма.

— Господин мой, — оказала она, — вы твердо решили ехать? Вы поедете?

— Да, Зерма, окончательно решил. Я должен это сделать во имя общего блага. Понимаешь?

— Да, господин! Если бы вы не поехали, банда Тексара напала бы на Кэмдлес-Бей.

— А этого нужно избежать во что бы то ни стало, — прибавил Бербанк.

— Не позволите ли вы мне ехать с вами?

— Нет, ты должна оставаться в Кэмдлес-Бее при моей жене и дочери. Не покидай их, если им в мое отсутствие будет грозить какая-нибудь опасность.

— О господин, я не отойду от них ни на шаг.

— Не узнала ли ты чего-нибудь нового?

— Особенного ничего. Только вот какие-то подозрительные люди бродят вокруг плантации, можно подумать — лазутчики. По реке в эту ночь шныряли какие-то лодки. Боюсь, не подозревают ли наши враги, что мистер Джилберт служит в армии северян, что он состоит под командой коммодора Дюпона, и не собираются

ли его подстеречь, если он вздумает тайно посетить Кэмдлес-Бей.

— Чтобы Джилберт приехал в Кэмдлес-Бей! — вскричал Джемс Бербанк. — Нет, Зерма, у него достанет здравого смысла, он этого не сделает.

— И все же я боюсь, не подозревает ли чего-нибудь Тексар? — настаивала Зерма. — Говорят, его влияние растет с каждым днем. Когда будете в Джэксонвилле, господин, берегитесь Тексара.

— Ты права, Зерма, нужно остерегаться этой ядовитой гадины. Но я и так осторожен. Если же в мое отсутствие он предпримет что-нибудь против Кэмдлес-Бея...

— О нас не беспокойтесь, господин мой. Берегите только себя. Наши негры все до единого, не щадя себя, встанут грудью на защиту плантации. Они преданы вам всею душою, они вас любят. Я знаю все, что они думают, о чем говорят и как будут действовать. С других плантаций приходили смутьяны подбивать их к бунту против вас, но ваши негры их и слушать не хотели. Можете вполне положиться на своих невольников, все они считают себя членами вашей семьи.

— Знаю, Зерма, знаю. На это я и рассчитываю.

Джемс Бербанк вернулся в дом. Когда наступило время отъезда, он нежно простился с женой, дочерью и Алисой и обещал им, что будет вести себя на суде осторожно, чтобы не дать повода врагам прибегнуть к насилию. Он, возможно, сегодня же и вернется. Простившись с домочадцами, он уехал. У Джемса Бербанка, несомненно, были основания опасаться за свою участь. Но несравненно больше волновала его забота о семье, остававшейся в Касл-Хаусе и подвергавшейся там огромной опасности.

Уолтер Стэннард и Эдвард Кэррол проводили отъезжающего до пристани; там, дав им последние распоряжения, Бербанк сел в лодку, которая, подгоняемая легким юго-восточным ветерком, стала удаляться от пристани.

В исходе десятого часа Джемс Бербанк вышел на берег в Джэксонвилле.

На пристани было мало народу, только какие-то иностранные матросы хлопотали над разгрузкой только что пришедших барок. Джемса Бербанка никто не видел, никто не узнал, и он спокойно отправился к своему джэксонвиллскому знакомцу, мистеру Гарвею, который жил на другом конце гавани.

Увидев Бербанка, Гарвей удивился и обеспокоился. Он не ожидал, что Джемс Бербанк подчинится вызову и явится в Джэксонвилл, да и никто во всем городе не ожидал этого. Зачем Бербанка вызывали, Гарвей не знал. Возможно, что, уступая общественному мнению, хотели потребовать от него объяснений, выяснить позицию, занятую им с начала войны, в связи с его взглядами на рабовладение, которых он никогда не скрывал. Быть может, его собирались даже удержать в городе в качестве заложника, как богатейшего плантатора Флориды и сторонника северян. По мнению Гарвея, лучше было бы Бербанку не приезжать, а раз уж он приехал, то поскорее возвращаться обратно, благо о его приезде еще никому не было известно.

Но Джемс Бербанк не пожелал уезжать. Он хотел выяснить положение, узнать, чего ему следует опасаться, к чему быть готовым. И он это узнает.

Затем Бербанк задал своему знакомцу несколько существенных при данной ситуации вопросов.

Не смещены ли прежние должностные лица и не заменены ли они вожаками мятежников?

Нет еще, но положение их становится с каждым днем все более шатким, и это может произойти при первой же вспышке мятежа.

Правда ли, что Тексар играет какую-то роль в ожидаемых беспорядках?

Правда, и все на него смотрят как на вожака партии флоридских рабовладельцев. Он со своими единомышленниками будет вскоре хозяйничать в городе.

Подтвердились ли слухи о недавних крупных военных событиях?

Подтвердились. Сделаны дополнения к органическому статуту Южных штатов. Состав правительства окончательно установлен. 22 февраля Джефферсон Дэвис утвержден президентом, а вице-президентом Стеффенс, оба на шесть лет. Конгресс заседает в Ричмонде и состоит из двух палат. Через три дня после его открытия Джефферсон Дэвис внес законопроект об обязательной воинской повинности. За это время конфедераты одержали в нескольких местах победы, не имеющие, впрочем, особого значения. Говорят, однако, что 24-го числа значительная часть армии Мак Клеллана проникла за верховья Потомака и южане вынуждены были очистить Колумбус. На Миссисипи ожидается большое сражение, в котором сепаратисты должны встретиться с войсками генерала Гранта.

А что с эскадрой коммодора Дюпона? Она ведь должна была подойти к устью Сент-Джонса?

Ходят слухи, что недели через полторы она сделает попытку прорваться в Сент-Джонс. Тексар и его сторонники должны поторопиться захватить власть в свои

руки, иначе им, пожалуй, не удастся расправиться со своими врагами.

Таково было положение дел в Джэксонвилле. История с Бербанком могла лишь ускорить развязку.

К одиннадцати часам Джемс Бербанк прямо из дома Гарвея отправился на площадь, где находилось здание суда. На улицах царило большое оживление. Народ толпами валил на площадь. Чувствовалось, что это дело, само по себе незначительное, может вызвать самые плачевные последствия.

На площади перед зданием суда уже успела собраться большая разношерстная толпа. Тут были и белые, и метисы, и негры; шум стоял невообразимый. В самое здание суда могли проникнуть сравнительно немногие, и эти немногие были по большей части из сторонников Тексара. С ними вместе в здание суда протиснулись, правда, и люди порядочные, противники всяческих насилий, но они были в меньшинстве и не могли дать серьезный отпор бунтарям, стремившимся к свержению законных властей Джэксонвилла.

Бербанка сейчас же узнали, как только он показался на площади. Послышались угрожающие возгласы. Но это оказалось ему только на руку. Его поспешили окружить несколько смелых и честных граждан, не желавших допускать насилия над беззащитным и вдобавок всеми уважаемым человеком. Явившись по требованию властей, Бербанк выказал и достоинство, и твердость. Он заслужил, чтобы к нему отнеслись справедливо и с должным уважением.

Пройдя беспрепятственно сквозь толпу на площади, Джемс Бербанк вступил в судебную палату и остановил-

ся перед судейским столом, куда был вызван без всякого к тому законного основания.

Судьи уже сидели на своих местах. Все это были люди умеренные, честные, пользовавшиеся вполне заслуженным уважением. Каким только обвинениям и угрозам не подвергались они с начала войны с северянами! Сколько мужества и энергии потребовалось им, чтобы оставаться на своем посту... Если до сих пор им и удавалось противиться всем нападкам мятежников, то потому лишь, что вопрос о рабовладении не стоял во Флориде так остро, как в других Южных штатах. Сепаратистские настроения в стране, однако, постепенно усиливались. А с ними росло с каждым днем и влияние смутьянов, авантюристов и бродяг, наводнявших графство. И если судьи вызвали Бербанка на суд по доносу одного из их главарей, испанца Тексара, то лишь уступая давлению бунтовщиков.

Часть джэксонвиллцев, толпившихся в зале суда, встретила владельца Кэмдлес-Бея одобрительным шепотом, другая — враждебным. Однако шепот этот вскоре смолк. Джемс Бербанк стоял перед судьями, уверенно глядя на них, как человек, не знающий страха. И, не дожидаясь обычных вопросов, произнес твердым голосом:

— Вы вызывали Джемса Бербанка. Он перед вами.

Ответив коротко и просто на ряд формальных вопросов, которыми обычно начинается всякий допрос, Бербанк спросил:

— В чем же меня обвиняют?

— В произнесении речей и, быть может, даже в совершении действий, противных установленным политическим взглядам штата Флориды, — заявил председатель.

— И кто обвиняет меня? — осведомился Бербанк.

— Я! — воскликнул кто-то.

То был Тексар. Джемс Бербанк узнал его по голосу, но даже не обернулся и лишь с презрением пожал плечами.

Приспешники Тексара тем временем словами и жестами подстрекали своего главаря.

— Прежде всего, — продолжал испанец, — я обвиняю Джемса Бербанка в том, что он унионист. Уже одно его присутствие в конфедератском штате оскорбительно. Если он северянин по происхождению и по образу мыслей, то почему он не уедет на Север?

— Я живу во Флориде — мне так угодно, — ответил, не оборачиваясь к Тексару, Джемс Бербанк. — Двадцать лет уж прожил я в графстве Дьювал. Если я не здешний уроженец, то, во всяком случае, каждому известно, откуда я явился, чего нельзя сказать о некоторых людях с темным прошлым, живущих неизвестно где, и частная жизнь которых заслуживает, несомненно, гораздо большего внимания суда, нежели моя.

Это явно был камень в огород Тексара, но тот ничуть не смутился.

— Ну, а дальше что? — спросил Бербанк.

— Дальше? — отвечал испанец. — Дальше я обвиняю Джемса Бербанка в том, что он, будучи аболиционистом, ведет аболиционистскую пропаганду в штате, который стремится сохранить невольничество и граждане которого готовы пролить свою кровь, чтобы отразить нашествие северян.

— Джемс Бербанк, — сказал судья, — при нынешнем положении вещей это очень серьезное обвинение, и я просил бы вас отвечать на него обстоятельно.

— Мой ответ, сударь, будет несложен, — отвечал Бербанк. — Никакой пропаганды я никогда не вел и не поведу. Обвинение это совершенно ложно. Что касается моего мнения о рабовладении, то я его отнюдь не скрываю. Да, я аболиционист! Да, я глубоко сожалею о братоубийственной войне, вспыхнувшей между Севером и Югом. Да, я боюсь, что Югу придется перенести тяжкие бедствия, от которых он не скоро оправится, и в интересах самих южан я бы желал, чтобы они избрали иной путь и не затевали бы войны, противоречащей здравому смыслу и совести. Со временем, граждане, вы сами оцените мои слова, как и вообще слова всех тех, которые удерживали вас от безумного шага. Когда реформа созреет, безумие ей противиться.

Да, наконец, и само по себе отделение Юга от Севера есть тяжкое преступление против общего нашего американского отечества. Ни здравый смысл, ни справедливость, ни даже сила не на вашей стороне, и вам не удастся свершить это преступление.

Слова эти были встречены сперва одобрительным ропотом, но затем поднялись неистовые крики. Большинству присутствующих — людям без чести и совести — речь Бербанка пришлась не по вкусу.

Судье лишь с трудом удалось водворить тишину, и Джемс Бербанк продолжал:

— Пусть мне предъявят теперь обвинение в каком-нибудь проступке, а не в том, что я придерживаюсь известного образа мыслей. Тогда я сумею возразить своему обвинителю.

Бербанк держался с таким достоинством, что судьи почувствовали себя очень неловко. За Джемсом Бербанком они не знали ни одного проступка. И роль их долж-

на была свестись к тому, чтобы позволить предъявить Бербанку обвинение, подкрепленное доказательствами, если таковые найдутся.

Тексар понял, что должен точнее формулировать свое обвинение, если хочет достигнуть цели.

— Ладно! — сказал он. — Хотя я и не согласен с тем, что можно допускать свободу мнений в таких существенно важных вопросах, из-за которых вся страна готова пролить свою кровь, но если Джемс Бербанк считает себя вправе держаться своего мнения по этим вопросам, если он, как утверждает, воздерживается при этом от вербовки единомышленников, то почему бы ему не воздержаться и от сношений с врагом, стоящим у самых границ Флориды?

Связь с федералистами при данных обстоятельствах была тяжким обвинением. И присутствующие заволновались. Но одного голословного заявления было все-таки мало, нужны были факты.

— Вы утверждаете, что я нахожусь в преступных сношениях с неприятелем? — переспросил Джемс Бербанк.

— Да, утверждаю, — ответил Тексар.

— Объяснитесь в таком случае точнее. Я этого требую.

— Извольте, — сказал Тексар. — Три недели тому назад из армии федералистов или, может быть, с эскадры Дюпона к Джемсу Бербанку послан был гонец. Его проследили от границы Флориды до Кэмдлес-Бея и от плантации обратно до границы. Станете ли вы это отрицать?

Речь, очевидно, шла о гонце, доставившем письмо от Джилберта. Шпионам Тексара удалось его выследить. Обвинение на этот раз основывалось на факте, и все с нетерпением ждали, что ответит Джемс Бербанк.

Но он не подумал запереться.

— Правда, ко мне в это время приходил человек, — сказал он. — Но человек этот вовсе не был гонцом из армии, он просто принес мне письмо от моего сына...

— От вашего сына! — вскричал Тексар. — А сын ваш служит в армии унионистов и, быть может, идет сейчас в первых рядах врагов, подступающих к границе Флориды!

Эти слова были сказаны с такою силой, что потрясли присутствующих. Джемс Бербанк признался уже, что получил письмо от сына. Если он подтвердит еще, что сын его служит в войсках федералистов, как сможет он оправдаться от обвинения в тайных сношениях с неприятелем?

— Желаете вы объяснить факты, касающиеся вашего сына? — спросил председатель.

— Нет, сударь, — решительно отвечал Джемс Бербанк, — не желаю. Насколько мне известно, ведь речь идет не о моем сыне, а обо мне. Меня обвиняют в сношениях с федералистской армией. Я это отрицаю и предлагаю моему обвинителю, действующему исключительно из личной вражды ко мне, представить доказательства.

— Он, значит, сознается, что его сын сражается в рядах федералистов! — вскричал Тексар.

— Мне не в чем сознаваться, решительно не в чем, — ответил Бербанк. — Это вам надлежит доказать свое обвинение.

— Хорошо же, — вскричал Тексар, — я берусь его доказать. Через несколько дней я добуду факты, которых от меня требуют, а раз они будут налицо...

— Раз они у вас будут, — перебил испанца судья, — мы немедленно приступим к их обсуждению. Пока же я

положительно не вижу, в чем, собственно, можно обвинить Джемса Бербанка.

Своим решением судья доказал, что он человек честный и беспристрастный. Он был, конечно, прав по существу, но большинство присутствующих, враждебно настроенных против владельца Кэмдлес-Бея, не хотело этого признать. Сторонники Тексара громко роптали. Тексар это заметил и, оставив в покое молодого Бербанка, обрушился снова на его отца.

— Да, — повторил он, — я докажу несомненными фактами, что Джемс Бербанк находится в преступных сношениях с неприятелем, готовым вторгнуться в нашу страну. Но и помимо того, образ мыслей, которого Джемс Бербанк открыто держится, представляет общественную опасность. А потому от имени всех рабовладельцев Флориды, не желающих подчиняться игу Севера, я требую, чтобы Джемс Бербанк был взят под стражу...

— Да!.. Да!.. Арестовать его!.. — закричали сторонники Тексара, тогда как благожелательно настроенная часть публики тщетно пыталась протестовать против такого ни на чем не основанного требования.

Судья с большим трудом водворил спокойствие, и Джемс Бербанк возразил:

— Во имя права и справедливости я решительно протестую против произвола, на который толкают правосудие. Я никогда не скрывал, что я убежденный аболиционист. Но в нашей свободной стране существует свобода мнений. Закон не может покарать меня за то, что им не запрещается и что поэтому не является преступлением.

Послышались возгласы одобрения, на этот раз более дружные. Тогда Тексар, видя, что его стрелы не попада-

ют в цель, бросил вдруг Джемсу Бербанку совершенно неожиданный вызов.

— Ну, что же, — сказал он, — если вы такой ярый противник рабовладения, — докажите это на деле: освободите своих невольников.

— Я так и сделаю, когда наступит благоприятный момент, — ответил Бербанк.

— А когда этот момент наступит? Не тогда ли, когда unionисты овладеют Флоридой? — подхватил Тексар. — Чтобы согласовать свои мнения с поступками, вы дожидаетесь солдат Шермана и матросов Дюпона, а без них не решаетесь! Что же! В этом сказывается ваше благоразумие и... трусость.

— Трусость? — с негодованием вскричал Джемс Бербанк, не догадываясь, что это просто ловушка.

— Да, трусость, — повторил Тексар. — Иначе как же объяснить, что вы думаете так, а поступаете по-иному? Право, можно подумать, что вы просто заигрываете с северянами, предусмотрительно стараетесь заручиться среди них популярностью. На деле же вы самый обыкновенный рабовладелец, не желающий поступаться своими выгодами, как и все мы, грешные!

При этом оскорблении Джемс Бербанк гордо выпрямился и кинул на своего обвинителя взгляд, исполненный глубочайшего презрения. Куда девалась вся его сдержанность. Человек прямой и честный, он был задет за живое этим упреком в лицемерии.

— Граждане Джэксонвилла! — громко вскричал он, чтобы быть всеми услышанным. — Граждане Джэксонвилла! С нынешнего дня у меня нет больше ни одного невольника. Я объявляю, что отныне на всем пространстве моих владений в Кэмдлес-Бее рабство отменяется.

Это смелое заявление было встречено сперва громким «ура!».

Да, поистине, чтобы сделать подобное заявление, нужно было обладать большою смелостью и... отсутствием осторожности.

Но в порыве негодования разгневанный Бербанк не подумал об этом.

Принятое им решение задевало интересы других землевладельцев Флориды. И в настроении собравшейся в суде публики очень быстро наступила реакция. Рукоплескания заглушены были яростными криками не только активных сторонников рабства, но и людей равнодушных до сих пор к этому вопросу. Этим поворотом хотели воспользоваться сторонники Тексара, чтобы расправиться с Бербанком, но на этот раз Тексар сам их остановил.

— Оставьте его, — сказал он. — Джемс Бербанк сам себя обезоружил, и ему теперь от нас не уйти.

Эти слова, значение которых вскоре станет ясным, остановили любителей насилия. И Бербанк, отпущенный судьей, мог беспрепятственно удалиться. Засадить его в тюрьму, как требовал Тексар, за отсутствием улик было невозможно. Но испанец настаивал на своих показаниях, и если позже он сможет представить доказательства и пролить свет на связи Джемса Бербанка с врагом, суд возобновит дело против владельца Кэмдлсбея. До тех же пор Джемс Бербанк должен оставаться на свободе.

Однако официальное заявление Бербанка об освобождении всех рабов на его плантации было впоследствии использовано мятежниками против городских властей.

Когда Бербанк покинул здание суда, по пятам за ним

следовала враждебно настроенная толпа; но милиция сумела оградить его от насилий. Дело ограничилось только бранью и угрозами. Тут сказалось, очевидно, влияние Тексара, приказавшего его не трогать. Бербанк смог, таким образом, беспрепятственно добраться до набережной, где его дожидалась лодка. Здесь он распрощался с мистером Гарвеем, ни на миг не оставлявшим его весь день. Вскоре лодка вышла на середину реки, куда не долетали уже злобные выкрики, которыми джэксонвиллские подонки сопровождали его отъезд.

Начался отлив, и лодка лишь через два часа добралась до пристани Кэмдлес-Бей; там ждала Бербанка его семья. Как счастливы были его домашние, когда он вернулся! Ведь было столько оснований бояться, что он совсем не вернется!

— Ведь я же тебе сказал, детка, что буду обедать дома, — говорил Джемс Бербанк обнимавшей его Ди. — А ты знаешь, я всегда держу свои обещания.

ГЛАВА 8

Последняя невольница

В тот же вечер Джемс Бербанк рассказал семье обо всем, что происходило в суде. Всякому стало ясно, какую гнусную роль сыграл в этом деле Тексар. Именно по его настоянию и под давлением подонков населения Джэксонвилла была послана в Кэмдлес-Бей судебная повестка. А поведение судей заслуживало только одобрения. В ответ на обвинение Тексара они потребовали от него веских доказательств, что связь с федералистами действительно существует. Но так как Тексар привести

таких доказательств не смог, Джемс Бербанк был оставлен на свободе.

Среди этих бездоказательных обвинений было упомянуто, однако, имя Джилберта. Никто, кажется, и не сомневался в том, что молодой человек находится в рядах армии северян. И разве отказ отвечать на этот вопрос не был уже полупризнанием со стороны Джемса Бербанка?

Легко представить себе, какие опасения и страхи родились поэтому в душе миссис Бербанк, Алисы и вообще у всей семьи. За невозможностью расправы над ускользнувшим от них сыном не вздумают ли джэксонвиллские мерзавцы обрушиться на его отца? Тексар, вероятно, просто хвастал, обещая представить через несколько дней доказательства. Но ведь нет ничего невозможного в том, что ему удастся их раздобыть, и в каком отчаянном положении они все тогда окажутся!

— Бедный Джилберт! — вскричала миссис Бербанк. — Какой ужас — знать, что он так легко может попасть в когти Тексара, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своего.

— А нельзя ли сообщить ему о том, что произошло в Джэксонвилле? — спросила Алиса.

— Да-да, — поддержал ее Стэннард. — Необходимо, чтобы он понял, что малейшая неосторожность с его стороны может погубить и его, и нас.

— Но как же мы дадим ему знать? — возразил Джемс Бербанк. — Вокруг Кэмдлес-Бея, несомненно, шныряют шпионы. Ведь успели же они выследить гонца Джилберта. Наше письмо может попасть в руки Тексара, а гонца с устным поручением могут по дороге схватить и задержать. Нет, друзья мои, уж лучше не делать никаких

попыток, которые могли бы только ухудшить положение; дай только бог, чтобы федеральная армия поскорее вступила во Флориду и освободила в ней честное меньшинство от негодяев, составляющих большинство!

Джемс Бербанк был вполне прав. Вступать в сношения с Джилбертом, когда плантацию окружали шпионы, значило подвергать себя напрасному риску. Ведь близок был час, когда он, Бербанк, а с ним и все сторонники Севера, живущие во Флориде, будут в полной безопасности под защитой армии федералистов. Коммодор Дюпон чуть ли не завтра же должен отплыть из Эдисто. И со дня на день нужно было ожидать известия о вступлении его эскадры в бухту Сент-Андрус.

Потом Джемс Бербанк рассказал о важном инциденте, разыгравшемся перед судьями Джэксонвилла, о том, как он вынужден был ответить на вызов, брошенный ему Тексаром; как, в сознании своего права и уступая голосу совести, он всенародно объявил об уничтожении рабства во всех своих владениях. Он первый в Южных штатах сделал это добровольно, а не в силу военных успехов северян.

Смелый и великодушный поступок! Но каковы будут его последствия — предвидеть трудно. Одно было несомненно: он не только не облегчит положения Бербанка в этом рабовладельческом крае, но и вызовет волнения среди невольников соседних плантаций. Ну что ж! Семья Бербанков, оценив великодушие этого жеста, одобрила поступок своего главы.

— Джемс! — воскликнула миссис Бербанк. — Что бы там ни случилось, но ты был прав, ответив так на гнусные нападки этого негодяя!

— Мы все гордимся вами, отец! — сказала Алиса, впервые называя Бербанка этим нежным именем.

— Дочь моя, когда Джилберт и федералисты придут наконец во Флориду, они не найдут в Кэмдлес-Бее ни одного раба, — отвечал Бербанк.

— Благодарю вас, хозяин, — сказала молчавшая до тех пор Зерма, — благодарю вас и за себя, и за других невольников; но что касается меня — я никогда и не чувствовала себя у вас рабой. Вы так добры, так великодушны, что я всегда была такою же свободной, как сегодня.

— Правда, Зерма, — ответила миссис Бербанк, — мы как любили тебя прежде, так же будем любить и теперь.

Не в силах скрыть своего волнения, Зерма схватила малютку Ди в объятия и горячо прижала ее к груди.

Кэррол и Стэннард с жаром пожали Джемсу Бербанку руку, давая ему понять, что они вполне одобряют его смелый и честный поступок!

Домашние Бербанка, восторгаясь его великодушием, очевидно, забыли об опасных последствиях, которые мог вызвать этот поступок.

Никто в Кэмдлес-Бее — кроме управляющего Пэрри, разумеется, — не порицал Джемса Бербанка. Но почтенный Пэрри, совершавший в это время обход плантации, должен был вернуться только к ночи и не знал еще о событии, которое должно было прититься ему не по вкусу.

Приближалась ночь, и пора было ложиться спать. Прощаясь с домашними, Джемс Бербанк предупредил их, что завтра же объявит неграм о своем решении.

— Сообщите им об освобождении при нас, Джемс, — попросила миссис Бербанк. — Мы все хотим присутствовать при этом.

— Да-да, все, — подтвердил Эдвард Кэррол.

— А мне, папа, можно? — спросила Ди.

— Можно, малютка, разумеется, можно.

— Зерма, неужели ты от нас тогда уйдешь? — спросила девочка.

— Да нет же, дорогая моя, нет, не уйду, — отвечала мулатка. — Я никогда с тобой не расстанусь.

Были отданы обычные распоряжения об охране плантации, и вся семья разошлась на ночь по своим комнатам.

Первый, кого встретил на следующее утро в парке Бербанк, был его управляющий. Тот еще ни о чем не догадывался. И Пэрри узнал новость из уст самого Бербанка, который предвидел заранее, как будет огорошен его управляющий.

— О, мистер Джемс! Мистер Джемс! — только и нашелся он сказать.

— Ведь это не должно было вас особенно удивить, Пэрри, — сказал Бербанк. — Я лишь предупредил события. Об освобождении невольников обязан подумать каждый уважающий себя плантатор.

— Уважающий себя, мистер Джемс? При чем же тут самоуважение?

— Ну, если не уважающий себя, то, по крайней мере, радеющий о собственной пользе... если это для вас понятнее.

— Радеющий о своей пользе, мистер Джемс? О пользе?.. И вы решаетесь это говорить?

— Решаюсь, дорогой Пэрри, и будущее покажет, что я совершенно прав.

— Но где же мы будем тогда брать рабочих, мистер Джемс?

— Будем нанимать негров, Пэрри.

— Да ведь если неграм дать право не работать, так они ни за что работать не станут!

— Не беспокойтесь, станут, и усерднее прежнего, потому что свободный труд — не то что работа из-под палки.

— Нет, мистер Джемс, ваши негры уйдут от вас, как только вы их освободите.

— Очень буду удивлен, любезный Пэрри, если уйдет хоть один из них.

— Значит, я уже не управляющий кэмдлес-бейскими неграми?

— Зато вы управляющий кэмдлес-бейской плантацией, и я полагаю, что для вас гораздо приятнее управлять свободными людьми, чем рабами.

— Но, мистер Джемс...

— Дорогой Пэрри, предупреждаю вас, что у меня заранее готовы ответы на все ваши «но». Примиритесь же с событием, которое все равно было неизбежно и которое все мои домашние встретили с радостью.

— А негры уже знают об этом?

— Нет еще, и пожалуйста, Пэрри, не говорите им пока ничего. Я сам им сегодня же объявлю. В три часа велите всем собраться в парке и только предупредите негров, что я хочу сделать очень важное сообщение.

Управляющий удалился, изумленно пожимая плечами и бормоча:

— Негры — и вдруг свободные люди! Негры — вольнонаемные! Негры — сами себе господа! Да что же это такое? Коренной переворот, революция, это значит все человеческие законы побоку!.. Противоестественно... да, совершенно противоестественно!

Утром Бербанк, Кэррол и Стэннард поехали осматривать северную границу плантации. Негры, как обычно, трудились на полях риса, кофе и сахарного тростника. Кипела работа и на лесопильнях, и стройках. Секрет, стало быть, еще никому не известен. Из Джэксонвилла и его окрестностей никаких вестей еще не дошло, и о намерении Бербанка не знали даже те, кого оно непосредственно касалось.

Бербанк и его друзья осмотрели тщательно границы плантации. Можно было, однако, опасаться, что после всего случившегося накануне толпа разнузданных подонков из Джэксонвилла или окрестных деревень двинется на Кэмдлес-Бей. Но пока ничего такого не было заметно, на реке и на берегу было спокойно. Шпионы не появлялись. В 10 часов утра прошел вверх по реке «Шаннон», но у пристани Кэмдлес-Бея не остановился и продолжал свой путь в Пиколату, так что ни с низовой, ни с верховий реки обитателям Касл-Хауса ничего пока не грозило.

К двенадцати часам трое друзей вернулись домой, где их уже ждали к завтраку. Все семейство вздохнуло свободнее, беседа пошла оживленней. Положение, казалось, стало менее напряженным. И все пришли к заключению, что джэксонвиллские власти немного обуздали партию Тексара. Если такое положение продлится еще несколько дней, северяне вступят во Флориду и местным аболиционистам нечего будет бояться каких бы то ни было насилий.

Джемс Бербанк, стало быть, мог совершенно спокойно осуществить свое намерение и объявить об освобождении своих рабов — первый случай добровольного освобождения негров во всех рабовладельческих штатах.

Всех больше должен был обрадоваться свободе молодой, двадцатилетний негр Пигмалион, или попросту Пиг. Он числился работником при Касл-Хаусе, жил там и не работал ни на поле, ни в мастерских. Парень он был чудаковатый, тщеславный и с ленцой, и многое ему сходило с рук лишь благодаря доброте хозяев. Когда возник вопрос об уничтожении рабства, стоило послушать, с каким пафосом он разглагольствовал о свободе и равенстве всех людей. Кстати и некстати произносил он перед своими собратьями самые высокопарные речи, над которыми они, не стесняясь, подсмеивались. В своих речах он возносился выше облаков, тогда как на деле он и по земле ступал нетвердо. По существу же, это был добродушнейший малый, и ему позволяли ораторствовать сколько душе угодно. Когда управляющий Пэрри бывал в духе, он заводил с чернокожим пропагандистом настоящие прения. Легко представить себе, как должен был встретить Пиг весть об освобождении, возвращавшем ему его человеческое достоинство.

Неграм велено было собраться к трем часам в парке перед домом. Их предупредили, что мистер Бербанк намерен сделать им очень важное сообщение. К трем часам, как и было назначено, невольники стали собираться перед домом. Пообедав в полдень, они больше уже не возвращались к своей работе — в мастерских, на полях или в лесу. Им захотелось приодеться, сменить свое рабочее платье на праздничное, как было у них заведено, когда их допускали за ограду господского парка. В поселках стояла суета. Обитатели их сновали из хижины в хижину. Управляющий Пэрри расхаживал, ворча:

— Подумать только: сейчас еще этими неграми можно торговать, как скотом, а не пройдет и часу, как они

будут свободными людьми, их уже не продашь и не купишь. Нелепо, нелепо, я всегда буду это твердить, всегда, до последнего вздоха. Это противоестественно, что бы там ни говорили и ни делали мистер Бербанк, президент Линкольн, все северяне-федералисты и либералы всех стран. Да, противоестественно и нелепо!

Как раз в эту минуту раздраженному управляющему подвернулся под руку Пиг, ничего, конечно, еще не знавший.

— Зачем нас созывают, мистер Пэрри? — спросил он. — Не можете ли вы мне сказать?

— Могу, дуралей, для того чтобы...

Но тут управляющий спохватился и умолк. В то же время ему пришла вдруг в голову одна мысль.

— Ступай-ка сюда, Пиг, — сказал он.

Пигмалион подошел.

— Деру я тебя иногда за уши?

— Да, мистер Пэрри, это ваше право, но только оно противно и человеческой справедливости, и божеским законам.

— Хорошо, но все-таки это мое право, не так ли?.. Давай же, я воспользуюсь им еще раз.

И, не обращая внимания на крики Пига, управляющий выдрал его за длинные уши, впрочем, совсем не больно, а просто так, для острастки. Воспользовавшись в последний раз своим правом, почтенный мистер Пэрри почувствовал как бы некоторое облегчение.

В три часа на ступенях крыльца Касл-Хауса показался Джемс Бербанк со всем своим семейством. Перед домом стояла толпа в семьсот человек негров — мужчин, женщин и детей. Притащились даже дряхлые старики,

неспособные к работе и жившие на покое в поселках Кэмдлес-Бея. Этих стариков было человек двадцать.

Толпа затихла. По знаку Джемса Бербанка мистер Пэрри и его помощники подтолкнули негров поближе к крыльцу, чтобы каждый мог ясно слышать то, что будет говорить плантатор.

— Друзья мои! — обратился к ним Джемс Бербанк. — Вы знаете, что в Соединенных Штатах кипит кровавая междоусобная война. Главная причина этой войны — вопрос о невольничестве. Юг стоит за сохранение рабства, считая, что блюдет тем самым свои интересы, Север во имя человечности выступает против рабовладения. Бог помог защитникам правого дела, и оружие их уже не раз прославилось победой. Я, друзья мои, северянин по происхождению и всегда, не скрывая этого, был сторонником уничтожения рабства, хотя и не имел возможности применять свои убеждения на деле. В настоящее время обстоятельства сложились так, что я могу, не откладывая больше, действовать согласно моим взглядам. Выслушайте же со вниманием, что я вам скажу от себя и от имени всей моей семьи.

По толпе прошел гул, но тотчас же утих. Тогда Джемс Бербанк громким голосом объявил во всеуслышание:

— «С нынешнего дня, то есть с двадцать восьмого февраля тысяча восемьсот шестьдесят второго года, все невольники на моей плантации навсегда освобождаются от рабства. Они вольны располагать собою как хотят. С нынешнего дня в Кэмдлес-Бее нет больше ни одного невольника, а есть одни лишь свободные люди».

В ответ ему грянуло восторженное «ура!». Сотни рук протянулись к нему в порыве горячей благодарности. На всех устах было имя Джемса Бербанка. Толпа при-

двинулась вплотную к крыльцу. Мужчины, женщины, дети — все стремились поцеловать руку своего освободителя. Неопишуемые радость и восторг, еще усиленные неожиданностью, преисполнили сердца освобожденных. Пигмалион суетился, жестикулировал и ораторствовал больше всех.

Тогда выступил из толпы самый старый из негров, поднялся на первые ступеньки крыльца и, выпрямившись, взволнованным голосом обратился к Бербанку:

— Примите, мистер Бербанк, горячую благодарность освобожденных невольников Кэмдлес-Бея за то, что из ваших уст раздались первые слова об отмене рабства на земле штата Флориды!

Старик медленно поднялся еще на несколько ступеней, приблизился к Джемсу Бербанку и поцеловал у него руку. Маленькая Ди потянулась к старику. Он взял девочку на руки и показал ее толпе.

— Ура мистеру Бербанку! Ура!

Этот ликующий крик гулко разнесся по окрестностям и долетел, вероятно, до Джэксонвилла, дав знать жителям его, что великий акт освобождения свершился.

Семья Бербанков была растрогана до глубины души. Тщетно пыталась она унять восторг толпы — крики не умолкали и стихли тогда лишь, когда Зерма поднялась на ступеньки крыльца и попросила слова.

— Вот, друзья мои, — сказала она, — мы все теперь свободны. Свободой своей мы обязаны великодушию того, кто был нашим хозяином и лучшим из хозяев.

— Да!.. Да!.. — закричали с восторженной благодарностью сотни голосов.

— Каждый из вас может теперь располагать собою как угодно, — продолжала Зерма. — Кто хочет, может

уйти с плантации и жить как ему заблагорассудится. О себе скажу, что я поступлю, как велит мне сердце, и я думаю, что большинство из вас сделает то же. Седьмой уже год я живу в Кэмдлес-Бее. И я и мой муж здесь жили, здесь же оба хотим умереть. Я прошу мистера Бербанка оставить нас у себя: мы будем так же служить ему вольными, как служили рабами. Кто согласен со мной?

— Все!.. Все!.. — дружно закричала толпа.

Это единодушие показало, как любим был хозяин Кэмдлес-Бея, какими узами доверия и признательности были связаны с ним освобожденные им невольники.

Тогда Бербанк снова обратился к толпе. Он сказал, что желающие могут оставаться у него служить на новых условиях, что нужно только уговориться относительно их прав и вознаграждения, которое каждый из негров должен впредь получать за свой труд. Но прежде всего, прибавил он, надлежит узаконить освобождение, а потому каждому вольноотпущенному будет выдан по всем правилам составленный документ об освобождении, для него самого и для всего его семейства, который вернет им человеческие права.

Эти бумаги были тут же розданы неграм помощниками управляющего. Они давно уже были заготовлены и заранее подписаны Джемсом Бербанком. Негры получили свои документы с самым трогательным выражением признательности.

День закончился веселым праздником. Хотя назавтра неграм предстояло снова приняться за работу — день освобождения должен был быть отпразднован всей плантацией; семья Бербанков во время этого праздника

была окружена проявлениями самой искренней любви и безграничной преданности.

Пэрри как неприкаянный блуждал среди своего бывшего человеческого стада.

— Ну, Пэрри, что вы теперь скажете? — спросил его Бербанк.

— Что же сказать? Хоть вы негров и освободили, но они так и остались неграми, африканцами и ничуть от этого белее не стали: черными на свет родились, черными и помрут.

— Зато жить теперь будут, как белые, а это — главное, — возразил, улыбаясь, Бербанк.

Семейный обед в Касл-Хаусе прошел в этот день особенно весело. Бербанки чувствовали себя счастливыми и с надеждой смотрели на будущее. Еще несколько дней — и спокойствие Флориды обеспечено. Никаких дурных вестей из Джэксонвилла не приходило. Возможно, что поведение Джемса Бербанка на суде произвело на большую часть тамошних жителей благоприятное впечатление.

В Касл-Хаусе обедал в этот день и Пэрри, которому волей-неволей приходилось принимать участие в событии, помешать которому он не мог. Управляющий сидел за столом против того самого старика негра, который от имени освобожденных благодарил Бербанка. Джемс Бербанк позвал своего вольноотпущенника на обед, чтобы показать ему и его собратьям, что для хозяина Кэмдлес-Бея освобождение негров не пустые слова.

Сквозь открытые окна в столовую долетали веселые крики ликующих негров. Весь парк сверкал иллюминацией. Разноцветные огни горели в разных местах плантации. В середине обеда явилась депутация от вольноот-

пущенных и поднесла «мисс Ди Бербанк из Кэмдлес-Бея» великолепнейший букет цветов, несомненно лучший из тех, которые ей приходилось получать до сих пор. Не было конца изъявлениям благодарности и восторженным излияниям.

Обед окончился. Бербанки из столовой перешли в холл, перед тем как разойтись на ночь по своим комнатам. Казалось бы, день, ознаменованный столь радостным событием, должен был в радости и закончиться. К восьми часам на плантации водворилась тишина и спокойствие, которые ничто как будто бы не должно было нарушить. Но вдруг под окнами Касл-Хауса слышались какие-то голоса.

Джемс Бербанк встал и пошел отворить дверь.

Несколько человек, громко разговаривая, дожидались у входа.

— Что случилось? — опросил Бербанк.

— Мистер Бербанк, — отвечал один из помощников управляющего, — у пристани остановилась лодка.

— Откуда она прибыла?

— С того берега.

— А кто в ней?

— Курьер джэксонвиллского магистрата.

— Что ему нужно?

— Он желает вас видеть. Вы разрешите ему выйти на берег?

— Разумеется!

Миссис Бербанк подошла к мужу, а Алиса поспешила к окну. Стэннард и Кэррол направились к дверям. Зерма встала со своего места, схватив за руку маленькую Ди. У всех явилось предчувствие чего-то недоброго.

Помощник управляющего пошел на пристань и через

четверть часа вернулся в сопровождении приехавшего из Джэксонвилла курьера.

На курьере был мундир местной милиции. Его ввели в холл, и он спросил, может ли он видеть Джемса Бербанка.

— Это я, — отозвался Бербанк. — Зачем я вам нужен?

— Я должен вручить вам пакет.

Курьер подал Бербанку большой конверт с печатью.

Сломав печать и развернув бумагу, Джемс Бербанк прочел следующее:

«Вновь избранный магистрат города Джэксонвилла постановляет: всякий невольник, освобожденный вопреки установленному в Южных штатах порядку, подлежит немедленному изгнанию из Флориды.

Постановление это должно быть выполнено в течение сорока восьми часов; в случае невыполнения — будет применена сила.

*Джэксонвилл, 28 февраля 1862 года.
Тексар».*

Итак, законные власти в городе уже свергнуты, и там хозяйничают теперь Тексар и его приспешники.

— Какой будет ответ? — спросил курьер.

— Никакого, — отвечал Джемс Бербанк.

Курьер ушел, и лодка отвезла его обратно в Джэксонвилл.

Стало быть, согласно приказанию негодяя-испанца бывшие невольники Бербанка подлежали изгнанию из графства. Они изгонялись с территории Флориды только потому, что стали свободными! И Джемсу Бербанку предстояло лишиться преданных слуг, на которых он

мог положиться, если бы понадобилось защищать плантацию.

— Быть свободною на таких условиях! — вскричала Зерма. — Да ни за что на свете! Не нужно мне и свободы, если так. Нет, хозяин, лучше уж я останусь невольницей, только бы мне не разлучаться с вами!

И с этими словами Зерма, схватив свой документ об освобождении, разорвала его на клочки и упала к ногам Джемса Бербанка.

ГЛАВА 9

Ожидание

Таковы были ближайшие последствия великодушно-го порыва, которому поддался Джемс Бербанк, освободивший своих рабов, не дожидаясь прихода армии федералистов.

Теперь в городе, да и во всем графстве власть перешла в руки Тексара и его приспешников.

Эти грубые и жестокие по натуре люди пустят сейчас в ход самое гнусное насилие, прибегнут к безудержному произволу. Испанцу не удалось, правда, засадить Бербанка в тюрьму, подтвердить фактами свое обвинение он не смог, но цели своей он тем не менее достиг: большая часть населения Джэксонвилла оказалась враждебно настроенной против городских властей, отказавшихся арестовать владельца Кэмдлес-Бея, и Тексар этим воспользовался. Когда суд оправдал владельца плантации, противника рабства, северянина, который в пику большинству заявил о желании освободить своих рабов, — Тексар, взбунтовав толпу бродяг и проходимцев, поднял в городе мятеж. Он сместил городские власти и,

посадив на их место самых ярких своих приверженцев, образовал из них комитет, в котором жители штата, испанцы по происхождению, делили власть с городскими подонками; он заручился поддержкой милиции, которую давно уже обхаживал и которая всегда ладила с самой разнузданной чернью. Теперь судьба обитателей всего графства оказалась в его руках.

Надо сказать, что поступок Джемса Бербанка пришелся далеко не по вкусу большинству землевладельцев, имевших плантации по реке Сент-Джонс. Они боялись, что их негры тоже, чего доброго, потребуют освобождения. Большинство плантаторов, сторонников рабовладения, негодуя на победы северян, решили бороться с ними и, видя, как сопротивляются федералистам другие Южные штаты, вообразили, что и Флорида может противиться вторжению федеральных войск. Поэтому многие поспешили теперь стать под знамена Джефферсона Дэвиса, хотя до тех пор относились довольно равнодушно к вопросу, из-за которого разгорелась война. Сейчас они готовы были поддержать мятежников, вступивших в борьбу с правительством Авраама Линкольна.

Немудрено, что при подобных обстоятельствах Тексар, играя на настроениях жителей штата, отстаивавших свои материальные интересы, сумел добиться большой силы, хотя лично он далеко не пользовался общественным уважением. Как бы то ни было, но теперь он был у власти, которую собирался применить не столько для сопротивления северянам и борьбы с флотилией Дюпона, сколько для достижения своих низких и преступных целей.

Вот почему — из мести к семье Бербанков — первым

его действием после захвата власти было уже известное нам распоряжение: изгнать в сорок восемь часов из графства Дьювал всех освобожденных невольников.

— Я ограждаю этой мерой интересы землевладельцев, — говорил он. — Они должны одобрить мое постановление. Если вольноотпущенные будут изгнаны, то у негров во всей Флориде пропадет всякая охота бунтовать для получения свободы.

Большинство джэксонвиллцев приветствовало принятую Тексаром меру, хотя она и была совершенно незаконной. Да, незаконной, несправедливой, ничем не оправдываемой! Джемс Бербанк был вправе освободить своих рабов. Этим правом он всегда мог воспользоваться даже и тогда, когда не начиналась еще междоусобная война: права этого никто не мог у него отнять. Подписывая свое распоряжение, Тексар действовал вопреки правосудию и законности.

Распоряжение Тексара лишало Кэмдлес-Бей его естественных защитников, чего, в сущности, только и добивался испанец.

Все в Касл-Хаусе это прекрасно понимали и в глубине души начинали жалеть, что Джемс Бербанк поторопился и не дождался более благоприятного момента. Но, с другой стороны, разве мог он откладывать, когда, обвиненный в том, что слова его расходятся с делом, он возмутился и дал в зале суда торжественное обещание освободить своих негров?

А теперь Бербанк и его близкие попали в очень опасное положение и должны были немедленно решить, как из него выйти.

В тот же вечер в Касл-Хаусе обсуждался вопрос: не лучше ли было бы отменить освобождение негров? Нет,

это ни к чему. Ведь Тексар этим все равно не удовлетворится. Впрочем, сами негры, узнав о мере, принятой против них новой администрацией Джэксонвилла, последуют, конечно, примеру Зермы и разорвут свои вольные. Чтобы не уходить из Кэмдлес-Бея, вольноотпущенники Бербанка предпочтут остаться еще на некоторое время рабами, покуда не изменится обстановка и не будет издан закон, отменяющий рабство и дающий им право жить где угодно.

Да и к чему им сейчас это право? Разве они оставят плантацию, разве они не будут яростно защищать ее вместе со своими бывшими господами от любого покушения? Разве плантация эта не была для них родным домом даже и теперь, когда они получили свободу? Конечно, была, Зерма ручалась за это. И Бербанк решил не отменять раз сделанного. Домашние его это решение одобрили. Они не ошиблись, ибо на следующий же день — только что разнеслась весть о принятом джэксонвиллском комитетом постановлении — взволнованные негры бросились к Бербанку с выражением своей верности и безграничной преданности. Если Тексар вздумает силою привести в исполнение свое постановление, они сумеют дать ему отпор.

— Да наконец, скоро придут федералисты, — сказал Кэррол, — и через каких-нибудь два дня вопрос о рабстве во Флориде будет решен. Послезавтра в устье Сент-Джонса вступит эскадра Дюпона и тогда...

— А если милиция и войска южан окажут сопротивление? — заметил Стэннард.

— Долго сопротивляться они будут не в силах, — ответил Кэррол. — Как смогут они задержать commodora Дюпона, не имея ни кораблей, ни канонерок? Или по-

мешать генералу Шерману высадить десант? А когда федералисты займут Фернандину, Джэксонвилл и Сент-Огастин, они станут хозяевами Флориды. Тогда Тексару и его сторонникам останется только спастись бегством.

— Нет, уж лучше пусть его арестуют! — воскликнул Бербанк. — Когда он попадет в руки федерального правосудия, ему едва ли удастся избежать наказания за все его преступления, ему не помогут тогда ссылки на алиби.

Ночь в Касл-Хаусе прошла совершенно спокойно, но миссис Бербанк и Алиса провели ее в страшной тревоге.

На следующий день — 1 марта — в Кэмдлес-Бее чутко прислушивались ко всем приходившим извне слухам. В этот день плантации еще не угрожала опасность. Постановление Тексара должно быть выполнено в двухдневный срок, следовательно, оставались еще сутки. Решившись пренебречь постановлением, Джемс Бербанк поспешил воспользоваться этим временем, чтобы принять необходимые меры для защиты плантации.

Прежде всего нужно было разузнать, как развиваются военные события. С минуты на минуту ход военных действий мог бы круто изменить положение. Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол собрались проехаться верхом вдоль правого берега Сент-Джонса до самого его устья, чтобы осмотреть хорошо всю местность вплоть до маяка на мысе Сан-Пабло. Проезжая мимо Джэксонвилла, стоящего на противоположном берегу, они хотели незаметно выяснить, нет ли там в гавани каких-нибудь приготовлений для переправы на правый берег и для нападения на плантацию. Проехав в полчаса до границы плантации, они продолжали продвигаться на север.

Миссис Бербанк с Алисой ходили взад и вперед по

парку. Их терзало тяжелое предчувствие надвигающейся катастрофы, и Стэннард тщетно пытался успокоить их.

Тем временем Зерма решила побывать в поселке. Негры знали уже, что им грозит изгнание, но решили пренебречь постановлением и принялись, как обычно, за работу. Они, как и их бывший хозяин, пожелали тоже дать отпор Тексару. По какому праву их, людей теперь свободных, могут изгнать из края, который стал для них второй родиной? Зерма вернулась к своей госпоже с успокоительными вестями: мистер Бербанк мог вполне положиться на своих бывших невольников.

— Да, — сказала она, — все мои товарищи, как и я, готовы снова считаться рабами, лишь бы не уходить с плантации, не расставаться с хозяевами Касл-Хауса. И если понадобится — они сумеют отстоять свои права.

Теперь нужно было только подождать возвращения Бербанка и Кэррола. Ведь вполне возможно, что нынче же, в день 1 марта, близ Сан-Пабло появится эскадра Дюпона, готовая занять устье Сент-Джонса, и тогда, дабы задержать ее, понадобится вся милиция, так что джэксонвиллским властям будет уже не до того, чтобы посылать вооруженную силу в Кэмдлес-Бей и заставить выполнить свое распоряжение.

Управляющий Пэрри совершил, как обычно, свой ежедневный обход всех лесопилен и мастерских и тоже остался доволен настроением негров. Он волей-неволей вынужден был сознаться, что после освобождения они работают так же усердно и не меньше прежнего преданы мистеру Бербанку. Они твердо решили оказать сопротивление джэксонвиллскому сброду. Но неисправимый сторонник рабовладения Пэрри по-прежнему считал, что их трудолюбие и преданность непрочны. Натура

свое возьмет. Вкусив свободу, вольноотпущенники неминуемо сами вернутся к рабству. Они снова займут место, предназначенное им самой природой в ряду живых существ, — между человеком и домашним скотом.

Тут Пэрри наткнулся на тщеславного Пигмалиона. Парень совсем заважничал, ходил с гордо поднятой головой и заложив руки за спину, всем своим видом показывая, что стал вольным человеком. Ясно было, однако, что работой он по-прежнему себя не утруждает.

— Здравствуйте, мистер Пэрри, — важно поздоровался он с управляющим.

— Что ты тут делаешь, лентяй?

— Гуляю. Я теперь вольный, хочу — работаю, хочу — нет. У меня в кармане документ...

— А кто же тебя будет теперь кормить, Пиг?

— Я сам себя буду кормить, мистер Пэрри.

— Каким образом?

— Как каким? Буду есть...

— Кто же тебе будет давать есть?

— Как кто? Хозяин.

— Хозяин? Да ведь ты теперь человек вольный, у тебя нет хозяина... Разве ты забыл?

— Да, правда, у меня нет хозяина... Но ведь мистер Бербанк не прогонит же меня с плантации, где я, смею думать, приношу некоторую пользу.

— Ошибаешься, прогонит.

— Прогонит?

— Конечно. Когда ты был его собственностью, он держал тебя, хотя ты ленился и ничего не делал. Но теперь ты человек вольный, и если ты будешь так же ленишься, зачем ему тебя держать? Он просто-напросто

выставит тебя, и поглядим тогда, много ли будет тебе пользы от твоей свободы.

Очевидно, Пигу еще ни разу не приходило в голову посмотреть на свою свободу с этой точки зрения.

— Неужели мистер Бербанк будет так жесток, чтобы... — воскликнул он.

— Да разве это жестокость? — отвечал управляющий. — Это просто само собой разумеется. Да мистер Джемс, если б даже и желал, не имеет права тебя оставить! В Джэксонвилле издан приказ изгнать из Флориды всех вольноотпущенных.

— Неужели это правда?

— Совершенная правда, и я, нужно сказать, не знаю, как вы все, ты и твои товарищи, выкрутитесь из беды, когда у вас не стало больше хозяина.

— Я не хочу уходить из Кэмдлес-Бея! — вскричал Пигмалион. — Так как я человек вольный...

— Ты волен уходить, куда хочешь, но не волен оставаться здесь. Собирайся-ка, приятель, укладывайся.

— Что же со мной будет?

— Не знаю. Это уж твое дело.

— Но ведь я же свободный человек... — начал было опять Пигмалион.

— Этого, как видно, мало.

— Так скажите, что же мне делать, мистер Пэрри?

— Сказать, что делать?.. Изволь, дружок... Слушай хорошенько да мотай себе на ус.

— Слушаю.

— Ты отпущен на волю, не так ли?

— Конечно, мистер Пэрри, у меня и вольная в кармане.

— Так вот возьми и разорви ее.

— Ни за что на свете!

— Ну, если ты не хочешь разорвать свой документ, тогда остается одно только средство.

— Какое, мистер Пэрри, какое?!

— Переменить цвет кожи, дурень, — вот какое! Перемени кожу, Пиг, перемени скорее! Как только ты станешь белым, ты получишь право оставаться в Кэмдлес-Бее, а иначе тебя прогонят, так и знай.

И управляющий пошел прочь, довольный тем, что дал такой хороший урок тщеславному парню.

Пиг несколько минут постоял в раздумье. Теперь он понимал, что недостаточно быть свободным человеком; чтобы сохранить за собою место в жизни, нужно еще для этого стать белым. А как тут сделаешься белым, когда от природы ты черен, как сажа?

И Пигмалион печально направил стопы свои к Касл-Хаусу, усиленно почесывая спину, словно хотел содрать с себя всю свою черную кожу.

Бербанк и Кэррол вернулись из своей поездки к полудню. Со стороны Джэксонвилла не было заметно ничего подозрительного. Лодки в гавани стояли на обычных своих местах, привязанные к пристани или на якоре посреди реки. Правда, на другом берегу, около города, замечалось скопление войск. Несколько отрядов южан двигались к северу по левому берегу Сент-Джонса в направлении графства Нассау. Но Кэмдлес-Бею, казалось, ничто пока не угрожает.

Приехав к устью реки, Бербанк и Кэррол внимательно оглядели морскую даль. Но на море не видно было ни паруса, ни дымка, по которым можно бы было заключить о приближении эскадры. На этой части флоридского побережья приготовления к обороне были не-

заметны. Конфедераты не воздвигли здесь ни батарей, ни редутов, ни бруствера. Не было принято никаких мер для защиты устья реки. Если бы суда федералистов появились у входа в бухту Нассау или в устье Сент-Джонса, они могли бы туда беспрепятственно проникнуть. Только не горел свет на маяке Пабло, но это обстоятельство могло бы затруднить федералистскую флотилию лишь ночью.

Таковы были вести, привезенные Бербанком и Кэрролом, когда они вернулись к завтраку. Вести эти, в общем, были довольно утешительными, ибо ожидать немедленного нападения на Кэмдлес-Бей, во всяком случае, не приходилось.

— Все это так, — заметил по этому поводу Стэннард, — но меня, однако, беспокоит, что до сих пор не видно эскадры Дюпона. Ума не приложу, чем объяснить подобную задержку.

— Да, — подхватил Кэррол, — если флотилия третьего дня вышла в море из бухты Сент-Андрус, она должна была бы уже находиться у Фернандины.

— Все эти дни стояла плохая погода, — возразил Бербанк. — По всей вероятности, западный ветер принудил Дюпона держаться подальше от берега; но сегодня утром ветер стих, и я не удивлюсь, если нынешней же ночью...

— Ах, если бы твое пророчество оправдалось, дорогой Джемс! — воскликнула миссис Бербанк. — Да помогут нам силы небесные!

— Огни маяка Пабло потушены, мистер Джемс, — заметила Алиса, — как же смогут федералисты сегодня ночью войти в фарватер Сент-Джонса?

— Нет, в фарватер Сент-Джонса им пока не проник-

нуть, дорогая Алиса, — ответил Джемс Бербанк. — Прежде чем форсировать устье, федералисты должны овладеть островом Амильей, потом Фернандиной, чтобы захватить в свои руки железную дорогу на Сидар-Кейс. Эскадру Дюпона я не жду в Сент-Джонс раньше трех или даже четырех дней.

— Совершенно с тобой согласен, Джемс, — сказал Эдвард Кэррол. — Надеюсь, что уже один захват Фернандины положит конец сопротивлению южан. Очень может быть даже, что милиция очистит Джэксонвилл, не дожидаясь появления канонерок Дюпона. В таком случае Кэмдлес-Бей будет окончательно спасен от Тексара и его банды.

— Вполне возможно, друзья мои! — ответил Бербанк. — Стоит только федералистам вступить на территорию Флориды — и безопасность наша будет обеспечена. А что нового на плантации? — спросил он.

— Нового ничего, мистер Бербанк, — ответила за всех Алиса. — Зерма мне сказала, что негры работают, как обычно, — на полях, в лесу и в мастерских. Она уверяет, что все они готовы лечь костями, защищая Кэмдлес-Бей.

— Будем все же надеяться, что не придется подвергать их преданность такому испытанию. Я бы очень удивился, если бы эти мерзавцы, силой захватившие власть в свои руки, не удрали бы из Джэксонвилла, пояись эскадра северян в виду Флориды. Но все же нужно быть настороже. Дорогой Стэннард, не хотите ли после завтрака пройти со мною и Кэрролом по плантации и осмотреть наиболее доступную для нападения часть поместья? Мне не хочется, чтобы вы и Алиса подвергались здесь большей опасности, чем в Джэксонвилле. Если

дела примут дурной оборот, я никогда себе не прощу, что уговорил вас переехать в Касл-Хаус.

— Успокойтесь, дорогой Джемс, — возразил мистер Стэннард. — Если бы мы остались в Джэксонвилле, то теперь уж, наверное, подвергались бы всевозможным вымогательствам со стороны новых правителей города, как и все противники рабовладения.

— И во всяком случае, мистер Бербанк, нам лучше быть всем вместе и сообща встретить опасность, — поддержала отца Алиса.

— Да, это верно, дочь моя, — согласился Джемс Бербанк. — Ну, да я надеюсь, что все окончится благополучно. Скоро федералисты придут, и Тексар не успеет претворить в жизнь свое постановление о наших вольноотпущенниках.

Между завтраком и обедом Бербанк, Кэррол и Стэннард занялись обходом негритянских поселков. Их сопровождал Пэрри. Джемс Бербанк не преминул обратить внимание своего управляющего на то, что негры работают с обычным усердием. Все были на своих местах и проявляли большую стойкость.

— Ладно, ладно! — отвечал Пэрри. — Посмотрим еще. Каковы будут результаты их работы!

— Ну, Пэрри, неужели же руки у них стали хуже от того, что их отпустили на волю?

— Пока еще не стали, мистер Джемс, но скоро станут. Вот увидите! — отвечал упрямец.

— Во всяком случае, Пэрри, на руках у них останутся все те же пять пальцев, что и теперь; нельзя же требовать от них, чтобы пальцев стало больше!

После обхода плантации трое друзей вернулись домой. Вечер прошел спокойнее, чем накануне. Из Джэксонвил-

ла не приходило никаких вестей, и у обитателей Кэмдлес-Бея явилась надежда, что Тексар отказался от выполнения своих угроз или что у него для этого не хватит времени.

Тем не менее на ночь были приняты самые строгие меры предосторожности. Пэрри с помощниками организовали охрану, которая обходила дозором границы поместья и особенно берег Сент-Джонса. Неграм было приказано при малейшей тревоге отступить к ограде парка, у входа в который был устроен сторожевой пост.

Джемс Бербанк и его друзья несколько раз в течение ночи ходили смотреть, все ли их приказания исполняются. Однако ночь прошла благополучно, и покой обитателей Касл-Хауса ничем не был нарушен.

ГЛАВА 10

День 2 марта

На другой день, 2 марта, Джемс Бербанк получил наконец известие из Джэксонвилла. Одному из помощников управляющего удалось незаметно переправиться через реку и побывать в городе, не возбудив там никаких подозрений.

Сведения были из верного источника и очень важные. Вот их суть.

Коммодор Дюпон прибыл на заре со своей эскадрой в бухту Сент-Андрус на восточном побережье Джорджии. Корабль «Уобаш» шел под флагом коммодора во главе двадцати шести судов, в числе которых было восемнадцать канонерок, один тендер, один транспорт, превращенный в боевое судно, и шесть транспортов с десантом — бригадой генерала Райта.

«При экспедиции, — как писал Джилберт в своем последнем письме, — находился сам генерал Шерман».

Коммодор Дюпон, несколько запоздавший со своей эскадрой из-за штормовой погоды, уже принял меры для занятия рукавов реки Сент-Мэрис. Эти труднопроходимые протоки впадают в устье реки, к северу от острова Амильи, как раз на границе Джорджии и Флориды.

Главный пункт острова — Фернандина — находился в то время под защитой форта Клинч, за каменными стенами которого помещался гарнизон в 1500 человек. У южан, таким образом, была довольно сильная позиция, которую они могли бы, казалось, защищать с надеждой на успех.

Они, однако, этого не сделали. Помощник управляющего сообщил, что, согласно слухам, упорно державшимся в Джэксонвилле, конфедераты при приближении эскадры Дюпона к устью Сент-Мэриса очистили не только форт Клинч, но и самую Фернандину, а также остров Камберленд и всю эту часть флоридского побережья.

Этим и ограничивались вести, полученные в Касл-Хаусе, но они имели важное значение для кэмдлесбейцев. Раз федералисты уже высадились во Флориде, значит, они вскоре овладеют всем штатом. Правда, канонерки их покажутся на Сент-Джонсе не раньше чем через несколько дней — их задержит песчаная отмель. Однако новые джэксонвиллские правители будут все же уstraшены и, уж конечно, не решатся посягнуть на такого видного сторонника Севера, как Джемс Бербанк.

Вся семья вздохнула с облегчением. Миссис Бербанк и Алиса успокоились также и за Джилберта, зная, что он недалеко и скоро сможет свидеться с ними, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Действительно, для свидания с родными молодому человеку стоило проехать только тридцать миль, отделяющих бухту Сент-Андрус от маленькой пристани Кэмдлес-Бея. Он в это время находился на канонерке «Оттава», которая только что отличилась замечательным боевым подвигом.

Помощник управляющего, ездивший в Джэксонвилл, узнал не все: утром 2 марта имели место еще некоторые очень важные события, с которыми необходимо познакомиться читателю.

Узнав, что конфедераты очистили форт Клинч, коммодор Дюпон выслал в фарватер Сент-Мэриса несколько судов небольшого водоизмещения. Белое население уже бежало в глубь страны вслед за отступавшей конфедератской милицией, покидая прибрежные города, местечки и плантации. Жители были охвачены паникой, конфедераты распускали ложные слухи о насилиях, якобы совершаемых северянами с разрешения своих командиров. И не только во Флориде, но и на границе Джорджии, на побережье между Оссабо и Сент-Мэрисом все население обратилось в беспорядочное бегство перед десантными войсками генерала Райта. Таким образом, корабли коммодора Дюпона овладели Клинчем и Фернандиной без единого выстрела. И только канонерке «Оттава», на которой служил старшим офицером Джилберт Бербанк, пришлось пустить в ход свои пушки.

Город Фернандина стоит на железнодорожной линии, соединяющей его с портом Сидар-Кейс на западном побережье Флориды. Линия эта проходит по острову Амилья, а затем, следуя по длинному мосту на сваях, переброшенному через бухту Нассау, достигает полуострова.

В ту минуту, когда «Оттава» входила в бухту, на мосту показался поезд, в котором спасался бегством гарнизон Фернандины, увозивший с собою все боевые и продовольственные припасы. С гарнизоном уезжала и администрация города. Канонерка, прибавив пары, направилась к мосту и начала обстреливать из пушек мост и поезд. Обстрелом руководил Джилберт. Несколько выстрелов попали в цель. Между прочим, одно ядро угодило в сцепление последнего вагона и оторвало его от поезда, который, однако, не останавливаясь, что было бы крайне опасно, продолжал нестись на всех парах вперед на юго-запад полуострова, предоставив последний вагон собственной участи. В это время подоспевший отряд федералистов, высадившийся в Фернандине, занял мост. Вагон был захвачен со всеми ехавшими в нем беглецами — по большей части штатскими лицами. Пленников отвели к полковнику Гарднеру, командовавшему отрядом, занявшим Фернандину, переписали их имена, продержали на одном из кораблей эскадры сутки под арестом для острастки другим, а затемпустили на все четыре стороны.

Когда поезд скрылся из виду, «Оттава» понеслась в атаку на небольшой, укрывшийся в бухте корабль, груженный оружием и боеприпасами, — и без труда овладела им.

Эти события повергли в уныние войска конфедератов и жителей флоридских городов. Особенно упали духом джэксонвиллы. В самом деле, на что они могли рассчитывать? Северяне уже овладели устьем Сент-Мэриса, как, бесспорно, они овладеют и устьем Сент-Джонса. И Джэксонвилл, подобно Сент-Огастину и про-

чим городам Флориды, не окажет им никакого сопротивления.

Семья Бербанков могла теперь успокоиться. Нужно полагать, что при подобных обстоятельствах Тексар не решится осуществить свои намерения: ему и его сторонникам уже недолго оставаться у власти, и она снова перейдет к честным людям, у которых была похищена. Имелись, очевидно, все основания так думать, а стало быть, и надеяться.

Получив радостные известия, Кэмдлес-Бей возликовал. Негры кричали «ура», и громче всех Пигмалион. Но пока на реке не покажутся канонерки, о мерах предосторожности забывать все же не следовало.

Да, не следовало! Джемс Бербанк никак не мог предполагать, что пройдет целая неделя, прежде чем федералистам удастся подняться вверх по Сент-Джонсу и овладеть им с верховьев до устья. А сколько еще бед и напастей предстояло вытерпеть до тех пор кэмдлесбейцам!

Хотя коммодор Дюпон и занял Фернандину, ему приходилось, однако, действовать с крайней осмотрительностью. В его планы входило водрузить федеральный флаг во всех тех пунктах, куда зайдут его корабли. Он разделил поэтому свою эскадру на несколько частей. Одну канонерку он отрядил в реку Сент-Мэрис с приказом занять стоящий на этой реке городок того же наименования и подняться двадцать миль вверх по течению. На север были посланы три канонерки под командованием капитана Гордона с поручением обследовать близлежащие бухты и занять острова Джайкилл и Сент-Симон и городки Брансвик и Дейриэн, уже частично оставленные их жителями. Шесть паровых военных судов малого водоизмещения под командованием Сти-

венса должны были подняться вверх по течению Сент-Джонса и занять Джэксонвилл. С остальной же частью эскадры коммодор Дюпон собирался выйти в море, чтобы овладеть Сент-Огастином и блокировать берег вплоть до Москито, чтобы воспрепятствовать военной контрабанде.

Для осуществления всех этих операций было мало одних суток, но этих же суток было достаточно, чтобы южанам разграбить всю плантацию.

В три часа дня у Джемса Бербанка возникли первые подозрения, что против него затевается что-то недоброе. Пэрри, сделав обход плантации, поспешил вернуться с докладом.

— Мистер Джемс, в окрестностях бродят какие-то подозрительные люди. Они спуют возле плантации.

— С севера, Пэрри?

— С севера.

Почти сейчас же вслед за этим, запыхавшись, прибежала и Зерма, ходившая зачем-то на пристань; она сообщила, что через реку переезжают какие-то люди в лодках и направляются к берегу.

— Лодки направляются из Джэксонвилла? — спросил Бербанк.

— Должно быть, оттуда.

— Пойдем домой, и смотри, Зерма, ни на минуту не выходи из Касл-Хауса.

— Хорошо, господин.

Джемс Бербанк поспешил уведомить своих домашних, что положение снова становится тревожным. Можно было почти наверняка ждать нападения, и лучше было заранее предупредить всех об угрожающей опасности.

— Так эти мерзавцы еще осмеливаются нападать на других, когда сами вот-вот будут разбиты федералистами!.. — воскликнул Стэннард.

— Тексар не хочет упустить случая с нами расправиться и спешит воспользоваться оставшимся еще временем, — сдерживая гнев, заметил Бербанк. — А сделав свое дело, он постарается скрыться.

Помолчав немного, он продолжал, заметно разгорячившись:

— Неужели преступления этого злодея так и останутся безнаказанными и всегда будут сходиться ему с рук? Нет, я изверился уже в людском правосудии, а теперь придется усомниться и в небесном...

— Перестань, Джемс, — остановила мужа миссис Бербанк. — У нас теперь осталась одна надежда на Бога, не ропщи же на него в эту страшную минуту.

— Отдадим себя под его всемогущую защиту, — прибавила Алиса.

Джемс Бербанк овладел собой и стал давать распоряжения о мерах, необходимых для обороны Касл-Хауса.

— Негров уже предупредили? — спросил Эдвард Кэррол.

— Сейчас предупредят, — отвечал Бербанк. — Помоему, нужно ограничиться обороною ограды вокруг парка и дома. Задержать Тексара с его вооруженной шайкой на границе плантации нам вряд ли удастся: они явятся, вероятно, целой бандой. Нужно сконцентрировать, стало быть, всю защиту вокруг палисада. Если же, паче чаянья, ограда будет взята штурмом, мы укроемся в доме. Касл-Хаус выдерживал когда-то осаду семинолов, он устоит, пожалуй, и против шайки Тексара. Пусть жена, Алиса, Ди и Зерма, которой я их всех троих пору-

чаю, не выходят никуда из дома без моего разрешения. В крайнем случае все готово для того, чтобы они смогли воспользоваться подземным ходом, соединяющим Касл-Хаус с маленькою бухтой Марино на Сент-Джонсе. Там будет спрятана в прибрежных камышах лодка с двумя гребцами, и тогда, Зерма, ты поедешь вверх по реке и укроешься в беседке на Кедровом Утесе.

— А ты, Джемс?

— А вы, отец?

Миссис Бербанк схватила за руку Джемса Бербанка, а Алиса — Уолтера Стэннарда, как будто бы уже настала минута бежать из Касл-Хауса.

— Мы постараемся присоединиться к вам, когда нельзя будет уже дольше держаться, — ответил Джемс Бербанк. — Но вы должны пообещать мне, что в случае серьезной опасности вы укроетесь на Кедровом Утесе. Тогда мы сможем еще упорнее сражаться с этими мерзавцами и будем держаться до последнего патрона.

Если нападающим удастся прорваться за ограду в парк и подступить к самому дому, то тогда придется воспользоваться подземным ходом.

Бербанк приказал немедленно созвать негров; Пэрри и его помощники бросились собирать их по хижинам. Не прошло и часа, как все способные носить оружие негры были сосредоточены у ограды близ входа в парк. Женщин и детей заблаговременно удалили в окрестные леса.

К сожалению, количество боеприпасов в Касл-Хаусе было весьма незначительно. В нынешних условиях, то есть во время войны, было почти невозможно закупить оружие и патроны для защиты плантации в нужном количестве. Бербанк попытался было приобрести их в Джэксон-

вилле, но это ему не удалось. Приходилось довольствоваться тем, что у него осталось от последней войны с семинолами.

План Бербанка состоял в том, чтобы помешать нападающим вторгнуться в Касл-Хаус и поджечь его. О защите всего поместья с его фабриками, мастерскими, лесопильнями, негритянскими поселками и посевами нечего было и думать. В распоряжении Бербанка находилось всего лишь около четырехсот негров, да и те не были достаточно вооружены. Наиболее ловким из них роздали несколько десятков ружей, и лучшие ружья были оставлены для Джемса Бербанка, его друзей, Пэрри и его помощников. Все собрались у входа в потерну, и людей разместили так, чтобы по возможности дольше охранять палисад, довольно хорошо защищенный уже окружавшей его речкой.

Среди всей этой суматохи Пигмалион без толку суетился с озабоченным видом — точь-в-точь как балаганный шут на ярмарке, который на потеху зрителям, ничего не делая, носится взад и вперед с самым деловым видом. Пигмалион, видимо считая, что он специально назначен для обороны дома, не желал присоединиться к тем из своих сотоварищей, которые охраняли снаружи ограду парка. Никогда еще он не чувствовал такой преданности к Джемсу Бербанку.

Все было готово к обороне. Но с которой стороны ждать нападения? Если нападающие подойдут к северной границе плантации, отразить нападение будет легче; если же, напротив, они поведут атаку со стороны реки, то отбить ее будет труднее, ибо с этой стороны Кэмдлес-Бей ничем не был защищен. Правда, нападающим будет довольно трудно здесь высадиться, и, во всяком случае,

понадобилось бы очень много лодок, чтобы переправить с противоположного берега Сент-Джонса многочисленный отряд.

Это как раз и обсуждали Джемс Бербанк с Кэрролом и Стэннардом, поджидая возвращения разведчиков, высланных на границу плантации.

Долго дожидаться им не пришлось.

В половине пятого с северной границы плантации вернулись запыхавшиеся разведчики.

С севера к Кэмдлес-Бею двигался вооруженный отряд. Была ли то милиция или просто вооруженный городской сброд, который, соблазнившись возможностью грабежа, взялся привести в исполнение постановление Тексара о вольноотпущенниках? Решить этот вопрос было пока невозможно, во всяком случае, отряд был большой — человек около тысячи, и защитники плантации не могли оказать ему длительного сопротивления. Можно было, однако, надеяться, что даже после взятия штурмом ограды Касл-Хаус сможет продержаться еще некоторое время.

Нападающие не пытались, очевидно, высадиться прямо в Кэмдлес-Бее, ибо это сопряжено было с большими трудностями, а переправились через реку ниже Джэксонвилла на пятидесяти лодках. Для переправы понадобилось совершить три-четыре рейса.

Джемс Бербанк, стало быть, мудро поступил, сосредоточив всех своих негров у ограды парка, так как оборонять все границы плантации было совершенно невозможно. Ведь нападающие были хорошо вооружены и в пять раз превосходили своею численностью защитников Кэмдлес-Бея.

Кто же был вожаком нападающих? Сам Тексар? Вряд

ли. Слишком неосмотрительно было бы с его стороны становиться во главе своей шайки, когда его партии грозило скорое прибытие федералистов. Если же он все же на это отважился, значит, план его был таков: истребить или забрать в плен все семейство Бербанков, разграбить плантацию, а потом скрыться куда-нибудь в глушь, на южную окраину Флориды — хотя бы, например, в Эверглейдс, где его трудно было бы найти.

Такая опасность, самая страшная из всех, особенно тревожила Джемса Бербанка, и он принял заранее меры к тому, чтобы миссис Бербанк, Алиса, Ди и Зерма укрылись на Кедровом Утесе, в миле от Кэмдлес-Бея. Если бы пришлось оставить Касл-Хаус в руках врагов, Бербанк тоже ушел бы с друзьями на Кедровый Утес дожидаться там прихода федералистов.

Вот почему в бухте Марино на всякий случай среди камышей была спрятана лодка с двумя гребцами. Но прежде чем расстаться с семьей, если это станет необходимым, нужно защищаться, продержаться еще несколько часов — хотя бы до ночи. Тогда, пользуясь темнотой, лодка сможет проскользнуть незамеченной вверх по реке, избежав преследования шныряющих по ней подозрительных челнов.

ГЛАВА 11

Вечер 2 марта

Джемс Бербанк, его друзья и большинство негров готовы были встретить противника. Они только ждали нападения. Были приняты все меры, чтобы сперва дать отпор врагу из-за ограды парка, а если нападающие все же прорвутся — укрыться в стенах Касл-Хауса.

Около пяти часов явственно стали доноситься крики и гул человеческих голосов — наступающие, очевидно, подошли довольно близко: северная часть поместья была уже занята врагами. На горизонте над лесом поднимались клубы густого дыма — горели разграбленные и подожженные злодеями негритянские хижины, обитатели которых, лишь накануне получившие свободу, а с нею и право собственности на свой скарб, не успели его спрятать в надежном месте. Возгласы гнева и отчаяния раздались среди негров. Банда грабителей, ворвавшись в Кэмдлес-Бей, разграбила все их добро.

Между тем шум и отдельные крики становились явственнее. Небо на севере охвачено было зловещим заревом, словно там садилось солнце. Клубы горячего дыма долетали порою до самого дома. Слышался треск горящего сухого дерева на лесных складах. Потом раздался страшный грохот: на одной из лесопилен взорвался паровой котел. Опустошение и разгром царили на плантации.

Джемс Бербанк, Кэррол и Стэннард стояли у входа в ограду, впуская последние отступающие отряды негров. С минуты на минуту можно было ждать штурма. Усилившаяся стрельба показала, что враги уже приблизились к ограде. Им это было сделать нетрудно: ближайšie деревья росли не далее чем в пятидесяти ярдах от частокола и служили для наступающих прекрасным прикрытием — пули начали залетать за ограду прежде, нежели можно было разглядеть врага.

Посоветовавшись с друзьями, Джемс Бербанк решил ввести всех негров за ограду парка. Там, под прикрытием частокола, поместив ружейные стволы между его заостренными вверху кольями, они будут стрелять по ата-

кующим. Когда же, перебравшись через речку, враг попытается взять штурмом ограду, им удастся, быть может, его отбросить.

Приказание Бербанка было исполнено. Негры вошли за ограду. Уже собирались запереть ворота, как вдруг Джемс Бербанк, выглянув в последний раз за час-токол, заметил бежавшего со всех ног человека, который, по-видимому, искал убежища в Касл-Хаусе.

Вдогонку ему из леса было послано несколько пуль, однако, его не задевших. Мгновенно перебежав мост, он очутился за оградой, вход в которую был тут же накрепко закрыт.

— Кто вы такой? — спросил у него Джемс Бербанк.

— Служащий вашего джэксонвиллского знакомого, мистера Гарвея, — отвечал он.

— Мистер Гарвей прислал вас с каким-нибудь поручением?

— Да, но только мне не удалось сразу переправиться через реку — везде стояли дозорные.

— И вы, не возбуждая подозрений, присоединились к нападающим и явились сюда вместе с ними?

— Да. За милицией идет целая толпа грабителей... с ними-то я и пришел. Улучив минуту, я бросился бежать к ограде, но они догадались и пустили мне вслед несколько выстрелов...

— Хорошо, мой друг. Спасибо. У вас, конечно, есть ко мне письмо от мистера Гарвея?

— Вот оно, извольте.

Джемс Бербанк взял записку и прочитал ее. В ней мистер Гарвей рекомендовал Бербанку своего посланца, Джона Брюса, как человека вполне надежного и пре-

данного. Выслушав его, Джемс Бербанк узнаёт, что нужно предпринять для спасения своих близких.

В это время за оградой грянул залп. Нельзя было больше терять ни минуты. Нужно было торопиться.

— Что же поручил вам мистер Гарвей передать мне? — спросил Бербанк.

— Во-первых, что через реку в Кэмдлес-Бей переправились тысячи полторы вооруженных джэксонвиллцев, — отвечал Джон Брюс.

— Я и сам так думал. Еще что? Конечно, всем этим сбродом командует Тексар?

— Неизвестно, — отвечал Джон Брюс. — Мистеру Гарвею удалось только узнать, что Тексар уже сутки как исчез из Джэксонвилла.

— Ну, наверное, этот негодяй опять замышляет какую-нибудь гнусность, — заметил Бербанк.

— Мистер Гарвей того же мнения, — сказал Джон Брюс. — Впрочем, Тексару нет надобности лично приводить в исполнение свой приказ об изгнании освобожденных негров.

— Да ведь они не приказ приводят в исполнение, а грабят и жгут! — с негодованием вскричал Бербанк.

— Вот именно, — сказал Джон Брюс. — Поэтому мистер Гарвей полагает, что вам и вашему семейству лучше немедленно покинуть Касл-Хаус и укрыться где-нибудь в безопасном месте.

— Касл-Хаус может выдержать осаду, — возразил Бербанк. — И мы покинем его лишь в самом крайнем случае. Что нового в Джэксонвилле?

— Ничего, мистер Бербанк.

— Войска северян еще не двинулись к границам Флориды?

— Со времени занятия Фернандины и бухты Сент-Мэриса новых продвижений не было.

— Для чего же, собственно, вас прислали ко мне?

— Чтобы предупредить вас, что изгнание негров только предлог, а главная цель Тексара — разорить плантацию и взять вас в плен.

— Неужели вы так и не сможете мне сказать, здесь ли сам Тексар или нет? — настаивал Бербанк.

— Не смогу. Ни мистеру Гарвею, ни мне не удалось это выяснить.

— Среди нападающих есть милиция. Не знаете ли, какова ее численность?

— Человек сто, не больше, — отвечал Джон Брюс. — Но ведь и все эти городские подонки, которые за нею следуют, все эти закоренелые преступники тоже вооружены Тексаром. А они способны на любое насилие. Повторяю вам, мистер Бербанк, мистер Гарвей считает, что вы должны как можно скорей уехать из Касл-Хауса. Он поручил мне предложить вам от его имени свой коттедж в Хэмптон-Реде; он находится, как вам известно, милях в двенадцати отсюда вверх по реке, на правом берегу Сент-Джонса. Там вы можете укрыться на несколько дней...

— Да, знаю, знаю...

— Я могу проводить вас туда тайком, со всем вашим семейством, теперь, пока еще не поздно, если вы покинете Касл-Хаус.

— Я очень благодарен и мистеру Гарвею, и вам, но в этом нет еще пока необходимости, — сказал Бербанк.

— Как вам угодно, мистер Бербанк, — ответил Джон Брюс. — Я остаюсь в вашем распоряжении на тот случай, если вам понадобятся мои услуги.

Начавшийся в это время штурм заставил Джемса Бербанка прервать беседу.

Послышался громкий залп, хотя нападающих из-за деревьев еще не было видно. Пули градом сыпались на частокол, не причиняя, однако, большого вреда.

У Бербанка и защитников плантации было лишь около полусотни ружей, и ответить на обстрел они могли лишь редким огнем, но зато выстрелы их были более меткими, и ряды милиции, шедшей впереди, заметно поредели.

С полчаса продолжалась эта ружейная перестрелка, причем перевес был скорее на стороне защитников Кэмдлес-Бея. Затем нападающие пошли на приступ. Атаку они повели в нескольких пунктах одновременно. Через протекавшую вокруг ограды речку были переброшены бревна и доски, взятые с подожженных затем лесопилен; понесся при этом немалые потери убитыми и ранеными, злодеи добрались до ограды. Они пытались взобраться на нее, подсаживая друг друга, но перелезть через ограду им не удалось. Негры, разъяренные поджогом хижин, мужественно отражали нападение. Но все же было ясно, что защитникам Кэмдлес-Бея не справиться с противником, превосходящим их численностью. Однако до наступления темноты перевес был на стороне защитников Кэмдлес-Бея; никто из них не был убит, лишь несколько человек были легко ранены. Ни Джемс Бербанк, ни Уолтер Стэннард, хотя оба они и не щадили себя, не были даже задеты пулей. Только Эдварду Кэрролу, раненному в плечо, пришлось уйти в дом, где миссис Бербанк, Алиса и Зерма окружили его заботой.

Ночная тьма пришла на помощь нападающим. Под покровом мрака человек пятнадцать самых отчаянных

подобрались к потерне и принялись рубить дверь топорами. Она не поддавалась, и им так и не удалось бы пробраться за ограду; но благодаря дерзкой вылазке одного из бандитов в ограде образовалась брешь.

Загорелась одна из надворных построек, а с нею и та часть палисада, которая к ней примыкала.

Джемс Бербанк кинулся туда не для того, чтобы попытаться погасить пылающую ограду, а чтобы преградить доступ врагу. При свете пожара он увидел, что какой-то человек, выскочив из-за ограды, кинулся к реке и перебежал на другой берег по наваленным доскам и бревнам.

Прячась в прибрежных камышах, этот человек пробрался, очевидно, в парк со стороны Сент-Джонса, залез в одну из конюшен и, рискуя погибнуть в огне, поджег там охапку соломы, чтобы одновременно загорелась и часть ограды. Так образовался пролом. Тщетно Бербанк со своими товарищами пытался загородить его. Сквозь открывшуюся брешь хлынули сотни нападающих и мигом наводнили весь парк. В начавшейся рукопашной схватке с обеих сторон было много убитых. Гремели выстрелы. Касл-Хаус был вскоре окружен со всех сторон. Негры после упорного сопротивления были вытеснены из парка и обращены в бегство превосходящим их численностью врагом. Они укрылись в окрестных лесах. Нельзя было их обвинять за это, они храбро сражались, пока могли, и уступили в этой неравной схватке только силе противника. Продолжая сражаться, они были бы только перебиты все до единого.

Джемс Бербанк, Уолтер Стэннард, Пэрри, помощники управляющего, Джон Брюс и несколько человек оставшихся с ними негров укрылись за стенами Касл-Хауса.

Было уже около восьми часов вечера. На западе небо совершенно потемнело, а на севере освещено было ярким заревом пожара.

— Надо бежать, бежать немедленно, — сказал Джемс Бербанк, поспешно входя в дом с Уолтером Стэннардом. — Возьмут ли Касл-Хаус силой, будет ли он осажден — оставаться вам здесь опасно. Лодка готова! Надо уезжать! Жена, Алиса, умоляю вас, поезжайте с Ди и Зермой на Кедровый Утес! Там вы будете в безопасности, а мы присоединимся к вам потом.

— Едемте с нами, отец, — умоляла Алиса. — И вы тоже, мистер Бербанк.

— Да, Джемс, поезжай с нами! — просила и миссис Бербанк.

— Я?! — воскликнул Бербанк. — Чтобы я оставил Касл-Хаус этим негодьям, куда есть хоть малейшая возможность защищаться! Мы еще продержимся... нам легче будет защищаться, зная, что вы в безопасности.

— Джемс, ради бога!

— Нельзя иначе!

Толпа с ревом и воплями приближалась к дому и атаковала главный фасад со стороны реки; под ударами нападающих затрещала дверь.

— Уезжайте! — вскричал Джемс Бербанк. — Теперь темно, вас не увидят. Уезжайте же! У нас просто руки опускаются, пока вы здесь!.. Бога ради, уезжайте!

Зерма пошла вперед вместе с Ди; миссис Бербанк, судорожно обняв на прощание мужа, Алиса — отца, вышли вслед за Зермой и спустились по лестнице в подземный ход, ведущий к бухте Марино.

— Ну, друзья, — сказал Джемс Бербанк, обращаясь к Пэрри, его помощникам и нескольким оставшимся с

ними неграм, — теперь, когда женщины ушли, будем биться до последней капли крови.

Защитники разместились в нижнем этаже у окон главного фасада и открыли стрельбу по нападающим, которые засыпали стены дома градом пуль. Осажденные стреляли реже, но без промаха, так как вели огонь по густой толпе. Толпа рвалась к входу, старалась выбить дверь. Она, однако, не поддавалась. На этот раз нельзя было пробить брешь и помочь толпе ворваться в дом; каменные стены — не деревянный частокол.

Но вот, пользуясь сгустившимся мраком, человек двадцать грабителей пробрались цепочкой к входу и с удвоенной яростью обрушились на дверь. Однако ни топорами, ни ломami взломать ее не удалось. За эту попытку несколько человек заплатились жизнью: сквозь амбразуры боковых окон их легко было подвергнуть перекрестному огню.

Положение осажденных становилось все серьезнее: у них кончались патроны. Ведь большую часть зарядов израсходовали за время трехчасовой осады Бербанк и его друзья. Необходимо еще продержаться, но как это сделать, если нет патронов? Неужели уйти и оставить Касл-Хаус на разграбление этим мерзавцам, которые обратят его в груды развалин? А ведь иного выхода не останется, если им удастся взломать расшатанную уже дверь. Сознавая все это, Бербанк хотел все же еще подождать. Ведь в любой момент может что-нибудь случиться. Теперь уже не приходилось бояться за жену и дочь, за Алису Стэннард. Мужчинам оставалось бороться до конца с этой шайкой грабителей, поджигателей и убийц.

— Патронов хватит только на час! — сказал Джемс

Бербанк. — Что ж, друзья, будем отстреливаться до последнего заряда и не сдадим Касл-Хаус!

Не успел он сказать это, как издалека донесся глухой грохот.

— Пушечный выстрел! — вскричал Бербанк.

С запада, из-за реки, снова слышался орудейный выстрел.

— Еще один! — сказал Стэннард.

— Внимание! Тише! — остановил его Бербанк.

Ветер донес до Касл-Хауса звук третьего пушечного выстрела.

— Уж не сигнал ли это из Джэксонвилла, чтобы отозвать нападающих? — предположил Уолтер Стэннард.

— Возможно. Там, вероятно, что-нибудь неладно, — согласился Джон Брюс.

— А если эти три пушечных выстрела долетели до нас не из Джэксонвилла... — начал Пэрри.

— Значит, стреляют пушки северян! — вскричал Бербанк. — Быть может, эскадра вошла уже наконец в Сент-Джонс и идет вверх по реке?

Что ж? Было вполне возможно, что Сент-Джонс или его устье оказались в руках федералистов.

Но нет! Три пушечных выстрела донеслись, несомненно, с батареи Джэксонвилла, так как других за ними не последовало. Стало быть, никакой схватки между эскадрой северян и конфедератами ни на равнинах графства Дьювал, ни на реке Сент-Джонс не произошло.

Несомненно, то был сигнал к отступлению. И он, видимо, дан был отряду милиции, который орудовал в Кэмдлес-Бее. Пэрри, подойдя к боковому окну, вдруг закричал:

— Они уходят!.. Уходят!

Все бросились к среднему окну и приоткрыли его.

Удары топором в дверь действительно прекратились, выстрелы смолкли. Нападающие уходили прочь. Вопли и рев, еще слышимые снаружи, стали доноситься глуше.

В Джэксонвилле, по-видимому, что-то случилось, и власти подали сигнал, чтобы вернуть милицию в город. Три пушечных выстрела были условным знаком, предупреждавшим конфедератов об опасном для них движении эскадры. Вот почему осада была немедленно снята и толпы грабителей кинулись прочь. Они уходили теперь по опустошенным полям поместья, дорогами, освещенными заревом пожара, и вскоре переплыли реку на лодках, поджидавших их двумя милями ниже Кэмп-лес-Бея.

Шум толпы постепенно смолк в отдалении. Ружейная пальба прекратилась, и на плантации воцарилась мертвая тишина.

Часы показывали половину десятого. Джемс Бербанк с друзьями спустился в холл. Там на диване лежал Эдвард Кэррол; он был легко ранен, но ослабел от потери крови.

Ему рассказали обо всем, что случилось после данного из Джэксонвилла сигнала. Теперь, хотя бы на время, можно не бояться банды Тексара.

— Да, конечно, — сказал Бербанк. — Но произвол и насилие все же одержали победу. Этот мерзавец хотел разогнать моих освобожденных негров — и разогнал. Чтобы отомстить мне, решил опустошить плантацию — и от нее осталось одно лишь пепелище.

— Джемс, — сказал Уолтер Стэннارد, — ведь могло быть и хуже. Никто из нас не погиб, защищая Касл-Ха-

ус. Ваша жена, дочь, моя Алиса — в безопасности, а ведь они могли попасться в руки этих злодеев.

— Вы правы, Стэннард, возблагодарим за это всевышнего. Но Тексар не останется безнаказанным, он мне ответит за пролитую кровь.

— Не напрасно ли сестра, Алиса, Ди и Зерма ушли из Касл-Хауса? — сказал Кэррол. — Знаю, момент был опасный! И все же я предпочел бы, чтобы они сейчас были здесь, вместе с нами!

— Как только рассветет, я отправлюсь за ними, — отвечал Бербанк. — Они, вероятно, в смертельном страхе, и нужно их успокоить. Посмотрим, стоит ли их сейчас же забрать обратно в Кэмдлес-Бей или же оставить еще на несколько дней на Кедровом Утесе.

— Да, не следует торопиться, — сказал Стэннард. — Нет еще полной уверенности, что все уже кончилось. А пока в Джэксонвилле хозяйничает Тексар, мы всего можем опасаться...

— Вот почему я и хочу быть осторожным, — ответил Бербанк. — Пэрри, позаботьтесь, чтобы незадолго до рассвета была готова лодка. Мне нужен будет только один гребец...

Джемс Бербанк не успел договорить.

Душераздирающий, отчаянный призыв на помощь заставил его умолкнуть.

Крик раздался в парке, с расстилавшейся перед оком лужайки.

— Отец! Отец! — донеслось оттуда.

— Это Алиса! — вскричал Стэннард.

— Новое несчастье! — воскликнул Бербанк.

Все кинулись к двери и мгновенно выскочили наружу.

В нескольких шагах от дома стояла Алиса, а подле нее неподвижно лежала на земле миссис Бербанк.

Ни Ди, ни Зермы с ними не было.

— Где девочка? — в тревоге крикнул Джемс Бербанк.

При звуке его голоса миссис Бербанк приподнялась. Говорить она не могла и только простерла руку в сторону реки.

— Они похищены!

— Да, Тексаром, — с трудом выговорила Алиса и без чувств упала на траву рядом с миссис Бербанк.

ГЛАВА 12

Последующие шесть дней

Когда миссис Бербанк и Алиса вступили в подземный ход, ведущий к бухте Марино, Зерма шла впереди них, неся на одной руке Ди, а в другой держа фонарь, слабо освещавший беглянкам путь. Дойдя до выхода из подземелья, Зерма попросила миссис Бербанк ее подождать. Она хотела сперва удостовериться, на месте ли лодка с двумя гребцами-неграми. Открыв дверь из подземного хода, она вышла наружу и направилась к реке.

Прошла минута — только одна минута, — и вдруг миссис Бербанк и Алиса хватились малютки.

— Ди! Ди! — закричала миссис Бербанк, рискуя выдать врагам свое присутствие.

Девочка не откликнулась. Привыкнув всюду ходить за Зермой, она последовала за нею и тогда, когда та пошла к бухте. А мать этого не заметила.

Вдруг раздались чьи-то стоны и крик. Предчувствуя беду, обе женщины, забыв о себе, выскочили наружу и

бросились к реке, но, добежав до нее, увидели лишь уплывавшую лодку, которая быстро исчезала во мраке.

— На помощь! На помощь!.. Это Тексар! — кричала Зерма.

— Тексар! Тексар! — закричала также и Алиса, указывая рукою на человека, освещенного заревом пожара и стоявшего на корме лодки, которая вскоре скрылась совсем из виду.

Наступила тишина.

Оба негра-гребца лежали на берегу мертвыми.

Тогда, обезумев от горя, миссис Бербанк бросилась к берегу, не переставая звать дочь. Алиса побежала следом за нею. Но никто не откликнулся на отчаянный вопль матери. Лодки уже не было видно. Она скрылась, поглощенная ночью тьмой, или, быть может, переплыв реку, причалила где-нибудь у левого берега.

С час металась по берегу миссис Бербанк, тщетно разыскивая дочь, и наконец свалилась обессиленная. Алисе с трудом удалось ее поднять и повести, почти понести, домой. Вдали, со стороны Касл-Хауса, слышались ружейные выстрелы и временами дикие вопли осаждающих. И все же необходимо было направиться в ту сторону и вернуться в Касл-Хаус той же дорогою. Но вот вопрос: кто им отворит дверь, ведущую из дома в подземный ход? Удастся ли Алисе достучаться?

Молодая девушка вела миссис Бербанк, которая от горя и усталости не сознавала, что делает и куда идет. Двигаясь вдоль берега реки, они вынуждены были то и дело останавливаться. Они могли с минуты на минуту натолкнуться на банду грабителей и попасть им в лапы. «Не лучше ли подождать утра?» — думала Алиса. Нет,

это не годится: миссис Бербанк нуждается в уходе, в помощи, ей непременно нужно быть в Касл-Хаусе.

Алиса решила идти не обычной дорогой вдоль реки, а напрямик — через луга, прямо на зарево пожара, поднимавшееся над горящими негритянскими хижинами; так им удалось добраться до парка.

Тут силы окончательно покинули несчастную женщину, и она снова упала на землю, подле Алисы, которая и сама едва держалась на ногах.

Осада дома была уже в это время снята, и милиция ушла из парка, а за ней и толпа грабителей, ее сопровождавшая. Не слыша больше криков и выстрелов, Алиса решила, что Касл-Хаус взят мятежниками и все его защитники погибли. Отчаяние овладело ею, она застонала, призывая на помощь отца, и упала на землю.

Этот-то крик и услышали Джеймс Бербанк и его друзья. Они выбежали в парк, нашли обеих несчастных женщин и узнали обо всем, что случилось в бухте Марино.

Шайка Тексара ушла, им не грозит уже опасность попасть в ее руки — но что из того? Ужасное несчастье постигло их! Ди, малютка Ди, была во власти Тексара!

Вот что рассказала Алиса прерывающимся от рыданий голосом. Вот что услышала, придя в себя, горько плачущая миссис Бербанк. Вот что узнали Джеймс Бербанк, Стэннард, Пэрри и их товарищи. Бедная малютка похищена и неизвестно куда увезена злейшим врагом своего отца! Что могло быть ужаснее и какие еще жесточайшие горести ждали в будущем эту семью?

Это известие поразило всех словно ударом обуха.

Миссис Бербанк отнесли в ее комнату и уложили в постель. При ней осталась Алиса.

Джеймс Бербанк и его друзья, сидя внизу в холле, об-

суждали, что им предпринять для освобождения Зермы и Ди из рук Тексара. Да, несомненно, преданная мулатка не щадя себя будет до последней капли крови бороться за спасение ребенка! Но ведь она пленница негодяя, обуреваемого жадной мести, и может поплатиться жизнью за показания, которые дала против него на суде. И Бербанк винил себя в том, что велел жене и дочери уходить из Касл-Хауса, не обеспечив им вполне безопасного пути. Случайно ли оказался Тексар близ выхода из туннеля? Конечно, нет; наверное, он как-то узнал о существовании в Касл-Хаусе подземного хода и принял меры на тот случай, если осажденные решат покинуть дом, воспользовавшись этим тайным выходом. Он привел с собой на правый берег реки свою шайку, прорвавшуюся за ограду парка, и, заставив Бербанка с семьей укрыться в стенах дома, сам с несколькими соучастниками отправился, вероятно, в бухту Марино. Там он напал неожиданно на двух негров-гребцов, охранявших лодку, и велел их прикончить; криков несчастных никто не услышал — их заглушала стрельба и вопли осаждающих. Затем испанец стал терпеливо ждать. Когда из подземного хода вышли Зерма и Ди, Тексар, вероятно, подумал, что миссис Бербанк, ее муж и их друзья еще не покинули Касл-Хаус, и, решив ограничиться хоть этой добычей, похитил ребенка и мулатку, спрятав обеих пленниц в таком месте, где их невозможно было бы найти.

Каким еще более жестоким ударом мог поразить негодяй семью Бербанков? Он точно вырвал сердце у отца и матери ребенка.

Страшную ночь пережили Бербанки. К тревоге их о девочке и Зерме присоединялась еще неуверенность в

дальнейшей судьбе самих обитателей дома. Осаждающие ушли, но разве можно поручиться, что они не вернутся со свежими силами, чтобы принудить к сдаче уцелевших защитников дома? Этого, к счастью, не случилось. Ночь прошла спокойно, и нового нападения не последовало.

Как важно было бы узнать, однако, по какой причине раздалась накануне три пушечных выстрела и почему осаждающие так неожиданно отступили, когда им стоило подождать только еще какой-нибудь час — и штурм увенчался бы полным успехом. Не вошла ли действительно флотилия федералистов в устье Сент-Джонса? Не овладели ли Джэксонвиллом канонерки Дюпона? Для Джемса Бербанка и его друзей это было бы, конечно, счастьем. Тогда они могли бы приняться за поиски Зермы и Ди, возбудить преследование против Тексара, а если тот не успел еще сбежать со всеми своими соучастниками, обвинить его в незаконном нападении на плантацию и в похищении мулатки и ребенка.

Теперь Тексар не мог бы уже доказать свое алиби, как сделал это на суде в Сент-Огастине, о котором мы упоминали в начале нашего повествования. Если испанец и не стоял лично во главе шайки, напавшей на Кэмдлес-Бей, — этого посланец мистера Гарвея не смог подтвердить Бербанку, — то в похищении Зермы и Ди участвовал сам — ведь Зерма успела крикнуть его имя, когда ее увозили на лодке. Да и Алиса разглядела его на корме, прежде чем лодка скрылась из виду.

Федеральное правосудие заставит заведомого преступника признаться, куда он увез свои жертвы, и покарает его за совершенные им преступления.

Но, увы! Предположение Бербанка о приходе эскад-

ры северян в Сент-Джонс ничем не подтвердилось. Третьего числа из бухты Сент-Мэриса не вышло еще ни одно из федералистских судов. Это следовало из новостей, которые были доставлены в тот день одним из помощников управляющего, ездившим на тот берег. Близ маяка Пабло не проходил еще ни один корабль. Действия северян ограничивались пока занятием Фернандины и форта Клинч. Очевидно, коммодор Дюпон решил продвигаться в глубь Флориды с крайней осторожностью. Что же касается Джэксонвилла, то там по-прежнему господствовала партия мятежников. После похода на Кэмдлес-Бей испанец снова появился в городе и организовал там оборону на случай, если канонерки Стивенса будут форсировать устье Сент-Джонса. Пушечные выстрелы, вернувшие его с шайкой грабителей в город, были, по всей вероятности, ложной тревогой. Впрочем, нового нападения ожидать не приходилось. Разве для Тексара не было довольно и того, что он уже сделал? Плантация была разорена, лесопильни сожжены, негры, потерявшие все свое добро, разогнаны. Малютка Ди похищена у отца с матерью, и напасть на след ее похитителя было невозможно.

Джемс Бербанк сам в этом убедился, когда, объехав весь правый берег реки вместе с Уолтером Стэннардом, он даже в самых незначительных бухтах не нашел ни малейшего следа похищенных. Оставалось только обыскать левый берег.

Но возможно ли было это сделать теперь? Не лучше ли подождать прихода северян? Благоразумно ли оставлять больную миссис Бербанк, Алису, раненого Эдварда Кэррола? Ведь Касл-Хаус мог подвергнуться новому падению.

Ужаснее всего было то, что Джемс Бербанк не мог подать жалобу на Тексара ни за опустошение плантации, ни за похищение Зермы и Ди. Тексар был теперь правителем города, и приходилось, стало быть, жаловаться ему самому на него же. Итак, оставалось только ждать, пока в Джэксонвилле не водворится законный порядок.

— Джемс, — утешал друга Стэннард, — что и говорить — девочка в опасности, но вы все же не должны забывать одного... что с нею Зерма, которая не пощадит...

— Своей жизни, я знаю... Зерма готова умереть за Ди, верно. Ну, а если она умрет — тогда что?

— Выслушайте меня, дорогой Джемс, — ответил Стэннард. — Я много об этом думал и пришел к заключению, что Тексару невыгодно доводить дело до крайности. Он еще не убрался из Джэксонвилла, а куда он там, не думаю, чтобы он пошел на какое-нибудь насилие над своими пленницами. Малютка для него — заложница, порука его собственной безопасности в случае победы северян. Ведь за бесчинства в Джэксонвилле и за разорение плантации такого сторонника Севера, как вы, Джемс, его, разумеется, притянут к суду, вот он и хочет хоть сколько-нибудь оградить себя от неприятных последствий. Поэтому можете быть уверены, что Зерма и Ди будут целы и невредимы, а тем временем придут сюда Шерман и Дюпон.

— Когда же они, наконец, придут?! — воскликнул Бербанк.

— Не сегодня, так завтра... Повторяю вам, Ди — гарантия безопасности для Тексара. Он для того и похитил ее, зная к тому же, что наносит вам тем самым страшный удар, в чем он не ошибся, мой бедный друг.

Рассуждения Уолтера Стэннарда, в сущности, довольно справедливые, не могли, однако, ни убедить, ни утешить Джемса Бербанка. Однако он понял только одно: для утешения жены ему нужно говорить то же, что говорил ему Стэннард. Бедная женщина была так убита горем, что приходилось опасаться за ее жизнь. Вернувшись домой, Бербанк пустил в ход доказательства, которые самого его не убедили.

Тем временем Пэрри и его помощники делали обход разоренной плантации. Зрелище было потрясающее и произвело, казалось, очень сильное впечатление даже на Пигмалиона, который сопровождал управляющего во время обхода. Этот «свободный гражданин» не пожелал бежать в леса с другими неграми, разогнанными Тексаром; терпеть там холод и голод — такая свобода его мало прельщала, — он предпочел остаться в Касл-Хаусе, готовый в случае надобности разорвать свой документ об освобождении, как это уже сделала Зерма.

— Что, Пиг? Видишь? — твердил ему мистер Пэрри. — Плантация разорена, все наши мастерские разрушены. Вот что значит дать свободу чернокожим.

— Мистер Пэрри, ведь я в этом не виноват, — возражал Пигмалион.

— Напротив, очень виноват. Если бы ты и тебе подобные вместо того, чтобы слушать болтунов, восхвалявших свободу, сами протестовали бы против идей Севера и взяли бы за оружие, чтобы дать отпор федералистам, мистеру Бербанку никогда бы и в голову не пришло освобождать вас и над Кэмдлес-Беем не стряслась бы беда.

— Что же мне теперь делать, мистер Пэрри? — спра-

шивал в отчаянии Пиг. — Что мне делать?! Как помочь горю? Научите!

— Изволь, Пиг, я, так и быть, тебе скажу... и если у тебя есть хоть капля совести, ты должен это сделать. Ты ведь свободный человек, да?

— Кажется, свободный, мистер Пэрри.

— Следовательно, ты сам себе принадлежишь?

— Разумеется.

— Значит, ты можешь делать с собою что угодно?

— Конечно, мистер Пэрри.

— Так вот, Пиг, на твоём месте я сейчас же пошел бы на какую-нибудь соседнюю плантацию, продал бы там себя в рабство, а деньги отдал бы мистеру Бербанку, чтобы хоть сколько-нибудь вознаградить его за убытки, которые он потерпел, дав вам свободу.

Неужели Пэрри говорил серьезно? Очень может быть. Он часто заговаривался, стоило ему только сесть на своего любимого конька. Во всяком случае, несчастный Пигмалион был смущен и потрясен до крайности и не знал, что отвечать.

В одном лишь управляющий был совершенно прав — освобождение негров причинило Джеймсу Бербанку огромные убытки. Подсчет всех материальных потерь Бербанка дал бы значительную сумму. Ясно было, что негритянские хижины были разграблены и сожжены, от мастерских, лесопилен остались лишь груды еще дымящихся развалин. Вместо лесных складов, где сложены были уже готовые доски и бревна, вместо фабрик с хлопкоочистительными машинами, гидравлическими прессами, машинами для обработки сахарного тростника стояли одни лишь черные, обгоревшие, полуразвалившиеся стены; груды обожженного кирпича валялись

там, где еще недавно поднимались фабричные трубы. Кофейные плантации, рисовые поля, огороды, загоны для скота были так опустошены, словно стая диких зверей напала на плантацию.

При виде этой мрачной картины управляющий Пэри не мог сдержать своего возмущения. Из уст его вырвались слова гнева и угрозы; яростные взгляды, которые он бросал на Пига, испугали негра, и тот счел за лучшее вернуться в Касл-Хаус, сказав, что хочет «на свободе обдумать совет мистера Пэрри». Целый день думал бедный Пиг, но так и не пришел ни к какому решению.

Между тем некоторые из разогнанных негров вернулись тайком на плантацию. Можно себе представить, в какой ужас и отчаяние они пришли, когда увидели, что там не уцелело ни единой хижины. Джемс Бербанк тотчас же велел о них позаботиться. Часть негров он поместил внутри ограды, в помещениях, которые уцелели от пожара. Неграм велели похоронить убитых — как защитников Касл-Хауса, так и нападавших, раненых нападавшие захватили с собой. Были преданы земле и трупы двух гребцов, убитых Тексаром в бухте Марино.

О приведении плантации в порядок до поры до времени нечего было и думать. Надо было дожидаться окончательного торжества северян во Флориде. Другие, более неотложные заботы день и ночь волновали Бербанка. Он делал все, что мог, чтобы найти хоть какой-нибудь след своей похищенной дочери. К тому же и здоровье миссис Бербанк внушало серьезные опасения. Хотя Алиса ходила за ней, как нежная дочь, тем не менее помощь врача была необходима.

В Джэксонвилле был один врач, пользовавшийся доверием Бербанков. За ним послали, и он не замедлил

приехать в Кэмдлес-Бей. Он прописал больной несколько рецептов, но разве могли ей помочь лекарства, покуда не отыскана малютка Ди? И каждый день Джемс Бербанк с Уолтером Стэннардом, оставив дома не вполне еще оправившегося Эдварда Кэррола, ездили осматривать берега реки. Они обследовали маленькие островки на Сент-Джонсе, расспрашивали местных жителей, обещая кучу денег за малейшее указание, за самое незначительное сведение... Но все их старания были напрасны. Кто мог бы им сказать, что Тексар скрывается в глубине Черной бухты? Ведь никто этого не знал. Чтобы спрятать своих пленниц понадежней, Тексар, быть может, увез их к верховьям реки? Разве мало тайников было среди девственных лесов в глубине Флориды, среди обширных болот на юге штата или в непроходимом Эверлейдсе, где испанец мог так хорошо скрыть свои жертвы, что найти их оказалось бы невозможным?

Доктор ездил в Кэмдлес-Бей каждый день, и от него Джемс Бербанк узнавал все джэксонвиллские новости, а также обо всем, что происходило на севере графства Дьювал.

Никаких дальнейших попыток овладеть территорией Флориды федералисты не делали. Неужели же инструкции, полученные из Вашингтона, предписывали им остановиться на границе штата и дальше не идти? Это было бы тяжким ударом для унионистов Флориды, особенно же для Джемса Бербанка, как наиболее скомпрометированного из них в глазах конфедератов. Но какова бы ни была причина — эскадра Дюпона все еще не выходила из Сент-Мэриса, и три пушечных выстрела вечером 2 марта были не более как ложной тревогой, введ-

шей в заблуждение людей Тексара, благодаря чему Касл-Хаус был спасен от грабежа и разрушения.

Что же касается испанца, то не следовало ли ожидать, что он предпримет новое нападение на Кэмдлес-Бей? Ведь Джемс Бербанк еще не был в его власти.

Нет, это было, пожалуй, маловероятным. Разорение плантации и взятие в плен Зермы и Ди удовлетворили его на время. Да к тому же в Джэксонвилле нашлись честные люди, не побоявшиеся громко выразить свое отвращение к бесчинству, совершенному Тексаром в поместье, что, правда, не слишком-то заботило испанца; он по-прежнему властвовал в городе и графстве, поддерживаемый подонками населения...

Сторонники Тексара — проходимцы и наглые авантюристы — ликовали, дни и ночи предаваясь шумным оргиям. Каждый вечер в Кэмдлес-Бее видели, как над городом, точно зарево пожара, вспыхивал в небе отблеск иллюминации. Честные люди вынуждены были молчать, подчиняясь этой партии негодяев.

Новой администрации очень помогло временное бездействие северян. Воспользовавшись этим бездействием, она распустила слух, будто федералисты не перейдут через флоридскую границу, потому что им, мол, велено отступить в Джорджию и в обе Каролины, что они не займут полуостров Флориду, так как Флорида, эта старинная испанская колония, стоит в стороне от того вопроса, из-за которого началась война, и т.п. Слухи эти настолько ободрили конфедератов, что во многих графствах штата, особенно на севере Флориды, на границе с Джорджией, началось движение против плантаторов-унионистов, владения которых стали подвергаться участи Кэмдлес-Бея. Так, на одной из плантаций конфеде-

раты разогнали негров, на другой сожгли лесопильню, на третьей — разграбили все оборудование мастерских и фабрик.

Хотя Кэмдлес-Бею и нечего было опасаться повторения осады, однако Джеймс Бербанк с нетерпением ждал прихода федералистов. При настоящем положении дел он ничего не мог предпринять против Тексара: ни привлечь его к судебной ответственности, ни заставить указать место, где он прячет Зерму и Ди.

Сколько терзаний причиняло Бербанку и его близким это затянувшееся ожидание! Они не могли, однако, поверить, что федералисты остановятся на границе Флориды. В последнем письме Джилберта прямо было сказано, что Дюпон и Шерман идут на Флориду. Неужели вашингтонское правительство прислало после того в бухту Эдисто новые инструкции? Или, может быть, конфедераты одержали в Виргинии или обеих Каролинах какую-нибудь важную победу, вынудившую федералистов приостановить свое продвижение на юг? Если это правда, сколько волнений, сколько еще бед предстоит испытать обитателям Кэмдлес-Бея!

В таких тревогах прошли первые пять дней после разгрома Кэмдлес-Бея. О дальнейшем продвижении федералистов ничего не было слышно, о Зерме и Ди тоже не было никаких вестей, хотя Джеймс Бербанк не прекращал своих розысков и не проходило дня, чтобы он что-либо не предпринял в этом направлении.

Наступило 9 марта. Эдвард Кэррол совершенно оправился от раны и мог бы уже принять участие в поисках Ди и Зермы, но миссис Бербанк все еще была очень слаба и не переставала плакать. В бреду она, горько рыдая, звала дочь, вскакивала с постели, говоря, что сей-

час пойдет искать ее. За приступом нервного возбуждения всякий раз следовал глубокий обморок, так что Алиса боялась, что несчастная женщина умрет у нее на руках после одного из таких припадков.

Утром 9 марта в Джэксонвилл пришло наконец известие с театра войны, но, к несчастью, неутешительное для унионистов.

По слухам, конфедератский генерал Ван-Дорн, отеснив сперва 6 марта войска генерала Кэртиса при Бентонвилле, в Арканзасе, принудил затем федералистов к отступлению. Впрочем, это был только слух, так как на самом деле серьезных боев не было, а была лишь небольшая стычка с арьергардом одного из корпусов северян, правда, неудачная для федералистов, но несколько дней спустя полностью возмещенная победой при деревушке Пи-Ридже. В Джэксонвилле, однако, сепаратисты обнаглели еще больше, придав этой удачной стычке значение крупной победы и отпраздновав ее иллюминацией и оргиями, шум которых доносился до опечаленных обитателей Кэмдлес-Бея.

Таковы были новости, собранные Джемсом Бербанком во время совершенного им в этот день обследования левого берега Сент-Джонса.

Некий житель графства Патнам полагал, что обнаружил кое-какие следы похищенных на одном островке Сент-Джонса, в нескольких милях выше Черной бухты. Человек этот слышал накануне ночью чей-то отчаянный крик и сообщил об этом Джемсу Бербанку. Кроме того, около тех же мест видели недавно приспешника Тексара индейца Скуамбо, который плыл по реке в своем челне. Что индеец в челноке действительно проезжал поблизости, подтвердил также один из пассажиров

«Шаннона», ехавший из Сент-Огастина и высадившийся на пристани Кэмдлес-Бея.

Джемс Бербанк с Эдвардом Кэрролом и двумя неграми немедленно пустились по указанному следу. Они сели в лодку, поднялись вверх по реке до островка, о котором им говорили, высадились на нем, обследовали несколько рыбачьих хижин, давно уже, очевидно, пустовавших, прошли весь островок из конца в конец и ничего не нашли. В глубине островка, среди почти непроходимой лесной чащи, — никаких следов человеческого присутствия. Не заметно было также, чтобы где-либо к берегу недавно приставала лодка. Скуамбо нигде не было видно: если он и плывал в своей лодке поблизости от островка, то, во всяком случае, на нем не высаживался.

Итак, поиски и на этот раз ни к чему не привели. Бербанк пришел к убеждению, что он опять пошел по ложному следу.

В этот вечер Джемс Бербанк, Уолтер Стэннард и Эдвард Кэррол собрались, по обыкновению, в холле и толковали о своих неудавшихся поисках. Около девяти часов к ним присоединилась и Алиса, воспользовавшись тем, что миссис Бербанк задремала в своей комнате — вернее, ненадолго впала в забытье.

Ночь обещала быть очень темной. Серп луны скрылся уже за горизонтом. Касл-Хаус, плантация и река — все объято было глубокой тишиной. Негры, поместившиеся в уцелевших надворных строениях, собирались ложиться спать. Тишину нарушали только отголоски далекого гула, долетавшего временами из Джэксонвилла, где конфедераты пышно праздновали победу своих войск.

Этот гул тяжелой болью отзывался в сердцах обитателей Касл-Хауса.

— Надо было бы, однако, разузнать поточней, что делается на фронте, — заметил Эдвард Кэррол. — Неужели федералисты в самом деле отказались от занятия Флориды?

— Да, узнать необходимо, — согласился Стэннард. — Невозможно жить дольше в этой тягостной неизвестности.

— Хорошо, — сказал Джемс Бербанк. — Завтра же я отправлюсь в Фернандину и узнаю там...

Но в эту минуту у главного подъезда Касл-Хауса со стороны аллеи, ведущей к берегу Сент-Джонса, кто-то тихонько постучал.

Алиса вскрикнула и побежала к дверям. Джемс Бербанк хотел остановить ее, но она не послушалась.

Стук у дверей повторился, на этот раз громче и настойчивей...

ГЛАВА 13

В течение нескольких часов

Джемс Бербанк тоже подошел к двери. Он никого не ждал, но подумал, что, может быть, это Джон Брюс приехал из Джэксонвилла с важными вестями от мистера Гарвея.

Постучали в третий раз еще сильнее и нетерпеливее.

— Кто там? — спросил Джемс Бербанк.

— Я!.. Отоприте!..

— Джилберт! — вскричала Алиса.

Она не ошиблась. Джилберт в Кэмдлес-Бее! Он воспользовался, вероятно, счастливой возможностью по-

видаться с родными и с радостью приехал на несколько часов в Кэмдлес-Бей, ничего, должно быть, не зная о несчастьи, обрушившемся на его близких.

В один миг молодой офицер очутился в объятиях отца; вошедший с Джилбертом человек старательно запер за собою дверь.

То был Марс, муж Зермы и преданный матрос лейтенанта Джилберта Бербанка.

Поздоровавшись с отцом, Джилберт обернулся и, увидев Алису, нежно пожал ей руку.

— А матушка? — спросил он. — Где же матушка? Неужели правда, что она тяжело больна?

— Как, разве ты уже знаешь?.. — воскликнул Джемс Бербанк.

— Все знаю. Плантацию опустошили джэксонвиллские бандиты, Касл-Хаус подвергся нападению... но матушка, моя матушка, жива ли она?

Всем стало ясно, почему Джилберт, рискуя жизнью и свободой, приехал в Кэмдлес-Бей.

Вот чем вызван был его приезд.

За день перед тем несколько канонерок эскадры командора Дюпона проникли в устье Сент-Джонса, поднялись вверх по реке и принуждены были остановиться, не доходя четырех миль до Джэксонвилла, так как тут начиналась песчаная отмель. Несколько часов спустя на канонерку Стивенса, где Джилберт был старшим офицером, явился какой-то человек, назвавшийся смотрителем при маяке Пабло. Этот человек сообщил о джэксонвиллских событиях, о нападении на Кэмдлес-Бей, о разгоне негров и болезни миссис Бербанк. Легко понять, какое впечатление произвел этот рассказ на Джилберта.

Молодым человеком овладело желание повидаться с матерью. Получив разрешение капитана Стивенса, он сел со своим верным Марсом в гичку и, пользуясь темнотою, никем не замеченный — как ему казалось, — высадился на берег в полумиле ниже Кэмдлес-Бея, чтобы не высаживаться на пристани, за которой, по всей вероятности, наблюдали лазутчики Тексара.

Бедный юноша! Он не знал, да и не мог знать, что попал в ловушку, расставленную испанцем, которому во что бы то ни стало хотелось добыть потребованное у него судьями доказательство, что Джемс Бербанк имеет тайные сношения с федералистами.

Чтобы заманить Джилберта в Кэмдлес-Бей, Тексар поручил одному из сторожей маяка Пабло — человеку, на преданность которого он мог вполне положиться, — сообщить молодому лейтенанту о том, что произошло в Кэмдлес-Бее, а главное — уведомить его о болезни миссис Бербанк. За Джилбертом следили все время, покуда он плыл вверх по реке, однако он совершенно случайно, сам того не подозревая, сбил шпионов со своего следа. Но если эти шпионы упустили юношу, когда он высаживался на берег, они надеялись захватить его, когда он поедет назад, так как за всем берегом было установлено наблюдение.

— Но матушка... Где же матушка? — твердил Джилберт.

— Я здесь, Джилберт! — отозвалась сама миссис Бербанк.

Она появилась на лестнице и медленно спускалась в холл, держась за перила. Спустившись, она с трудом добралась до дивана и тяжело на него опустилась. Джилберт подбежал к ней и стал осыпать ее поцелуями.

Больная в полузабытьи услышала стук в дверь, узнала голос сына и, собрав все силы, поспешила к нему, чтобы с ним и со всеми близкими разделить их общую горе.

Молодой человек нежно обнимал ее.

— Моя мама, — говорил он, — мама!.. Как я рад тебя видеть!.. Бедная моя! Ты больна! Но мы тебя вылечим. Тяжелые дни пройдут. Не бойся за меня, никто и не узнает, что мы с Марсом приезжали сюда!

Джилберт заметил, что матери становится хуже, и стал еще нежнее ее успокаивать.

Однако Марсу показалось, что Джилберту и ему сказали еще не все, что несчастье, поразившее семью Бербанков, гораздо значительнее, чем они оба думали. Джемс Бербанк, Кэррол и Стэннард сидели молча, понуриив головы. Алиса заливалась слезами. В комнате не было ни Ди, ни Зермы, а между тем Зерме пора бы уж было знать, что приехал ее муж, что он здесь и ждет ее.

С тревожным предчувствием мулат окинул взглядом холл и спросил мистера Бербанка:

— Что случилось, господин?

— А Ди? — спохватился вдруг Джилберт. — Неужели она уже спит? Где сестренка?

— Где моя жена? — спросил Марс.

Через минуту им все уже было известно.

Спрятав лодку и пробираясь берегом в Касл-Хаус, они, несмотря на темноту, успели рассмотреть груды развалин на опустошенной плантации. Но они полагали, что за освобождение негров Бербанк пострадал лишь материально. Теперь же они узнали, что один из них лишился сестры, другой — жены. И никто не мог сказать им, куда их неделю тому назад увез Тексар!

Опустившись на колени, Джилберт со слезами снова

обнял плачущую мать. Марс, задыхаясь, с побагровевшим от гнева лицом, метался по холлу, тщетно стараясь овладеть собой.

Наконец он не выдержал.

— Я убью Тексара! — в бешенстве крикнул мулат. — Я завтра же отправлюсь в Джэксонвилл... нет, нынче ночью... сейчас же...

— Да-да, Марс. Поедем вместе! — подхватил Джилберт.

Но Джемс Бербанк остановил их.

— Если бы дело было только в этом, — сказал он, — разве я стал бы дожидаться вашего приезда? Я бы уже давно расправился с негодяем сам. Но он должен сначала сказать нам то, что известно лишь ему одному. Я знаю, что делаю, удерживая вас. Нужно подождать!

— Хорошо, отец, я подожду, — отвечал молодой человек. — Но я, по крайней мере, хоть обыщу всю местность...

— Неужели ты думаешь, что я и сам этого не сделал? — воскликнул мистер Бербанк. — Дня не прошло, чтобы мы не обыскивали берега Сент-Джонса, островки, где мог бы скрываться Тексар. Но тщетно: мы не нашли ничего, что могло бы навести нас на след твоей сестры, Джилберт, и твоей жены, Марс! Чего мы только не предпринимали с Кэрролом и Стэннардом, однако все наши поиски не привели пока ни к чему.

— Отчего же ты не подал жалобу на Тексара? — спросил молодой офицер. — Отчего не привлек его к суду за грабеж плантации и за похищение Ди?

— Отчего? — ответил Бербанк. — Да очень просто: потому что Тексар теперь хозяин города, потому что все честные люди дрожат теперь перед мерзавцами, кото-

рые ему преданы, потому что городские подонки и милиция графства стоят теперь за него!

— Я убью Тексара! — словно во власти одержимой идеи, твердил Марс.

— Ты убьешь его, когда придет время, — отвечал Бербанк. — А сегодня ты этим только ухудшил бы положение.

— Но когда придет время? — спросил Джилберт.

— Когда федералисты займут Джэксонвилл и утвердятся во Флориде.

— А если тогда будет уже поздно?

— Джилберт, Джилберт, умоляю тебя, не говори этого! — простонала миссис Бербанк.

— Да, Джилберт, вы не должны так говорить, — подержала ее Алиса.

Джемс Бербанк взял сына за руку.

— Выслушай меня, Джилберт, — сказал он. — Мы и сами хотели тут же расправиться с Тексаром, если он нам немедленно не скажет, куда он девал Зерму и Ди; но потом, во имя осторожности, решили сдерживать свой гнев. Есть основание думать, что Ди и Зерма служат для Тексара залогом его собственной безопасности и потому он будет, конечно, всячески их беречь, так как знает, что федералисты неминуемо потребуют его к ответу за ниспровержение в городе законных властей, за то, что он подстрекал шайку преступников на разграбление Кэмдлес-Бея, и за то, что опустошил и сжег плантацию сторонника Севера. Если бы я не был в этом уверен, неужели я стал бы удерживать тебя? Неужели нашел бы в себе силы ждать?

— И разве я могла бы жить, не имея этой надежды? — воскликнула миссис Бербанк.

Несчастливая женщина поняла, что если Джилберт отправится в Джэксонвилл, то попадет в руки Тексара. Кто сможет тогда спасти федералистского офицера, захваченного южанами в момент, когда северяне угрожают Флориде?

Но молодой человек был вне себя от горя и гнева и не слушал никаких доводов. Он хотел немедленно ехать в Джэксонвилл.

— Идем! — опять сказал он Марсу, не перестававшему твердить, что он убьет Тексара.

— Нет, Джилберт, ты не поедешь! — сказала миссис Бербанк, с усилием поднявшись с дивана. Она пыталась подойти к дверям, чтобы не пропустить сына, но силы изменили ей, и она снова упала на диван.

— Успокойся, мама! — вскричал молодой человек.

— Не ездите, Джилберт! — сказала Алиса.

Пришлось перенести миссис Бербанк в спальню. Молодая девушка осталась при больной. Когда Джемс Бербанк, относивший больную жену, вернулся в холл, он увидел, что Джилберт сидит на диване, охватив голову руками, а Марс молча стоит поодаль.

— Теперь ты, надеюсь, овладел собой, Джилберт, — сказал Джемс Бербанк. — Говори же. От того, что ты нам скажешь, зависит, какие мы примем в дальнейшем решения. У нас, правду сказать, только и надежды, что на скорый приход федералистов. Неужели они отказались от намерений занять Флориду?

— Нет, отец, не отказались.

— Где же они теперь?

— Часть нашей эскадры направляется сейчас в Сент-Огастин, чтобы установить блокаду побережья.

— А разве коммодор не намерен овладеть Сент-Джонсом? — взволнованно спросил Эдвард Кэррол.

— Устье реки в наших руках, — отвечал молодой офицер. — Наши канонерки вошли в Сент-Джонс под команду Стивенса и стали там уже на якорь.

— Они уже там и до сих пор еще не сделали попытки взять Джэксонвилл! — вскричал Стэннард.

— Нет, им пришлось остановиться в четырех милях ниже города — виной всему песчаная отмель.

— Канонерки стоят... остановились перед отмелью... Неужели же отмель — такое непреодолимое препятствие? — воскликнул Джеймс Бербанк.

— Вода слишком мелка, отец, — ответил Джилберт. — Приходится ждать большого прилива, да и тогда еще это будет не так легко. Но Марс хорошо знает фарватер реки, и мы рассчитываем на него как на лоцмана.

— Опять ждать! — вскричал Джеймс Бербанк. — Сколько же еще времени ждать?

— Самое большее — дня три, а если подует ветер с моря, то не более суток.

Три дня или, может быть, сутки! Каким долгим казался этот срок! А если конфедераты поймут за это время, что им не отстоять города, если они оставят его, как оставили уже Фернандину, форт Клинч и другие города Джорджии и Северной Флориды, — разве Тексар не удерет вместе с ними? Где его потом искать?

Однако нападать на него теперь, покуда он при поддержке городского сброда хозяйничает в Джэксонвилле, было бы совершенным безумием. Об этом не приходилось и думать.

Мистер Стэннард спросил Джилберта, правда ли, что

федералисты потерпели неудачу на севере, и что думать о битве при Бентонвилле.

— Мы одержали победу в сражении при Пи-Ридже, — отвечал молодой лейтенант, — и войскам Кэртиса удалось таким образом вернуть временно оставленную ими территорию. У северян дела идут превосходно, и победа будет, конечно, за ними, но когда именно — предсказать трудно. Как только будут взяты важнейшие пункты Флориды, федералисты положат конец подвозу с моря военной контрабанды, и конфедераты станут тогда испытывать недостаток в оружии и военных припасах. Под защиту нашей эскадры во Флориде через несколько дней снова водворится порядок и спокойствие. Ну, а до тех пор...

Джилберт вдруг вспомнил о своей сестренке, подвергающейся такой опасности... Чтобы отвлечь сына от этих тягостных мыслей, Джеймс Бербанк опять завел разговор о военных действиях. Не случилось ли на фронте чего-нибудь нового, о чем не знают еще в Джэксонвилле, а тем более в Кэмдлес-Бее?

Да, произошло, конечно, несколько важных событий, непосредственно касающихся сторонников Севера, живущих во Флориде.

После взятия форта Донелсона весь штат Теннесси перешел в руки федералистов, которые задумали комбинированной атакой армии и флота обеспечить себе господство над всем течением Миссисипи. Они спустились вниз по реке до острова №10, где им предстояло дать сражение дивизии генерала Борегара, которому поручена была оборона реки. 24 февраля бригада Попа, высадившись в Коммерсе, на правом берегу Миссисипи, отбросила корпус Томсона. Правда, у острова №10 и

селения Нью-Мадрид федералисты были задержаны целой системой мощных земляных укреплений, воздвигнутых Борегаром. Хотя после падения форта Донелсона и Нэшвилла все позиции на реке выше Мемфиса можно было считать для конфедератов потерянными, однако они могли еще надеяться отстоять позиции, лежавшие вниз по реке. Тут именно и предполагалось дать решительное сражение.

Тем временем на Хэмптон-Родском рейде, при устье Джеймс-Ривер, произошло достопамятное морское сражение — в нем участвовали первые образцы тех бронированных кораблей, которые коренным образом изменили впоследствии морскую тактику и привели к усовершенствованию кораблей как Старого, так и Нового Света.

К 5 марта из Нью-Йорка готовился выйти в море «Монитор» — броненосец, построенный шведским инженером Эриксоном, а из Норфолка — броненосец «Виргиния», перестроенный из прежнего «Мерримака».

В это время на Хэмптон-Родском рейде, близ Ньюпорт-Ньюса, стояла на якоре федералистская эскадра под командой капитана Марстона; она состояла из кораблей: «Конгресс», «Св. Лаврентий», «Камберленд» и двух паровых фрегатов.

Но утром 2 марта на рейде появилась вдруг «Виргиния» под командованием конфедератского капитана Букенена. В сопровождении нескольких менее крупных судов «Виргиния» нападает сперва на «Конгресс», потом атакует «Камберленд», пустив его ко дну со всем экипажем, численностью в сто двадцать человек. После чего, вернувшись снова к севшему на мель «Конгрессу», она изрешетила его снарядами и подожгла. Только на-

ступление ночи помешало истреблению трех остальных кораблей эскадры северян.

Трудно представить себе, какое впечатление произвела эта победа небольшого броненосца над большими кораблями федералистов. Слух о победе распространился со сказочной быстротой. Северяне растерялись: ведь какая-нибудь «Виргиния» могла появиться и в устье Гудзона и пустить там ко дну суда, стоящие на Нью-Йоркском рейде. А южане возликовали, надеясь, что блокада южного побережья будет снята и торговля возобновится.

Именно эту морскую победу и отпраздновали накануне так шумно в Джэксонвилле. Местные конфедераты решили, что им уже не страшен флот федерального правительства, что после победы на Хэмптон-Родском рейде эскадра коммодора Дюпона будет немедленно отозвана в Потомак или Чесапик; высадка федералистских войск уже не угрожает Флориде, и сторонники рабовладения, при поддержке самой разнузданной части населения Юга, полностью восторжествуют. А тогда Тексар и его приспешники укрепятся на захваченной ими позиции, позволявшей им делать столько зла!

Торжество конфедератов было, однако, преждевременным. Новости, уже известные на севере Флориды, Джилберт дополнил слухами, ходившими среди федералистов, когда он покидал свою канонерку.

Второй день морского боя на Хэмптонском рейде имел для федералистов совершенно иной исход. Утром 9 марта, то есть на другой день после первой битвы, «Виргиния» собиралась уже атаковать «Миннезоту», один из двух федералистских фрегатов, как вдруг появилось новое судно, по выражению конфедератов, очень

похожее на стоящий на плоту «ящик из-под сыра». Этот «ящик из-под сыра» был не что иное, как броненосец «Монитор» под командой лейтенанта Уордена, посланный для разрушения батарей на Потوماке. Прибыв к устью Джеймс-Ривер, лейтенант Уорден услышал пальбу на Хэмптон-Родс и поспешил к месту сражения.

Став в десяти метрах друг от друга, оба грозных боевых корабля вели в течение четырех часов сряду жестокую артиллерийскую перестрелку, но без особых результатов. Наконец «Виргиния», получив пробоину ниже ватерлинии и спасаясь бегством, направилась в Норфолк, и «Монитор», которому девять месяцев спустя суждено было самому получить пробоину, одержал полную победу. Господство на Хэмптон-Родском рейде осталось, таким образом, за федералистами.

— Нет, отец, — заключил свой рассказ Джилберт, — наша эскадра не будет отозвана на север. Шесть канонерок Стивенса стоят перед мелью на Сент-Джонсе, и, повторяю вам, не позже как через три дня Джэксонвилл будет в наших руках!

— Вот видишь, Джилберт, — отвечал Бербанк, — тебе, значит, следует подождать и вернуться на свою канонерку. Когда ты ехал сюда, не заметил ли ты, чтобы за тобою следили?

— Нет, отец, не заметил. Мы с Марсом проскользнули незамеченными.

— А кто этот человек, явившийся на твою канонерку и рассказавший тебе о разграблении Кэмдлес-Бея, пожаре и о болезни матери?

— Он назвался бывшим смотрителем маяка Пабло, выгнанным вместе с другими со службы. Приходил же он, собственно, к Стивенсу — предупредить его об опас-

ности, которой северяне подвергаются в этой части Флориды.

— А он знал, что ты на канонерке?

— Нет, и, по-видимому, очень удивился, увидав меня. Но почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что я боюсь какой-нибудь ловушки со стороны Тексара. Он не только подозревает, но положительно уверен, что ты служишь в федеральном флоте. Он мог узнать, что теперь ты находишься на канонерке Стивенса. Если Тексар старался заманить тебя сюда...

— Не бойся, отец, никто нас не видал, когда мы сюда ехали, и никто не увидит, когда мы поедем назад.

— Но ты ведь вернешься прямо на свою канонерку, никуда не заезжая?

— Разумеется, отец, ведь я обещал тебе это. Еще до рассвета мы с Марсом будем на борту канонерки.

— В котором же часу ты думаешь отправиться?

— Около двух часов ночи, когда начнется отлив.

— Как знать? — заметил Эдвард Кэррол. — Быть может, канонеркам Стивенса не придется дожидаться трех дней...

— Конечно, если вдруг подует ветер... Ах, если бы ветер с моря крепчал и поднялась вода над отмелью! Если бы разразилась буря! Мы смогли бы расправиться с этими негодяями! А тогда...

— Я убью Тексара, — повторил Марс.

Было за полночь. До отъезда Джилберта и Марса оставалось еще два часа — им нужно было дождаться отлива, чтобы вернуться на канонерку. Ночь стояла темная, так что они могли надеяться проскользнуть незамеченными, хотя по реке шныряли лодки, которым пору-

чено было наблюдать за всем течением Сент-Джонса ниже Кэмдлес-Бея.

Молодой офицер пошел наверх в комнату матери. У ее постели сидела Алиса. Миссис Бербанк, совершенно разбитая после непосильного для нее напряжения, впала в болезненное забытие, прерываемое иногда тяжким рыданием.

Джилберт не хотел тревожить мать, тем более что и Алиса сделала ему знак рукою, чтобы он не разговаривал. Поэтому он молча присел у постели. Он сидел у изголовья бедной женщины, не испившей еще, вероятно, до дна всей чаши испытаний. Джилберту с Алисой незачем было разговаривать — оба они и без слов понимали друг друга.

Наконец настал миг отъезда. Джилберт протянул руку Алисе, и они наклонились над миссис Бербанк, которая лежала с полузакрытыми глазами.

Джилберт коснулся губами лба несчастной матери, затем ее поцеловала Алиса. Миссис Бербанк болезненно вздрогнула, но так и не увидела, как сын и Алиса вышли из комнаты.

Джилберт с молодой девушкой спустились в холл, где по-прежнему сидели Джемс Бербанк и его друзья.

В этот момент в холл вернулся и Марс, ходивший осматривать окрестности Касл-Хауса.

— Пора ехать, — сказал он.

— Да, Джилберт, пора, — подтвердил Джемс Бербанк. — Поезжай. Мы увидимся в Джэксонвилле.

— Да, отец, в Джэксонвилле, и завтра же, если вода поднимется достаточно высоко и можно будет пройти через отмель. Что же касается Тексара...

— Не забывай, Джилберт, что мы должны захватить его живым!

— Да, живым!..

Юноша обнял и поцеловал отца и, пожав руки дяде Кэрролу и мистеру Стэннарду, сказал:

— Идем, Марс.

Оба они вышли из Касл-Хауса. С полчаса пробирались вдоль правого берега реки, не встретив при этом ни души. Дойдя до того места, где в камышах была спрятана их гичка, они сели в нее, выехали на середину реки и понеслись вниз по течению к песчаной отмели Сент-Джонса.

ГЛАВА 14

На реке Сент-Джонс

В этой части своего течения река была совершенно пустынной. Противоположный берег тонул во мраке. Кэмдлес-бейская бухта образует тут поворот к северу, и огни Джэксонвилла были скрыты выступом берега; они отражались лишь в далеких облаках, окрашивая их края золотисто-красноватыми отблесками.

Несмотря на темноту, Джилберт и Марс уверенно направили свою гичку к отмели, и хотя тумана над рекой не было, они все же рассчитывали ускользнуть от любой конфедератской лодки, которой вздумалось бы за ними погнаться, — что казалось им, впрочем, маловероятным.

Оба они хранили молчание. Им, конечно, хотелось бы, вместо того чтобы плыть на лодке вниз по течению, добраться до Джэксонвилла, разыскать там Тексара и расправиться с ним. А после этого они обыскали бы все бухты, все прибрежные леса по Сент-Джонсу. И, быть

может, в своих поисках они оказались бы счастливее Джемса Бербанка. Но благоразумнее всего было, конечно, выждать; когда Флорида будет в руках федералистов, Джилберт и Марс легче справятся с испанцем. К тому же долг их обязывал вернуться еще до рассвета на канонерку. Ведь если паче чаянья прилив позволил бы перебраться через песчаную отмель раньше, чем предполагалось, — молодой лейтенант должен быть на своем боевом посту, а Марс, как лоцман, — на своем, чтобы провести флотилию по фарватеру, глубина которого как во время прилива, так и во время отлива была хорошо известна мулату.

Марс на корме лодки ловко работал веслом. А Джилберт на носу ее напряженно всматривался в даль, чтобы вовремя предупредить его о появлении какой-либо лодки или о плывущей по реке коряге, которые могли встретиться на их пути. Марс направлял лодку к середине реки; там, подхваченная течением, она поплывет уж сама. Пока же легким поворотом весла он мог придать ей нужное направление. Лучше было, конечно, оставаться в тени, под сводами деревьев, среди высокого тростника, окаймлявшего правый берег Сент-Джонса. Плывая под сенью густых ветвей, меньше опасности быть замеченным. Но чуть пониже плантации река делает крутой поворот, и течение тут относит к левому берегу; из образующегося там водоворота выбраться не так-то легко, а это задержит лодку. И, не заметив на нижнем плесе ничего подозрительного, Марс предпочел направить лодку к середине реки, где течение быстро помчит ее к устью. От кэмдлес-бейской пристани до песчаной отмели, перед которой на якоре стояла флотилия, насчитывалось не более четырех-пяти миль; мор-

ской отлив и усилия гребца доставят туда лодку часа за два. Значит, они успеют вернуться на свою канонерку прежде, нежели первые лучи солнца осветят реку.

Через четверть часа Джилберт и Марс были уже в середине реки. Плыли они быстро, но их все время относил течением к Джэксонвиллу. Быть может, сам того не сознавая, Марс направлял лодку в ту сторону, куда его так неудержимо влекло. Однако следовало избегать этого проклятого места, ибо, несомненно, подступы к нему охранялись лучше, нежели середина реки.

— Прямо, Марс, держи прямо! — повторял молодой лейтенант.

И гичка плыла по течению на расстоянии четверти мили от левого берега. Вот показалась вдали гавань Джэксонвилла; набережная была освещена; мерцали огоньки на сновавших по реке лодках. Вокруг города, как видно, установлен бдительный надзор. Из Джэксонвилла по-прежнему доносились пение и шум. Видно, Тексар и его сторонники все еще верили, что северяне потерпели поражение в Виргинии и флотилия их будет отозвана. Или они, быть может, спешили воспользоваться своими последними денечками, предаваясь безудержному разгулу среди населения, подпоенного виски и джином.

А гичку между тем несло течением, и Джилберт уже мог надеяться, что, миновав Джэксонвилл, опасность останется позади. Но внезапно он знаком остановил Марса. На милю приблизительно ниже порта он заметил какие-то черные точки, похожие на ряд выступавших из воды камней, протянувшиеся между двух берегов реки.

То было заграждение из линии лодок, поставленных поперек Сент-Джонса. Если бы канонеркам удалось пе-

ребраться через песчаную отмель — этим лодкам не остановить их, конечно; им немедленно пришлось бы отступить; но помешать шлюпкам федералистов подняться вверх по реке они, пожалуй, смогли бы. С этой-то целью, вероятно, и было поставлено ночью заграждение. Лодки неподвижно стояли поперек Сент-Джонса: они либо бросили там якорь, либо удерживались на месте при помощи весел. На них, несомненно, была многочисленная и хорошо вооруженная команда, хотя разглядеть в темноте это не удавалось.

Джилберт напомнил Марсу, что, когда они подымались вверх по реке, направляясь в Кэмдлес-Бей, никакого заграждения еще не было. Предосторожность была принята уже после того, как проплыла их гичка, возможно, в предупреждение атаки, хотя о ней не было и речи, когда молодой лейтенант покидал флотилию Стивенса.

Нужно было немедленно уйти с середины реки и сделать попытку пробраться вдоль ее правого берега. Если осторожно плыть среди зарослей тростника в тени прибрежных деревьев, то можно остаться незамеченными. Иного способа обойти заграждение на Сент-Джонсе, во всяком случае, не было.

— Смотри же, Марс, гребь как можно тише, пока мы не минуем линию заграждения, — сказал Джилберт.

— Хорошо, мистер Джилберт.

— Мы попадем, вероятно, в водоворот, и если тебе понадобится моя помощь...

— Ничего, я и сам справлюсь, — отвечал Марс.

И, повернув гичку, он стремительно направил ее к правому берегу: они находились уже не более чем в трехстах метрах от линии заграждения.

Их легкое суденышко не было замечено, когда пересекало наискось реку, а теперь, укрывшись в прибрежной тени, оно и подавно не будет обнаружено. И если только заграждение не доходит до самого берега, гичка проскользнет беспрепятственно. Попытаться же сейчас пройти фарватером реки было бы просто безумием.

В темноте, еще более непроницаемой под густой зеленью ветвей, Марс осторожно работал веслом, стараясь не зацепить за коряги, кое-где торчавшие из реки; он бесшумно погружал весло в воду, хотя и приходилось порою бороться с довольно сильным встречным течением и водоворотами. Из-за этих отклонений от прямого пути Джилберт попадет часом позже на свою канонерку. Но тогда ему не страшен рассвет: ведь близ стоянки флотилии он уже может не опасаться преследования южан.

К четырем часам утра лодка поравнялась с линией заграждения. Как и предполагал Джилберт, подле берега можно было свободно проехать, здесь было мелко, и заграждение сюда не доходило.

Перед ними невдалеке показался мыс, густо поросший с одной стороны гигантским бамбуком и тропическими деревьями. Нужно было его обогнуть. Но на другой стороне берег мыса был совершенно оголенным. По мере приближения к устью берег Сент-Джонса становился все более и более отлогим. Плоский, обнаженный, он весь был покрыт болотами и изрезан небольшими бухтами. Над водой у берега уже не было ни завесы древесных ветвей, ни единого деревца. А ведь на дне маленькой гички двоим не спрятаться, и движущаяся черная точка легко может быть замечена с одной из лодок, снующих подле мыса. Водоворота здесь, правда, уже не было. Лодка скользила теперь вдоль берега, и ее уже не

относило течением к середине реки. Если бы им только посчастливилось благополучно обогнуть мыс, течение мигом домчало бы их до песчаной отмели, а оттуда до стоянки Стивенса рукой подать.

Марс осторожно вел лодку вдоль берега. В этой крошечной тьме он старался разглядеть, что делается впереди по течению реки. Лодка бортом своим почти задевала берег. Но близ мыса снова пришлось бороться с водоворотами. Весло гнулось в мощных руках мулата, а Джилберт, обернувшись назад, не отрываясь, вглядывался в водное пространство за кормой.

Гичка приближалась к мысу. Еще несколько минут — и она обогнет этот мыс, переходящий в песчаную косу. Осталось уже не больше тридцати ярдов. Но Марс внезапно перестал грести.

— Ты устал? — спросил его молодой Бербанк. — Тебя сменить?

— Тише, мистер Джилберт! — шепотом отвечал Марс.

Двумя сильными взмахами весла он почти врезался лодкой в берег, ухватился за свесившуюся к воде ветку дерева, подтянул лодку к густой прибрежной зелени. Миг, и лодка была привязана к торчащему из земли древесному корню; Джилберт и Марс очутились в полной темноте.

На все это потребовалось не более десяти секунд.

Схватив своего спутника за руку, Джилберт хотел было спросить у него, что все это значит, но тот указал ему на середину реки. Там мрак был не столь густым, и можно было разглядеть движущуюся точку.

Это оказалась лодка, в ней находилось четверо людей. Лодка подымалась вверх по течению и, обогнув песчаную косу, собиралась, видимо, плыть вдоль берега.

У Джилберта и Марса мелькнула одна и та же мысль: главное — добраться во что бы то ни стало до канонерки. Если гичка их будет обнаружена, они не колеблясь выпрыгнут на сушу и, пробираясь между деревьями, побегут по берегу до того места, против которого на реке находится песчаная отмель. Когда рассветет, их сигналы заметят с ближайшей канонерки либо они сами доберутся до нее вплавь. Нужно сделать все возможное, чтобы вовремя быть на своем посту.

Но они тут же убедились, что и на суше путь для них также отрезан.

Шагах в двадцати от той густой заросли, где скрывались Джилберт и Марс, сидевшие в лодке люди стали перекликаться с теми, что находились на берегу.

— Ну как вы там справились? — спрашивали с берега.

— Ничего, справились кое-как, — отвечали с реки. — Однако обогнуть мыс во время отлива — все равно что переплыть пороги.

— Мы уже высадились на мыс, становитесь-ка на якорь, поближе к нам.

— Да, как раз тут и станем, у стремнины, на самом краю заграждения.

— Ладно! А мы посторожим берег, и негодьям от нас не уйти, разве что они в болото полезут.

— Да, может быть, уже и полезли?

— Ну нет! Они, конечно, попытаются еще до рассвета вернуться на свою канонерку. По реке через заграждение им не прорваться, значит, будут пробираться берегом, а тут-то мы их и сцапаем.

Джилберту и Марсу все стало ясно. Шайку Тексара, несомненно, известили об их отъезде. И если им обоим удалось проскользнуть благополучно в Кэмдлес-Бей, то

обратно к эскадре им не пробраться: на реке заграждение, да и на берегу все предусмотрено для их поимки.

Гичка попала между двух огней — людьми в лодке и теми, что высадились на мыс. Невозможно было пробиться через заграждение на реке, да и по узкой полосе земли между рекой и подступавшими к самому берегу болотами им тоже не пробраться.

Итак, Джилберт узнал о том, что их поездка по реке обнаружена врагами. Но, быть может, лазутчики Тексара видели лишь то, что два человека проезжали на лодке, а то, что они высадились в Кэмдлес-Бее и что один из них — сын Джемса Бербанка, офицер, а другой — матрос федерального флота, они не знают? Увы! И это было их врагам известно, в чем Джилберта убедили последние фразы, которыми обменялись эти люди.

— Глядите же в оба! — крикнули с земли.

— Еще бы не глядеть! — отвечали с лодки. — Добыча-то какая! Офицер федерального флота, да к тому же еще сын флоридского аболициониста!

— И за него нам здорово заплатят. Ведь платить-то будет Тексар!

— Если они притаились в какой-нибудь бухте и нам не удастся изловить их ночью, мы обыщем днем все мышиные норы, и тогда им уже от нас не уйти.

— Но только помните, что нам строго-настрого приказано доставить их живьем.

— Помним! А вы тоже не забывайте, что, где бы мы их ни изловили, вы должны забрать их и отвезти на лодке в Джэксонвилл.

— Ладно! Если не придется только гоняться за ними по реке, мы и с места не тронемся, будем стоять здесь на якоре.

— А мы — караулить их на берегу.

— Желаем удачи! Эх, оно, конечно, лучше было бы провести ночь за стаканом вина.

— Ну, это еще как сказать! Впрочем, если эти два негодяя улизнут от нас — тогда, пожалуй, есть о чем жалеть. А уж ежели нам удастся их сцапать и доставить завтра Тексару — тогда стоит потрудиться.

После этого лодка несколько удалилась от берега, и тут же звякнула цепь — значит, лодка стала на якорь. Люди на берегу умолкли, но слышно было, как шуршали под их ногами опавшие листья.

Итак, ни берегом, ни по реке бежать им не удастся. И Джилберт, и Марс это хорошо поняли. Они оба молча притаились под сводами прибрежных деревьев, стараясь ничем не выдавать своего присутствия. Но своды эти стали для них сводами тюрьмы. И выбраться из нее было невозможно. Если ночью, во тьме, враги и не обнаружат их присутствия, то разве можно надеяться, что они не заметят их днем? А плен не только грозил бы смертью самому лейтенанту Бербанку — Джилберт, как храбрый солдат, готов был умереть в любую минуту, — но это повлекло бы за собой арест его отца, если бы приспешникам Тексара удалось доказать, что юноша побывал в Кэмдлес-Бее и что, стало быть, владелец Кэмдлес-Бее поддерживает сношения с северянами. У испанца, который до сих пор ничем не мог подтвердить свое обвинение, окажется тогда в руках неопровержимое доказательство. Что же станет с миссис Бербанк? Что станет с Ди и Зермой, когда некому будет их разыскивать?

Вихрем пронеслись все эти мысли в голове молодого офицера, и он мигом представил себе все роковые последствия своего плена.

Если их схватят — у них для спасения останется одна только слабая надежда, что федералисты успеют занять тем временем Джэксонвилл и лишат Тексара власти. Тогда их освободят, быть может, прежде, нежели будет приведен в исполнение смертный приговор. Да, в этом их единственная надежда! Но как ускорить приход канонерок капитана Стивенса? Да разве смогут канонерки переправиться через песчаную отмель, если прилив еще недостаточно высок? И кто проведет их через все извилины фарватера, если Марс тоже попадет южанам в руки? Кто будет тогда лоцманом флотилии?

Надо было, не теряя ни минуты, всем рискнуть, пойти на любую опасность, чтобы до рассвета добраться до канонерок. Не пустить ли гичку стрелой прямо к водовороту? Прежде чем негодяи успеют поднять якорь и погнаться за ними, они будут уже далеко...

Нет, это было бы слишком рискованно. И Джилберт это прекрасно понимал. Марсу на одном весле не уйти от четырехвесельной лодки, которая, конечно, их догонит. Это значило бы идти на верную гибель.

Что же делать? Ждать? Но скоро наступит рассвет. Уже половина пятого, и небо на востоке начинает бледнеть.

Нужно было немедленно на что-то решиться — и вот что придумал Джилберт.

Наклонившись к Марсу, он чуть слышно прошептал ему на ухо:

— Невозможно ждать дольше. У нас с тобой есть по револьверу и кортику. В лодке четверо людей, стало быть, на каждого из нас по два человека. Преимущество наше во внезапности нападения. Направишь гичку прямо на лодку; она стоит на якоре и не сможет уклониться

от столкновения. Мы неожиданно на них обрушимся, не дав им опомниться, сразу же их прикончим, а потом понесемся вниз по реке. Прежде чем на берегу успеют что-либо предпринять, нам удастся, быть может, миновать линию заграждения и добраться до наших канонерок... Понял меня, Марс?

Марс вместо ответа обнажил кортик, сунул его за пояс рядом с револьвером и, осторожно отвязав лодку, взялся уже было за весло, чтобы с силой оттолкнуться от берега.

Но Джилберт в этот миг схватил его за руку.

Новое неожиданное обстоятельство заставило молодого офицера изменить свой план.

Над рекой поднимался густой предрассветный туман, словно легкими клочьями ваты заволакивая всю ее поверхность. Туман шел от устья, подгоняемый ветром с моря. Через четверть часа вся окрестность и Джэксонвилл на левом берегу реки, и прибрежная чаща деревьев на правом — все должно было исчезнуть под желтоватыми, непроницаемыми парами; их особый, характерный запах распространился уже по всей долине.

Явилась внезапно новая надежда на спасение. Зачем им рисковать, вступая в неравный бой? Не попытаться ли незаметно проскользнуть в тумане? Джилберт решил, что это наилучший выход; вот почему он и остановил Марса, когда тот хотел было уже оттолкнуться от берега. Нет, нужно держаться поближе к берегу, осторожно и бесшумно плывя вдоль него и остерегаясь лодки, которая и сейчас уже еле видна, а вскоре и совсем исчезнет в тумане.

В это время между людьми на берегу и на лодке возобновился разговор:

— Эй вы там! Осторожнее! Видите, какой туман!

— Да. Мы поднимем якорь и станем поближе к берегу.

— Ладно! Только не теряйте связи с лодками заграждения. Если одна из них пройдет мимо вас — предупредите, что необходимо ездить по реке взад и вперед, пока туман не рассеется.

— Будет сделано! Главное, сторожите хорошенько, чтобы негодяи не прошмыгнули как-нибудь мимо вас.

Эта необходимая предосторожность будет, конечно, осуществлена, и несколько лодок начнут крейсировать между обоими берегами реки. Джилберт это понимал, но не отказался от своего плана. Гичка, осторожно направляемая Марсом, вышла из-под навеса ветвей и тихо поплыла по реке.

Туман все густел, хотя его и пронизывал уже бледный предутренний свет. В нескольких ярдах ничего не было видно. Если только гичка не наткнется на стоящую на якоре лодку, у них много шансов проскользнуть незамеченными.

Действительно, им удалось благополучно проплыть мимо лодки, пока сидящие в ней люди подымали якорь; лягг якорной цепи указывал место, от которого нужно было держаться подальше.

Гичка проскользнула мимо, и Марс мог теперь уже приналечь на свое весло. Однако возникла новая трудность: плыть в нужном направлении, не выходя на середину реки. Следовало держаться поближе к правому берегу. Но Марс плыл в тумане, вел гичку наугад, руководясь лишь всплесками набегавшей на берег речной волны. Забрел рассвет, потом над густой пеленой

тумана, окутавшей воды Сент-Джонса, все ярче и ярче стал разгораться утренний свет.

С полчаса гичка плыла наудачу. Порою перед ними в тумане возникали неясные очертания каких-то предметов. Джилберт принимал их сперва за лодки, казавшиеся огромными благодаря преломлению лучей в парах тумана — явление, нередко наблюдаемое во время туманов на море, когда каждый встречный предмет, гигантский и неясный, словно чудом встает вдруг перед вашим взором. Но то, что Джилберт принимал сперва за лодку, оказывалось потом либо бакенном, либо торчащим из воды камнем, либо сваей, вбитой в речное дно.

Пролетавшие мимо птицы казались огромными. Их пронзительные крики разносились далеко над рекой. Иногда они взлетали, испуганные гичкой, и тогда трудно было разобрать, опускались ли они снова на воду или же садились на берег.

Джилберт уверен был, что увлекаемая отливом гичка приближается к стоянке канонерок Стивенса. Но течение становилось уже менее быстрым, а как знать, удалось ли им проскочить уже мимо линии заграждения? Что, если они теперь как раз находятся рядом с ним и рискуют наткнуться на одну из лодок?

Итак, опасность отнюдь еще не миновала, наоборот, она была серьезней, чем когда-либо. Марс часто останавливался и прислушивался, застыв с веслом в руке. То и дело маячили в тумане какие-то смутные очертания. Слышались поблизости шум весел и перекликающиеся голоса. Это были снующие взад и вперед лодки, на которые так легко было наткнуться. Временами туманная завеса вдруг раздвигалась словно от порыва ветра, и поле зрения расширялось на несколько сот ярдов. Тогда

Джилберт и Марс пытались установить, где именно они находятся. Но вскоре просвет в тумане опять затягивался, и им оставалось только снова пустить лодку вниз по течению.

Было уже начало шестого. Джилберт рассчитывал, что до флотилии осталось около двух миль: гичка еще не достигла отмели, на близость которой указывал бы усилившийся шум течения и рокот сталкивающихся струй, который, несомненно, уловило бы опытное ухо моряка. Если бы гичка была уже по ту сторону отмели, Джилберт считал бы себя спасенным; ибо ему казалось маловероятным, чтобы лодки южан решились преследовать их дальше, рискуя попасть под обстрел канонерок.

Оба беглеца, наклонившись к воде, напряженно прислушивались, но ничего не могли расслышать. Заблудившись в тумане, они, должно быть, направили лодку слишком влево или слишком вправо. Не лучше ли было причалить к какому-нибудь берегу и, выждав, когда туман поредеет, взять правильный курс?

Это было, пожалуй, самым благоразумным. Солнце начинало уже пригревать, и туман стал рассеиваться. Поверхность Сент-Джонса будет видна на далекое расстояние задолго до того, как над головой проглянет небо. Потом туманная завеса разорвется, горизонт раздвинется... И Джилберт увидит, быть может, стоящие на реке канонерки...

Но в этот миг послышались вдруг всплески и рокот воды, и челнок тотчас же завертелся, словно попав в поворот.

— Отмель! — вскричал Джилберт.

— Да, отмель, — отозвался Марс, — миновать бы ее только, и мы будем уже у самых канонерок.

И он еще энергичнее заработал веслом, стараясь держаться нужного направления.

Но Джилберт остановил его. В поревшем тумане он разглядел нагонявшую их лодку. Неужели из лодки уже заметили гичку? Неужели хотят преградить ей путь?

— Влево, Марс, сворачивай влево! — приказал молодой лейтенант.

Несколькими взмахами весла Марс мигом повернул гичку, и она помчалась в обратную сторону. Но и оттуда доносились перекликавшиеся между собой голоса. На реке и в этом месте, видно, тоже крейсировали лодки.

И вдруг словно гигантская метла смела с поверхности Сент-Джонса весь туман, и он опустился водяной пылью на реку.

У Джилберта невольно вырвался крик.

Гичка находилась среди дюжины лодок, охранявших эту часть Сент-Джонса. Вдали за поворотом виднелась песчаная отмель.

— Вот они!.. Вот они!.. — кричали с лодок.

— Да, это мы! — отвечал Джилберт. — За оружие, Марс! Будем защищаться!

Защищаться! Вдвоем против тридцати!..

Три-четыре лодки мигом устремились к гичке. Грянули выстрелы, но стреляли только Марс и Джилберт: нападавшие хотели их взять живьем. Несколько джэксонвиллцев упали; кто был ранен, а кто и убит. Но разве могли Джилберт и Марс уцелеть в этой неравной схватке?

Молодого офицера, несмотря на его яростное сопротивление, в конце концов связали и перенесли на одну из лодок.

— Спасайся, Марс! Спасайся! — только и успел он крикнуть.

Ударом кортика Марс расправился с державшим его человеком, и, прежде чем мулата успели вновь схватить, он отважно бросился в воду. Все поиски оказались тщетными — он скрылся в водоворотах, которые клу-бятся и рокочут в часы прилива вокруг отмели.

ГЛАВА 15

Суд

Час спустя Джилберт уже был доставлен на набережную Джэксонвилла. В городе слышали выстрелы, доносившиеся с низовой реки, и забеспокоились. Опасались, что конфедератские лодки вступили в бой с флотилией северян, и многим уже мерещилось появление в Джэксонвиллской гавани канонерок Стивенса. Население города не на шутку встревожилось. Толпы жителей устремились на пристань; за ними не замедлили последовать и городские власти в лице Тексара и ближайших его приверженцев. Все смотрели на отмель, видневшуюся уже из тумана; пущены были в ход бинокли и подзорные трубы. Но расстояние слишком велико — около трех миль, — и невозможно было рассмотреть, происходила ли там схватка и чем она кончилась.

Выяснилось, однако, что канонерки все еще стоят за отмелью и что немедленного нападения на город опасаться не приходится. Наиболее скомпрометированные из жителей Джэксонвилла еще успеют таким образом подготовиться к бегству во внутренние области Флориды.

Впрочем, Тексар и двое или трое из ближайших его приспешников не особенно, по-видимому, встревожились, услышав выстрелы, хотя им более чем кому-либо

следовало опасаться приближения эскадры. Испанец подозревал, что был захвачен челн, который он приказал изловить во что бы то ни стало.

«Да, во что бы то ни стало, — повторял Тексар, стараясь разглядеть подъезжавшую к пристани лодку. — Захватить, изловить во что бы то ни стало это бербанковское отродье, сына Джемса Бербанка, попавшего в ловушку, которую я ему расставил! Вот оно, наконец, доказательство, что Джемс Бербанк в сношениях с федералистами! Черт возьми, только бы расстрелять сына, а там и суток не пройдет, как я расстреляю и папашу!»

Хотя партия Тексара и хозяйничала в Джэксонвилле, но после оправдания Джемса Бербанка испанец решил все же дожидаться удобного случая, чтобы арестовать своего врага. Представилась возможность заманить Джилберта в ловушку. И если офицер федеральной армии, захваченный на территории неприятеля, будет осужден теперь как шпион, — Тексар сможет полностью осуществить свое мщение.

Обстоятельства складывались как нельзя лучше для испанца: сын владельца Кэмдлес-Бея был захвачен в плен, и теперь его связанным везли в Джэксонвилл.

Джилберта, правда, везли одного, но Тексар не придавал этому большого значения.

Утонул ли, бежал ли его спутник — Тексару казалось несущественным. Важно было, что захвачен лейтенант Бербанк. Он предстанет теперь перед судом, члены которого — приверженцы Тексара, и председательствовать на нем будет он сам.

Толпа, хорошо знавшая Джилберта в лицо, встретила его криками и угрозами, которые не возбудили в молодом лейтенанте ничего, кроме презрения. Он не выка-

зал ни малейшего страха, хотя целый взвод солдат понадобился для того, чтобы оградить его от насилия городского сброда. Но, увидев Тексара, юноша бросился бы на испанца, если бы стража не удержала его.

Тексар не дрогнул, не произнес ни слова и даже сделал вид, что не заметил пленника.

Джилберт был заключен в тюрьму. Ясно было, какая участь его ожидает.

Около полудня в тюрьму явился мистер Гарвей и потребовал свидания с арестованным. Его не пустили. По приказанию Тексара пленника держали в самом строгом одиночном заключении. Попытка увидеться с Джилбертом повредила только самому Гарвею, над которым немедленно учрежден был тайный надзор.

Сношения Гарвея с семьей Бербанков были известны Тексару, но он не желал, чтобы в Кэмдлес-Бее раньше времени узнали об аресте Джилберта. Нужно уведомить Джемса Бербанка лишь после того, как будет вынесено решение суда и объявлен приговор, тогда враг Тексара не успеет бежать из Кэмдлес-Бея и попадет к нему в руки.

Гарвею не удалось послать письмо в Кэмдлес-Бей; выход лодок из гавани был запрещен. Сообщение между левым и правым берегом Сент-Джонса было прервано, и семейство Бербанков лишено было возможности своевременно узнать об аресте Джилберта. В Кэмдлес-Бее думали, что он благополучно добрался до своей канонерки, а юноша между тем томился в джэксонвиллской тюрьме.

С каким тревожным нетерпением ждали в Касл-Хаусе отдаленного пушечного выстрела, который возвестил бы о том, что эскадра федералистов миновала уже пес-

чаную отмель. Ведь с переходом Джэксонвилла к северным Тексар попал бы в руки Джемса Бербанка, а уж тогда владелец Кэмдлес-Бея с сыном и друзьями беспрепятственно пустились бы вновь на поиски Зермы и Ди, поиски, остававшиеся до сих пор тщетными.

Но нет. На низовьях реки все было по-старому. Управляющий Пэрри обследовал весь берег Сент-Джонса до самой линии заграждения и донес, что там ничего нового не заметно; то же самое подтвердили Пиг и один из помощников управляющего, которых посылали с плантации обследовать реку на три мили вниз по течению. Флотилия Стивенса все еще не покидала своей стоянки, и незаметно было, чтобы она собиралась отплыть, а затем подняться по реке до Джэксонвилла.

И то сказать — разве могли канонерки переправиться через отмель? Даже если бы прилив оказался достаточно высок, кто провел бы эскадру по извилинам фарватера, когда ее лоцман Марс не вернулся?

И если Джемс Бербанк узнал бы о том, что произошло после захвата гички, то он решил бы, что храбрый спутник Джилберта погиб в водовороте. Если бы Марс спасся и выбрался на правый берег, неужели он не вернулся бы в Кэмдлес-Бей, раз не мог уже добраться до своей канонерки?

Но Марс на плантацию не возвращался.

На другой день, в 11 часов утра, в той самой зале суда, где за некоторое время перед этим испанец безуспешно пытался обвинить Джемса Бербанка, собрался комитет под председательством Тексара. Юноше были предъявлены столь серьезные обвинения, что избежать обвинительного приговора он не мог. Участь его была предрешена. А покончив с сыном, Тексар собирался

приняться за отца. Маленькая Ди уже находилась в руках испанца, что же касается миссис Бербанк, то Тексар рассчитывал, что больная женщина не вынесет стольких обрушившихся на нее тяжких ударов, направленных его рукою, и он полностью будет отмщен.

Обстоятельства, как нарочно, складывались так, что он мог вполне утолить свою ненасытную злобу.

Джилберта вывели из тюрьмы. Как и накануне, толпа провожала его злобными воплями. В залу заседания, где уже собрались самые оголтелые приспешники испанца, он вошел среди оглушительных криков.

— Смерть шпиону! Смерть!..

Обвинение в шпионаже бросали ему разнузданные городские подонки, и внушено оно было не кем иным, как Тексаром.

Но Джилберту удалось сохранить хладнокровие, даже встретившись лицом к лицу с Тексаром, который имел наглость лично выступить в этом деле.

— Ваше имя Джилберт Бербанк, и вы — офицер федералистского флота? — обратился к подсудимому Тексар.

— Да.

— В настоящее время вы служите лейтенантом на одной из канонерок, состоящих под командою Стивенса?

— Да.

— Вы сын Джемса Бербанка, северянина, владельца плантации в Кэмдлес-Бее?

— Да.

— Признаетесь ли вы в том, что в ночь на десятое марта вы покинули флотилию, стоящую на якоре перед отмелью?

— Да.

— Признаетесь ли вы в том, что были схвачены, ко-

гда пытались вернуться на канонерку вместе с одним из матросов этой канонерки?

— Да.

— Не объясните ли вы, с какой целью вы плыли по реке Сент-Джонс?

— На канонерку, на которой я служу старшим офицером, явился какой-то человек и сообщил мне, что плантация моего отца опустошена шайкой злоумышленников, что какие-то бандиты осадили Касл-Хаус. Мне, впрочем, незачем особенно распространяться перед председателем комитета, который меня судит, о том, кто является главным виновником совершенных злодейств.

— Я могу на это возразить Джилберту Бербанку, — сказал Тексар, — что его отец бросил вызов общественному мнению Флориды, освободив своих невольников, и что согласно изданному декрету с территории штата изгоняются все отпущенные невольники, и что постановление это должно было быть выполнено...

— Посредством грабежа, поджога и похищения моей сестры и ее кормилицы, причем последнее совершено лично Тексаром, — возразил Джилберт.

— Я отвечу на это обвинение, если предстану перед судом, — холодно проговорил испанец. — Джилберт Бербанк, не пытайтесь подтасовывать роли. Вы здесь обвиняемый, а не обвинитель.

— Да, в настоящую минуту я обвиняемый... — ответил молодой офицер, — но нашим канонеркам осталось только перебраться через отмель, и тогда...

Снова слышались крики и угрозы молодому лейтенанту, осмелившемуся так дерзко грозить южанам.

— Смерть ему! Смерть! — вопили со всех сторон.

Испанцу лишь с трудом удалось успокоить разъяренную толпу. Когда крики смолкли, он продолжал допрос.

— Не скажете ли вы нам, Джилберт Бербанк, зачем вы покинули прошлой ночью вашу канонерку?

— Я хотел повидаться с умирающей матерью.

— Вы признаетесь, стало быть, что высаживались в Кэмдлес-Бее?

— Мне незачем скрывать это.

— И единственной вашей целью было повидать вашу мать?

— Единственной.

— Мы имеем, однако, основание думать, — продолжал Тексар, — что у вас была также и другая цель.

— Какая же?

— Войти в сношения с вашим отцом Джемсом Бербанком, сторонником Севера, которого и так подозревают в том, что он поддерживает связь с федеральной армией.

— Вы прекрасно знаете, что это неправда, — с негодованием возразил Джилберт. — Я приезжал в Кэмдлес-Бей не в качестве офицера федеральной армии, а только как сын...

— Или шпион, — возразил Тексар.

Снова раздались яростные вопли:

— Смерть шпиону! Смерть ему! Смерть!..

Джилберт понял, что он погиб... Но еще более тяжким ударом была для него мысль, что вместе с ним погибнет и его отец.

— Да, — продолжал Тексар, — болезнь вашей матери была для вас всего лишь предлогом, а на самом же деле вы приезжали в Кэмдлес-Бей, чтобы выведать, насколько

ко мы готовы к обороне Сент-Джонса, и сообщить об этом федералистам.

Джилберт встал.

— Я приезжал повидаться с умирающей матерью, — громко заговорил он, — и вам это хорошо известно. Никогда бы я не поверил, что в цивилизованном мире могут найтись судьи, способные поставить в вину солдату, что он приехал навестить больную мать, даже если она и находится на неприятельской территории. Пусть тот, кто осуждает мой поступок и сам бы поступил иначе, осмелится сказать мне это в лицо.

Только отравленные злобой ненавистники не могли оценить всей благородной прямоты этих слов. Но у толпы, собравшейся в зале суда, чистосердечие и благородство Джилберта сочувствия не вызвали. Слова юноши встречены были угрожающими криками, сменившимися потом рукоплесканиями по адресу Тексара, когда тот объявил, что вина Джемса Бербанка, принимавшего во время войны у себя в доме неприятельского офицера, ничуть не меньше, чем вина офицера.

Вот оно, наконец, это обещанное Тексаром доказательство, подтверждающее, что Джемс Бербанк состоит в преступных сношениях с северянами!

И комитет Джэксонвилла приговорил Джилберта Бербанка, лейтенанта федерального флота, к смертной казни, выделив в особое производство данные им на допросе показания, касающиеся его отца.

Приговоренного отвели в тюрьму под улюлюканье толпы, вопившей: «Смерть шпиону!»

В тот же вечер в Кэмдлес-Бей явился отряд джэксонвиллской милиции. Офицер, командовавший этим отрядом, спросил Джемса Бербанка.

Джемс Бербанк вышел к нему в сопровождении Кэррола и Стэннарда.

— Что вам от меня угодно? — спросил он.

— Прочтите эту бумагу, — отвечал офицер.

То был приказ об аресте Джемса Бербанка по обвинению его в сообщничестве с Джилбертом Бербанком, приговоренным комитетом города Джэксонвилла за шпионаж к смертной казни; этот приговор должен быть приведен в исполнение в течение сорока восьми часов.

Часть вторая

ГЛАВА 1

После похищения

«Тексар!..» Это ненавистное имя успела крикнуть Зерма Алисе и миссис Бербанк, когда в сгущавшихся сумерках они прибежали на берег бухты Марино. Алиса Стэннард узнала негодяя испанца. И так, никакого сомнения: он сам руководил похищением.

Похищение Зермы и Ди было действительно делом рук Тексара и его шайки.

Испанец давно уже готовился к нападению на плантацию. Он собирался опустошить Кэмдлес-Бей, разгромить и разграбить Касл-Хаус, разорить Бербанков, убить или захватить в плен главу семьи. Послав свою банду на разгром плантации, Тексар не повел ее сам, а назначил вожаками отъявленнейших головорезов из числа своих сообщников. Вот почему Джон Брюс, затесавшийся в толпе грабителей, имел основание заявить Джемсу Бербанку, что Тексара среди них не было.

Испанец в то время находился в бухте Марино, которая с Касл-Хаусом сообщалась туннелем. В случае если возьмут дом, его уцелевшие защитники попытаются воспользоваться этим туннелем для своего спасения. О существовании подземного хода Тексару было известно. Поэтому он решил переправиться в лодке на другую сторону реки, чтобы наблюдать за ним, зная, что имен-

но этим путем Джемс Бербанк попытается бежать из осажденного дома. Скуамбо с двумя рабами следовал за Тексаром в другой лодке. Испанец не ошибся в своих расчетах. Он убедился в этом, заметив, что в бухте среди камышей спрятана одна из лодок Кэмдлес-Бея. Застигнутые врасплох негры-ребцы были убиты. Теперь осталось только подождать.

Вскоре действительно из туннеля вышли Зерма и Ди. Когда мулатка закричала, Тексар, опасаясь, как бы не поспешили к ней на помощь, мигом передал ее Скуамбо, и пока миссис Бербанк с Алисой успели добежать до берега, лодка с пленницами была уже на середине реки.

Остальное читателю известно.

Однако, совершив похищение, Тексар решил не присоединяться к Скуамбо. Преданный ему индеец и сам хорошо знал то надежное убежище, куда следовало доставить пленниц. Поэтому, когда в Джэксонвилле прогремели три пушечных выстрела, призывавшие осаждающих назад в город, испанец скрылся, переправившись в лодке на противоположный берег.

Куда он исчез, неизвестно, но только в ту ночь, с 3 на 4 марта, в Джэксонвилл он не вернулся. Он появился в городе лишь на другие сутки. Где же он пропадал? Что значило его загадочное отсутствие, причину которого он даже не потрудился объяснить? Этого никто не знал. Во всяком случае, подобное обстоятельство могло служить лишь новой уликою против Тексара, свидетельствующей о его причастности к похищению Зермы и Ди. То, что это похищение совпало с его отсутствием, было в высшей степени подозрительным.

Как бы то ни было, в Джэксонвилл он возвратился лишь 5-го утром, чтобы принять меры для обороны го-

рода. Он вернулся как раз вовремя — мы это уже видели, — ибо успел расставить ловушку Джилберту Бербанку и председательствовать в комитете, осудившем его на смерть.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что в лодке, в которой Скуамбо ночью увозил пленниц и которую прилив гнал от Кэмдлес-Бея вверх по реке, Тексара не было.

Понимая, что на пустынных берегах Сент-Джонса криков ее теперь уже никто не услышит, Зерма умолкла. Она сидела на корме, крепко прижав к себе бедняжку Ди.

Испуганная малютка не плакала и лишь тесней прильнула к своей кормилице, уткнувшись личиком в складки ее платья. Раза два только она прошептала:

— Мама! Мама!.. Зерма, я боюсь... Я хочу к маме...

— Не плачь, моя крошка, мы ее скоро увидим, — отвечала Зерма. — Не бойся, ведь я же с тобою.

А тем временем миссис Бербанк, обезумев от горя, металась по правому берегу и рвалась к лодке, увозившей ее дочь на противоположную сторону.

Непроглядная тьма окутала плантацию. С затухающих пожарищ доносился глухой грохот, похожий на взрывы. Изредка сквозь дым прорывались языки пламени и как молнии исчезали, на миг отразившись в реке. И опять все погружалось во тьму и безмолвие. Лодка плыла посередине реки, берегов не было видно, словно она затерялась в морских просторах.

Куда же вел ее Скуамбо? Вот что необходимо было выяснить прежде всего. Но спрашивать индейца бесполезно. Зерма пыталась ориентироваться сама. Однако в темноте, не видя берегов, это было весьма трудно.

Начался прилив. Он помог двум неграм, сидевшим на веслах, и лодка быстро понеслась к югу.

Как было бы хорошо, если бы Зерма могла оставить хоть какой-нибудь знак, чтобы облегчить Бербанку поиски! Но как это сделать на воде? Будь она на суше, она могла бы бросить где-нибудь в кустарнике клочок одежды — он помог бы отыскать их след. Не бросать же в реку какую-нибудь вещь, принадлежащую ей или Ди? Трудно рассчитывать, что благодаря счастливой случайности эта вещь попадет в руки Джемса Бербанка. Нет, единственное, что можно сделать, — это постараться выяснить, в каком месте на Сент-Джонсе пристанет лодка.

Так прошло около часа. Скуамбо не проронил ни слова. Негры тоже гребли молча. На берегу, среди темной массы деревьев, смутно различимой вдаль, не видно было ни единого огонька.

Озираясь по сторонам и стараясь по малейшим приметам определить, где она находится, Зерма думала только об опасностях, которым подвергалась девочка; о том, что угрожало ей самой, она совершенно забывала. Ее приводила в трепет лишь участь ребенка. Мулатка была убеждена, что виновник похищения — Тексар. Тут никаких сомнений быть не могло. Она узнала испанца, который явился в бухту Марино с намерением либо проникнуть подземным ходом в Касл-Хаус, либо дожидаться того момента, когда защитники осажденного дома попытаются бежать из него, воспользовавшись туннелем. Если бы Тексар не поторопился, в его руках находились бы теперь не только Ди и Зерма, но и миссис Бербанк с Алисой. Он, очевидно, не встал во главе отряда милиции и своей банды только потому, что рассчитывал вернее захватить семейство Бербанков в бухте Марино.

Во всяком случае, Тексар не сможет отрицать своего прямого участия в похищении. Ведь Зерма изо всех сил выкрикнула его имя. Миссис Бербанк и Алиса не могли этого не услышать. Когда пробьет час возмездия, когда испанцу придется отвечать за свои преступления, ему уже не удастся сослаться на одно из тех непонятных алиби, которые до сих пор помогали ему выходить сухим из воды.

Но какую участь готовил он двум своим жертвам? Быть может, он собирается увезти их в Эверглейдские болота, туда, где берет начало Сент-Джонс? Или он намерен отделаться от Зермы как от опасной свидетельницы, чьи показания могут когда-нибудь оказаться для него роковыми? Вот о чем думала мулатка. Она с радостью пожертвовала бы жизнью ради спасения ребенка. Но если ее убьют, что будет с малюткой Ди, оставшейся в руках Тексара и его сообщников? Эта мысль мучила Зерму невыносимо, и она еще крепче прижимала девочку к своей груди, словно Скуамбо уже готов был вырвать Ди из ее объятий.

Но вот Зерма заметила, что лодка приближается к левому берегу. Однако могло ли это послужить для нее каким-либо указанием? Ведь она и не подозревала, что убежище испанца находится в глубине Черной бухты, на одном из островков лагуны. Об этом не знали даже его приспешники, никогда не бывавшие в блокаузе; Тексар скрывался там только с индейцем и со своими невольниками.

А между тем Скуамбо вез пленниц именно туда. Никому, конечно, и в голову не пришло бы искать их в этом тайном убежище. Для человека, незнакомого с протоками и островками Черной бухты, бухта эта была

совершенно недоступна. В одном из тысячи закоулков лагуны можно было так запрятать пленниц, что все попытки напасть на их след оказались бы тщетными. Если бы Джемс Бербанк и вздумал разыскивать их в этом запутанном лабиринте — всегда можно успеть переправить мулатку с девочкой в южную часть полуострова. А там, среди огромных просторов, на бесплодных равнинах, куда редко заглядывают даже флоридские поселенцы и где появляются лишь шайки индейцев, не будет уже ни малейшей возможности их найти.

Прошло немного времени, и двадцать миль, отделяющие Черную бухту от Кэмдлес-Бея, остались позади. В одиннадцатом часу лодка миновала излучину, которую образует Сент-Джонс в двухстах ярдах вниз по течению от Черной бухты. Теперь оставалось только отыскать вход в бухту. Это было не так просто сделать в непроглядной тьме, окутавшей левый берег реки. При всем знании местности Скуамбо не без колебания решился повернуть лодку к берегу.

Если бы еще можно было плыть вдоль самого берега, изрезанного небольшими бухтами, поросшего тростником и водными растениями! Но Скуамбо боялся сесть на мель и оказаться в весьма затруднительном положении, когда отлив, который вот-вот должен был начаться, погонит воды Сент-Джонса к устью. Нового прилива пришлось бы дожидаться тогда часов одиннадцать, а днем его челн вряд ли мог остаться незамеченным. По реке обычно снует множество лодок, а теперь, в связи с последними событиями, движение между Джэксонвиллом и Сент-Огастином стало особенно оживленным. Если только Бербанки не погибли во время нападения на Касл-Хаус, они, несомненно, завтра же пустятся на

поиски похищенных. И Скуамбо, севшему на мель где-нибудь у берега, не уйти от их преследования. Он попадет тогда в безвыходное положение. Вот почему индеец предпочел остаться на середине реки и, если понадобится, стать здесь на якорь. С рассветом он сможет отыскать проток, ведущий в Черную бухту, а там уж настигнуть его будет невозможно.

Лодка между тем продолжала подниматься вверх по Сент-Джонсу. Судя по тому, сколько прошло времени, Скуамбо считал, что не достиг еще поворота в бухту. Он собирался плыть дальше, как вдруг где-то невдалеке слышался шум идущего по реке парохода. Почти в ту же минуту из-за поворота показалась движущаяся громада.

Пароход шел малым ходом, пронзая ночную тьму ослепительным светом своих фонарей. Еще минута — и он наскочит на лодку.

Движением руки Скуамбо остановил гребцов и резким поворотом руля направил лодку к правому берегу, чтобы не столкнуться с пароходом и остаться незамеченным.

Но лодку уже обнаружили с борта. Ее окликнули и приказали подойти к пароходу.

У Скуамбо вырвалось проклятие, но, не посмев ослушаться, он подплыл к правому борту парохода, который остановился в ожидании лодки.

Зерма встрепенулась.

У нее появилась надежда на спасение. Что, если закричать, позвать на помощь, вырваться из рук Скуамбо?

Внезапно перед нею вырос индеец. В одной руке у него сверкнул широкий нож, другою он схватил девочку, которую Зерма тщетно пыталась у него отнять.

— Только крикни — и я убью ее! — пригрозил Скуамбо.

Если бы дело шло о жизни самой Зермы, мулатка не колебалась бы. Однако нож индейца угрожал ребенку, и она не проронила ни звука. С палубы не было видно, что происходит в лодке.

Пароход шел из Пиколаты и вез в Джэксонвилл отряд милиции на подкрепление войскам конфедератов, оборонявшим реку.

С мостика наклонился офицер и задал индейцу несколько вопросов. Вот их разговор:

— Куда вы направляетесь?

— В Пиколату.

Зерма запомнила это название, хотя и понимала, что Скуамбо, конечно, не стал бы сообщать, куда он действительно направлялся.

— Откуда?

— Из Джэксонвилла.

— Какие там новости?

— Никаких.

— А об эскадре коммодора Дюпона ничего не слышно?

— Ничего.

— Никаких известий со времени взятия Фернандины и форта Клинч?

— Никаких.

— И ни одна канонерка не проникла еще в фарватер Сент-Джонса?

— Ни одна.

— Мы видели на севере зарево и слышали доносившиеся оттуда выстрелы. Что это значит?

— Нынешней ночью было совершено нападение на плантацию Кэмдлес-Бей.

— Кем? Северянами?

— Нет... Джэксонвиллской милицией. Владелец плантации не выполнил постановления комитета...

— Так-так... Ну это, вероятно, Джемс Бербанк, ярый приверженец Севера.

— Конечно.

— Чем же все это кончилось?

— Не знаю, я проезжал мимо... кажется, там был большой пожар.

В эту минуту девочка тихо вскрикнула. Зерма поспешила закрыть ей рот ладонью, между тем как пальцы индейца уже протянулись к горлу малютки. Стоявший на мостике офицер ничего не заметил.

— Неужели по Кэмдлес-Бею стреляли из пушек? — спросил он.

— Не думаю.

— А почему же мы слышали три пушечных выстрела со стороны Джэксонвилла?

— Этого я не знаю.

— Стало быть, река свободна от Пиколаты до самого устья?

— Совершенно свободна, вы можете спокойно двигаться дальше, не опасаясь канонерок.

— Отлично. Полный вперед!

Команду передали в машинное отделение, и пароход вот-вот уже должен был двинуться дальше, как вдруг Скуамбо крикнул:

— Один вопрос!

— Какой?

— В этой тьме ничего не видно. Не скажете ли, где я нахожусь?

— Против Черной бухты.

— Благодарю вас.

Лодка отошла на несколько сажен, и пароход, стуча мощными колесами и вспенивая воду, быстро скрылся во мраке, оставляя за собой на реке широкую борозду.

Вернувшись на корму лодки, Скуамбо приказал гребцам снова взяться за весла. Он уже знал, где находится, и, повернув лодку вправо, повел ее к выемке берега, в глубине которой была расположена Черная бухта.

Теперь Зерма поняла, что индеец намерен упрятать ее в этом почти недоступном месте. Но что толку? Как могла она дать знать о себе Джемсу Бербанку? Да и где же ему было отыскать их в этом лабиринте, откуда Тексар к тому же мог бы найти множество выходов в непроходимые дебри графства Дьювал, если бы Джемсу Бербанку и его людям удалось проникнуть в глубь лагуны? Западная часть Флориды была глухим и пустынным краем, и напасть там на их след почти невозможно. Углубляться же в эти места опасно: среди болот и в лесных чащах там бродили индейцы-семинолы, они грабили попадавших к ним в руки путников и убивали их при малейшей попытке к сопротивлению.

Незадолго перед тем в этой части Флориды, к северо-западу от Джэксонвилла, случилось очень загадочное происшествие, о котором в свое время много говорили. Человек двенадцать флоридцев отправились к берегам Мексиканского залива и дорогою подверглись неожиданному нападению индейцев-семинолов. Если они не были истреблены все до единого, то лишь потому, что не оказали ни малейшего сопротивления, которое, кстати сказать, ни к чему бы не привело, ибо индейцев было в десять раз больше.

Флоридцев обобрали до нитки, у них отняли даже

одежду. Кроме того, под угрозой смерти им запрещено было когда-либо снова вступать на эту территорию, которую семинолы считали своей неотъемлемой собственностью. А чтобы можно было узнать их, если б им вздумалось нарушить запрет, вождь племени прибегнул к очень простому средству: он приказал вытатуировать на руке у каждого из них несмываемое клеймо соком красящего растения, вводимого под кожу с помощью острой иглы. После этого флоридцев отпустили, не подвергнув их больше никакому насилию. Они вернулись к себе домой в довольно плачевном состоянии, меченные, так сказать, тавром индейского племени и не испытывая, разумеется, ни малейшей охоты снова попасть в руки семинолов, которые, чтобы сдержать свое слово, на этот раз уже непременно перерезали бы их всех без всякой жалости.

В другое время милиция графства Дьювал не оставила бы безнаказанным подобное нападение: она отправилась бы в погоню за кочевниками. Но теперь ей было не до этого. Страх перед вторжением федералистов преобладал над всем. Самым важным было во что бы то ни стало отстоять от них фарватер Сент-Джонса и орошаемые рекою области. Вот почему нельзя было отвлекать войска конфедератов, расположенные от Джэксонвилла до самой границы Джорджии. Экспедицию против семинолов, до того обнаглевших во время Гражданской войны, что они стали появляться в северных областях, откуда их, казалось, навсегда изгнали, решено было отложить до лучших времен. Но уж тогда дело не ограничится тем, что их оттеснят в Эверглейдские болота: на этот раз их постараются истребить всех до единого.

Пока что, однако, было очень рискованно углублять-

ся в западные области Флориды, и если бы Джеймс Бербанк направил свои поиски в эту сторону, он только подверг бы себя новым опасностям, помимо тех, которые обычно сопряжены с подобного рода экспедициями.

Между тем лодка приблизилась к левому берегу реки. Теперь уж Скуамбо знал, где он находится, и не боялся сесть на мель.

Спустя несколько минут лодка очутилась под темным сводом деревьев, где мрак был еще гуще, чем на середине реки. Даже сам Скуамбо не решался плыть в такой темноте, хотя и знал эту местность как свои пять пальцев. Поэтому, пользуясь тем, что тут никто не мог их увидеть, он приказал одному из негров срубить смолистую ветку и зажечь ее на носу лодки. Слабого света этого дымящегося факела индейцу оказалось вполне достаточно, чтобы не запутаться в лабиринте протоков. Около получаса лодка плыла еще по извилинам бухты и наконец пристала к острову, на котором находился блокгауз.

Тут Зерме велено было сойти на берег. Усталая девочка крепко спала на руках кормилицы и не проснулась даже тогда, когда мулатка вошла в блокгауз и ее заперли в одном из его боковых помещений.

Зерма укутала Ди в одеяло, валявшееся в углу, и уложила ее на какое-то жалкое подобие кровати. Сама же она села подле нее, чтобы охранять сон малютки.

ГЛАВА 2

Загадочная операция

На следующий день, 3 марта, в восемь часов утра, Скуамбо явился в комнату, где ночевала Зерма. Он принес пленникам еду — хлеб, кусок холодной дичи, фрук-

ты, — жбан довольно крепкого пива, кувшин воды и кое-какую утварь. Кроме того, один из негров поставил в углу комнаты какую-то старую рухлядь — не то туалет, не то комод. Там было немного белья — простыни, полотенца — и необходимые в обиходе мелочи для девочки и для мулатки.

Ди еще спала. Зерма знаком попросила Скуамбо не будить ее.

Когда негр вышел, Зерма шепотом спросила индейца:

— Что с нами будет?

— Не знаю, — отвечал Скуамбо.

— А что приказал вам Тексар?

— Тексар или кто другой, это не важно, — сказал индеец, — но мне приказано вот что: покуда вы здесь, жить вы будете в этой комнате и на ночь вас будут запирасть.

— А днем?

— Днем можете гулять внутри ограды.

— Покуда мы находимся здесь? — спросила Зерма. — А где же мы находимся?

— Там, куда мне велено было вас доставить.

— И долго нас здесь продержат?

— Я вам сказал все, что мог, — ответил индеец, — больше я ничего не скажу, так что и спрашивать бесполезно.

С этими словами Скуамбо, которому, очевидно, приказано было не пускаться в долгие разговоры, вышел из комнаты, оставив мулатку наедине с девочкой.

Зерма поглядела на Ди, и на глазах у нее выступили слезы, но она поспешила отереть их: проснувшись, девочка не должна была видеть, что ее кормилица плачет. Необходимо, чтобы Ди поскорее привыкла к своему но-

вому, быть может, опасному положению — испанец ведь на все способен.

Зерма размышляла над тем, что произошло накануне. Она видела, как миссис Бербанк и Алиса бежали по берегу, когда лодка увозила ее с Ди. Она слышала их отчаянные крики. Но удалось ли им вернуться в Касл-Хаус, проникнуть подземным ходом в осажденный дом и известить Джемса Бербанка о новом страшном несчастье? Не попались ли они также в руки Тексара? Быть может, их тоже увезли далеко от Кэмдлес-Бея или даже убили?.. А если это так, то Джемс Бербанк не узнает, что дочь его похищена вместе с Зермой. Он будет думать, что из бухты Марино его жена, Алиса, ребенок и Зерма благополучно добрались до Кедрового Утеса, что они там в безопасности, и не предпримет немедленных поисков.

Но пусть даже Алиса и миссис Бербанк вернулись в Касл-Хаус и Джемс Бербанк обо всем узнал: разве можно быть уверенной, что бандиты не заняли осажденный дом, не подожгли его, не разграбили, не разрушили? Что случилось тогда с его защитниками? Они захвачены в плен или убиты! Нет, ей, Зерме, нечего рассчитывать на их помощь. Даже если бы северяне и овладели Сент-Джонсом, ей все равно нет спасения. Ни Джилберту, ни Марсу и в голову не придет, что сестру одного из них и жену другого упрятали на этом острове в глубине Черной бухты! Но если это так, если Зерме остается рассчитывать только на свои силы — присутствие духа ее не покинет. Она сделает все, чтобы спасти ребенка, у которого не осталось, быть может, никого на свете, кроме нее. Бежать! Вот на чем будут отныне сосредоточены все ее помыслы, вот к чему будет она готовиться каждую минуту.

Но возможно ли совершить побег из этого блокауза, охраняемого Скуамбо и его помощниками, из блокауза, вокруг ограды которого рыщут свирепые ищейки? Разве можно убежать с этого острова, затерянного среди бесчисленных протоков лагуны? Да, можно, но только при тайном содействии одного из невольников Тексара, хорошо знакомого со всеми ходами и выходами Черной бухты.

Что, если обещанием щедрого вознаграждения Зерме удастся склонить одного из них к соучастию в побеге? И мулатка решила добиваться этого всеми силами.

Между тем малютка Ди проснулась. Первым ее словом было «мама!». Она быстро обвела взглядом комнату, вспомнила все случившееся накануне, вскочила и побежала к мулатке.

— Зерма!.. Милая!.. — лепетала она. — Я боюсь... Боюсь...

— Не бойся, моя крошка.

— Где мама?

— Она... она скоро будет с нами... Нам пришлось бежать, ты ведь знаешь... Но теперь мы в безопасности, здесь нам бояться нечего! Как только к мистеру Бербанку подоспеет помощь, он сейчас же придет к нам.

Ди недоверчиво взглянула на Зерму.

— Право же, так... — продолжала Зерма, желая во что бы то ни стало успокоить девочку. — Мистер Бербанк велел нам дожидаться его здесь.

— А люди, которые увезли нас в своей лодке?.. — спросила девочка.

— Это слуги мистера Гарвея, детка. Ты же знаешь мистера Гарвея? Он друг твоего отца и живет в Джэксонвилле. А это его коттедж в Хэмптон-Редс.

— А где же мама и Алиса? Ведь они были с нами?

— Их вернул мистер Бербанк, когда они собирались сесть в лодку, разве ты забыла?.. Как только этих злых людей выгонят из Кэмдлес-Бея, за нами приедут... Ну, не плачь, милая! И бояться нечего, хотя бы нам и пришлось прожить здесь несколько дней. Мы здесь в безопасности, право же... Давай лучше я тебя умою и одену.

Ди продолжала упорно глядеть на Зерму, и, несмотря на старания кормилицы успокоить ее, девочка печально вздохнула. А ведь обычно она просыпалась по утрам с улыбкой. Необходимо было ее чем-нибудь занять, развлечь.

Зерма постаралась это сделать с самой нежной заботливостью. Она одела малютку так тщательно, как будто бы та находилась в своей уютной детской в Касл-Хаусе. При этом мулатка рассказывала ей всякие забавные истории.

Потом она накормила девочку, разделив с нею этот первый завтрак в плену.

— А теперь, детка, если хочешь, мы с тобой немного погуляем... Около дома...

— Здесь хорошо, в коттедже мистера Гарвея? — спросила девочка.

— Хорошо ли? Не думаю, — отвечала Зерма. — Ведь дом этот очень старый! Но тут есть сад, есть речка, найдем, где погулять. Да к тому же мы здесь ненадолго, и если ты будешь умницей, не будешь скучать, мама останется очень довольна.

— Я буду умницей, — отвечала Ди.

Дверь комнаты не была заперта. Зерма взяла девочку за руку, и, пройдя через темное помещение, они вышли

на яркий дневной свет, под сень больших деревьев, сквозь листву которых пробивались лучи солнца.

Весь участок был невелик — всего около акра, и большую часть его занимал блокгауз. Окружавшая его ограда мешала Зерме разглядеть, в каком месте лагуны находится остров. Сквозь старые крепостные ворота она заметила лишь, что от соседних островов его отделяет широкий мутный канал. Нелегко бежать отсюда женщине с ребенком! Даже если бы Зерме и удалось заполучить какую-нибудь лодку, вряд ли она сумеет выбраться из этого лабиринта протоков. О том, что выход из него известен только Скуамбо и Тексару, она не подозревала. Негры, невольники Тексара, никогда не покидали блокгауза и сами не знали, где находятся. Только случай мог вывести пленниц к берегу Сент-Джонса или к болотам, подступающим к бухте с запада. Но разве можно было полагаться на случай? Ведь это значило бы идти на верную гибель.

Вскоре Зерма убедилась, что ей нечего ждать помощи от невольников Тексара. Эти негры, доведенные до полного отупения, не внушали доверия. Хотя Тексар и не держал их в цепях, но они были совершенно лишены свободы. Они предназначались главным образом для обороны блокгауза в случае нападения на него. Кормили их сытно, в крепких напитках не отказывали, так что они были довольны своим существованием и, по-видимому, не стремились изменить его.

Вопрос об отмене рабства, который так горячо обсуждался совсем близко за пределами Черной бухты, их не волновал. Получить свободу? Но на что она им, что им с нею делать? Тексар содержал их, Скуамбо, при всей своей жестокости, обращался с ними неплохо, хотя и

был способен проломить голову любому, кто вздумал бы ее поднять. Но об этом невольники Тексара и не помышляли. Не будет преувеличением сказать, что даже ищейки, рыскавшие вокруг блокауза, превосходили их своею смышленостью. Собаки очень хорошо знали всю местность вокруг блокауза. Они переплывали бесчисленные протоки бухты, носились с одного островка на другой, но безошибочное чутье всегда помогало им найти дорогу домой. Их лай нередко доносился с противоположного берега реки; однако к ночи они неизменно возвращались в блокауз. Ни одна лодка не могла бы проникнуть в лагуну незамеченной, потому что эти свирепые сторожа тут же подняли бы неистовый лай. Никто, кроме Скуамбо и Тексара, не мог выйти из блокауза, не рискуя быть растерзанным этими одичавшими потомками карибских собак.

Когда Зерма поняла, как тщательно охраняется блокауз, когда убедилась, что помощи ей ждать не от кого, она все же не пришла в отчаяние, как неминуемо случилось бы с другой, менее энергичной и мужественной женщиной. Она сохранила присутствие духа. Помощь рано или поздно придет — либо от Джемса Бербанка, если у него будут развязаны руки, либо от Марса, когда он узнает, что похитили его жену. А если они не вызволят ее из плена, ей придется рассчитывать только на свои собственные силы. И для спасения себя и ребенка она не остановится ни перед чем.

Одинокая в своем заточении, Зерма не встречала вокруг ни одного участливого взгляда. Однако ей показалось все же, что один из негров, молодой еще человек, смотрит на нее как бы с некоторым состраданием. У Зермы появилась какая-то надежда. Что, если дове-

риться ему, рассказать, как добраться до Кэмдлес-Бея, уговорить бежать, чтобы доставить в Касл-Хаус весточку о пленницах?.. Нет, на это рассчитывать трудно. Да к тому же и Скуамбо, вероятно, заметил, что негр относится сочувственно к мулатке, и поспешил убрать его подальше от Зермы, так что она перестала встречать молодого невольника на прогулках.

Шли дни, но в положении пленниц ничего не менялось. С утра до вечера Зерме и Ди разрешали гулять сколько угодно. Ночью же им запрещалось выходить из центрального помещения, хотя дверь их комнаты на ключ не запирали. Индеец никогда не говорил с Зермой, и мулатка тоже перестала обращаться к нему с вопросами. Скуамбо неотлучно находился на острове.

Чувствовалось, что его бдительность не ослабевает ни на минуту, и поэтому все свои заботы Зерма сосредоточила на девочке, которая постоянно просилась к маме.

— Потерпи, дорогая моя, она скоро приедет, — говорила Зерма. — Я получила от нее весточку. И папа придет скоро, и мисс Алиса тоже.

Других утешений несчастная женщина придумать не могла и только всячески старалась развлечь не по годам разумного ребенка.

Миновало 4-е, 5-е, наконец и 6 марта. Зерма с нетерпением прислушивалась, не раздадутся ли вдалеке пушечные выстрелы, свидетельствующие о приближении эскадры федералистов, но — увы! — ничего не было слышно. В Черной бухте царил полная тишина. Флорида, стало быть, еще в руках южан. Мулатку это очень тревожило. Если Джемс Бербанк и его друзья лишены возможности действовать, может быть, ей на помощь придут Джилберт и Марс? Пусть только канонерки се-

верян овладеют рекой, тогда оба они обыщут ее берега и доберутся до острова. Кто-нибудь из обитателей плантации расскажет им обо всем случившемся. Но с реки не доносилось никаких отголосков боя.

Странно было также и то, что испанец еще ни разу не появлялся на острове, ни днем, ни ночью, по крайней мере, Зерма не заметила ничего, что указывало бы на его присутствие. А ведь она почти не спала и в долгие часы бессонницы настороженно ловила каждый шорох — до сих пор, правда, тщетно.

Впрочем, какое дело Зерме до того, приезжал Тексар или нет? Что толку, если бы она даже увиделась с ним? Разве он внял бы ее мольбам, разве испугался бы ее угроз? Нет, присутствия его следует, пожалуй, опасаться больше, чем отсутствия.

Это было 6 марта, около одиннадцати часов ночи. В тысячный раз Зерма принималась обдумывать свое положение. Ди спала довольно спокойно. В комнате, служившей для них тюремной камерой, было совершенно темно. Снаружи не доносилось ни малейшего звука, кроме свиста ветра, проникавшего сквозь прогнившие стены блокгауза.

Вдруг мулатке почудились чьи-то шаги в центральном помещении блокгауза. Она подумала сперва, что это Скуамбо возвратился после очередного обхода.

Но тут послышались голоса. Разговаривали двое. Зерма крадучись подошла к двери, приложила ухо к скважине и прислушалась. Она узнала голоса Скуамбо и Тексара.

Ее охватила дрожь. Что делает здесь испанец в такой поздний час? Уж не замышляет ли он какое-нибудь новое злодейство против пленниц? Не собирается ли увез-

ти их отсюда и упрятать в еще более глухое и недоступное убежище? Предположение это мгновенно промелькнуло в голове мулатки... Но, поборов волнение, она приникла ухом к двери и стала слушать.

— Ничего нового? — осведомился Тексар.

— Ничего, господин, — отвечал Скуамбо.

— А что Зерма?

— Я отказался отвечать на ее вопросы.

— Пытались их разыскать после разгрома Кэмдлес-Бея?

— Пытаться — пытались, да только ничего не вышло.

Из этого ответа Зерма поняла, что кто-то ее уже ищет. Но кто?

— Как ты об этом узнал? — спросил Тексар.

— Я несколько раз подплывал к берегу Сент-Джонса, — отвечал индеец. — Дня три тому назад неподалеку от Черной бухты я видел лодку. Двое людей даже высаживались на одном из островов.

— Кто же это был?

— Джемс Бербанк и Уолтер Стэннард.

Зерма едва могла сдержать волнение. Джемс Бербанк и Уолтер Стэннард разыскивали ее! Значит, не все защитники Касл-Хауса погибли во время набега на плантацию! И если они предпринимают поиски, то, стало быть, знают о похищении мулатки и девочки. Рассказать об этом могли только миссис Бербанк и Алиса. Значит, и они живы. Они слышали крик Зермы, звавшей на помощь, и им обеим удалось вернуться в Касл-Хаус.

Итак, Джемсу Бербанку известно обо всем, что произошло. Он знает имя злодея, быть может, даже догадывается о том, где спрятаны его жертвы? В конце концов он их отыщет!

Эта вереница мыслей быстро пронеслась в голове Зермы. Радостная надежда озарила на мгновение ее душу, но тут же снова погасла, когда мулатка услышала слова Тексара:

— Ну, что ж, пусть ищут! Все равно они ничего не найдут. Да к тому же через несколько дней Джемс Бербанк уже будет нам не страшен!

Мулатка не могла понять, что означают эти слова, но в устах человека, которому беспрекословно подчинялся комитет Джэксонвилла, они представляли серьезную угрозу.

— А теперь, Скуамбо, — продолжал испанец, — ты мне нужен на часок.

— Готов служить, господин.

— Иди за мною.

Скуамбо и Тексар ушли в комнату индейца.

Что они замышляют? Может быть, проникнув в их тайну, Зерма сумеет воспользоваться ею? В ее положении нельзя пренебрегать ничем.

Мы уже говорили, что дверь в комнату пленниц не запиралась даже на ночь. Впрочем, в этом не было никакой необходимости, так как блокгауз замыкался изнутри, а ключ от него Скуамбо держал при себе. Поэтому выбраться из блокгауза, пытаться бежать все равно было невозможно.

Зерма тихо отворила дверь и, затаив дыхание, вышла.

Было совершенно темно, лишь из комнаты индейца пробивалась узенькая полоска света.

Мулатка подкралась к двери и заглянула в щелку. То, что она увидела, было настолько странным, что она опешила.

Комната освещалась всего одной слабо горевшей

свечой, но ее, по-видимому, было достаточно для Скуамбо, сосредоточенно занимавшегося каким-то делом.

Тексар сидел перед индейцем, сняв с себя кожаную куртку и вытянув на маленьком столике подле самой свечи обнаженную левую руку. Странной формы бумага, исколотая мелкими дырочками, наложена была с внутренней стороны на его предплечье. Сквозь эти дырочки Скуамбо тонкой иглой наносил уколы на кожу хозяина. Таков был принятый у индейцев способ татуировки, и Скуамбо был весьма опытным в этом деле. Ловко и умело орудуя иглой, он кончиком ее лишь слегка накалывал кожу, не причиняя при этом испанцу ни малейшей боли.

Потом он снял бумагу, взял листья какого-то растения, принесенного Тексаром, и натер ими исколотую руку своего господина. Сок растения вызвал, вероятно, страшный зуд, но Тексар не привык обращать внимания на такие пустяки.

Окончив операцию, Скуамбо поднес свечу к руке Тексара. На ней отчетливо выступил красноватый узор, в точности повторивший узор, изображенный на бумаге. Он состоял из множества пересекающихся линий и воспроизводил какую-то символическую фигуру из индейской мифологии. Такая татуировка оставалась уже на всю жизнь.

Зерма видела, что происходит в комнате Скуамбо, но ничего не могла понять. Зачем понадобилась Тексару татуировка? К чему такая «особая примета» — пользуясь выражением, принятым в паспортах? Неужели он собирался выдать себя за индейца? Но ведь цвет кожи и весь его внешний облик не позволяли это сделать. Уж не следует ли искать какой-то связи между татуировкой, кото-

рую Скуамбо нанес на руку испанца, и той, которой индейцы украсили флоридских путешественников, недавно захваченных ими на севере графства? Не рассчитывал ли Тексар воспользоваться этим знаком, чтобы и на этот раз установить свое алиби, которое ему так ловко удавалось доказывать до сих пор?

Быть может, тут скрыта какая-то тайна, связанная с его личной жизнью, тайна, которая выяснится впоследствии?

Мулатку тревожил и другой вопрос: неужели Тексар для того только и явился в Черную бухту, чтобы прибегнуть к искусству Скуамбо, и теперь, когда татуировка сделана, отправится обратно в северную часть Флориды и, конечно, в Джэксонвилл, где все еще хозяйничают его приспешники? Или он дождется здесь наступления утра, чтобы повидаться с Зермой и объявить ей какое-нибудь свое новое решение?

Однако на этот счет мулатка скоро успокоилась.

Когда татуировка была закончена, испанец встал и быстро направился вон из комнаты, так что Зерма едва успела убежать к себе.

Прильнув к двери, она услышала разговор между Тексаром и Скуамбо.

— Ну, Скуамбо, смотри за ними в оба, — приказывал Тексар.

— Слушаюсь, господин, — отвечал индеец. — Но если Джемс Бербанк будет на нас очень наседать в Черной бухте...

— Я же сказал, что через несколько дней Джемс Бербанк нам будет не страшен... Впрочем, ты ведь знаешь, куда в случае чего отправить мулатку с ребенком? Туда, где мы должны встретиться.

— Знаю, господин, — отвечал Скуамбо. — Может случиться, что Джилберт или Марс...

— Не пройдет и двух дней, как оба они будут в моих руках, а уж тогда...

Зерма не расслышала конца фразы, не сулившей ничего хорошего ни ее мужу, ни Джилберту.

Тексар и Скуамбо вышли из блокауза, и дверь за ними затворилась.

Через несколько минут челнок, которым правил индеец, отчалил от берега и по лабиринту протоков устремился к выходу из бухты, где на реке Тексара ожидала лодка. Там Скуамбо расстался со своим хозяином, получив на прощание еще несколько распоряжений.

Лодка испанца быстро понеслась к Джэксонвиллу. Она доставила туда Тексара на рассвете, так что он имел достаточно времени, чтобы осуществить свои угрозы. И действительно, через несколько дней Марс исчез в волнах Сент-Джонса, а Джилберт Бербанк был приговорен к смертной казни.

ГЛАВА 3

Накануне

Джилберта Бербанка судили 11 марта утром. Вечером того же дня по приказанию джэксонвиллского комитета был арестован его отец. Казнь молодого офицера должна была состояться через день после суда, и Джемса Бербанка, обвиненного в сообщничестве с сыном и приговоренного к такому же наказанию, предполагалось, вероятно, казнить вместе с ним.

Как уже было сказано, Тексар держал весь джэксонвиллский комитет в своих руках. Его желание являлось

законом. Казнь Джемса и Джилберта Бербанков должна была, по-видимому, послужить лишь прелюдией к кровавой расправе городских подонков с теми из жителей Флориды, которые считались сторонниками Севера или разделяли взгляды северян на рабство.

Во время междоусобной войны открывается широкий простор для сведения личных счетов. Только приход федералистов мог бы предотвратить катастрофу и избавить Джэксонвилл от жестокостей Тексара. Но придут ли они, а если и придут, то успеют ли помешать испанцу учинить расправу над первыми жертвами его злобы? К несчастью, уверенности в этом не было.

Легко представить себе, в каком отчаянии были обитатели Касл-Хауса, с нетерпением ждавшие прихода северян.

По всей вероятности, Стивенс временно отказался от своего намерения подняться вверх по Сент-Джонсу. Канонерки стояли на прежнем месте. Возможно, что они не отваживались сняться с якоря, лишившись опытного лоцмана в лице Марса. А может быть, решено было отказаться от взятия Джэксонвилла, которое одно только и могло обеспечить безопасность плантаций, расположенных по течению Сент-Джонса?

Какие же новые военные события могли заставить коммодора Дюпона изменить свои прежние планы?

Вот вопрос, над которым 12 марта ломали себе голову мистер Стэннард и управляющий Пэрри. В этот бесконечно долго тянувшийся для них день приходили все новые и новые неутешительные вести. Говорили, что северяне решили направить все свои усилия исключительно на то, чтобы овладеть побережьем Флориды, что коммодор Дюпон на «Уобаш» с самыми мощными из

своих канонерок уже появился перед Сент-Огастином. Утверждали даже, что милиция южан готовится сдать форт Марион без боя, как сдала уже форт Клинч при взятии Фернандины.

Эти вести управляющий Пэрри сообщил утром Стэннardu и Кэрролу, который все еще лежал на диване в холле, так как рана его не зажила.

— Федералисты в Сент-Огастине! — вскричал Кэррол. — Почему же они не идут на Джэксонвилл?

— Быть может, взятие города не входит в их планы, и они намерены только закрыть доступ к верховьям реки, — ответил Пэрри.

— Если Джэксонвилл останется в руках Тексара, Джемс и Джилберт погибнут! — воскликнул Стэннard.

— Не поехать ли мне предупредить commodора Дюпона об опасности, грозящей мистеру Бербанку и его сыну? — предложил Пэрри.

— Чтобы добраться до Сент-Огастина, потребуется целый день, — возразил Кэррол. — Я уж не говорю о том, что можно попасть в руки отступающей милиции. Так что пока Стивенс получит приказ commodора, пройдет слишком много времени... Да и, наконец, эта отбель... Если канонеркам не удастся ее преодолеть, то как же спасти несчастного Джилберта? Ведь его же завтра расстреляют... Нет, не в Сент-Огастин надо ехать, а в Джэксонвилл... Не к commodору Дюпону, а... к Тексару...

— Мистер Кэррол совершенно прав, отец, — вмешалась вошедшая в комнату Алиса, услышав последние слова Кэррола. — Он совершенно прав — и я поеду.

Отважная девушка готова была пойти на все, подвергнуть себя любой опасности ради спасения Джилберта.

Накануне, уезжая из Кэмдлес-Бея, Джемс Бербанк особенно настаивал, чтобы его больной жене не говорили о том, что он отправился в Джэксонвилл. Надо было во что бы то ни стало скрыть от нее приказ комитета об аресте мужа. И миссис Бербанк действительно об этом не знала, точно так же как она не знала об аресте сына, полагая, что он находится на борту своей канонерки. В самом деле, разве вынесла бы несчастная женщина этот двойной удар? Муж ее в лапах Тексара, сын должен быть завтра казнен! Нет, этого ей не пережить! И потому, когда миссис Бербанк попросила позвать к ней мужа, Алиса сказала, что его нет дома, что он снова отправился на поиски Ди и Зермы и, вероятно, будет отсутствовать двое суток. Все помыслы несчастной женщины сосредоточились на похищенном ребенке. Она была так слаба, что уж одно это горе могло свести ее в могилу.

Алиса же знала все. Она знала, что молодому офицеру завтра угрожает расстрел и что та же участь, должно быть, постигнет его отца. И, решив отправиться к Тексару, она пришла просить Кэррола, чтобы он приказал перевезти ее на противоположный берег.

— Ты, Алиса... в Джэксонвилл?! — вскричал Стэннард.

— Я должна, отец, это необходимо!..

Медлить нельзя было. И перед лицом необходимости Стэннард подавил в себе столь понятные опасения и тревогу. Шаг, на который решилась Алиса, был единственным шансом спасти Джилберта. Быть может, упав к ногам Тексара, Алиса вымолит пощаду своему жениху или хотя бы добьется отсрочки казни? Быть может, наконец, ей удастся найти поддержку у честных людей, ко-

торые при виде ее отчаяния возмутятся против ненавистной тирании комитета? Да, надо, надо ехать в Джэксонвилл, невзирая ни на какие опасности.

— Пэрри, — обратилась молодая девушка к управляющему, — вы проводите меня до дома мистера Гарвея?

— Конечно, — с готовностью ответил он.

— Нет, Алиса, сопровождать тебя буду я! Только я... Едем!

— Что вы, Стэннард! — вскричал Кэррол. — Ведь это значило бы подвергать себя... Ваш образ мыслей, ваши убеждения слишком хорошо известны...

— Что же делать? — возразил Стэннард. — Не могу же я отпустить мою дочь одну к этим злодеям. Пусть лучше Пэрри останется в Касл-Хаусе, Эдвард. Ведь вам нельзя двигаться, а нас, пожалуй, могут задержать в городе... Об этом забывать не следует...

— А если миссис Бербанк спросит, где вы, где мисс Алиса, что я ей отвечу? — воскликнул Эдвард Кэррол.

— Скажите, что мы с Джемсом отправились разыскивать Ди и Зерму на другой берег реки... Можете даже сказать, что мы уехали в Джэксонвилл. Словом, постарайтесь сделать все, чтобы ее успокоить. Она ни в коем случае не должна подозревать, какая опасность угрожает ее мужу и сыну... Пэрри, распорядитесь насчет лодки!

Управляющий ушел, а Стэннард и Алиса стали собираться в путь.

Однако лучше было предупредить миссис Бербанк, что Алиса с отцом должны отправиться в Джэксонвилл. В крайнем случае можно даже сказать ей, что партия Тексара свергнута, что федералисты овладели Сент-Джонсом, что завтра Джилберт возвратится в Кэмдлес-Бей... Только хватит ли у молодой девушки духу сол-

гать? Не дрогнет ли у нее голос и не выдаст ли она себя, утверждая то, что ей самой казалось теперь невозможным?

Когда Алиса вошла в комнату к миссис Бербанк, больная спала или, вернее, находилась в тяжелом забытьи. Молодая девушка не решилась ее тревожить, и таким образом была избавлена от необходимости лгать.

У постели больной сидела служанка. Алиса ей наказала ни на минуту не оставлять миссис Бербанк и за ответами на все ее вопросы обращаться к мистеру Кэрролу. Затем, тихо коснувшись губами лба несчастной женщины, Алиса покинула комнату.

— Едем, отец, — сказала она, увидев мистера Стэннарда.

Они простились с Эдвардом Кэрролом и вышли из дома.

В бамбуковой аллее, ведущей к пристани, им встретился управляющий.

— Лодка готова, — сказал Пэрри.

— Хорошо, — ответил Стэннард. — Смотрите же, мой друг, как следует охраняйте Касл-Хаус!

— Будьте покойны, мистер Стэннард. Наши негры понемногу возвращаются на плантацию, да оно и понятно. На что им свобода, для которой они вовсе не созданы природой? Приезжайте назад с мистером Бербанком и будьте уверены, что он застанет всех негров на своих местах.

Стэннард и Алиса сели в лодку с четырьмя гребцами. Подняли паруса, и, гонимая легким восточным ветром, лодка быстро отошла от берега. Вскоре пристань Кэмдлес-Бея скрылась из виду за мысом, образуемым здесь плантацией.

Стэннард решил высадиться не в самой Джэксонвиллской гавани, где его, несомненно, бы узнали, а зайти в небольшую бухту повыше города. Оттуда он рассчитывал без труда добраться до предместья, где находился дом мистера Гарвея, а там уже в зависимости от обстоятельств решить, как действовать дальше.

На реке в этот час не было заметно никакого движения: ни вверх по течению, откуда могла появиться отступающая из Сент-Огастина милиция, ни вниз по Сент-Джонсу ничего не было видно. Стало быть, никакого столкновения между канонерками Стивенса и лодками конфедератов не произошло. Не видно даже линии заграждения, так как ниже Джэксонвилла Сент-Джонс делает крутой поворот.

При попутном ветре мистер Стэннард с дочерью быстро достигли левого берега. Никем не замеченные, они высадились в бухте, за которой не было установлено наблюдения, и через несколько минут находились уже около дома мистера Гарвея.

Он очень удивился и встревожился, увидав гостей. Приезд в Джэксонвилл был с их стороны крайне рискованным шагом, так как разнузданная джэксонвилльская чернь, всецело преданная Тексару, хорошо знала о том, что Уолтер Стэннард разделяет взгляды владельца Кэмдлес-Бея на рабство. Разгром его собственного дома в Джэксонвилле мог послужить для него серьезным предостережением.

Если бы о приезде Стэннарда стало известно, ему, несомненно, угрожала бы серьезная опасность; в лучшем случае он был бы немедленно брошен в тюрьму как сообщник Бербанка.

— Надо спасти Джилберта! — твердила Алиса в ответ на все упреки Гарвея в неосторожности.

— Да, — согласился он, — надо попытаться это сделать, но только пусть мистер Стэннард ни на шаг не выходит из дома. Он должен оставаться здесь, пока мы будем действовать.

— Как вы думаете, пустят меня в тюрьму? — спросила девушка.

— Полагаю, что нет, мисс Алиса.

— А удастся ли мне добраться до Тексара?

— Попытаемся.

— Мне с вами никак нельзя? — спросил Стэннард.

— Ни в коем случае. Ваше присутствие может только все испортить.

— Идемте же, мистер Гарвей, — торопила Алиса.

Прежде чем отпустить их, Стэннард справился, нет ли каких-либо военных новостей, о которых еще неизвестно в Кэмдлес-Бее.

— Нет, — ответил Гарвей, — по крайней мере, в отношении Джэксонвилла. Федералисты овладели Сент-Огастином. Стоило их флотилии появиться в бухте, как город немедленно сдался. А на Сент-Джонсе все по-старому. Канонерки все еще стоят на якоре перед отмелью.

— Значит, уровень воды не позволяет пройти над ней?

— В том-то и дело. Впрочем, сегодня равноденствие, так что ожидается сильный прилив. К трем часам уровень воды должен значительно подняться, и, может быть, канонеркам удастся перебраться через отмель.

— Без лоцмана, — промолвила Алиса, и в голосе ее звучала безнадежность. — Ведь Марса нет, чтобы провести их по фарватеру... Нет, это невозможно! Мистер

Гарвей, я непременно хочу увидеть Тексара, и, если он мою просьбу отвергнет, мы должны пойти на все, чтобы помочь Джилберту бежать.

— Так мы и сделаем, мисс Алиса.

— Настроение в Джэксонвилле не изменилось? — спросил Стэннард.

— Нет, все то же, — ответил Гарвей. — Негодяи продолжают хозяйничать, и Тексар командует ими. Впрочем, порядочные люди возмущены угрозами и вымогательствами комитета. Стоит только федералистам хоть немного продвинуться ближе к городу — и положение в Джэксонвилле изменится. Ведь городские подонки трусливы. Они испугаются, и Тексар с его приспешниками будет тотчас же свергнут. Я надеюсь все-таки, что Стивенсу удастся преодолеть отмель...

— Ждать нельзя, — решительно возразила Алиса, — я должна немедленно увидеть Тексара.

Итак, условились: Стэннард останется у Гарвея, чтобы ни одна душа в Джэксонвилле не узнала о его приезде, а Гарвей будет сопровождать молодую девушку и помогать ей во всех ее попытках, успех которых, надо признать, был весьма сомнительным. Если Тексар не согласится пощадить Джилберта, если Алиса не сможет добиться свидания с ним, решено было любой ценой устроить побег молодого офицера и его отца из тюрьмы.

Было около одиннадцати часов, когда Алиса и мистер Гарвей направились к судебной палате, где непрерывно заседал комитет под председательством Тексара.

В городе царил сильное волнение. По улицам непрерывно проходили отряды милиции, усиленной войсками, прибывшими из южных областей Флориды. В середине дня ожидался отряд, отступивший из Сент-

Огастина после сдачи города. Он должен был прибыть либо по реке, либо, пробравшись лесом по ее правому берегу, переправиться затем в Джэксонвилл. Обитатели города высыпали на улицу. Ходило множество самых противоречивых слухов, порождая брожение, готовое перерасти в мятеж. Ясно было, что, когда федералисты появятся в гавани, между защитниками города не будет единства и серьезного сопротивления они оказать не смогут. Если девять дней назад Фернандина сдалась без выстрела десантным войскам генерала Райта, если в Сент-Огастине не попытались даже остановить эскадру Дюпона, то можно было заранее предвидеть, что и Джэксонвилл не окажет сопротивления и что отряды милиции, сдав город войскам северян, отступят в глубь страны. Что может помешать федералистам взять Джэксонвилл и положить тем самым конец власти комитета и его кровавым злодеяниям? Только невозможность переправить канонерки через песчаную отмель из-за низкого уровня воды в реке или же из-за отсутствия лоцмана. Но через несколько часов все должно было выясниться.

Сквозь толпу, становившуюся все гуще и гуще, Алиса и Гарвей пробирались к главной городской площади. Но как им проникнуть в здание судебной палаты? А если это и удастся, то как повидать Тексара? Они опасались, что испанец, узнав о том, что Алиса Стэннард добивается свидания с ним, пожелает избавиться от докучливой просительницы, прикажет взять ее под арест и продержать до тех пор, покуда не совершится казнь. Но молодую девушку такая перспектива не останавливала. Во что бы то ни стало добраться до Тексара, вырвать у

него помилование Джилберту, чем бы это ни грозило ей самой, — таково было ее непреклонное решение.

Дойдя до площади перед судебной палатой, мистер Гарвей с Алисой оказались среди еще более возбужденной толпы. Они слышали неистовые крики, со всех сторон неслись проклятия, то и дело раздавались возгласы: «Расстрелять их!.. Расстрелять!..»

Мистер Гарвей узнал, что в судебной палате уже с час идет заседание комитета. Им овладело тягостное предчувствие, которому вскоре суждено было оправдаться: в палате судили Джемса Бербанка как сообщника его сына Джилберта. Он обвинялся в преступных сношениях с армией федералистов — в том же преступлении, за которое осужден Джилберт. Нужно думать, что одинаковым будет и приговор.

Так завершалась месть Тексара семье Бербанков.

Гарвей решил дальше не идти и стал уговаривать Алису вернуться. Зачем ей быть свидетельницей бесчинств разъяренной толпы, когда после объявления приговора осужденных выведут на площадь? Да к тому же он считал, что сейчас неподходящий момент, чтобы обращаться к испанцу с просьбой.

— Пойдемте отсюда, мисс Алиса, — уговаривал Гарвей, — пойдемте! Мы вернемся потом... когда комитет...

— Нет, — настаивала Алиса, — я брошусь между осужденными и их судьями!..

Ничто не могло поколебать решимости молодой девушки. Алиса пошла вперед. Гарвей вынужден был следовать за нею. Густая толпа расступилась перед Алисой; многие, вероятно, узнали ее. Молодая девушка слышала неистовые крики: «Смерть им!.. Смерть!» Ничто ее не

останавливало. Так дошла она до самых дверей судебной палаты.

Тут толпа бушевала еще сильнее, словно подхваченная яростным вихрем только надвигающейся, а не отшумевшей уже грозы. От этого скопища можно было ждать самых жестоких насилий.

Внезапно из дверей судебной палаты с шумом повалили люди. Крики усилились. Только что был объявлен приговор.

За то же мнимое преступление, что и Джилберта, Джемса Бербанка также приговорили к смертной казни. Отца и сына должен был расстрелять один и тот же взвод солдат.

— Смерть им! Смерть! — вопила разъяренная толпа.

На верхних ступенях лестницы появился Джемс Бербанк. Он был совершенно спокоен. На ревушую толпу он кинул лишь презрительный взгляд.

Его вели в тюрьму под сильным конвоем.

Джемс Бербанк был не один.

Рядом с ним шел Джилберт.

Молодого лейтенанта, осужденного на казнь, водили в суд для очной ставки с отцом. Джемс Бербанк мог лишь подтвердить слова сына, заявившего, что он приезжал в Касл-Хаус для того только, чтобы проститься с умирающей матерью. Обвинение в шпионаже, таким образом, отпало бы само собою, не будь исход дела предрешен заранее. Итак, два ни в чем не повинных человека были осуждены на смертную казнь — таков был приговор, вынесенный неправедными судьями, приговор, продиктованный мстостью.

Между тем толпа рвалась к осужденным. Конвоем с трудом удавалось вести их через площадь.

Но вот в толпе произошло какое-то движение — и Алиса бросилась к Джемсу и Джилберту Бербанкам.

При неожиданном появлении молодой девушки пораженная толпа невольно отступила.

— Алиса! — вскричал Джилберт.

— Джилберт! Джилберт! — прошептала мисс Стэн-нард, падая в объятия юноши.

— Алиса, зачем ты здесь? — спросил Джемс Бербанк.

— Чтобы просить о помиловании, чтобы умолять ваших судей... Сжальтесь, пощадите их!..

Крики несчастной девушки были поистине душераздирающими. Алиса цеплялась за одежду осужденных. Но разве можно было ждать хоть малейшей жалости от этой обезумевшей толпы? Конечно, нет! Не обращая внимания на конвой, она уже готова была растерзать арестованных, однако появление Алисы остановило ее.

Из дверей судебной палаты вышел Тексар, которому дали знать о том, что происходит на площади. Он сделал знак рукою, и толпа затихла. Конвоирам было приказано вести осужденных в тюрьму.

Отряд снова тронулся в путь.

— Пощадите... Сжальтесь!.. — взмолилась Алиса, бросившись на колени перед Тексаром.

Испанец отрицательно покачал головой.

Девушка вскочила на ноги.

— Негодяй!.. — крикнула она.

Она кинулась было вслед за осужденными, требовала, чтобы ее пустили к ним в тюрьму, чтобы ей разрешили быть возле них в последние часы их жизни...

Но осужденных уже увели. Толпа провожала их дикими воплями.

Силы покинули молодую девушку. Она пошатнулась и, потеряв сознание, упала на руки мистеру Гарвею.

Алису перенесли в дом Гарвея, и только там, подле своего отца, она пришла наконец в чувство.

— В тюрьму! В тюрьму! — шептала она. — Надо помочь им бежать.

— Да, ничего другого не остается, — промолвил мистер Стэннард. — Однако дождемся ночи.

Днем действительно не стоило что-либо предпринимать.

С наступлением темноты, не рискуя быть замеченными, Стэннард и Гарвей попытаются подкупить часового и организовать побег. Они предложат ему такую крупную сумму, что он не устоит. По крайней мере, они надеялись на это. Ведь с первым же пушечным выстрелом канонерок Стивенса придет конец власти испанца.

Но и ночью Стэннард и Гарвей вынуждены были отказать от осуществления своего плана: сильный отряд милиции окружил дом, и выйти из него им не удалось.

ГЛАВА 4

Северо-восточный ветер

Теперь у осужденных оставалась одна-единственная надежда на спасение, надежда на то, что в течение двенадцати часов федералисты успеют овладеть городом.

Казнь назначена была на следующий день, на рассвете. Убежать из тюрьмы Джемс и Джилберт не могли даже при попустительстве стражи: тюрьму, как и дом мистера Гарвея, охраняли слишком строго.

Но рассчитывать, что Джэксонвилл возьмут войска, высадившиеся за несколько дней перед тем в Фернан-

дине, не приходилось, ибо они не могли оставить столь важную позицию северной Флориды. И задачу эту приходилось выполнять канонеркам Стивенса, для чего им прежде всего нужно было перебраться через отмель на Сент-Джонсе. Прорвав линию заграждения, они смогут стать на якорь против Джэксонвилла. А когда город окажется под угрозой их пушек, отрядам милиции не останется ничего другого, как бежать через непроходимые болота графства. Тексар со своими приверженцами, несомненно, последует за ними, чтобы уйти от вполне заслуженной кары. Законная власть, свергнутая проходцами, будет восстановлена, и ее представители вступят в переговоры с федеральным правительством о сдаче города.

Весь вопрос лишь в том, удастся ли канонеркам пройти отмель, и к тому же еще в столь короткий срок? Можно ли преодолеть такую помеху, как низкий уровень воды в реке? Это было, во всяком случае, крайне сомнительно.

После объявления приговора Тексар вместе с начальником джэксонвиллской милиция отправился на набережную, чтобы осмотреть оттуда низовья реки. Глаза их, разумеется, были упорно устремлены на заграждение, а уши напряженно прислушивались, не доносится ли отдаленный грохот орудийной стрельбы.

— Ну, что, нет никаких новых донесений? — спросил Тексар, остановившись на самом краю пристани.

— Никаких, — ответил начальник джэксонвиллской милиции. — Разведка, которую я выслал в северном направлении, сообщила, что федералисты по-прежнему сидят в Фернандине и не делают попыток двинуться на Джэксонвилл. Скорей всего, они останутся на границе

Джорджии до тех пор, пока их канонерки не форсируют реку.

— Не могут ли они прийти с юга, из Сент-Огастина, переправившись через Сент-Джонс у Пиколаты? — спросил испанец.

— Не думаю, — ответил офицер. — У Дюпона слишком мало десантных войск, их хватит только на то, чтобы занять город, а цель его — блокировать все побережье от устья Сент-Джонса до самых последних бухточек Флориды. Нет, Тексар, тут нам опасаться нечего.

— Значит, опасность грозит только со стороны флотилии Стивенса, если ей удастся переправиться через отмель, перед которой она вот уже три дня как застряла?

— Конечно. Но все это выяснится в течение нескольких часов. В конце концов, может быть, федералисты вовсе и не стремятся занять город, а намерены лишь запереть устье реки, чтобы прервать всякое сообщение между Сент-Огастином и Фернандиной. Я повторяю, Тексар, северянам не так важна сейчас оккупация Флориды, как пресечение военной контрабанды на южном побережье полуострова. Вернее всего, их экспедиция другой цели и не имеет, иначе бы войска, уже несколько дней тому назад занявшие остров Амилью, давно бы двинулись на Джэксонвилл.

— Может быть, вы и правы, — ответил Тексар. — Но мне все-таки не терпится, чтобы с отмелью все выяснилось как можно скорее.

— Все выяснится сегодня же.

— Ну, а если канонерки Стивенса внезапно появятся перед городом, что вы станете делать?

— Выполню полученный приказ, отступлю с милицией в глубь Флориды и постараюсь уклониться от

столкновения с федералистами. Пусть их занимают города графства! Долго им там все равно не удержаться. Они будут отрезаны от Джорджии и обеих Каролин, а тогда мы отберем эти города обратно.

— Но ведь если они овладеют Джэксонвиллом хотя бы даже на один день, без репрессий не обойдется, — возразил Тексар. — Все эти так называемые честные люди, богатые землевладельцы, эти противники рабовладения снова окажутся у власти, и тогда... Нет, этому не бывать! Чем оставлять город, лучше уж...

Испанец не договорил, но мысль его нетрудно было угадать: он не отдаст города северянам, ведь это означало бы восстановление свергнутой городским сбродом законной власти. Нет, уж лучше спалить город дотла, — меры к тому были уже, вероятно, им приняты заблаговременно, — а самому со своими приверженцами скрыться вслед за милицией среди непроходимых болот Южной Флориды и ждать там дальнейшего развития событий.

Но все это, повторяем, были лишь крайние меры, на тот случай, если бы канонеркам удалось переправиться через отмель. Удастся ли им это или нет, должно было решиться с минуты на минуту.

В это время толпы людей устремились к пристани. Они мигом запрудили набережную. Послышались оглушительные крики.

— Канонерки идут!

— Да нет же, они стоят на месте!

— Начался прилив!

— Они поднимают пары и пытаются пройти отмель!

— Смотрите! Смотрите!

— Там действительно что-то происходит, — сказал

начальник джэксонвиллской милиции. — Посмотрите, Тексар!

Испанец молчал. Его взгляд, устремленный к низовьям реки, был прикован к горизонту, где виднелась вереница лодок, стоявших на якоре поперек реки. В полумиле позади них высились мачты и трубы канонерок Стивенса. Они сильно дымили, и крепчавший ветер гнал их густой черный дым прямо к городу.

Очевидно, Стивенс решил воспользоваться приливом и пройти, что называется, напролом.

Но удастся ли ему это? Окажется ли глубина достаточной, чтобы канонерки могли проскочить над мелью, пусть даже и задевая килем дно реки? Тут было от чего прийти в волнение людям, высыпавшим на берег Сент-Джонса.

Одни уверяли, что видят что-то, другие ничего не видели, а потому толки становились все оживленнее.

— Они продвинулись на полкабельтова!

— Ничего подобного, и с места не тронулись! Похоже на то, что стоят еще на якоре!

— Да вот же одна движется... Видите — вон, вон...

— Она только вертится на месте, потому что там слишком мелко.

— А дым-то, дым-то какой!

— Пусть их дымят! Им все равно не пройти, сожги они хоть весь каменный уголь Соединенных Штатов!

— А между тем вода пошла на убыль.

— Да здравствует Юг! Ура!

— Ура-а-а!..

Попытка флотилии пройти в фарватер реки продолжалась минут десять, которые показались бесконечными Тексару и его приверженцам, потому что взятие

Джэксонвилла ставило под угрозу не только их свободу, но и жизнь. Никто не знал, что делать: на таком большом расстоянии наблюдать за маневрами канонерок было очень трудно.

Удалось ли флотилии пройти отмель? Если нет, то, может быть, ей еще удастся это сделать? Не преждевременным ли было ликование толпы? Быть может, выбросив все бесполезные тяжести и уменьшив таким образом свою осадку, канонерки все же переправятся через отмель и капитану Стивенсу удастся провести их до более глубокого места, а затем подойти к городу? Покуда длится прилив, такая опасность продолжала существовать.

Между тем прилив действительно пошел на убыль, а это значило, что уровень воды в Сент-Джонсе очень быстро понизится.

Вдруг сотни рук протянулись, указывая в сторону отмели. Раздался оглушительный крик:

— Лодка!.. Лодка!..

И точно, неподалеку от левого берега, где еще чувствовался прилив, в то время как на середине реки отлив уже входил в силу, показалась небольшая лодка. Она мчалась на веслах к городу. На корме ее стоял офицер в форме флоридской милиции. Подплыв к берегу, он проворно взбежал на пристань по ступеням боковой лесенки. Заметив Тексара, офицер направился прямо к нему, расталкивая теснившуюся кругом толпу, жаждавшую услышать новости.

— Что случилось? — спросил испанец.

— Ничего не случилось, да ничего и не случится, — ответил офицер.

— Кто вас послал?

— Командир наших лодок заграждения, которые и сами сейчас вернутся в гавань.

— Почему?

— Потому что канонеркам не удалось пройти через отмель. Они уменьшили осадку, подняли до предела пары, но все равно из этого ничего не вышло. Теперь мы в безопасности!

— И надолго? — спросил Тексар.

— По крайней мере в течение нескольких месяцев.

— Ура!.. Ура!.. — раздалось вокруг.

Над городом пронесся ликующий крик. Сторонники произвола и насилия восторженно приветствовали Тексара — человека, который как бы воплощал их собственные отвратительные инстинкты. Напротив, людей добропорядочных охватило чувство безнадежности при мысли о том, что, быть может, долго еще придется терпеть господство злодеев из джэксонвиллского комитета и его ненавистного главы.

Офицер не ошибался. Начиная с этого дня сила морского прилива должна была идти на убыль, а уровень воды в реке снижаться. Прилив 12 марта был одним из самых сильных в году, и следующий такой же прилив ожидался лишь через несколько месяцев. Попасть в фарватер Сент-Джонса Стивенсу не удалось, и потому Джэксонвилл не подвергся нападению его канонерок. Тексар оставался у власти и мог довести свое мщение до конца. Если бы даже генерал Шерман двинул на Джэксонвилл войска генерала Райта, занявшие Фернандину, для совершения этого похода на юг потребовалось бы известное время. Между тем Джемса и Джилберта Бербанков должны были казнить завтра на рассвете, и теперь уже ничто не могло их спасти.

Привезенное офицером известие мгновенно облетело весь город. Легко себе представить, какое действие произвело оно на разнузданную толпу. Разгул и оргии усилились. Честные люди были совсем удручены и ожидали еще более страшных бесчинств. Многие из них даже собрались покинуть город, где оставаться им было просто опасно.

Крики ликующей толпы слышали и узники Тексара. Им стало ясно, что последние надежды на спасение исчезли. Дошли эти крики и до дома мистера Гарвея. О том, что Стэннард и его дочь были повергнуты в полное отчаяние, говорить не приходится. Что могли они предпринять теперь для спасения Джемса Бербанка и его сына? Подкупить стражу? Пустив в ход золото, попытаться устроить побег осужденных? Но ведь и они сами не могли выйти из своего убежища. Дом стерегла толпа каких-то негодяев, и у подъезда беспрестанно раздавались их проклятия.

Стемнело. Погода резко переменилась, впрочем, перемены этой ожидали уже в течение нескольких дней. Береговой ветер внезапно изменил направление и задул с северо-востока. Он бешено гнал с океана серые массы рваных туч, и они неслись над самыми волнами, не успевая даже разразиться дождем. Клубы водяных паров проносились так низко, что наверняка скрыли бы от глаз мачты большого фрегата. Барометр сразу упал и указывал на приближение шторма. По всем признакам из далеких просторов Атлантики надвигался ураган. И действительно, с наступлением ночи он разразился с небывалой яростью.

Он несся от устья Сент-Джонса, вздымая и гоня воду вверх по реке. Грозные валы взлетали к небу, как при

сильном приливе, когда морские волны устремляются в устье реки и, столкнувшись там со встречным течением, обращают вспять ее воды, заливают берега и сносят все прибрежные строения.

В эту грозную ночь буря с ужасающей яростью налетела на Джэксонвилл. Волны разрушили часть пристани, сваи которой не устояли под их напором. Местами вода затопила причалы и, сорвав с якоря, разбила несколько рыбацких баркасов. По улицам и площадям города ходить было невозможно; ветер сшибал пешеходов с ног, забрасывал их горами всевозможных обломков. Городские подонки укрылись в тавернах, откуда доносились пьяные вопли, которые могли поспорить с ревом бури.

Но разрушительный вихрь пронесся не только над сушей. В русле Сент-Джонса гонимые ураганом волны, усиленные на мелководе, лавиной обрушились на застигнутые бурей лодки, стоявшие на якоре перед отмелью. Не успев укрыться в гавани, эти лодки были унесены вверх по течению, далеко за Джэксонвилл, рассеяны среди островков по рукавам реки или же разбились о сваи пристани. Было немало человеческих жертв, потому что внезапно налетевший шквал не дал возможности принять необходимые меры.

А канонерки Стивенса? Успели ли они вовремя сняться с якоря и укрыться от бури в какой-нибудь бухте в низовьях Сент-Джонса? Удалось ли им таким образом спастись? Однако спустились ли они к устью Сент-Джонса или удержались на якоре, для Джэксонвилла они уже не представляли опасности: отмель служила для них непреодолимой преградой.

Черная, непроглядная ночь окутала долину Сент-Джонса. Вода и воздух — две стихии — слились в одно

целое, как будто в результате некоей химической реакции. Равноденственные бури во Флориде — явление обычное, но такой разрушительной здесь еще никогда не бывало.

Однако буря эта именно потому, что она была так яростна, продолжалась всего лишь несколько часов. К рассвету воздушные массы устремились в разреженное пространство, и ураган, налетев в последний раз на полуостров Флориду, понесся дальше к Мексиканскому заливу.

К четырем часам утра, когда первые лучи солнца озарили очищенный бурей горизонт, разгул стихии сменился полным затишьем.

Чернь снова высыпала из таверн на улицы. Милиция заняла оставленные накануне посты. Кое-где уже начали исправлять повреждения, которые были особенно значительны в гавани: вырванные сваи, разбитые рыбацьи баркасы, обломки судов плыли вниз по течению.

Впрочем, река видна была на очень небольшом пространстве. Густой туман, скопившись над ее руслом, поднимался в верхние слои атмосферы, охлажденные ночной бурей. В пять часов утра середины реки еще не было видно, и только лучи восходящего солнца могли рассеять сгустившиеся пары.

В начале шестого сквозь туман донесся вдруг страшный грохот. Несомненно, это была орудийная пальба, а не раскаты грома. Слышался характерный свист летящих снарядов. Над толпой, собравшейся на набережной, — здесь были подонки города и милиция, — пронесся крик ужаса.

Но вот под воздействием артиллерийских залпов туман над рекой начал рассеиваться. Сквозь его разорван-

ные ключья уже были видны вспышки орудийных выстрелов.

Перед Джэксонвиллом, направив на него свои орудия, стояли канонерки Стивенса.

— Канонерки! Канонерки!

Это слово, передававшееся из уст в уста, облетело вскоре весь город и достигло самых отдаленных предместий. В несколько минут честные люди с неопишуемой радостью, а злодеи с таким же неопишуемым ужасом узнали, что флотилия северян овладела Сент-Джонсом и, если город не сдастся, он будет разрушен.

Что же случилось? Неужели буря неожиданно оказалась союзницей северян? Да, так оно и было. Канонерки не пытались искать убежища в бухте близ устья реки. Несмотря на ярость ветра и волн, они продолжали стоять на якоре. В то время как шлюпки конфедератов ушли в гавань, капитан Стивенс и экипажи его канонерок самоотверженно боролись с бурей и, рискуя жизнью, попытались пройти над отмелью, воспользовавшись подъемом воды в реке. Благодаря шторму, гнавшему воды океана в устье Сент-Джонса, уровень реки поднялся до небывалой высоты, и канонерки устремились в ее русло. На всех парах, скребя килем по песчаному дну, они прорвались наконец за отмель.

Идя в густом тумане, капитан Стивенс рассчитал, что должен находиться приблизительно против Джэксонвилла. Около четырех часов утра он стал на якорь. Немного погодя, разорвав залпом пелену тумана, его орудия открыли огонь по левому берегу Сент-Джонса.

Результат обстрела сказался немедленно. По примеру войск конфедератов, защищавших Фернандину и Сент-Огастин, милиция поспешила очистить город. Видя, что

набережная опустела, Стивенс тотчас же приказал ослабить огонь: он вовсе не собирался разрушать город, он хотел лишь вынудить его к сдаче и занять его.

На флагштоке судебной палаты почти тотчас же звился белый флаг.

Легко себе представить, с какой тревогой и волнением прислушивались к пушечной пальбе в доме мистера Гарвея. Было совершенно ясно, что город подвергся нападению. Но кто же мог напасть на Джэксонвилл, как не федералисты, все равно, откуда бы они ни появились — с низовий ли Сент-Джонса или с севера Флориды? Уж не тот ли это единственный шанс спасти Джемса и Джилберта Бербанков, на который они и надеяться не смели?!

Мистер Гарвей и Алиса бросились к выходу. Наблюдавших за домом людей Тексара уже не было: они сбежали вслед за милицией во внутренние области графства.

Гарвей с Алисой поспешили к гавани. Туман рассеялся, и вся река вплоть до правого берега была хорошо видна.

Канонерки прекратили огонь. Джэксонвилл, очевидно, сдался, отказавшись от всякого сопротивления.

В этот момент несколько шлюпок северян причалили к пристани. На берег, под командой офицера, высадился отряд моряков, вооруженных ружьями, пистолетами и топорами.

Вдруг один из моряков громко вскрикнул и бросился к Алисе.

— Марс! Марс! — воскликнула молодая девушка, пораженная тем, что видит перед собою мужа Зермы, которого считали погибшим.

— Мистер Джилберт! Мистер Джилберт! Где он? — взволнованно твердил Марс.

— В тюрьме, и мистер Бербанк тоже... Спасите его, Марс... спасите их обоих...

— Скорей в тюрьму! — крикнул Марс, обращаясь к своим спутникам.

И они помчались, чтобы помешать Тексару совершить свое последнее преступление.

Алиса и Гарвей поспешили следом за ними.

Значит, бросившись в реку, Марс не погиб в водовороте близ отмели? Да, ему удалось выплыть, но из осторожности храбрый мулат не дал знать о себе в Касл-Хаус. Идти туда было опасно, а между тем ему необходимо было сохранить свободу, чтобы добиться своей цели.

Достигнув правого берега, он камышами пробрался до места, против которого стояла флотилия. Его сигналы заметили, выслали за ним лодку и доставили прямо на канонерку капитана Стивенса.

Узнав об участии Джилберта, Стивенс сделал все возможное, чтобы подняться вверх по реке, но усилия его, как нам известно, оказались тщетными. Между тем ночью сильный ветер значительно повысил уровень воды в реке. Однако без опытного лоцмана флотилия все же рисковала сесть на речные отмели. Но, к счастью, Марс был тут. Несмотря на сильную бурю, он искусно провел свою канонерку, за которой благополучно прошли и остальные. И прежде чем туман окутал долину Сент-Джонса, они бросили якорь против Джэксонвилла и направили на него свои орудия.

Канонерки пришли вовремя, ибо узников должны были казнить на рассвете. Но теперь опасность миновала. Городские власти Джэксонвилла, свергнутые Текса-

ром, были восстановлены. И когда Марс со своими товарищами прибежали к тюрьме, Джемс и Джилберт Бербанки уже выходили из нее, получив наконец свободу.

Молодой человек бросился к Алисе и крепко прижал ее к своему сердцу, в то время как мистер Стэннард обнял Джемса Бербанка.

— Что с матушкой? — прежде всего спросил Джилберт.

— Жива... жива, — ответила Алиса.

— В Касл-Хаус! Скорее в Касл-Хаус! — вскричал юноша.

— Но сперва должно свершиться правосудие, — возразил Джемс Бербанк.

Марс понял, что это означало. Он помчался к городской площади в надежде найти там Тексара.

Не сбежал ли, чего доброго, испанец, страшись расплаты за свои злодеяния? Не скрылся ли он от возмездия вместе с другими грабителями и насильниками? Не отступает ли заодно с отрядами милиции в болотистые области Флориды?

Так могло, даже должно было случиться.

Однако часть жителей города, не дожидаясь вмешательства федералистов, устремилась к зданию судебной палаты и схватила Тексара в ту самую минуту, когда он собирался бежать. Впрочем, он, по-видимому, довольно спокойно покорился своей участи.

Только увидав перед собою Марса, испанец понял, что жизни его угрожает опасность.

Мулат бросился на Тексара. Оттолкнув приставленный к пленнику караул, он схватил своего врага за горло и задушил бы его, если бы не подоспели Джемс Бербанк и Джилберт.

— Постой, Марс! Он нам нужен живым, — вскричал Джемс Бербанк. — Его надо заставить говорить!

— Да, надо! — согласился Марс.

И Тексара заперли в ту самую камеру, в которой только что в ожидании казни томились две его жертвы.

ГЛАВА 5

Взятие города

Итак, федералисты овладели наконец Джэксонвиллом, а стало быть, и всем течением Сент-Джонса.

Войска, высаженные капитаном Стивенсом, тотчас же заняли все важнейшие пункты города. Самозванные правители бежали; захватить удалось одного только Тексара.

Офицеров-федералистов, представлявших вашингтонское правительство, население встретило без всякой враждебности. Объяснялось это отчасти утомлением, которое оно испытывало от грабежей и насилий, учиненных в городе за последние дни, отчасти же безразличием к вопросу об освобождении невольников, который Север и Юг пытались разрешить силою оружия.

Тем временем коммодор Дюпон, заняв Сент-Огастин, принимал самые решительные меры, чтобы пресечь военную контрабанду на побережье Флориды. Доступ в узкие морские проливы Москито-Инлет был прегражден. А это разом положило конец торговле оружием и боевыми припасами с принадлежавшими Англии Багамскими островами. Можно сказать, что с этого момента штат Флорида был возвращен под власть федерального правительства.

В тот же день Джемс и Джилберт Бербанки, Стэннард

и Алиса переправились через Сент-Джонс и вернулись в Кэмдлес-Бей.

Пэрри со своими помощниками встретил их на пристани. Тут же находились и возвратившиеся на плантацию негры. Легко представить себе, какой радостной была эта встреча.

Через несколько минут Джемс Бербанк с сыном, Алиса и Стэннард уже стояли у постели миссис Бербанк.

Больная увидела сына и тут только узнала обо всем случившемся. Джилберт нежно обнял мать. Марс целовал ее руки. Теперь они уже не оставят ее. Алиса будет ухаживать за нею, и она скоро совсем поправится. Козни Тексара и его сообщников отныне им не страшны. Испанец в руках северян, а северяне — хозяйева Джэксонвилла.

Но если жена Джемса Бербанка, если мать Джилберта могла быть спокойна за мужа и сына, мысли ее снова вернулись к похищенной дочери. Ди была ей так же необходима, как Марсу была необходима Зерма.

— Мы их отыщем! — вскричал Джемс Бербанк. — Марс и Джилберт помогут нам.

— Да, отец... Нельзя терять ни минуты, — ответил молодой лейтенант.

— Тексар теперь в наших руках, надо заставить его говорить, — продолжал мистер Бербанк.

— А если он откажется? — спросил Стэннард. — Если будет утверждать, что он к похищению Зермы и Ди не причастен?

— Как же он сможет это утверждать? — вскричал Джилберт. — Ведь Зерма узнала его в бухте Марино! Алиса и матушка слышали, как она крикнула его имя, когда

ее увозили в лодке. Можно ли сомневаться в том, что он виновник похищения, что он сам руководил им?

— Это был он, я знаю, что он! — произнесла миссис Бербанк и так стремительно поднялась, словно готова была вскочить с постели.

— Я же узнала его! — воскликнула Алиса. — Он стоял на корме, в то время как лодка направлялась к середине реки.

— В том, что это был Тексар, нет никаких сомнений, — сказал Стэннард. — Но если он откажется сказать, куда он упрятал Зерму и Ди, где мы будем их искать? Ведь мы уж и так понапрасну обшарили берега реки на протяжении нескольких миль!

На этот ребром поставленный вопрос ответить было невозможно. Все зависело от того, что скажет Тексар. Но в его ли интересах говорить? Может быть, ему выгодней будет отмалчиваться?

— Разве неизвестно, где обычно живет этот негодяй? — спросил Джилберт.

— Неизвестно, да и никогда не было известно, — ответил Джеймс Бербанк. — На юге графства так много громадных лесов и непроходимых болот, где он может скрываться. Разве мыслимо обыскать все эти места? Даже войска северян не решатся преследовать бежавшую туда милицию. Все равно это было бы напрасно!

— Верните мне мою девочку! — крикнула миссис Бербанк, которую муж пытался успокоить.

— Жена моя!.. Я должен отыскать жену! — твердил Марс. — Я заставлю этого негодяя сказать, куда он ее спрятал!..

— Он скажет, когда увидит, что от этого зависит его жизнь, — сказал Бербанк. — Если бы он сбежал, поло-

жение наше было бы отчаянным. Но раз он в руках федералистов — мы сумеем вырвать у него признание. Не унывай, моя дорогая! Мы снова все вместе. И мы отыщем Ди!

Миссис Бербанк, обессилив от волнения, упала на подушки. Алиса, не желая оставлять ее одну, села подле кровати, а Стэннард, оба Бербанка и Марс вышли в холл, чтобы посоветоваться с Эдвардом Кэрролом.

Вот к какому решению они пришли. Прежде чем начать действовать, нужно дать федералистам время водворить законный порядок в городе, а пока уведомить коммодора Дюпона не только о том, что происходило в Джэксонвилле, но и о бесчинствах конфедератов в Кэмдлес-Бее. Возможно, что Тексар подлежит в первую очередь военному суду. Тогда процесс против испанца может быть начат лишь по распоряжению главнокомандующего войсками северян во Флориде.

Однако Марс и Джилберт и часу не желали сидеть сложа руки, они хотели немедленно приступить к розыскам. И покуда Джемс Бербанк, Стэннард и Кэррол займутся хлопотами, они решили подняться по Сент-Джонсу в надежде напасть на след похищенных.

Действительно, были основания опасаться, что обуеваемый злобой Тексар скорее согласится пойти на казнь, чем сказать, куда он упрятал своих пленниц. Надо было попытаться обойтись без него. И прежде всего выяснить, где он обычно проживал. Но это было не так-то просто. О Черной бухте никто не знал. Ее считали совершенно недоступной. Марс и Джилберт неоднократно проплывали мимо зарослей, скрывавших узкую протоку, по которому их легкий челн мог бы проникнуть в бухту, но протоки этой не замечали.

День 13 марта не принес ничего нового. В Кэмдлес-Бее понемногу все приводилось в порядок. Негры возвращались из соседних лесов, где им пришлось скрываться после разгрома плантации. Хотя Джемс Бербанк и предоставил им свободу, но они считали себя обязанными ему и пожелали остаться у него на службе уже не как рабы, а по доброй воле. Им не терпелось как можно скорей вернуться на плантацию, заново построить хижины, разрушенные шайкой Тексара, восстановить фабрики и мастерские и вновь приступить к своему обычному труду, который в течение многих лет являлся источником благополучия и счастливой жизни их семей.

На плантации принялись прежде всего за восстановление разрушенного хозяйства. Эдвард Кэррол, рана которого к тому времени почти совсем зажила, вернулся к своим привычным обязанностям. Пэрри и его помощники работали не покладая рук. Даже Пиг усиленно суетился, хотя проку от этого было мало; спесь с него, бедняги, уже немного соскочила. Он хоть и не переставал твердить о том, что сам себе теперь хозяин, но как воспользоваться своею свободой, толком еще не знал.

Словом, с возвращением негров работа закипела, восстанавливались разрушенные постройки, и плантация быстро принимала свой прежний вид. Каков бы ни был исход междоусобной войны, землевладельцы Флориды могли отныне чувствовать себя в безопасности.

В Джэксонвилле был восстановлен законный порядок. Федералисты не вмешивались в дела городских властей. Они ограничились тем, что ввели в город свои войска, вернули прежнюю администрацию, временно свергнутую мятежниками, и на всех общественных зданиях водрузили звездный флаг Соединенных Штатов.

Жители города, в большинстве своем равнодушные к вопросу, расколовшему страну на два враждебных лагеря, довольно охотно подчинились победителям. Упорного сопротивления унионистским идеям с их стороны опасаться не приходилось. Чувствовалось, что даже в том случае, если федеральное правительство отзовет свои войска, жители Флориды не будут отстаивать с присущей сепаратистам горячностью доктрину о states-rights, столь милую обитателям Южных штатов, Джорджии или обеих Каролин.

Военные события в Америке развертывались в то время следующим образом. Для поддержки армии генерала Борегара конфедераты послали шесть канонерок под командованием коммодора Холлинса, который незадолго до того занял позицию на Миссисипи между Нью-Мадридом и островом №10. Завязалась упорная борьба. Адмирал Фут всячески стремился укрепиться в верховьях реки. В тот самый день, когда Стивенс овладел Джэксонвиллом, федеральная артиллерия готовилась к бою с канонерками Холлинса. Со взятием острова №10 и Нью-Мадрида перевес оказался на стороне северян. Миссисипи на протяжении двухсот километров, считая, впрочем, все ее излучины, перешла в их руки.

Между тем к этому времени федеральное правительство стало проявлять большую нерешительность в выработке дальнейших планов. Генералу Мак-Клеллану пришлось передать свои планы на рассмотрение военного совета, и хотя они были одобрены большинством голосов, президент Линкольн, поддавшись пагубным влияниям, стал всячески тормозить их осуществление.

Часть Потомакской армии была использована для прикрытия Вашингтона. Счастье еще, что победа «Мо-

нитора» и бегство «Виргинии» обеспечили свободу судоходства по Чесапикскому заливу. Кроме того, поспешное отступление конфедератов после очищения Манассаса дало возможность федералистам расквартировать в этом городе свои войска. Таким образом разрешился вопрос о блокаде Потомака.

Примешивание политики к военным делам всегда приводит к пагубным последствиям. И на этот раз под ее влиянием федеральное правительство приняло невыгодное для Севера решение: оно сместило Мак-Клеллана с поста главнокомандующего армиями федералистов. Под его начальством была оставлена лишь Потомакская армия, а все остальные поступили в непосредственное распоряжение президента Линкольна.

Такое решение было ошибкой. Мак-Клеллана глубоко оскорбило это совершенно незаслуженное смещение, но, как солдат, для которого долг превыше всего, он подчинился приказу. На другой же день Мак-Клеллан разработал план, предусматривавший высадку оставшихся в его распоряжении войск у форта Монро. Этот план, принятый командирами корпусов, был одобрен президентом Линкольном. Военный министр разослал приказы в Нью-Йорк, Филадельфию и Балтимору; в устье Потомака прибыли различные суда для перевозки армии Мак-Клеллана со всем ее снаряжением.

Если до сих пор опасность угрожала столице Севера, Вашингтону, то теперь под угрозой оказалась столица Юга, Ричмонд.

Таково было положение воюющих сторон в момент, когда Флорида перешла во власть генерала Шермана и коммодора Дюпона. Блокируя своей эскадрой побережье Флориды, они одновременно овладевали Сент-

Джонсом и таким образом становились полными хозяевами полуострова.

Джилберт и Марс между тем тщетно обследовали берега и островки реки до самой Пиколаты. Единственное, что оставалось, — это воздействовать на самого Тексара. С тех пор как за испанцем захлопнулись двери тюрьмы, он уже никак не мог общаться со своими приспешниками, а следовательно, Зерма и Ди должны были находиться там же, где они находились до занятия Джэксонвилла федералистами.

Теперь, когда в Джэксонвилле был восстановлен законный порядок, можно было рассчитывать на помощь правосудия, если испанец откажется отвечать. Но прежде чем прибегнуть к этим крайним мерам, следовало попытаться склонить его к признанию, обещав ему за это свободу.

Четырнадцатого числа, заручившись согласием военных властей, решено было предпринять такую попытку.

Миссис Бербанк стала поправляться. Возвращение сына, надежда скоро вновь увидеть похищенную дочь, общее умиротворение в стране и сознание, что Кэмдлес-Бей находится в полной безопасности, — все это в какой-то мере вернуло ей утраченную бодрость. В самом деле, теперь Тексар и его шайка, державшие в страхе Джэксонвилл, были уже не страшны. Отряды милиции конфедератов бежали в глубь графства Патнам. Если бы в дальнейшем сент-огастинский отряд, переправившись через реку в ее верхнем течении, и вздумал бы к ним присоединиться, чтобы сообща предпринять какие-либо действия против федералистов, то такая угроза была весьма отдаленной, и, покуда Шерман и Дюпон находились во Флориде, на сей счет можно было не тревожиться.

Итак, условились, что в тот же день Джемс Бербанк и Джилберт вдвоем отправятся в Джэксонвилл, а Стэннард, Кэррол и Марс останутся на плантации. Алиса будет при миссис Бербанк. Впрочем, владелец Кэмдлес-Бея и его сын рассчитывали к вечеру уже вернуться домой с добрыми вестями. Как только Тексар скажет, где спрятаны Ди и Зерма, тотчас же можно будет принять меры для их освобождения. Для этого потребуется, вероятно, всего лишь несколько часов и уж никак не больше одного дня.

Перед самым уходом Джемса Бербанка и Джилберта Алиса отозвала молодого офицера в сторону.

— Джилберт, — сказала она, — вы встретитесь лицом к лицу с человеком, который причинил так много зла вашему семейству, с негодяем, который едва не расстрелял вас и вашего отца. Джилберт, обещайте мне, что при встрече с ним вы сохраните самообладание...

— Сохранить самообладание!.. — вскричал молодой человек, бледневший от бешенства при одном лишь имени испанца.

— Это необходимо, Джилберт, — продолжала Алиса. — Если вы дадите волю вашему гневу, вы ничего не добьетесь. Забудьте о мести и думайте только о спасении вашей сестры — она ведь скоро станет и моею сестрой... Ради ее спасения стоит всем пожертвовать, стоит даже дать слово Тексару, что вы не станете его больше преследовать.

— Как? — воскликнул Джилберт. — Забыть, что по его милости едва не умерла моя мать, а отца едва не расстреляли?..

— Да и вас также, Джилберт; ведь я думала, что уже никогда больше вас не увижу. Да, во всем виновен он,

но теперь не время вспоминать об этом... Я потому обращаюсь именно к вам, что не надеюсь на сдержанность мистера Бербанка, а если вы оба потеряете самообладание, ваша попытка ни к чему не приведет. Ах, зачем вы решили ехать в Джэксонвилл без меня?.. Может быть, мягкостью и кротостью мне удалось бы...

— А если он все-таки откажется отвечать? — спросил Джилберт, чувствуя всю основательность доводов Алисы.

— Тогда пусть судьи выудят у него признание. Ведь на карту поставлена его жизнь; и когда он поймет, что только признание может его спасти, он признается... Обещайте же мне, Джилберт! Умоляю вас, обещайте... Во имя нашей любви!

— Да-да, дорогая Алиса, обещаю! Сколько бы зла ни причинил нам этот человек, пусть он вернет нам сестру — и я готов все забыть...

— О Джилберт!.. Мы прошли через тяжкие испытания, но они скоро для нас кончатся, и за пережитые нами горестные дни господь вознаградит нас годами счастья!

Джилберт крепко сжал руку невесты, которая не в силах была сдержать слезы, и они расстались.

В десять часов утра Джемс Бербанк и его сын, простившись с домашними, сели в лодку и отчалили от маленькой пристани Кэмдлес-Бей.

Плыли они быстро, но Джилберт предложил, прежде чем направиться в город, побывать на канонерке у Стивенса.

Этот офицер был теперь военным комендантом Джэксонвилла, и требовалось его согласие на предпринимаемые Бербанком шаги. Капитан Стивенс поддерживал постоянный контакт с городскими властями. Он

прекрасно знал о роли, которую играл испанец после захвата власти его приспешниками, об ответственности его за разгром Кэмдлес-Бея, о том, как и почему он был арестован и заключен в тюрьму, когда федералисты взяли Джэксонвилл. Ему известно было также и о том, что все честные люди в городе, возмущенные злодеяниями Тексара, требовали, чтобы он понес заслуженную кару за свои преступления.

Капитан Стивенс оказал Джемсу и Джилберту Бербанкам исключительно любезный прием. Молодого офицера он очень уважал за его благородство и мужество, которые смог оценить, когда тот служил под его началом. Узнав от Марса, вернувшегося на флотилию, о том, что Джилберт попал в руки южан, Стивенс решил во что бы то ни стало спасти своего любимца. Но его канонеркам, застрывшим перед отмелью, только случай помог подоспеть вовремя. Мы знаем, благодаря каким обстоятельствам юному лейтенанту и Джемсу Бербанку удалось остаться в живых.

В нескольких словах Джилберт рассказал капитану Стивенсу обо всем, что произошло, подтвердив таким образом уже слышанное им от Марса. Похищение в бухте Марино организовал, несомненно, сам Тексар, но столь же несомненно было и то, что только Тексар мог указать место, где его сообщники продолжают скрывать мулатку и девочку. Капитан Стивенс нисколько не сомневался в том, что участь их находится в руках испанца. Поэтому он без колебаний предоставил возможность Джемсу Бербанку и Джилберту действовать так, как они сами сочтут нужным, заранее одоббив все, что они предпримут для освобождения Зермы и Ди. Он уполномочил их даже в случае надобности в обмен на призна-

ние обещать негодяю свободу и при этом гарантировал, что уговор, заключенный между Бербанком и Тексаром, будет соблюден городскими властями.

Получив письменное разрешение на свидание с испанцем, Джемс и Джилберт Бербанки поблагодарили Стивенса и поехали в Джэксонвилл.

На пристани их уже ожидал мистер Гарвей, заранее предупрежденный Джемсом Бербанком. Они втроем отправились в судебную палату, где получили пропуск в тюрьму.

Для психолога было бы небезынтересно понаблюдать за выражением лица, вернее, за всем поведением Тексара в тюрьме. Испанец, конечно, был взбешен внезапным приходом федералистов: этот приход положил конец его владычеству в городе, лишил возможности действовать по собственному произволу и довести до конца свою месть, помешал ему расстрелять Бербанков. Однако этим его досада и ограничивалась. Казалось, что он совершенно равнодушен к тому, что попал в руки врагов, посажен в тюрьму по обвинению в тягчайших преступлениях, что он может понести заслуженную кару за все совершенные им насилия. Поведение его было странным и необъяснимым. Он сожалел, по-видимому, лишь о том, что не смог довести до конца свои козни против Бербанков. Что касается его собственной судьбы, то она, казалось, заботила его очень мало. Неужели же и на сей раз не удастся проникнуть в тайну этой загадочной личности?

Дверь его камеры отворилась. Джемс и Джилберт Бербанки вошли.

— А! Папенька с сынком! — воскликнул Тексар со свойственной ему наглостью. — Очевидно, вашим посе-

щением я обязан господам федералистам; не будь их, я бы никогда не удостоился подобной чести. Теперь вам нет надобности просить помилования для себя, и вы пожаловали, вероятно, с тем, чтобы предложить его мне?

Это было сказано настолько вызывающим тоном, что Джемс Бербанк готов был вспылить. Джилберт удержал его.

— Позвольте, отец, я отвечу, — сказал молодой офицер. — Тексар, очевидно, намерен вступить с нами в препирательства, чего мы отнюдь не желаем. О прошлом вспоминать бесполезно. Мы пришли говорить о настоящем, и только о настоящем.

— О настоящем? Вернее, о положении дел в настоящий момент? — вскричал Тексар. — Да ведь оно совершенно ясно! Третьего дня вы оба сидели в этой самой камере, откуда для вас был один путь — на казнь. Сегодня на вашем месте сижу я, но чувствую себя несравненно лучше, чем вы могли бы предположить.

Ответ этот был, очевидно, рассчитан на то, чтобы сбить с толку Бербанка и его сына, которые собирались предложить Тексару свободу, если он откроет им, куда упрятал своих пленниц.

— Послушайте, Тексар, — сказал Джилберт. — Мы хотим говорить с вами начистоту. То, что вы творили в Джэксонвилле, нас не касается. То, что совершено вами в Кэмдлес-Бее, мы готовы предать забвению. Нас интересует только одно. Во время нападения ваших единомышленников на Касл-Хаус исчезли моя сестра и ее кормилица. Их, несомненно, похитили...

— Похитили? — злобно повторил Тексар. — Очень рад узнать об этом!

— Узнать? — вскричал Джемс Бербанк. — И ты, негодяй, смеешь отрицать...

— Успокойтесь, отец, — остановил его Джилберт. — Горячиться не следует... Да, Тексар, их похитили во время нападения на Касл-Хаус. Вы готовы признать, что были виновником этого похищения?

— Я не желаю отвечать.

— Вы не скажете нам, куда по вашему приказанию увезли мою сестру и Зерму?

— Повторю вам, я не желаю отвечать на ваши вопросы.

— А если в обмен на признание мы вам вернем свободу?

— Чтобы получить ее, я не нуждаюсь в ваших услугах!

— Да кто же вас выпустит из тюрьмы? — вскричал Джемс Бербанк, которого подобная наглость выводила из себя.

— Судьи.

— Судьи!.. Да они осудят вас без всякого снисхождения!

— Ну что ж, там видно будет!

— Стало быть, вы решительно отказываетесь отвечать? — в последний раз спросил Джилберт.

— Отказываюсь.

— Даже если вам будет обещано освобождение из тюрьмы?

— Мне такого освобождения не надо.

— А если мы дадим вам денег? Целое состояние?

— Не нужно мне ваших денег. А теперь, господа, оставьте меня в покое.

Такая самоуверенность, надо признаться, совершенно сбила с толку Джемса Бербанка и Джилберта. На чем

она основывалась? Как мог Тексар так спокойно ожидать суда, который грозил ему самой суровой карой?

Ни обещание свободы, ни золото не могли заставить его отвечать. Неужели ненависть брала в нем верх даже над соображениями собственной выгоды? Нет, положительно Тексар был какой-то загадочной личностью и не изменял себе даже перед лицом самых жестоких превратностей судьбы.

— Идемте, отец, идемте! — сказал молодой офицер.

И он увел отца из тюрьмы. У выхода их ждал мистер Гарвей, и они втроем отправились к Стивенсу рассказать о своей неудавшейся попытке.

Как раз в это время на судах флотилии было получено обращение коммодора Дюпона к жителям Джэксонвилла. В нем объявлялось, что никто не будет подвергаться преследованиям ни за свои политические убеждения, ни за какие-либо действия, связанные с сопротивлением Флориды в период Гражданской войны. Готовность подчиниться звездному флагу искупает любое деяние, которое могло бы считаться преступным с точки зрения государственной.

Мера была в высшей степени мудрая; она неизменно применялась президентом Линкольном во всех подобных случаях; но уголовных преступлений она, конечно, не касалась. А преступления Тексара были именно такого рода. Незаконный захват власти, использование ее для организации сопротивления — это был вопрос взаимоотношений между южанами, внутренний вопрос, в который федеральное правительство вмешиваться не хотело. Но за нападение на Кэмдлес-Бей, за разграбление плантации, за похищение дочери плантатора-северянина и женщины из числа его прислуги — за все эти

преступные деяния Тексар должен был отвечать по закону.

Таково было мнение капитана Стивенса. Таково же было мнение и коммодора Дюпона, получившего жалобу Джемса Бербанка с просьбой возбудить дело против Тексара.

А посему на другой день, 15 марта, было принято постановление о предании испанца военному суду по обвинению в двух преступлениях: в грабеже и в похищении девочки и мулатки. Он должен был предстать перед судом в Сент-Огастине.

ГЛАВА 6

Сент-Огастин

Сент-Огастин, один из самых старинных городов Северной Америки, основан был еще в XV веке. Это главный город графства Сент-Джонс, занимающего обширную территорию, но насчитывающего всего-навсего лишь около трех тысяч жителей.

Сент-Огастин — испанский по своему происхождению город — почти не изменил своего первоначального облика. Он расположен на одном из прибрежных островов. Военные и торговые суда находят надежное убежище в его гавани, хорошо защищенной от морских ветров, постоянно свирепствующих на этом опасном для мореплавателей побережье Флориды. Но чтобы попасть в гавань, приходится преодолевать серьезное препятствие — водовороты, образуемые у входа в нее Гольфстримом.

Как и во всех городах, палимых отвесными лучами тропического солнца, улицы в Сент-Огастине узкие.

Морской ветерок, освежающий по утрам и вечерам эти улицы, способствует необычайной мягкости климата, так что Сент-Огастин в Соединенных Штатах — то же, что Ницца или Ментона во Франции, под благодатным небом Прованса.

Городское население сосредоточено главным образом в кварталах, прилегающих к гавани, а предместья с их разбросанными кое-где хижинами, крытыми пальмовыми листьями, с их жалкими лачугами были бы совершенно пустынно, если бы не бродящие там без всякого присмотра собаки, свиньи и коровы.

Центральные кварталы Сент-Огастина по виду очень напоминают испанские города. На окнах — крепкие решетки, в каждом доме неизменный «patio» — внутренний дворик, окруженный легкой колоннадой, причудливые крыши и балконы, подобно алтарям, богато украшенные лепным орнаментом. По воскресеньям и в праздники обитатели этих домов пестрой толпой высыпаят на улицу. Тут можно встретить креолок, негритянок, мулаток, индианок смешанной крови, негров и негритят, английских леди и джентльменов, католических священников и монахов. Почти все они дымят сигаретами и не выпускают их изо рта, даже направляясь в храм Страстей Господних — приходскую церковь Сент-Огастина, колокола которой трезвонят почти непрерывно с середины XVII века.

Следует упомянуть также и о рынках, заваленных овощами, рыбой, птицей, бараниной, свиной — живность режут *hic et nunc* по требованию покупателей, — рисом, яйцами, вареными бананами, «frijoles», которые представляют разновидность мелких вареных бобов, и, наконец, всевозможными тропическими плодами: ана-

насами, финиками, маслинами, гранатами, апельсинами, персиками, фигами, гуайявами. Причем все это стоит так дешево, что жизнь в этой части Флориды легка и приятна.

Что же касается чистоты улиц, то забота о ней возложена не на специальный персонал, а на стаи грифов, убивать которых воспрещается законом под угрозой крупного штрафа. Птицы пожирают решительно все, даже змей, которых все же остается еще слишком много, несмотря на прожорливость пернатых хищников.

Дома Сент-Огастина утопают в зелени. В просветах на перекрестках улиц взорам неожиданно открываются купы деревьев; кроны их возвышаются над крышами домов, и оттуда доносится неумолчный гомон диких попугаев. Больше всего здесь высоких пальм, листья которых колышутся при легком ветерке, точно веера испанских красавиц или индийские опахала. То тут, то там виднеются дубы, увитые лианами и глициниями, или группы гигантских кактусов, образующих непроходимую заросль. Этот веселый, радующий глаз пейзаж был бы еще пленительнее, если бы грифы добросовестней несли свою службу. Но — увы! — они решительно уступают машинам для уборки улиц.

Промышленность в Сент-Огастине не слишком развита. Там только и есть что две паровые лесопильни, сигарная фабрика да скипидарный завод. Торговля развита несколько больше: Сент-Огастин ввозит или вывозит патоку, зерно, хлопок, индиго, древесную смолу, строительный лес, рыбу, соль. В гавани обычно много грузовых и пассажирских пароходов, курсирующих между Сент-Огастином и различными портами на побережье океана или Мексиканского залива.

В Сент-Огастине находится одна из шести судебных палат штата Флориды. Для защиты города от нападения с суши и моря служит единственный форт — форт Марион, или Сен-Марк, сооруженный в XVII веке по каспильскому образцу. Вобан или Кормонтэнь, правда, не пришли бы от него в восторг, но зато он вызывает восхищение археологов и антикваров своими башнями, бастиянами, рavelинами и бойницами, старинными пушками и мортирами, которые гораздо опаснее для тех, кто из них стреляет, чем для тех, по ком ведется огонь.

Именно этот форт при приближении флотилии федералистов спешно был оставлен гарнизоном конфедератов, хотя всего лишь за несколько лет перед войной правительство приняло меры, чтобы сделать его более неприступным. По уходе милиции жители Сент-Огастина охотно сдали форт коммодору Дюпону, занявшему его без единого выстрела.

Начатое против Тексара судебное преследование вызвало во всем графстве большую сенсацию. Все усмотрели в нем последний акт борьбы между этим подозрительным субъектом и семейством Бербанков. Похищение ребенка и мулатки взволновало общественное мнение, настроенное сочувственно по отношению к владельцам Кэмдлес-Бея. В том, что виновником похищения был Тексар, никто не сомневался. Даже людям, не причастным к делу, было интересно узнать, как-то испанец теперь вывернется и понесет ли он наконец наказание за все преступления, в которых его давно уже обвиняют.

В Сент-Огастине с нетерпением ждали начала процесса. В город съезжались владельцы соседних плантаций. Они были непосредственно заинтересованы в ис-

ходе суда, ибо один из главных пунктов обвинения гласил: нападение на Кэмдлес-Бей и разграбление плантации. Банды конфедератов опустошили и некоторые другие плантации, и поэтому для многих важно было узнать, как федеральное правительство относится к тем случаям, когда под видом политической борьбы против Севера совершаются уголовные преступления.

Главная гостиница города «Сити-Отель» была полна приезжих, большинство которых симпатизировало Бербанкам. Она могла бы вместить еще больше постояльцев. Просторное здание, построенное в XVI веке и некогда занимаемое судьей, как нельзя лучше соответствовало своему теперешнему назначению. Резная дверь главного входа, большой парадный зал, внутренний двор с колоннами в гирляндах страстоцвета, выходящие на веранду комфортабельные комнаты, отделанные ярко-зелеными или золотисто-желтыми панелями, балкончики в испанском вкусе, бьющие фонтаны, зеленые газоны — все это было как бы специально приспособлено для своего рода караван-сарая, рассчитанного, правда, лишь на богатых путешественников.

В этой-то гостинице и остановились накануне Джемс и Джилберт Бербанки, Стэннард с дочерью и сопровождавший их Марс.

После неудачного посещения джэксонвиллской тюрьмы Джемс Бербанк с сыном вернулись в Кэмдлес-Бей. Узнав о том, что Тексар решительно не желает сказать, где он скрывает Зерму и Ди, семья Бербанков потеряла последнюю надежду. Впрочем, обитателей Кэмдлес-Бея несколько успокоило известие о том, что за разгром плантации и похищение Тексар предан военному суду. Ему грозило суровое наказание, и потому можно

было рассчитывать, что испанец будет вынужден во всем признаться, чтобы купить себе свободу, а возможно, и жизнь.

Главной свидетельницей обвинения по делу Тексара была мисс Алиса Стэннارد: она находилась в бухте Марино и слышала, как Зерма крикнула: «На помощь! Это Тексар!» Она узнала злодея, который стоял в удалявшейся лодке.

Молодая девушка собралась ехать в Сент-Огастин. Отец решил сопровождать ее; с ними вместе отправились Джемс и Джилберт Бербанки, также вызванные в суд. Марс попросил взять и его с собой. Он непременно хотел присутствовать при том, как похитителя его жены заставят сказать, где он скрывает своих пленниц. А тогда Джемсу Бербанку, Джилберту и ему, Марсу, останется лишь забрать их из рук пособников Тексара.

Шестнадцатого марта, после полудня, простившись с миссис Бербанк и Кэрролом, Джемс и Джилберт Бербанки, Стэннارد с дочерью и Марс сели в Кэмдлес-Бее на пароход, доставивший их в Пиколату. Оттуда в дилижансе они направились в Сент-Огастин по извилистой дороге, змеившейся среди высоких кипарисов, дубов и платанов, которыми богата эта часть страны. Уже к полуночи они удобно разместились в гостеприимном «Сити-Отеле».

Да не подумает, однако, читатель, что Тексар был покинут своими приверженцами.

У него было много единомышленников среди мелких плантаторов графства, по большей части яростных сторонников рабовладения. Да и приспешники его, узнав, что не будут подвергаться преследованию за учиненный в Джэксонвилле мятеж, не захотели оставлять своего

бывшего главаря. Многие из них условились встретиться в Сент-Огастине. Искать их следовало, конечно, отнюдь не в «Сити-Отеле». В городах Флориды немало таверн и лавчонок, где метисы — помесь испанцев с индейцами племени криков — торгуют всякой всячиной: съестным, спиртным и куревом. В этих-то притонах друзья Тексара, люди подозрительные, пользовавшиеся сомнительной репутацией, усиленно за него агитировали.

Коммодора Дюпона не было в это время в Сент-Огастине. Его эскадра блокировала побережье для борьбы с военной контрабандой, но высаженные им войска, заняв форт Марион, прочно удерживали город в своих руках. Можно было не опасаться какой-либо вылазки со стороны южан или милиции, скрывавшейся по ту сторону реки. И если бы сторонники Тексара вздумали поднять в городе восстание против федералистов, оно немедленно было бы подавлено.

На одной из канонерок Стивенса испанца доставили из Джэксонвилла в Пиколату, а оттуда под сильным конвоем перевезли в Сент-Огастин, где и заключили в крепость. Бежать ему было невозможно. Да он, по-видимому, и не собирался этого делать, так как сам требовал суда. Сторонники его знали об этом и до поры до времени ничего не предпринимали, надеясь устроить как-нибудь его побег после вынесения приговора.

За отсутствием коммодора обязанности коменданта города исполнял полковник Гарднер. Ему предстояло председательствовать в суде, который должен был заседать в одном из помещений форта Марион. Полковник Гарднер участвовал во взятии Фернандины, и как раз по его приказанию были тогда задержаны на двое суток беглецы, захваченные в плен при нападении канонерки

«Оттава» на железнодорожный состав, — обстоятельство, о котором здесь уместно напомнить.

Заседание суда открылось в 11 часов утра. Публики в зале собралось очень много. Особенно шумели друзья и сторонники подсудимого.

Джемс и Джилберт Бербанки, Стэннард, Алиса и Марс заняли места, отведенные для свидетелей. Со стороны защиты не было ни одного свидетеля — это бросалось в глаза. По-видимому, испанец не позаботился о вызове их в суд. Действительно ли он пренебрег такой возможностью или не нашлось ни одного человека, который мог бы дать показания в его пользу? Это вскоре должно было выясниться. Во всяком случае, в исходе дела сомневаться как будто бы не приходилось.

Однако Джемсом Бербанком овладело какое-то тяжелое предчувствие. Ведь однажды в этом самом городе он уже подавал в суд на Тексара. Испанец доказал тогда свою непричастность к преступлению и был оправдан. Это обстоятельство невольно всем приходило на ум: ведь тот, первый случай произошел всего лишь несколько недель назад.

Как только открылось судебное заседание, в зал ввели Тексара, занявшего место на скамье подсудимых. Он был совершенно спокоен. Ничто и ни при каких обстоятельствах, казалось, не могло смутить этого наглеца. Прежде чем полковник Гарднер приступил к допросу, испанец презрительно улыбнулся в сторону судей, ободряюще посмотрел на своих друзей, которых заметил в зале, и бросил взгляд, полный ненависти, на Джемса Бербанка. Джемс Бербанк, Джилберт и Марс со своей стороны едва сдерживали гнев при виде человека,

который уже причинил им так много зла и еще так много мог причинить в будущем.

Допрос начался с обычных формальностей, устанавливающих личность подсудимого.

- Ваше имя? — спросил полковник Гарднер.
- Тексар.
- Возраст?
- Тридцать пять лет.
- Где проживаете?
- В Джэксонвилле, в таверне Торильо.
- А определенного места жительства у вас нет?
- Не имеется.

У Джемса Бербанка и его друзей сжалось сердце, когда они услышали этот ответ. Уже один тон его говорил о том, что Тексар полон решимости не указывать, где он постоянно живет.

И действительно, несмотря на настойчивые вопросы председателя суда, Тексар упорно стоял на своем, утверждая, что определенного места жительства у него нет. Он выдавал себя за кочевника, охотника, скитающегося по лесным дебрям Флориды, ночующего в шалашах под кипарисами и добывающего себе пропитание ружьем и дудочкой для приманивания птиц. Так больше ничего от него и не добились.

— Ладно, — сказал полковник Гарднер. — В конце концов, это и несущественно.

— Вот именно несущественно, — нагло ответил Тексар. — Если угодно, полковник, то допустим, что я проживаю сейчас в форте Марион, где меня держат абсолютно противозаконно. В самом деле, в чем меня обвиняют? — спросил он, как бы желая сразу же взять в свои руки инициативу допроса.

— Тексар, — обратился к испанцу полковник Гарднер, — вас судят не за участие в беспорядках, происшедших в Джэксонвилле. Коммодор Дюпон в своем обращении к населению объявил, что правительство не будет карать за свержение законных властей в графстве и замену их другими, каковы бы эти другие ни были. Флорида теперь вернулась под флаг федерального правительства, и оно приступит вскоре к ее реконструкции.

— Но если меня не обвиняют в свержении джэксонвиллских властей, причем они были свергнуты при поддержке большинства населения, — заявил Тексар, — то почему же в таком случае меня предали военному суду?

— Будто вы не знаете?.. — ответил полковник Гарднер. — В бытность свою главою городского магистрата вы совершили преступления уголовного характера. Вы обвиняетесь в подстрекательстве части населения к различного рода насилиям.

— Каким же?

— Во-первых, была разграблена плантация, принадлежащая Бербанку, на которую совершила нападение шайка злоумышленников...

— И отряд милиции во главе с офицером, — тут же добавил Тексар.

— Допустим, — продолжал Гарднер. — Но, во всяком случае, здесь имели место грабеж, поджог и вооруженное нападение на жилище одного из землевладельцев, который был вправе его защищать, что он и сделал.

— Был вправе? — возразил Тексар. — Право никак не могло быть на стороне того, кто отказывался исполнять предписания законно избранного джэксонвиллского комитета. Джемс Бербанк — ведь речь идет именно о нем — отпустил на волю своих рабов, бросив тем самым

вызов общественному мнению Флориды, которое, как и в большинстве Южных штатов, стоит за сохранение рабовладения. Подобный самовольный поступок мог иметь весьма серьезные последствия и вызвать мятеж среди негров соседних плантаций. Поэтому комитет Джэксонвилла счел нужным вмешаться. Не отменяя самого акта об освобождении, комитет отдал приказ немедленно изгнать освобожденных невольников из пределов графства. Джемс Бербанк не подчинился этому приказу. Комитет оказался вынужденным применить силу, и тогда милиция, к которой присоединилась часть населения, привела приказ в исполнение.

— Военный суд не может стать на вашу точку зрения, — ответил полковник Гарднер. — Джемс Бербанк — северянин по происхождению — имел полное право освободить своих невольников. Поэтому нападение на его плантацию ни в коем случае не может быть признано законным актом.

— Я думаю, что нам бесполезно об этом спорить, — сказал Тексар. — Комитет Джэксонвилла считал своим долгом сделать то, что он сделал. Я действительно стоял во главе комитета, но неужели за все принятые им решения несу ответственность я один?

— Именно вы, Тексар, потому что вы не только возглавляли комитет, но и предводительствовали шайкой, грабившей Кэмдлес-Бей.

— Это еще надо доказать, — холодно возразил Тексар. — Кто же видел меня во главе горожан и солдат, приводивших в исполнение приказ комитета?

Тут полковник Гарднер вызвал Джемса Бербанка и предложил ему дать свои показания.

Джемс Бербанк рассказал о том, что произошло по-

сле захвата власти Тексаром и его сторонниками, особенно напирая на поведение испанца, подстрекавшего подонков городского населения к грабежу Кэмдлес-Бея.

Но в ответ на вопрос полковника Гарднера, находился ли Тексар среди нападающих, Джеймс Бербанк вынужден был признать, что своими глазами он его не видел. И действительно, как помнит читатель, когда посланец Гарвея Джон Брюс добрался до Касл-Хауса, он не мог сказать Бербанку, был ли сам Тексар во главе шайки злоумышленников.

— Во всяком случае, не подлежит сомнению, что он виновник нападения, — прибавил Бербанк, — он подстрекал к разгрому Кэмдлес-Бея, и если мой дом и его последние защитники не погибли в пламени пожара, то это случилось вопреки воле Тексара. Да, тут видна его рука, равно как и в другом деле, еще более преступном.

Джеймс Бербанк остановился. Прежде чем говорить о похищении, надо было покончить с вопросом о виновности Тексара в нападении на плантацию.

— Итак, — обратился полковник Гарднер к испанцу, — вы полагаете, что несете в этом деле лишь некоторую долю общей ответственности комитета за отданные им приказания?

— Разумеется.

— И вы продолжаете утверждать, что не были во главе шайки, напавшей на Кэмдлес-Бей?

— Продолжаю утверждать. Ведь никто из свидетелей не может сказать, что видел меня. Нет, меня не было среди тех храбрых граждан, которые хотели выполнить распоряжение комитета. Более того, меня в этот день вообще не было в Джэксонвилле!

— Что ж, это вполне возможно, — заметил Джеймс

Бербанк, находя момент благоприятным для перехода ко второму пункту обвинения.

— Безусловно так, — ответил Тексар.

— Да, но если вас не было среди грабивших Кэмдлес-Бей, то потому только, что вы в это время находились в бухте Марино и ожидали удобного случая, чтобы совершить другое преступление, — продолжал Джеймс Бербанк.

— Меня не было ни в бухте Марино, ни в числе нападавших на плантацию. Не было меня в этот день и в Джэксонвилле, — невозмутимо ответил Тексар.

Читатель, конечно, помнит: в свое время Джон Брюс сказал Бербанку, что со 2 по 4 марта, то есть двое суток, Тексар в Джэксонвилле не появлялся.

— Если вас не было в этот день в Джэксонвилле, — вынужден был спросить председатель суда, — то где же вы были в таком случае?

— На это я отвечу в свое время, — сказал Тексар, — а теперь мне важно установить, что в нападении на плантацию я не участвовал. Так в чем же еще меня обвиняют, полковник?

Задавая этот вопрос, Тексар скрестил на груди руки и как-то особенно вызывающе посмотрел на своих обвинителей.

Полковник Гарднер не замедлил сформулировать второй пункт обвинения, и на этот раз уклониться от ответа было весьма трудно.

— Если вас не было в Джэксонвилле, — сказал он, — то у обвинения есть основание утверждать, что вы находились в бухте Марино.

— В бухте Марино? А что бы я стал там делать?

— Вами или по вашему приказанию там были похи-

щены девочка Диана Бербанк, дочь Джемса Бербанка, и Зерма, жена присутствующего здесь мулата Марса, которая находилась при ребенке.

— А! Так вот оно что! Это похищение приписывают мне?.. — иронически заметил Тексар.

— Да, вам! — вне себя от негодования разом вскричали Джемс Бербанк, Джилберт и Марс.

— А почему же это именно мне, а не кому другому?

— Потому что никому другому это похищение не было нужно, — ответил полковник Гарднер.

— Ну а мне-то оно зачем?

— Чтобы отомстить семье Бербанков. Джемсу Бербанку неоднократно уже приходилось приносить на вас жалобу. И если, установив свое алиби, вам удавалось ловко оправдываться, вы тем не менее не раз говорили о желании отомстить вашему обвинителю.

— Допустим, что это так, что между мной и Джемсом Бербанком непримиримая вражда, — я этого не отрицаю. Допустим, что я был заинтересован в похищении его ребенка, чтобы причинить ему тяжелое горе, — этого я также не стану отрицать. Но сделал ли я это — вот в чем вопрос. Есть у вас хоть один свидетель, который может подтвердить мою виновность?

— Есть, — ответил полковник Гарднер и пригласил Алису Стэннارد принести присягу и дать показания.

Алиса рассказала обо всем, что происходило в бухте Марино. От волнения голос ее несколько раз прерывался. Она не колеблясь подтвердила обвинение. При выходе из подземного хода она и миссис Бербанк отчетливо слышали, как Зерма крикнула: «Тексар! Тексар!» Обе они, наткнувшись на трупы убитых негров, бросились к берегу реки и видели, как от него удалялись две лодки.

В одной из них увозили похищенных, на корме второй — стоял Тексар. Алиса его хорошо разглядела: зарево пожара ярко освещало реку.

— И вы можете присягнуть в этом? — спросил полковник Гарднер.

— Да, могу, — ответила молодая девушка.

После такого решительного утверждения не оставалось ни малейшего сомнения в виновности Тексара. А между тем Джемс Бербанк, его друзья и все находившиеся в зале могли заметить, что подсудимый ничуть не утратил своего обычного самоуверенного вида.

— Что вы можете возразить на это? — спросил Тексара председатель.

— А вот что, — ответил Тексар. — Я отнюдь не собираюсь обвинять мисс Алису Стэннард в лжесвидетельстве. Я не буду обвинять ее и в том, что она играет на руку моим врагам Бербанкам, когда под присягой свидетельствует, будто бы я являюсь виновником похищения, о котором я впервые услышал лишь после моего ареста. Я утверждаю только, что если она думает, будто на самом деле видела меня в одной из лодок в бухте Марино, то она ошибается.

— Допустим, что в этом отношении мисс Алиса действительно ошиблась, — возразил полковник Гарднер. — Но не может же она ошибаться, утверждая, что слышала голос Зермы, которая кричала: «На помощь! Это Тексар!»

— Ну, что ж, в таком случае ошиблась не мисс Стэннард, а Зерма, только и всего!

— Как? Неужели Зерма стала бы кричать «Тексар!», если бы не видела вас в момент похищения?

— Очевидно, поскольку меня не было в лодке и я даже не появлялся в бухте Марино.

— Это надо доказать.

— Доказывать — дело моих обвинителей, но я все-таки докажу, тем более что это совсем нетрудно.

— Как! Опять алиби? — спросил полковник Гарднер.

— Да, полковник, опять, — холодно ответил Тексар.

В публике слышались иронические возгласы и ропот недоверия по адресу подсудимого.

— Если вы оспариваете свидетельские показания, ссылаясь на алиби, — заметил полковник Гарднер, — приведите доказательства.

— Нет ничего легче, — ответил испанец. — Для этого мне достаточно задать вам один вопрос.

— Говорите.

— Полковник Гарднер, не вы ли командовали войсками федералистов при взятии Фернандины и форта Клинч?

— Да, я.

— В таком случае вы, конечно, помните, что в тот момент, когда железнодорожный состав, шедший в Сидар-Кейс, проходил по мосту, соединяющему остров Амилью с берегом, он был атакован канонеркой «Оттава»?

— Отлично помню.

— Последний вагон, оторвавшись от поезда, застрял на мосту. Отряд федералистов забрал в плен всех, кто находился в вагоне. Пленных продержали под арестом двое суток, а затем отпустили, переписав их имена и особые приметы.

— Все это мне известно, — согласился полковник Гарднер.

— Ну так вот, я был в числе пленных.

— Вы?

— Да, я.

Столь неожиданное заявление было встречено еще более неодобрительным ропотом.

— Пассажиры находились под арестом со второго по четвертое марта, — продолжал Тексар. — Нападение же на плантацию и похищение, в котором меня обвиняют, произошли в ночь на третье марта; следовательно, я не имел физической возможности участвовать в них. Стало быть, Алиса Стэннارد не могла слышать, как Зерма кричала мое имя. Она не могла видеть меня на корме лодки в бухте Марино, потому что в то время я находился под арестом.

— Ложь! — вскричал Джеймс Бербанк. — Этого не может быть!

— Я клянусь, что видела Тексара и узнала его, — подтвердила Алиса.

— Справьтесь по документам, — отрезал Тексар.

Полковник Гарднер приказал найти среди бумаг, переданных в Сент-Огастине коммодору Дюпону, документ, касающийся пленных, захваченных в день взятия Фернандины в поезде, следовавшем в Сидар-Кейс. Документ был принесен: имя Тексара действительно значилось в списке арестованных пассажиров; указаны были также и его особые приметы.

Итак, никаких сомнений не оставалось. Испанец не мог участвовать в похищении, и мисс Стэннارد, очевидно, ошибалась, утверждая, что узнала его. Он не мог находиться в тот вечер в бухте Марино. Его отсутствие в Джексонвилле в течение двух суток объяснялось также

очень просто: в то время он сидел под арестом на одном из судов эскадры федералистов.

Значит, и на этот раз неопровержимое алиби, подтвержденное к тому же официальным документом, снимало с Тексара всякое обвинение. Невольно возникал вопрос: уж не основывались ли и все прежние обвинения против него на столь же явной ошибке, как та, которую суду пришлось признать сегодня в связи с событиями в Кэмдлес-Бее и бухте Марино?

Джемс Бербанк, Джилберт, Алиса и Марс были глубоко удручены таким исходом дела. Тексар снова ускользал от них, а с ним и всякая надежда узнать что-либо о судьбе похищенных Ди и Зермы.

Подсудимому удалось доказать свое алиби, и он мог не сомневаться в оправдательном приговоре. Обвинения в грабеже и похищении с Тексара были сняты. Он вышел из зала суда с гордо поднятой головой, друзья приветствовали его громкими криками «ура!».

Тем же вечером испанец покинул Сент-Огастин, и никто не мог сказать, в какой части Флориды скрылся этот авантюрист, чтобы продолжать вести свои таинственные и темные дела.

ГЛАВА 7

Последние слова умирающего

В тот же день, 17 марта, Джемс и Джилберт Бербанки, Стэннард с дочерью и муж Зермы вернулись домой на плантацию.

Невозможно было скрыть правду от миссис Бербанк, хотя в том состоянии крайней слабости, в котором на-

ходила несчастная женщина, этот новый удар мог оказаться для нее роковым.

Последняя попытка выяснить, какая участь постигла малютку, не увенчалась успехом. Тексар отказался отвечать. Разве можно было его принудить к этому, если он утверждал, что к похищению никакого отношения не имеет? Более того: столь же необъяснимым образом, как и прежде, он сумел доказать, что не мог находиться в бухте Марино в момент совершения преступления. С него было снято предъявленное ему обвинение, и теперь уже, конечно, нельзя было заставить его признаться, где он скрывает похищенных, пообещав за это избавиться от наказания.

— Но если не Тексар, так кто же мог совершить это преступление? — твердил Джилберт.

— Это могли сделать его подручные, — заметил Стэннارد. — Они действовали, возможно, с его ведома, но без его непосредственного участия.

— Другое объяснение трудно найти, — согласился Эдвард Кэррол.

— Нет, отец, это не так! Это не так, мистер Кэррол! — настойчиво твердила Алиса. — Тексар находился в лодке, увозившей нашу маленькую Ди, я его видела, узнала его, я ясно слышала, как Зерма кричала: «Это Тексар! Тексар!» Я его видела... видела...

Что можно было ответить на такое категорическое утверждение? Алиса продолжала уверять, что не могла ошибиться; она утверждала это теперь дома, как уже показала под присягой на суде. Но как согласовать подобное утверждение с тем фактом, что Тексар находился в Фернандине среди пленников, доставленных на одну из

канонерок коммодора Дюпона как раз в то время, когда совершалось похищение в бухте Марино?

Это казалось совершенно необъяснимым. Впрочем, если все были сбиты с толку, Марс не ломал себе голову над этой загадкой. Он твердо решил выследить Тексара, а найдя его — вырвать у него его тайну хотя бы под пыткой.

— Ты прав, Марс, однако постараемся обойтись без этого негодяя, тем более что он неизвестно куда скрылся, — сказал Джилберт. — Нужно снова приняться за поиски. Мне разрешено оставаться в Кэмдлес-Бее сколько потребуется, и мы завтра же...

— Да, мистер Джилберт, завтра же, завтра! — воскликнул Марс.

С этими словами он ушел к себе в комнату, где на свободе мог предаться своему отчаянию и гневу.

На другой день Джилберт и Марс собрались в путь. Они решили как можно старательней обшарить все бухточки и островки по обоим берегам Сент-Джонса вверх по течению от Кэмдлес-Бея. Они предполагали посвящать этому весь день.

В их отсутствие Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол собирались заняться приготовлениями к более длительному походу. Продовольствие, боевые припасы, средства передвижения, состав участников — все это следовало подготовить самым тщательным образом, чтобы поход оказался успешным. Решено было в случае необходимости добраться до лесных дебрей Южной Флориды, даже до Эверглейдских болот. Тексар не мог покинуть полуостров. На границе с Джорджией его не пропустили бы войска северян, а морем он мог пытаться бежать только через Багамский пролив, чтобы искать убежище на при-

надлежащих Англии Багамских островах. Но тут от Москито-Инлет до входа в пролив берег был блокирован кораблями коммодора Дюпона, неусыпно наблюдавшими за побережьем. Так что и здесь испанцу тоже не удалось бы пробраться. Он, несомненно, находится во Флориде, в каком-нибудь тайном убежище, где вот уже две недели томятся его пленницы под надзором индейца Скуамбо. Стало быть, снаряжаемой Бербанком экспедиции предстояло искать злодея по всей территории Флориды.

Впрочем, теперь здесь царило полное спокойствие благодаря присутствию войск северян и их кораблей, блокировавших восточное побережье полуострова.

В Джэксонвилле, разумеется, также водворился полный порядок. Прежние члены магистрата вернулись на свои места. Никто уже не сидел в тюрьме за то, что держался иных взглядов, чем банда захватчиков. Приспешники Тексара сразу же после отступления милиции конфедератов последовали за нею.

Кроме того, и самый успех военных действий в Центральных штатах Америки все решительнее склонялся на сторону северян. 18 и 19 марта первая дивизия Потомакской армии высадилась в форте Монро. 22 марта из Александрии туда же должна была отправиться и вторая дивизия. Несмотря на военные таланты бывшего учителя химии Джексона, прозванного «Джексоном Каменная Стена», южане вскоре потерпели поражение в бою при Кернстоуне. Таким образом, мятежей во Флориде опасаться не приходилось, тем более что этот штат, как мы уже не раз говорили, всегда относился довольно безразлично к распре между Севером и Югом.

Негры, вынужденные покинуть Кэмдлес-Бей при

разгроме плантации, получили теперь возможность вернуться домой. После взятия Джэксонвилла постановление Тексара и его комитета об изгнании освобожденных рабов потеряло силу. К 17 марта большая часть вернувшихся в поместье негритянских семей уже принялась за постройку новых хижин. Многие рабочие приступили к восстановлению разрушенных лесопилен, мастерских и лесных складов, чтобы снова наладить хозяйство Кэмдлес-Бея. Пэрри и его помощники под началом Эдварда Кэррола развивали лихорадочную деятельность. Джемс Бербанк всецело предоставил ему руководить восстановлением плантации, ибо сам он поглощен был одной заботой — розысками ребенка.

Готовясь к экспедиции, он включил в число ее участников двенадцать наиболее преданных ему негров из своих бывших невольников, на которых он мог вполне положиться, готовых всю душу вложить в порученное им дело.

Оставалось только выбрать маршрут. Тут было над чем задуматься. В самом деле — в какой части Флориды начинать поиски? Этот вопрос, конечно, следовало решить в первую очередь.

На помощь пришло совершенно неожиданное обстоятельство.

Девятнадцатого числа Джилберт и Марс, выехав утром из Касл-Хауса, быстро плыли вверх по Сент-Джонсу в одной из самых легких лодок Кэмдлес-Бея. Свои ежедневные поиски они совершали вдвоем и не брали с собою никого из негров. Им хотелось действовать как можно осторожнее, чтобы не обратить на себя внимания лазутчиков Тексара, которые по его приказанию могли следить за местностью вокруг плантации.

Они плыли вдоль левого берега реки. Лодка их беззвучно скользила среди прибрежных зарослей и мелких островков, отторгнутых от суши бурными приливами в дни равноденствия, невидимая за камышами ни с берега, ни с середины реки. Они хотели осмотреть в этот день самые глухие бухты и устья всех речушек, впадающих в Сент-Джонс в пределах графства Дьювал и Патнам.

Берега Сент-Джонса заболочены вплоть до деревушки Мандарен. Они очень низменны и во время прилива совершенно скрываются под водой, выступая из нее лишь тогда, когда с отливом река снова входит в свое русло. Правый берег, впрочем, несколько выше, и майсовые поля на нем не страдают от наводнений. Селение Мандарен — всего несколько хижин — стоит даже на пригорке, который глубоким мысом вдается в реку.

За селением русло Сент-Джонса суживается; оно усеяно тут множеством островков, делящих реку на три рукава. Островки эти густо поросли роскошными магнолиями, белые султаны которых отражаются в зеркале вод, подымающихся с приливом и опускающихся при отливе, чем дважды в сутки могут воспользоваться проплывающие по реке лодки.

Направив свой челн по западному рукаву, Джилберт и Марс исследовали малейшие изгибы берега. Они пытались отыскать под ветвями тюльпанных деревьев устье какой-нибудь речушки, по которой можно было бы проникнуть в глубь прибрежной полосы. Тут уж не было обширных болот, как в низовьях реки, уровень почвы стал выше, и над холмами, поросшими древовидным папоротником и цветущим бальзамным деревом, увитым гирляндами драконова корня и кирказона, воздух был напоен пряными ароматами. Но речки здесь

слишком мелки и ничтожны, так что плыть по ним нельзя даже в самом легком челноке, а во время отлива они и вовсе пересыхают. На берегах не видно было ни единого строения, за исключением двух-трех давно покинутых охотничьих хижин. Иногда казалось, что вместо людей их населяют животные: то слышался лай собаки, то мяуканье кошки, то шипенье змей, то кваканье лягушки, то визг лисицы. На самом же деле тут не было ни собак, ни кошек, ни лисиц, ни змей, ни лягушек: это кричал испуганный приближением лодки пересмешник — род бурого дрозда с черной головкой и оранжево-красным хвостом.

Было уже около трех часов пополудни. Лодка прокладывала себе путь в густых зарослях гигантских камышей, как вдруг, с силой оттолкнувшись багром, Марс заставил ее проскочить сквозь зеленую преграду, казавшуюся непроницаемой. За ней открывался небольшой залив, затененный со всех сторон густыми кронами тюльпанных деревьев, сквозь которые никогда, вероятно, не проникали лучи солнца.

— Что это за озеро? — удивился Марс. Он привстал в лодке, чтобы оглядеться. — Я никогда и не подозревал о его существовании.

— Осмотрим-ка его, — сказал Джилберт. — Быть может, за ним окажется целая цепь таких же озер и питающая их речка позволит нам проникнуть еще дальше.

— Верно, мистер Джилберт. Я даже вижу к северо-западу от нас вход в какой-то пролив.

— Где же мы все-таки находимся? — спросил молодой офицер.

— Понятия не имею, — ответил Марс. — Слышал я, что где-то тут поблизости должна быть лагуна, которую

называют Черной бухтой. Возможно, что это она и есть. Однако я, как и все, считал до сих пор, что она не сообщается с Сент-Джонсом и совершенно недоступна.

— А ведь когда-то для защиты от семинолов в этой бухте, кажется, был построен форт?

— Вы правы, мистер Джилберт, но уже много лет как невозможно проникнуть в бухту со стороны реки, и форт совершенно заброшен. Я сам никогда там не бывал, но думаю, что от него остались одни развалины.

— Попытаемся все же туда добраться, — предложил Джилберт.

— Попытаться можно... Только едва ли нам это удастся. Скоро начнется отлив и вода схлынет, а остров, на котором стоит форт, — вероятно, сплошное топкое болото.

— Очень может быть, Марс, но зачем же нам непременно выходить из лодки?

— Если ехать, мистер Джилберт, так едемте сейчас же. Уже четвертый час, и здесь под деревьями скоро станет совсем темно.

Марс и Джилберт действительно попали в Черную бухту — и попали в нее совершенно случайно, когда мулат, с силой оттолкнувшись багром, проскочил на лодке сквозь камышовые заросли.

Читатель уже знает, что проникнуть в бухту можно было только на очень легком челноке, вроде того, например, которым постоянно пользовался Скуамбо или его хозяин, когда они отправлялись на Сент-Джонс, а чтобы добраться до блокгауза, расположенного внутри бухты, нужно было до тонкости знать все хитросплетения ее протоков и островков. Много лет туда никто не заглядывал, и блокгауз давно уже считали разрушен-

ным. Вот почему он мог стать постоянным и надежным убежищем для такой подозрительной и преступной личности, как Тексар; вот почему жизнь этого злодея была окружена такой непроницаемой тайной.

Из этого лабиринта, темного даже днем, можно было выбраться разве что при помощи Ариадниной нити, а за отсутствием таковой, чтобы отыскать центральный островок Черной бухты, оставалось понадеяться только на случай.

На этого ненадежного проводника и положились Джилберт и Марс. Они пересекли первый заливчик и углубились в узкие протоки, в которые сейчас, во время прилива, все прибывала вода. Они плыли и плыли вперед, влекомые каким-то смутным инстинктом, даже не задумываясь над тем, как они вернутся назад. Раз уж они решились обшарить все уголки графства, необходимо было обследовать и эту бухту.

Лодка плыла по лагуне около получаса, и Джилберт считал, что они проникли в глубь ее уже на добрую милю. Сколько раз, наткнувшись на какое-нибудь неодолимое препятствие в конце одного канала, они вынуждены были возвращаться назад, чтобы попробовать пройти по другому! Несомненно было, однако, что они все время движутся на запад. Джилберт и Марс не пытались выйти на берег: островки едва поднимались над водой. Благоразумнее было оставаться в лодке до тех пор, пока мелководе не помешает ей плыть дальше.

Однако эта пройденная миля досталась Марсу и Джилберту нелегко. Как ни был крепок и вынослив мулат, но и ему нужно было передохнуть, что он и решил сделать, когда они подошли наконец к довольно большому островку, поднимавшемуся выше других над уровнем

воды. Здесь было не так темно, ибо сквозь густые деревья кое-где все же проникали лучи солнца.

— Вот странно! — сказал вдруг Марс, пристав к берегу.

— Что странно? — поинтересовался Джилберт.

— На этом островке земля как будто возделана, — ответил мулат.

Они вышли на берег, менее болотистый, чем на других островках.

Марс не ошибся. Местами земля на острове действительно была возделана. Видны были огородные грядки, в земле торчали клубни ямса; валялась даже кем-то забытая кирка.

— Стало быть, здесь живут? — удивился Джилберт.

— Очевидно, — ответил Марс. — Во всяком случае, эта местность кем-то посещается... Может быть, индейцами-кочевниками, которые выращивают здесь кое-какие овощи.

— Тогда, вероятно, у них имеется тут и жилье, какие-нибудь хижины.

— Поищем, мистер Джилберт, быть может, и найдем.

Очень важно было выяснить, кто именно посещает Черную бухту: охотники ли с низменностей штата или же шайки семинолов, все еще появляющиеся иногда среди болот Флориды.

Не думая уже больше о возвращении домой, Джилберт и Марс снова сели в лодку и поплыли дальше по извилистым протокам бухты. Словно какое-то предчувствие влекло их в самые темные уголки ее. Они свыклись с полумраком, царившим в зарослях, и все время внимательно оглядывались кругом. Иной раз им казалось, что они видят хижину, но хижина эта оказывалась

густой гирляндой вьющихся растений, протянувшейся между древесными стволами. Иногда им чудился притаившийся в зарослях человек, который вблизи оказывался просто-напросто засохшим пнем, своими причудливыми очертаниями напоминавшим человеческую фигуру. Они напряженно прислушивались: если они ничего не видели, то, быть может, им удастся хоть что-нибудь уловить на слух? Ведь в этом пустынном месте малейший шорох выдал бы присутствие живого существа.

Через полчаса после первой остановки они подъехали к центральному островку. Густая чаща леса настолько скрывала полуразрушенный блокгауз, что его совершенно не было видно. Казалось даже, что лагуна здесь кончается и протоки дальше уже совершенно непроходимы. Между их последними извилинами и заболоченным лесом, который тянется через всю территорию графства по левому берегу Сент-Джонса, непреодолимой преградой вставали густые заросли кустарников.

— Дальше нам не проплыть, мистер Джилберт, — сказал Марс. — Уж очень здесь мелко...

— А между тем земля-то действительно возделана. Значит, бухту посещают люди. Возможно, они были тут совсем недавно. Что, если они и сейчас здесь находятся?..

— Все может быть, — ответил Марс, — но скоро уж совсем стемнеет, и нам лучше поспешить, чтобы еще засветло выбраться к реке. В темноте мы не выпутаемся из этого лабиринта. Я думаю, мистер Джилберт, сейчас благоразумнее плыть обратно, а завтра с рассветом вернуться сюда и хорошенько осмотреть лагуну. Право, мистер Джилберт, поедем в Касл-Хаус. Мы расскажем обо всем, что видели, и сможем как можно лучше подготовиться к тщательному обследованию Черной бухты.

— Да, ты, пожалуй, прав, надо возвращаться, — сказал Джилберт. — Но прежде мне хотелось бы все-таки...

Джилберт не договорил: напоследок окинув взглядом лесную чащу, он уж собрался было отдать Марсу приказание плыть назад, но вдруг прислушался и знаком остановил мулата.

Мулат тоже насторожился.

Среди обычного лесного шума явственно доносился протяжный человеческий стон — жалобный, полный отчаяния, подобный стону умирающего.

— Там человек! — вскричал Джилберт. — Он зовет на помощь! Может быть, умирает...

— Надо посмотреть, кто это, узнать, что с ним, — сказал Марс. — Сойдем на берег, мистер Джилберт.

Вмиг лодка была накрепко привязана, Марс и Джилберт вышли на остров и направились в лес.

В густой чаще, при свете угасавшего дня, они обнаружили проторенные тропинки и даже заметили следы человеческих ног.

Время от времени Марс и Джилберт останавливались и прислушивались. Неужели стоны прекратились? Ведь только они могли указать, куда идти.

Но стоны послышались снова, и на этот раз где-то совсем близко. Несмотря на сгущавшийся сумрак, Джилберт и Марс не теряли уверенности, что найдут то место, откуда они доносятся.

Внезапно раздался еще более жалобный крик. Джилберт и Марс устремились вперед, продираясь сквозь чащу кустарников. Вдруг они наткнулись на частокол, возле которого на земле лежал человек. Из его груди вырывался предсмертный хрип...

Несчастный был ранен ножом в грудь и обливался

кровью. Он тяжело дышал, и ясно было, что минуты его сочтены.

Джилберт и Марс склонились над ним. Он открыл глаза, но не в силах был отвечать на вопросы.

— Кто это? — воскликнул Джилберт. — Факел! Зажги скорее какую-нибудь ветку!

Но Марс и сам уже догадался, что нужно делать: сорвав ветку смолистого дерева — таких деревьев на острове было много, — он зажег ее спичкой и осветил умирающего. Джилберт опустился подле него на колени.

Это был еще молодой негр-невольник. Сквозь изорванную рубашку виднелась зиявшая на груди кровоточащая рана. Рана, по-видимому, была смертельна: нож пронзил легкое.

— Кто ты?.. Кто ты?.. — спрашивал, наклонившись к нему, Джилберт.

Раненый молчал.

— Кто тебя ранил?

Но негр не мог уже вымолвить ни слова.

Тем временем Марс при свете факела осматривал место, где было совершено убийство.

Он разглядел частокол и через приоткрытые ворота увидал смутные очертания блокауза.

Это действительно был форт, построенный когда-то в Черной бухте, но давно заброшенный и совершенно забытый обитателями графства Дьювал.

— Форт! — вскричал Марс и, оставив Джилберта возле умирающего негра, сам устремился к воротам.

Через минуту он уже проник в блокауз и обежал комнаты, выходявшие с обеих сторон в центральное помещение. В одном из них дымился очаг. Значит, в блокаузе еще недавно кто-то жил. Но кто? Для кого он слу-

жил убежищем? Для поселенцев ли Флориды или же для семинолов-кочевников? Это нужно было во что бы то ни стало выведать у раненого. Необходимо было узнать, кто его убийцы, бежавшие отсюда, по-видимому, совсем недавно.

Марс вышел из блокауза, обошел внутри ограды весь двор, освещая факелом малейшие закоулки. Нигде ни души! Если бы они с Джилбертом попали сюда утром, они, быть может, и застали бы кого-нибудь из обитателей форта, но, увы, они опоздали!

Мулат вернулся к своему господину и объявил ему, что они находятся у блокауза Черной бухты.

— Сказал вам что-нибудь раненый? — спросил он.

— Нет, он потерял сознание и едва ли придет в себя, — ответил Джилберт.

— Попробуем, мистер Джилберт, привести его в чувство, — предложил Марс. — Тут какая-то тайна. А помочь разгадать ее может только этот несчастный. Если он умрет...

— Верно, Марс, верно. Давай перенесем его в блокауз... Быть может, там он придет в себя... Не умирать же ему тут, на берегу!..

— Возьмите-ка факел, мистер Джилберт, — сказал Марс, — я и сам донесу раненого.

Джилберт взял горящий факел. Мулат поднял почти безжизненное тело и понес его через ворота блокауза в одно из помещений форта, где и положил умирающего на охапку травы. Затем он поднес к его губам свою фляжку.

Сердце раненого еще билось, но очень слабо, с большими перебойми. Жизнь едва теплилась в нем... Неужели же он испустит последний вздох, не раскрыв им тайны?

Но несколько капель водки, казалось, оживили его. Он открыл глаза и устремил их на Марса и Джилберта, которые пытались вернуть его к жизни.

Он силился говорить... Какие-то слабые звуки сорвались с его губ... Быть может, чье-нибудь имя!..

— Говори!.. Говори!.. — твердил Марс.

Мулат волновался так сильно, будто вся его жизнь зависела от последних слов умирающего.

Невольник тщетно пытался что-то сказать, но у него не хватало сил.

В эту минуту Марс совершенно случайно нащупал у раненого в кармане какую-то бумажку.

Он мигом выхватил ее оттуда, развернул и прочитал при свете факела.

Там нацарапано было углем несколько слов. Вот они:

«Нас похитил Тексар в бухте Марино... Теперь он увозит нас в Эверглейдс, на остров Карнерал... Записку посылаю с этим молодым невольником мистеру Бербанку...»

Почерк был Марсу хорошо знаком.

— Зерма! — вскричал он.

При этом имени умирающий открыл глаза и слабо кивнул головой, как бы желая подтвердить догадку.

Джилберт слегка приподнял раненого и спросил его:

— Зерма?

— Да, — чуть слышно отвечал негр.

— И Ди?..

— Да.

— Кто тебя ранил?

— Тексар...

И, сказав это, несчастный невольник упал мертвым на травяную постель.

ГЛАВА 8

**От Кэмдлес-Бея до озера
Вашингтона**

Около полуночи Джилберт и Марс вернулись в Кэмдлес-Бей. Они насилу выбрались из Черной бухты.

Когда они покидали блокгауз, над долиной Сент-Джонса уже спускалась ночь. В бухте было совсем темно, и если бы не инстинкт, руководивший Марсом, они наверняка заблудились бы среди островков и протоков и ни за что бы не выбрались к реке. Сколько раз их лодка, наткнувшись на непреодолимую преграду, должна была возвращаться назад в поисках выхода из этого лабиринта! Марсу приходилось освещать себе путь факелом из смолистых ветвей, укрепив его на носу лодки. Но особенно трудно было отыскать тот единственный проток, который соединял бухту с Сент-Джонсом. Мулат никак не мог обнаружить брешь, сделанную их лодкой в зарослях тростника, сквозь которую они совсем недавно проникли в лагуну. К счастью, начался отлив, и убывающая вода сама увлекала за собою их легкое суденышко. Через три часа, быстро проплыв расстояние в двадцать миль между Черной бухтой и плантацией, Джилберт и Марс высадились на пристани Кэмдлес-Бея.

В Касл-Хаусе их ждали с нетерпением и не расходились по своим комнатам. Продолжительное отсутствие Марса и Джилберта всех тревожило. Обыкновенно они возвращались к вечеру. Что же случилось с ними? Быть может, они напали на какой-нибудь след, который приведет их розыски к желанному концу? Мучительное ожидание! Понятно поэтому, как все бросились навстречу пропавшим, когда те вошли наконец в холл.

— Ну что, Джилберт? — обратился Джемс Бербанк к сыну.

— Алиса права, отец, — ответил юноша. — Сестру и Зерму действительно похитил Тексар.

— У тебя есть доказательство?

— Читайте! — И Джилберт подал отцу клочок бумаги, на котором рукой мулатки было нацарапано несколько слов. — Сомнения нет, это испанец! — продолжал молодой офицер. — Он или его приспешники упрятали их в старый блокгауз Черной бухты. Там и было его тайное убежище. Зерма поручила одному из невольников передать нам эту записку. Но несчастный, от которого она, вероятно, и узнала, что Тексар собирается перебраться на остров Карнерал, поплатился жизнью за то, что согласился исполнить ее поручение. Мы нашли его умирающим от раны, нанесенной ему Тексаром, и оставили на острове мертвым. Правда, Зермы и Ди уже нет в Черной бухте, но мы знаем, по крайней мере, в какую часть Флориды их увезли. Искать их надо в Эверглейдсе. Тогда, отец, мы и должны завтра же отправиться...

— Мы готовы, Джилберт.

— Итак, до завтра!

В Касл-Хаус вернулась надежда. Теперь уже не придется блуждать наудачу. Миссис Бербанк, которой сообщили эту новость, воспрянула духом. Она даже встала с постели, чтобы, преклонив колени, возблагодарить бога.

По свидетельству самой Зермы, именно Тексар руководил похищением в бухте Марино. Именно его видела Алиса на удалявшейся лодке. Но как же согласовать этот факт с тем, что Тексару удалось доказать на суде? Как мог он, пленник, находившийся на одном из кораб-

лей федералистов, совершить в то же время преступление в бухте Марино? Его очередное алиби было, несомненно, ложным, как, впрочем, и все прежние. Но в чем же здесь все-таки дело? Удастся ли когда-нибудь открыть тайну этой вездесущности Тексара?

В конце концов, это и не так важно. Достаточно уже было знать, что мулатку и девочку увезли сперва в блокгауз Черной бухты, а оттуда на остров Карнерал. Там следовало их искать, там же следовало захватить и Тексара. Теперь испанцу не избежать кары, давно заслуженной им за все его преступления.

Нельзя было терять ни единого дня. От Кэмдлес-Бей до Эверглейдса расстояние немалое, так что на дорогу туда требовалось по крайней мере несколько дней. Хорошо еще, что Джемс Бербанк заранее позаботился снарядить экспедицию и она могла двинуться в путь в любую минуту.

Что касается острова Карнерал, то по картам Флориды он находится на озере Окичоби.

Эверглейдс — болотистая страна, расположенная в южной части Флориды, несколько южнее двадцать седьмой параллели, и простирающаяся вплоть до этого озера. От Джэксонвилла до него считается около четырехсот миль. Местность за озером была в те времена глухой и почти совершенно безлюдной.

Если бы Сент-Джонс был всегда судоходен до самых своих истоков, путешествие в Эверглейдс не представляло бы особой трудности, но в это время года по реке можно было проплыть, вероятно, не более ста семи миль, то есть только до озера Джорджа. За озером, вверх по течению, русло реки поросло травами, запружено массой островков, мелководно, местами совсем пересы-

хает, и нагруженной лодке здесь нелегко проплыть. А между тем, если бы можно было подняться по Сент-Джонсу до озера Вашингтона, приблизительно до двадцать восьмого градуса северной широты на траверсе мыса Малабар, — на сколько же сократился бы путь! Но рассчитывать на это не приходилось. Нужно было готовиться к переходу в двести пятьдесят миль по почти необитаемой местности, где не раздобыть ни средств передвижения, ни всего необходимого для экспедиции, которая должна быть проведена в кратчайший срок. Однако, готовясь в путь, Джемс Бербанк все это тщательно предусмотрел.

На другой день, 20 марта, участники экспедиции собрались на пристани. С тяжелым сердцем простились Джемс Бербанк и Джилберт с миссис Бербанк, которая была еще слаба и не покидала своей комнаты. Алиса, мистер Стэннард и все помощники управляющего провожали их. Даже Пиг пришел проститься с Пэрри, к которому очень привязался за последнее время. Он не забыл его наставлений о том, что свобода может оказаться помехой для того, кто еще не созрел для нее.

Состав экспедиции был следующий: Джемс Бербанк, его шурин Эдвард Кэррол, уже оправившийся от раны, Джилберт, управляющий Пэрри, Марс и двенадцать человек из числа самых преданных и храбрых негров — всего, стало быть, семнадцать человек.

Править лодкой, пока возможно плыть по реке, должен был Марс, хорошо знакомый с руслом Сент-Джонса как до озера Джорджа, так и за ним. На весла предполагалось посадить негров, сильных и искусных гребцов.

Лодка — одна из самых больших в Кэмдлес-Бее — была оснащена парусом, позволявшим ей плыть и при

попутном, и при боковом ветре по самому извилистому фарватеру. На ней было достаточно оружия и боевых припасов, чтобы Джемс Бербанк со своим отрядом мог дать отпор как шайкам семинолов, кочующим по Южной Флориде, так и банде Тексара, если за испанцем ушла часть его сторонников. Следовало предусмотреть и такую возможность, ибо она могла помешать успеху дела.

Наступил момент прощания.

Джилберт поцеловал Алису, а мистер Бербанк обнял ее так нежно, словно она уже была его дочерью.

— Отец... Джилберт, — говорила она, — смотрите же, привезите нашу маленькую Ди. Привезите мою сестричку.

— Да-да, Алиса, дорогая, — отвечал молодой офицер, — мы привезем ее, привезем с божьей помощью!

Лодка отчалила от пристани. Провожающие — Стэннард, Алиса, помощники управляющего и Пиг — все еще махали ей вслед, когда, подгоняемая северо-восточным ветром и подхваченная начавшимся приливом, она уже скрылась за мысом бухты Марино.

Было около шести часов утра. Час спустя лодка миновала селение Мандарен, а к десяти часам, идя только под парусом, поравнялась со входом в Черную бухту.

Как сильно забились сердца у всех, кто был в лодке, когда, плывя вдоль левого берега, они проезжали мимо протока в лагуну, через который прилив гнал сейчас воду от устья реки. И немудрено: ведь за этими зарослями камыша, тростника и тропических деревьев еще совсем недавно томились Зерма и Ди. Именно здесь Тексар и его сообщники так ловко скрыли похищенных, что в течение двух недель невозможно было напасть на их след. Сколько раз Джемс Бербанк и Стэннард, а позже Джил-

берт и Марс поднимались по Сент-Джонсу до этой лагуны, не подозревая даже, что забытый блокгауз служит для Зермы и Ди темницей!

Но на этот раз останавливаться тут уже было ни к чему. Искать пленниц следовало теперь на несколько сот миль южнее — и лодка миновала Черную бухту, не задерживаясь.

Позавтракали все вместе. Трехнедельный запас провианта был сложен в ящики, захвачены были и мешки на тот случай, если бы пришлось двигаться по суше. Для ночлега и отдыха в густых прибрежных лесах отряд имел при себе все необходимое для лагерной стоянки.

В одиннадцать часов начался отлив, и, хотя ветер по-прежнему оставался попутным, пришлось все же взяться за весла, чтобы не сбавлять скорости. Теперь принялись за дело негры, и усилиями десяти мощных гребцов лодка продолжала быстро подниматься вверх по течению.

Марс молча сидел у руля, умелой рукою направляя лодку и лавируя среди многочисленных островов и островков. Он уверенно вел ее в те рукава и протоки, где встречное течение было менее сильным, он ни разу не ошибся в выборе пути, ни разу не посадил лодку на мель. Русло реки вплоть до озера Джорджа было ему так же хорошо знакомо, как все изгибы и излучины Сент-Джонса ниже Джэксонвилла, и лодку он направлял с той же уверенностью, с которой провел канонерки Стивенса над песчаной отмелью.

В этой части река была почти совершенно пустынной. Со времени взятия Джэксонвилла обычное сообщение по Сент-Джонсу между городом и прибрежными плантациями прекратилось. Если изредка и встречалось какое-нибудь небольшое судно, то разве что шлюпка се-

верян или лодка, посланная для связи между капитаном Стивенсом и его канонерками. Дальше, за Пиколатой, не приходилось рассчитывать даже и на эти редкие встречи.

В Пиколату прибыли около шести часов вечера. На пристани стоял отряд федеральных войск. Лодку окликнули и подозвали к берегу. Джилберт Бербанк назвал себя, предъявил пропуск, выданный ему капитаном Стивенсом, и офицер беспрепятственно пропустил отряд Бербанка.

Остановка отняла немного времени. Так как уже начинался прилив, весла были убраны, и лодка стремительно понеслась вперед между поросшими густым лесом берегами. Несколькими милями выше Пиколаты, на левом берегу Сент-Джонса, болота сменяются лесами. По правому же берегу леса эти, густые, дремучие, бескрайние, тянутся до самого озера Джорджа и еще далеко за ним. Правда, здесь они до самого берега не доходят, так что вдоль реки остается широкая полоса возделанной земли. Обширные рисовые поля, плантации сахарного тростника, индиго и хлопка лишней раз свидетельствуют о плодородии земель Флориды.

В начале седьмого часа за излучиной реки скрылась из вида красноватая башня старинного и давно заброшенного испанского форта, возвышающаяся над вершинами прибрежных пальм.

— Марс, ты не побоишься плыть по Сент-Джонсу ночью? — обратился к мулату Джемс Бербанк.

— Нисколько, мистер Джемс, — ответил Марс. — До озера Джорджа я за себя ручаюсь, а там — посмотрим. Да и нельзя терять времени, надо воспользоваться приливом. Ведь чем дальше мы будем подниматься по реке,

тем он станет слабее. Я предлагаю не делать остановки даже на ночь.

Предложение Марса диктовалось, конечно, необходимостью, но если он брался вести лодку, на него можно было положиться. Раскаиваться в этом действительно не пришлось.

Всю ночь лодка легко и быстро поднималась вверх по реке. Сперва ее несло приливом. Потом негры снова взялись за весла, и им удалось проплыть еще около пятнадцати миль к югу.

Ни в эту ночь, ни на следующие сутки остановок не делали. Ничего примечательного за это время не случилось. Верховья реки казались совершенно пустынными. Лодка плыла как бы среди нескончаемого леса. Ветви старых кедров, сплетаясь местами над рекой, образовали густые зеленые своды. Не видно было никаких селений, лишь кое-где попадались плантации или одинокие хижины. Прибрежные земли были здесь совершенно бесплодны и не привлекали колонистов.

Рано утром 23 марта река вдруг разлилась широким озером; бесконечные леса тут отступали, обнажив его берега. За этим водным простором открывалась широкая равнина с убегающим вдаль горизонтом.

Это и было озеро Джорджа, через которое с юга на север протекает Сент-Джонс, питаемая отчасти его водами.

— Да, это озеро Джорджа, — сказал Марс. — Однажды я уже побывал здесь с экспедицией, обследовавшей верховья реки.

— Сколько же отсюда до Кэмдлес-Бея? — поинтересовался Джемс Бербанк.

— Я думаю, около сотни миль, — ответил Марс.

— Стало быть, мы не сделали еще и трети пути до Эверглейдса, — заметил Эдвард Кэррол.

— А что нам дальше предпринять, Марс? — спросил Джилберт. — Бросать здесь лодку и идти пешком по берегу — не имеет смысла: это и утомительно, и слишком долго. Не лучше ли пересечь озеро и продолжать плыть по реке, пока возможно? Думаю, что стоит попробовать: высадиться на берег мы всегда успеем. Как ты полагаешь?

— Хорошо, мистер Джилберт, можно попробовать, — согласился Марс.

Пожалуй, действительно это был самый лучший выход. Плыть по реке значительно легче и быстрее, чем идти пешком.

И лодка устремилась по озеру Джорджа вдоль его восточного берега.

Низменные берега этого озера гораздо беднее растительностью, чем берега реки. Вокруг простираются необозримые болота. Там, где почва повыше, они покрыты кочками, поросшими темным лишайником и мхом; кое-где виднеются лиловатые пятна, образуемые мириадами мелких грибков. Ступать по такой предательской трясине очень опасно, ибо нога пешехода вязнет в зыбкой почве. И если бы Джеймс Бербанк и его спутники вынуждены были идти пешком через эту часть Флориды, путешествие стоило бы им невероятного труда, потребовало бы длительных остановок, а быть может, им и вовсе пришлось бы вернуться обратно. Безнаказанно расхаживать здесь могли только болотные птицы, по большей части перепончатопалые — чирки, дикие утки и кулики, которых тут множество. В случае надобности в этих местах легко было бы пополнить запас провиан-

та. Однако серьезной помехой для охоты служат ядовитые змеи, кишашие среди болотных водорослей, откуда доносится их пронзительный свист. С пресмыкающимися, правда, ведут беспощадную войну стаи белых пеликанов, которые в огромном количестве водятся на унылых берегах озера Джорджа.

Лодка между тем стремительно неслась к югу; сильный северный ветер надувал ее парус и гнал вперед. Весь день ни разу не пришлось браться за весла. Так без малейшего труда удалось пройти все тридцать миль, составляющие длину озера с севера на юг. Около шести часов вечера лодка пристала к берегу у того места, где Сент-Джонс впадает в озеро Джорджа.

Здесь находилось маленькое селение — всего три-четыре хижины. Поэтому решено было сделать получасовую остановку, чтобы попытаться получить необходимые сведения. Жители селения — флоридцы, не слишком склонные к оседлой жизни, — промышляли главным образом охотой и рыбной ловлей. По совету Эдварда Кэррола решено было разузнать, не появлялся ли в этих краях Тексар. Спросили одного из обитателей селения: не приметил ли он на этих днях лодку, которая направлялась по озеру Джорджа в сторону озера Вашингтона? В лодке должно было находиться человек восемь и среди них женщина-мулатка с маленькой белой девочкой.

— Два дня тому назад такая лодка здесь действительно проходила, — подтвердил он.

— Она у вас тут останавливалась? — спросил Джилберт.

— Нет, люди, сидевшие в ней, видимо, очень торопились поскорее добраться до верховьев реки. В числе

других пассажиров я очень ясно видел мулатку с ребенком на руках.

— Друзья мои, хорошие вести! — вскричал Джилберт. — Мы напали на след Тексара!

— Да, — сказал Джемс Бербанк, — он опередил нас всего лишь на двое суток, не более. Если нам удастся плыть в лодке еще несколько дней — мы их догоним.

— Вы хорошо знаете фарватер Сент-Джонса выше озера Джорджа? — спросил обитателя деревни Эдвард Кэррол.

— Да, сударь, мне случалось подыматься вверх по реке миль на сто отсюда, — ответил флоридец.

— Как вы думаете, сможем ли мы там проплыть на нашей лодке?

— А глубоко ли она сидит в воде?

— Фута на три, — сказал Марс.

— На три фута? — повторил флоридец. — Ну что ж, местами она будет почти касаться дна. Однако если тщательно измерять глубину, то вы, я думаю, благополучно доберетесь до самого озера Вашингтона.

— А далеко ли будет оттуда до озера Окичоби? — спросил Кэррол.

— Около полутора ста миль.

— Спасибо, друг мой.

— Скорее в лодку, и будем плыть, куда можно! — воскликнул Джилберт.

Путники заняли свои места. Ветер понемногу стих, и потому пришлось идти на веслах мимо все более и более сближавшихся берегов. До ночи успели пройти еще несколько миль к югу. Об остановке на ночлег никто и не помышлял: спать можно было и в лодке. Ярко светила почти полная луна. В такую погоду плыть было нетруд-

но. Теперь Джилберт взялся за руль, а Марс, стоя на носу лодки, длинным шестом беспрестанно измерял глубину фарватера и указывал направление. Впрочем, глубина реки покуда была достаточной, и за всю ночь лодка задела дно не более пяти-шести раз. К утру, когда взошло солнце, Джилберт высчитал, что за ночь ими пройдено около пятнадцати миль.

Как было бы хорошо, если бы Джемсу Бербанку и его спутникам удалось проплыть в лодке почти до самой цели!

Однако уже вскоре они столкнулись с некоторыми затруднениями. Русло реки становилось все более извилистым, чаще приходилось огибать песчаные отмели и мысы, образуемые ее берегами, — все это удлиняло путь и задерживало путешественников. Хотя по-прежнему дул попутный ветер, пользоваться им удавалось не всегда, потому что то и дело нужно было поворачивать лодку. Впрочем, негры усердно налегали на весла, стараясь наверстать потерянное время.

Кое-какие особенности, свойственные верховьям Сент-Джонса, также создавали помехи. Это были плавающие острова — скопление буйно разросшейся пистии, растения, которое некоторые исследователи Сент-Джонса справедливо сравнивают с гигантским салатом-латуком, распластавшим свои листья на поверхности воды. Этот зеленый ковер настолько плотен, что цапли могут расхаживать по нему совершенно свободно, но лодке угрожала опасность запутаться в сплошной массе водорослей, выбраться из которой было не так-то просто. И как только эти растения стали попадаться на пути, Марс всячески старался избежать их.

Берега реки снова покрылись густыми лесами. Но то

были уже не бесконечные кедры, корни которых омываются водами Сент-Джонса в его нижнем течении. Здесь на пропитанных влагой землях росли гигантские сосны, высотой до полутораста футов, — разновидность южной сосны. Почва в лесу настолько зыбка, что пешеходу порою трудно удержаться на ногах. Маленькому отряду Бербанка, к счастью, не пришлось испытать эти затруднения: он продолжал плыть по Сент-Джонсу через южные области Флориды.

День прошел благополучно, ночь тоже. Река по-прежнему оставалась пустынной: ни встречной лодки, ни хижины на ее берегах. Впрочем, путники не сожалели об этом: в этих глухих местах лучше было ни с кем не сталкиваться, ибо лесные бродяги, охотники и всяческие проходимцы — народ по меньшей мере подозрительный.

Следовало опасаться также и встречи с отрядами милиции из Джэксонвилла или Сент-Огастина, бежавшими на юг от Дюпона и Стивенса. Подобной встречи приходилось особенно избегать потому, что в этих отрядах, несомненно, находились и сторонники Тексара, готовые мстить Джемсу и Джилберту Бербанкам. Встреча с ними грозила вооруженным столкновением, а Джемсу Бербанку следовало поберечь силы для стычки с Тексаром на случай, если бы тот отказался вернуть своих пленниц.

Но обстоятельства благоприятствовали Бербанку и его спутникам. К вечеру 25 марта они добрались до озера Вашингтона. Лодке пришлось остановиться невдалеке от этой огромной лужи. Река тут настолько узка и мелководна, что плыть по ней дальше на юг было невыгодно.

Однако две трети пути были уже пройдены. Джемс Бербанк со своим отрядом находился всего лишь в ста сорока милях от Эверглейдса.

ГЛАВА 10

Кипарисовый лес

Озеро Вашингтона — одно из самых мелководных и незначительных озер Южной Флориды. Длина его не превышает десяти миль, а неглубокое дно, засоренное травами, которые течение отрывает от плавучих островов, буквально кишит змеями, и плавать по озеру опасно. Вот почему оно так же пустынно, как и его берега. Ни охотиться, ни заниматься рыболовством здесь невозможно, и лодки из Сент-Джонса заходят сюда очень редко.

За озером русло реки снова поворачивает к югу. Сент-Джонс здесь просто небольшой ручей, берущий начало тридцатью милями южнее, между 28° и 27° северной широты. Тут он уже совершенно несудоходен, и Джемсу Бербанку, к его величайшему сожалению, пришлось продолжать путь по суше, по труднопроходимой, большей частью болотистой местности, через нескончаемые леса со множеством топких оврагов и мелких речушек, крайне затруднявших движение пешеходов.

Пристали к берегу. Оружие и тюки с провиантом распределили между неграми. Это был народ крепкий, и такая поклажа его не слишком обременяла. Все было заранее рассчитано, и задержек опасаться не приходилось. Для устройства лагерной стоянки также требовалось не более нескольких минут.

Прежде всего Джилберт с помощью Марса постарал-

ся как можно надежнее спрятать лодку, чтобы она не попала на глаза флоридцам или семинолам, если бы им вздумалось забрести на берега озера Вашингтона. Ее следовало сбросить и на ней же вернуться обратно.

Сняв предварительно мачту, лодку легко было спрятать в укромном местечке под нависшими густыми ветвями среди гигантских камышей, которыми поросли берега озера. Хорошо скрытая в зелени, она была совершенно незаметна с берега.

Вероятно, так же поступили и с другой лодкой, с той, на которой везли Зерму и Ди и которую так настойчиво искал Джилберт. Тексар тоже, конечно, не мог плыть дальше по реке и вынужден был оставить свою лодку где-то здесь поблизости. То, к чему прибегнул теперь Джеймс Бербанк, должен был в свое время сделать и испанец. Поэтому лодку его разыскивали тщательнейшим образом до самого наступления темноты. Найдись она — это послужило бы неопровержимым доказательством того, что Тексар действительно плыл по реке до озера Вашингтона.

Однако поиски оказались тщетными: может быть, потому, что лодку искали на сравнительно небольшом пространстве, а возможно, и потому, что испанец не помышлял о возвращении и просто-напросто ее уничтожил.

Каким мучительным для пленниц был, вероятно, путь от озера Вашингтона до Эверглейдских болот! Мулатка несла, конечно, девочку на руках, терпела брань и побои, не поспевая за мужчинами, привычными к большим и трудным переходам; она спотыкалась и падала, стараясь уберечь при этом ребенка и забывая о себе. Эта печальная картина рисовалась каждому... При мысли о

том, сколько страданий должна была вынести его жена, Марс, бледнея от бешенства, твердил:

— Я убью Тексара!

Добраться бы только поскорее до острова Карнерал и захватить злодея, причинившего так много зла семье Бербанка и похитившего у него, Марса, его жену Зерму!

Привал для ночлега был устроен на небольшом мысе на северном берегу озера. Пускаться в путь ночью по незнакомой местности было опасно, и, посоветовавшись, путники решили дождаться рассвета. В густом лесу легко заблудиться, а потому рисковать не стоило.

Ночь прошла благополучно. В четыре часа, едва забрезжило утро, был дан сигнал к выступлению. Чтобы нести вещи, хватало и половины негров, так что они могли сменять друг друга.

Все члены экспедиции, не исключая и негров, были вооружены карабинами Минье, которые заряжаются одной пулей и четырьмя картечными патронами, а также имели при себе револьверы Кольта, получившие широкое распространение с начала междоусобной войны. При таком вооружении можно было дать отпор отряду семиолов человек в шестьдесят, а в случае необходимости атаковать и Тексара, будь с ним даже такое же количество сторонников.

Решено было держаться возможно ближе к берегу Сент-Джонса. Река текла с юга от озера Окичоби, извинаясь тонкой нитью по бесконечному лабиринту лесов. Чтобы не сбиться с пути, достаточно было идти берегом. Путники так и поступили.

Это оказалось довольно легко. Вдоль правого берега реки вился какой-то след, напоминавший тропинку, словно здесь к ее верховьям тянули волоком небольшую

лодку. Отряд шел быстро: Джилберт и Марс — впереди, Джемс Бербанк и Эдвард Кэррол — сзади; управляющий Пэрри шел вместе с неграми, которые, сменяясь через каждый час, несли поклажу.

Перед отправлением в путь наскоро закусили. Решено было строго придерживаться такого распорядка: в полдень — обед, в шесть часов вечера — ужин, после ужина — снова в путь, а если станет так темно, что нельзя будет двигаться дальше, — короткий привал.

Сперва пришлось идти вдоль восточного берега озера Вашингтона, берега довольно низкого и очень топкого. Потом потянулись леса, сначала довольно редкие и небольшие, что зависело от породы самих деревьев.

Тут росли мелколистные кампешевые деревья с гроздьями желтых ягод, из коричневатой сердцевины которых добывается краска; росли тут и мексиканские вязы и гвазумы с пучками белых цветов, широко применяемых для различных домашних надобностей и, в частности, как утверждают, для лечения самого упорного насморка. Попадались кое-где также хинные деревья, но здесь они напоминали скорее кустарник, тогда как у себя на родине, в Перу, это действительно великолепные большие деревья. Яркие цветы горечавки, амариллиса, ласточника, тонкие стебли которого идут на производство тканей, образовали пестрые клумбы, которых никогда не касалась рука искусного садовника. Как утверждает один из самых компетентных исследователей Флориды, цветы всех этих растений, «желтые или белые в Европе, приобретают в Америке разнообразнейшие красные оттенки — от нежно-розового до пурпурного».

К вечеру вся эта растительность сменилась кипарисами, которые тянутся уже до самого Эверглейдса.

За день пройдено было около двадцати миль. Джилберт поинтересовался, не устали ли его спутники.

— Мы готовы хоть сейчас идти дальше, — ответил за всех один из негров.

— А не заблудимся ли мы ночью? — заметил Эдвард Кэррол.

— Ни в коем случае, — заверил Марс, — ведь мы по-прежнему будем держаться берега Сент-Джонса.

— К тому же ночь ожидается светлая, — прибавил молодой Бербанк. — Небо совершенно безоблачно. В девять часов взойдет луна и будет светить нам до самого утра. Да и ветви у кипарисов довольно редкие, так что в кипарисовом лесу гораздо светлее, нежели в любом другом.

Итак, решено было двинуться дальше. Пробыв в пути почти всю ночь, утром отряд решил отдохнуть и позавтракать под одним из гигантских кипарисов, которыми изобилуют леса в этой части Флориды.

Тому, кто никогда не видал этих чудес природы, представить их себе очень трудно. Вообразите зеленеющий луг, раскинувшийся на высоте более ста футов над землей и поддерживаемый прямыми, словно точеными стволами, луг, по которому вас так и манит пройти. Внизу болотистая и топкая земля, она всегда покрыта водой, ибо почва уже не впитывает влаги. Здесь кишмя кишат змеи, лягушки, черепахи, жабы, ящерицы, скорпионы, пауки и всевозможные виды болотной птицы. Выше, словно падучие звезды, проносятся золотистые иволги, резвятся среди ветвей белки, и болтливые попугаи наполняют лес своим оглушительным гомоном. Диковинная, но труднодоступная для исследователя страна!

Идти здесь приходилось с большой опаской. Пеше-

ход рискует увязнуть по самое горло в бесчисленных рытвинах. Однако при свете луны, пробивавшемся сквозь ветви деревьев, удавалось все-таки кое-как двигаться вперед.

Река служила надежным ориентиром, и это было весьма кстати, ибо в кипарисовом лесу все деревья схожи между собою; их могучие длинные корни буграми выпирают из почвы, а дуплистые, изогнутые у земли стволы стройными колоннами поднимаются метров на двадцать ввысь — точь-в-точь как исполинские зонты с шероховатой ручкой и зеленым верхом, не спасающие, впрочем, ни от дождя, ни от солнца.

Ранним утром отряд Бербанка вступил под сень этих деревьев. Погода стояла великолепная. Ничто не предвещало грозы, которая обратила бы почву в сплошное месиво. Дорогу все же следовало выбирать осмотрительно, чтобы не угодить в заболоченный овраг. Вдоль правого, более крутого берега Сент-Джонса идти, к счастью, было несколько легче, и если бы не впадающие в реку ручьи, которые приходилось огибать или переходить вброд, задержки в пути были бы совсем ничтожны.

За весь этот день не удалось обнаружить никаких следов южан, семинолов или шайки Тексара. Испанец, возможно, шел левым берегом реки. Впрочем, это не имело никакого значения. До той изменной части Флориды, о которой говорилось в записке Зермы, можно было добраться как правым, так и левым берегом Сент-Джонса.

С наступлением темноты путники сделали шестичасовой привал. Остальную часть ночи они продолжали быстро двигаться вперед. Отряд шел в полном молчании по уснувшему лесу. Древесный свод был неподвижен.

При свете ущербленной луны узорчатой сетью ложились на землю тени ветвей. Чуть слышно журчала река, медленно катившая свои воды по этой почти плоской равнине. Здесь было так мелко, что перебраться на другой берег не составило бы никакого труда.

На следующее утро, после двухчасового отдыха, маленький отряд снова двинулся на юг. Но в этот день должна была прерваться — вернее, окончиться — та путеводная нить, которая вела его до сих пор. И действительно, Сент-Джонс, обратившийся уже в тонкую струйку воды, совсем исчез в гуще хинных деревьев, которые он питает своей влагой. А дальше — горизонт с трех сторон был скрыт кипарисовым лесом.

Здесь отряд обнаружил кладбище, где по туземным обычаям хоронили негров, принявших христианство и оставшихся до гроба верными католической религии. Кое-где среди деревьев над могильными холмиками виднелись простые деревянные или каменные кресты. Попадались и воздушные склепы: укрепленные на ветвях и колеблемые ветром деревянные помосты со скелетами.

— Кладбище должно, по-видимому, указывать на близость селения... — заметил Эдвард Кэррол.

— Которое, вероятно, уже исчезло с лица земли, — вставил Джилберт, — ибо на наших картах оно не обозначено. Такое исчезновение целых селений в Южной Флориде не редкость: иной раз жители сами покидают деревни, а иногда виною тому бывают индейцы.

— Как же нам теперь быть, Джилберт? — обратился к сыну Джемс Бербанк. — Сент-Джонс уже не может служить для нас ориентиром?

— Будем двигаться по компасу. С ним мы и в самом дремучем лесу не заблудимся.

— Ну так в путь! И да поможет нам Бог! — вскричал Марс, которому во время остановок всегда не терпелось двинуться дальше.

В полумиле за негритянским кладбищем отряд снова вступил под зеленые своды и по компасу взял курс прямо на юг.

В течение первой половины дня не случилось ничего примечательного. Пока что экспедиция не столкнулась ни с единым препятствием, но так ли будет и в дальнейшем? Удастся ли ей достигнуть цели или же семейство Бербанков обречено на безнадежное отчаяние? Не отыскать ребенка и Зерму, знать, что им приходится терпеть муки и оскорбления, и не быть в силах помочь им — разве это не бесконечная пытка?

Около полудня сделали привал. Джилберт, все время подсчитывавший, сколько уже пройдено, полагал, что до озера Окичоби оставалось не более пятидесяти миль. После отъезда экспедиции из Кэмдлес-Бея прошло восемь дней, и за это время отряд Бербанка сделал более трехсот миль — быстрота необычайная. Правда, до сих пор он не встретил на пути никаких серьезных помех: экспедиция благополучно поднялась по реке до самого ее верховья, а путь по кипарисовому лесу тоже не представлял больших трудностей. Погода была превосходная: не было ливней, которые могли бы затруднить плавание по Сент-Джонсу и превратили бы его берега в непроходимое болото. Стояли к тому же светлые лунные ночи — все как нельзя более благоприятствовало путешествию и путешественникам.

Теперь до острова Карнерал оставалось уже сравни-

тельно немного. Восьмидневный стремительный переход закалил участников экспедиции настолько, что оставшееся расстояние они рассчитывали пройти за двое суток. А там наступит и развязка, которую невозможно было, разумеется, предвидеть заранее.

Хотя до сих пор им сопутствовала удача, Джемс Бербанк и его товарищи могли опасаться все же, что во вторую половину дня они столкнутся с непреодолимыми трудностями.

В полдень путники позавтракали и, передохнув, двинулись дальше. Характер местности не изменился: все те же болота, те же топкие овраги и ручейки. Их приходилось либо обходить, либо переправляться через них вброд. Но все это не слишком удлиняло путь.

Однако около четырех часов дня Марс неожиданно остановился. Дождавшись своих спутников, он указал им на отпечатки человеческих ног на топкой почве.

— Нет никакого сомнения, что недавно здесь прошел какой-то отряд, — сказал Джемс Бербанк.

— И притом довольно многочисленный, — добавил Эдвард Кэррол.

— Откуда и куда ведут эти следы? — спросил Джилберт. — Необходимо это выяснить прежде, чем принимать какое-либо решение.

Все стали внимательно рассматривать следы. Они тянулись ярдов на пятьсот к востоку. Несомненно, они шли и дальше, но продолжать изучение казалось излишним. Направление их давало возможность установить, что какой-то отряд, численностью от ста пятидесяти до двухсот человек, двигаясь от побережья Атлантического океана, проходил в этой части леса. На запад следы шли, по-видимому, в сторону Мексиканского залива, пересе-

кая таким образом полуостров Флориду, который имеет на этой параллели не более двухсот миль в ширину. Удалось также установить, что неизвестный отряд делал привал как раз на том месте, где находились теперь Джемс Бербанк и его спутники.

Предупредив своих товарищей, чтобы они были наготове, Джилберт и Марс углубились в лес и, пройдя с четверть мили влево, определили, что далее следы ведут прямо на юг.

Вернувшись обратно, Джилберт высказал свои предположения.

— Впереди нас прошел довольно многочисленный отряд. Он движется как раз в том же направлении, что и мы, от озера Вашингтона. Эти люди вооружены огнестрельным оружием: мы видели на земле пустые патронные гильзы. Вероятно, патронами они разжигали костры. От костров осталась одна зола. Что это за люди — я не знаю. Ясно лишь, что их много и что они направляются к Эверглейдсу.

— Может быть, это семинолы-кочевники? — высказал предположение Эдвард Кэррол.

— Нет, — ответил Марс. — Судя по следам, это американцы.

— Быть может, солдаты флоридской милиции? — спросил Бербанк.

— Боюсь, что именно так, — сказал Пэрри. — Их как будто бы слишком много, так что вряд ли это банда Тексара...

— А если к испанцу присоединились его сторонники? — спросил Эдвард Кэррол. — Тогда их может оказаться несколько сот человек.

— Против семнадцати!.. — вставил управляющий.

— Не беда! — воскликнул Джилберт. — Ведь никто из нас не отступит, если они вздумают напасть на нас или если нам самим придется атаковать их.

— Никто!.. Никто! — горячо откликнулись отважные спутники молодого офицера.

Их порыв был вполне искренним. Однако по зрелом размышлении становилось ясно, что подобное столкновение ничего хорошего не сулит. И хотя такая мысль мелькнула, вероятно, у каждого, никто не проявил малодушия.

Конечно, досадно было — почти у самой цели наткнуться на препятствие, да еще на какое! Целый отряд южан, быть может, даже сторонников Тексара, спешивший на соединение с испанцем в Эверглейдс, чтобы, дождавшись там удобного момента, снова вернуться в северную Флориду!

Да, именно этого и следовало опасаться. Все это понимали. И когда порыв воодушевления прошел, участники экспедиции призадумались и притихли, вопрошающе глядя на своего юного вожака и ожидая его приказаний.

Джилберт на мгновение поддался общему настроению, но тут же решительно поднял голову и воскликнул:

— Вперед!

ГЛАВА 10

Встреча

Да, надо было идти вперед, однако приняв сперва все меры предосторожности, ибо кто знал, какие опасности подстерегали их. Необходимо было предварительно раз-

ведать предстоящий путь, осмотреть лесные дебри и подготовиться ко всяким случайностям.

Путники тщательно проверили свое оружие и привели его в полную боевую готовность. По первому сигналу, сбросив поклажу, все должны были принять участие в обороне. Отряд Бербанка шел в том же порядке. Джилберт и Марс по-прежнему впереди, но на некотором расстоянии от всего отряда, чтобы успеть предупредить его в случае опасности. Каждый из участников экспедиции готов был исполнить свой долг, хотя этих храбрых людей угнетала мысль о препятствии, внезапно возникшем на пути к их цели.

Шли они все так же быстро, однако решили обойти стороной замеченные следы, чтобы не столкнуться с неизвестным отрядом, направлявшимся к Эверглейдсу. К сожалению, это оказалось довольно трудно: опередивший их отряд отклонялся все время то вправо, то влево от прямой линии — доказательство того, что двигался он как-то неуверенно. И все же основное направление следов неизменно вело к югу.

Прошел еще день. Бербанк и его спутники пока никого не встретили. Они шли довольно быстро и, видимо, уже нагоняли людей, шедших через кипарисовый лес. Об этом свидетельствовали все более и более свежие отпечатки ног на рыхлой почве. Легко было определить, сколько остановок делали эти люди для того, чтобы отдохнуть и поесть — тогда следы сходились и расходились в разные стороны, — либо для того, по-видимому, чтобы обсудить, каким путем двигаться дальше.

Джилберт и Марс с напряженным вниманием изучали эти следы, которые могли им открыть многое. И делали они это так же тщательно, как семинолы, умеющие

на войне и на охоте искусно пользоваться малейшими следами, оставленными на земле.

В результате этого тщательного изучения Джилберт поделился с отцом своими соображениями.

— Отец, теперь мы можем быть совершенно уверены в том, что в отряде, который идет впереди нас, нет ни Зермы, ни Ди. Поскольку мы не обнаружили отпечатков лошадиных копыт, остается предположить, что Зерма — если она здесь проходила — шла, вероятно, пешком, неся Ди на руках. Однако следов женских или детских ног мы также не обнаружили. Что же касается самого отряда, то можно с уверенностью сказать, что он вооружен ружьями: во многих местах на земле видны следы ружейных прикладов. Причем я заметил одну особенность: это ружья того же образца, который принят в морской пехоте. Очевидно, у флоридской милиции точно такие же ружья — другого объяснения не придумаешь. Кроме того, я пришел к весьма прискорбному выводу, что отряд по численности превосходит нас по крайней мере раз в десять. Стало быть, приближаться к нему нужно с величайшей осторожностью.

Оставалось только прислушаться к словам молодого офицера — высказанные им соображения о форме отпечатков и их количестве казались правильными. Ни малютки Ди, ни Зермы в отряде, безусловно, не было, а значит, это не шайка испанца. К тому же у Тексара не могло быть так много хорошо вооруженных людей. Очевидно, большой отряд флоридской милиции направлялся на юг полуострова, то есть как раз к Эверглейдсу, куда Тексар, наверное, успел уже прибыть дня два тому назад.

Во всяком случае, подобный отряд представлял серьезную опасность для Джемса Бербанка и его товарищей.

Вечером сделали привал на небольшой поляне, где за несколько часов перед тем, должно быть, останавливался и неизвестный отряд: на поляне еще попадались кое-где груды пепла — остатки горевших недавно костров.

Решено было продолжать путь лишь после того, как совсем стемнеет. Ночь предстояла темная, тучи затянули небо. Тонкий серп луны должен был взойти поздно. Все это позволяло приблизиться к отряду незаметно. Быть может, удастся осторожно обойти его и, прячась в лесной чаще, обогнать, а затем, двигаясь в юго-западном направлении, первыми прийти к озеру Окичоби и острову Карнерал.

В половине девятого тронулись в путь. Марс и Джилберт в качестве разведчиков по-прежнему были впереди. Пробираясь в полной тишине, маленький отряд вступил под темные лесные своды. Так они шли часа два, ступая как можно осторожнее, чтобы не обнаружить своего присутствия.

В начале одиннадцатого Джемс Бербанк остановил негров, впереди которых он шел вместе с управляющим. Марс и Джилберт спешили назад к отряду. Все замерли в ожидании.

— Что случилось, Джилберт? — спросил Джемс Бербанк. — Что вы там заметили?

— Лагерь в лесу. Ясно видны костры.

— Далеко отсюда? — спросил Эдвард Кэррол.

— Не более сотни шагов.

— Удалось вам рассмотреть, что там за люди?

— Не удалось, потому что костры уже гаснут, — отве-

тил Джилберт. — Но думаю, мы не ошиблись, полагая, что в отряде этом человек двести.

— Они спят, Джилберт?

— Да, почти все, но там выставлены вооруженные часовые. Мы видели, как они ходят взад и вперед между деревьями.

— Что же нам делать? — обратился Эдвард Кэррол к молодому офицеру.

— Прежде всего надо попытаться разузнать, что это за отряд, — ответил Джилберт, — а уж потом попробовать обойти его.

— Я пойду на разведку, — вызвался Марс.

— И я с вами, — заявил Пэрри.

— Нет, я сам пойду, — сказал Джилберт. — Тут я не могу ни на кого положиться.

— Джилберт, каждый из нас готов пожертвовать жизнью ради общего дела, — возразил Джемс Бербанк. — Но чтобы произвести разведку и остаться незамеченным, для этого должен пойти один человек.

— Ну что ж, я пойду один.

— Нет, сын мой, я прошу тебя остаться с нами. В разведку пойдет Марс.

— Я готов, господин!

И, не дожидаясь ответа, мулат скрылся в темноте.

Тем временем отряд Бербанка приготовился к обороне. Тюки с поклажей сложили на землю. Носильщики взяли в руки оружие и притаились за стволами кипарисов, готовые по первому же сигналу вновь собраться вместе.

С того места, где находился Джемс Бербанк, лагерной стоянки не было видно. Чтобы увидеть огни уже догоравших костров, следовало приблизиться еще шагов

на пятьдесят. Приходилось ожидать возвращения Марса, ибо невозможно было принять решение, не выяснив предварительно всех обстоятельств. В нетерпении Джильтберт пошел ему навстречу.

Тем временем мулат, прячась за деревьями, осторожно крался к лагерю. Двигаться, перебегая от дерева к дереву, было безопаснее. Он надеялся подойти поближе к лагерю, как следует разглядеть стоянку, определить количество людей, а главное, к какой партии они принадлежат. Это оказалось довольно трудно, потому что ночь была темная, а костры уже погасли. Пришлось подбираться к самому лагерю. Но у Марса хватило и смелости и сноровки обмануть бдительность часовых. Чтобы легче было двигаться, он не взял с собой ни ружья, ни пистолета. При нем был только топор, которым он и решил защищаться в случае надобности: следовало избегать всякого шума.

Вскоре отважный мулат очутился почти рядом с часовым, который стоял в семи-восьми ярдах от лагеря. Кругом было тихо.

Утомленные долгим и трудным переходом, люди крепко спали. Бодрствовали одни лишь часовые, да и те, видимо, сильно устали, что не ускользнуло от внимания Марса.

Мулат уже несколько минут наблюдал за одним из них. Часовой стоял почти неподвижно, прислонившись к кипарису, и клевал носом. Ружье лежало возле него на земле. Может быть, удастся незаметно проскользнуть за его спиной и подкрасться к спящему лагерю?

Марс тихо приближался к часовому... Вдруг под ногой у мулата хрустнула сухая ветка. Часовой встрепенулся, поднял голову и оглянулся вокруг. Вероятно, он за-

метил что-то подозрительное: он схватил ружье и прицелился...

Но не успел он выстрелить, как Марс вырвал направленное на него ружье и, зажав часовому рот своей широкой ладонью, повалил его на землю.

Еще мгновение — и Марс, заткнув ему рот платком, несмотря на отчаянное сопротивление часового, связал его, взвалил на свои могучие плечи и потащил на поляну, где остался Джемс Бербанк со своим отрядом.

Другие часовые ничего не заметили: видимо, они караулили лагерь не слишком старательно.

Через несколько минут Марс был уже на поляне. Связанного часового он положил перед Джилбертом.

Негры мигом столпились вокруг Джемса Бербанка, Джилберта, Эдварда Кэррола и Пэрри. Пленный задыхался и сперва не мог произнести ни слова. В темноте невозможно было ни разглядеть его лица, ни определить, действительно ли на нем форма флоридской милиции.

Марс вынул у него изо рта кляп; но пришлось подождать, пока пленный придет в себя, чтобы его допросить.

— На помощь! — крикнул он наконец.

— Молчи! — приказал Джемс Бербанк, удерживая его. — Не бойся, мы тебе зла не желаем.

— Чего вам от меня надо?

— Нам нужно, чтобы ты отвечал правду.

— Это смотря по тому, о чем вы будете спрашивать, — ответил пленный, немного успокоившись. — И прежде всего, за кого вы, за Юг или за Север?

— За Север.

— В таком случае я готов отвечать вам.

Допрос продолжал Джилберт.

— Сколько в твоём отряде людей?

— Около двухсот человек.

— Куда он направляется?

— В Эверглейдс.

— Кто командир?

— Капитан Гауик.

— Как? Неужели капитан Гауик с корабля «Уобаш»?! — радостно вскричал Джилберт.

— Он самый.

— Отряд состоит, стало быть, из моряков эскадры коммодора Дюпона?

— Да. Мы северяне, федералисты, унионисты — и противники рабовладения! — гордо перечислил пленный все названия своей партии — партии, стоящей за правое дело.

Итак, Джемс Бербанк и его спутники встретились не с флоридской милицией, как они предполагали, и не с шайкой Тексара, а с друзьями, товарищами по оружию, поддержка которых была так кстати.

— Ура! Ура! — закричали они так громко, что переположили весь лагерь.

В темноте замелькали факелы. Федералисты сбегались на поляну, навстречу к ним устремились люди из отряда Бербанка. Капитан Гауик, никак не ожидавший встретить молодого лейтенанта на пути в Эверглейдс, крепко жал ему руку.

Долгих объяснений не потребовалось.

— Позвольте мне спросить вас, капитан, — сказал Джилберт, — что привело вас в южную Флориду?

— Наш отряд, дорогой Джилберт, послан сюда коммодором, — ответил капитан Гауик.

— А как вы шли?..

— Из Москито-Инлет через Нью-Смирну.

— С какой же целью вас направили?

— Наша цель — покарать банду южан, заманивших в ловушку две наши шлюпки, и отомстить за смерть наших храбрых товарищей.

И капитан Гауик рассказал о возмутительном случае, который не был известен Джемсу Бербанку, так как произошел он спустя два дня после его отъезда из Кэмп-лес-Бея.

Читатель, вероятно, помнит, что коммодор Дюпон был занят в то время организацией надежной блокады побережья. С этой целью его флотилия крейсировала между островом Анастасии, лежащим к югу от Сент-Огастина, и входом в пролив, отделяющий Багамские острова от мыса Сейбл, что на южной оконечности Флориды. Однако коммодору это показалось, как видно, недостаточным, и он решил преследовать лодки южан даже на небольших речках полуострова.

Для этой-то цели и были снаряжены две шлюпки его эскадры с отрядом матросов под командой двух офицеров. Несмотря на свою малочисленность, отважные моряки смело пустились в плавание по рекам графства.

За действиями федералистов между тем следили шайки южан. Дав шлюпкам углубиться в эту пустынную часть Флориды — что со стороны северян было большой оплошностью, ибо там кочевали индейцы и скрывались отряды милиции, — они заманили их в засаду близ озера Киссимми, в восьмидесяти милях к западу от мыса Малабар, и напали на них, пользуясь своим численным превосходством. Оба офицера, руководившие этой экспедицией, и почти все матросы погибли; чудом спаслись и добрались до Москито-Инлет лишь несколь-

ко человек. Коммодор Дюпон тут же направил экспедицию, чтобы покарать южан за кровавую расправу с федералистами.

Отряд, состоявший на этот раз из двухсот моряков под командой капитана Гауика, высадился в Москито-Инлет. Оттуда капитан Гауик направился в Нью-Смирну, маленький городок, расположенный в нескольких милях от побережья, и, собрав там нужные сведения, двинулся на юго-запад. Он считал, что виновники катастрофы у озера Киссимми скрываются в Эверглейдсе. Туда капитан и повел свой отряд.

Об этих-то событиях и не знали еще Джемс Бербанк и его спутники, когда в кипарисовом лесу они повстречались с капитаном Гауиком.

В последовавшей затем короткой беседе капитан Гауик и Джилберт выяснили положение вещей и определили план дальнейших действий.

— Во-первых, — сказал Джилберт, — должен вам сообщить, что и мы тоже идем в Эверглейдс.

— Как, и вы? — удивился капитан. — С какой же целью?

— Мы тоже преследуем негодяев, капитан, и хотим их наказать. Цель у нас с вами одна.

— Кто же эти негодяи?

— Прежде чем отвечать, позвольте, капитан, задать вам один вопрос, — сказал Джилберт. — Давно ли вы из Нью-Смирны?

— С неделю.

— Скажите, не встретился ли вам в центральных областях графства отряд южан?

— Нет, Джилберт, — ответил Гауик. — Однако из

достоверного источника нам известно, что несколько отрядов милиции скрываются в Южной Флориде.

— А кто главарь отряда, который вы преследуете, вам известно?

— В точности известно, и должен сказать, что, если бы нам удалось его захватить, мистер Бербанк вряд ли был бы на нас за это в претензии.

— Что вы этим хотите сказать? — взволнованно спросил Джемс Бербанк.

— А вот что: во главе отряда стоит тот самый испанец, которого военный суд в Сент-Огастине недавно оправдал за недостатком улик по делу о нападении на Кэмдлес-Бей...

— Тексар?! — вырвалось одновременно у всех присутствовавших. С каким удивлением было произнесено это имя, представить себе нетрудно.

— Как! — вскричал Джилберт. — Тексар стоит во главе банды, которую вы преследуете?

— Он самый! Это он устроил засаду у Киссимми, он был главарем полусотни негодяев, которые учинили кровавую расправу над нашими моряками, а теперь, как нам сказали в Нью-Смирне, он удрал в Эверглейдс.

— А если вам удастся схватить этого мерзавца, что вы с ним сделаете? — спросил Эдвард Кэррол.

— Расстреляем тут же на месте, — ответил капитан Гауик. — Таков категорический приказ коммодора. И можете быть уверены, мистер Бербанк, что приказ этот будет выполнен мною немедленно.

Легко себе представить, какое впечатление произвела эта новость на Джемса Бербанка и его спутников. Они могли быть почти уверены, что с помощью отряда капитана Гауика им удастся освободить Зерму и Ди, а испа-

нец со своими приспешниками будет схвачен и понесет наконец заслуженное наказание. Громкое «ура!» разнеслось по лесу, и спутники Бербанка бросились горячо пожимать руки солдатам федеральной морской пехоты.

Джилберт в свою очередь сообщил капитану о причинах, побудивших Бербанка и его отряд отправиться в Эверглейдс. Для них важнее всего было, конечно, освободить мулатку и Ди, увезенных, как это явствовало из записки Зермы, на остров Карнерал. Капитан узнал также, что алиби, на которое ссылался Тексар на суде, было ложным, хотя совершенно непонятно, каким образом испанцу удалось все же его доказать. Поскольку же Тексар виновен не только в похищении, но и в устройстве резни у озера Киссимми, ему вряд ли удастся уйти от ответа за оба эти преступления.

Неожиданная мысль осенила Джемса Бербанка, и он обратился к капитану с вопросом:

— Не можете ли вы сказать мне, когда именно случилась эта история с шлюпками?

— Я совершенно точно знаю, что расправу над нашими моряками учинили двадцать второго марта, — ответил капитан Гауик.

— Да, но ведь двадцать второго марта Тексар находился еще в Черной бухте и только собирался ее покинуть, — возразил Джемс Бербанк. — Как же мог он участвовать в резне, которая произошла за двести миль отсюда, около озера Киссимми?

— Как вы сказали?.. — удивился капитан.

— Я утверждаю, что Тексар не мог стоять во главе банды конфедератов, напавшей на шлюпки!

— Вы ошибаетесь, мистер Бербанк, — возразил капитан. — Испанца хорошо видели матросы, уцелевшие

при этой катастрофе. Я сам их расспрашивал: они уверяют, что узнали Тексара, которого хорошо знают в лицо, так как не раз видели его в Сент-Огастине.

— Не может этого быть, капитан, — настаивал Джемс Бербанк. — У меня есть записка Зермы. Из этой записки видно, что двадцать второго марта Тексар находился еще в Черной бухте.

Джилберт слушал молча. Он понимал, что его отец прав. В день катастрофы испанец не мог быть вблизи озера Киссимми.

— В конце концов, не все ли равно? — сказал он наконец. — В жизни этого человека так много загадочного, что не к чему ломать себе голову. Двадцать второго марта он был еще в Черной бухте — так пишет Зерма в своей записке, — и в тот же день он находился во главе шайки южан в двухстах милях отсюда — так утверждаете вы, капитан, со слов матросов коммодора Дюпона. Не станем об этом спорить. Ясно, по крайней мере, что в настоящее время он находится в Эверглейдсе. Стало быть, через двое суток он может быть в наших руках.

— Верно, Джилберт, — согласился капитан Гауик, — и за что бы его ни расстреляли, за учиненную резню или за похищение, расстрелян он будет по заслугам! В путь!

Все это тем не менее было в высшей степени загадочным, как, впрочем, и многие обстоятельства, связанные с жизнью Тексара.

Тут опять было какое-то необъяснимое алиби. Испанец словно действительно обладал способностью раздваиваться.

Раскроется ли наконец эта тайна или нет, сказать было трудно.

Во всяком случае, необходимо было схватить Текса-

ра. И к достижению этой цели решили направить свои усилия моряки капитана Гауика, объединившись с отрядом Джемса Бербанка.

ГЛАВА 11

Эверглейдс

Эверглейдс! Что за страшный, но великолепный край! Расположенный на юге Флориды, он тянется до мыса Сейбл, то есть до самой оконечности полуострова. Вся область представляет собой, в сущности, огромное болото, лежащее почти на одном уровне с океаном. В бурю сюда устремляются воды Атлантики или Мексиканского залива и смешиваются здесь с дождевыми потоками, которые в зимнее время заливают местность. Вот почему Эверглейдс — нечто среднее между сушей и морем и область эта почти необитаема.

Воды окаймлены здесь белыми песками — светлой рамой, оттеняющей множество темных зеркал, в глади которых отражается лишь полет бесчисленных птиц, кружащихся над болотами. Рыба тут не водится, зато змей — великое множество.

Не следует, однако, думать, что Эверглейдс бесплодная пустыня. Нет, на островах, окруженных стоячими водами, природа обретает свои права. Вредоносные испарения словно обезврежены ароматом изумительных цветов. Острова окутаны благоуханием тысячи пышно цветущих растений, которые вполне оправдывают столь поэтическое название полуострова Флориды. В этих-то благодатных оазисах Эверглейдса и укрываются индейцы-кочевники, которые никогда, правда, не задерживаются подолгу на одном месте.

Среди Эверглейдских болот, немного южнее двадцать седьмой параллели, лежит довольно большое озеро Окичоби. В одном из уголков этого озера и находится тот самый остров Карнерал — тайное убежище Тексара, куда он скрылся от преследований.

Место вполне достойное Тексара и его шайки! Когда Флорида еще принадлежала испанцам, здесь обычно скрывались бежавшие от правосудия преступники белой расы. Смешавшись с туземцами, сохранившими примесь карибской крови, они, вероятно, и явились родоначальниками тех самых криков, семинолов, индейцев-кочевников, которых удалось в какой-то мере покорить лишь в 1845 году, да и то в результате долгой и кровопролитной войны.

Остров Карнерал должен был, казалось, служить надежным убежищем, хотя с востока лишь узкий пролив отделяет его от суши, если позволительно назвать сушей окружающие озеро болота. Пролив этот имеет около ста футов в ширину, и переправиться через него можно только на лодке. Другого способа нет.

Бежать же с острова вплавь просто невыносимо: илистое дно пролива поросло длинными и цепкими травами, которые кишат ядовитыми гадами.

А дальше подымался кипарисовый лес, в котором никогда не просыхала вода, так что путнику пробираться сквозь него крайне трудно. Впрочем, это было не единственное препятствие. Глинистая почва, подобно клею, облепляла ноги, гигантские стволы повалившихся деревьев преграждали путь, душил невыносимый запах плесени, а вдобавок ко всему еще и ядовитый филактис, который вредоносней чертополоха, и в особенности тысячи исполинских грибов-дождевиков, словно

начиненных пироксилином или динамитом. При малейшем прикосновении грибы эти взрываются с оглушительным треском, наполняя воздух красноватым облаком тончайших спор, вызывающих удушье и болезненные волдыри. Этих ядовитых растений следует остерегаться так же, как опаснейших чудовищ животного мира.

Жил Тексар в заброшенном индейском вигваме, скрытом под сенью больших деревьев в восточной части острова. Спрятанный в зелени, он был незаметен даже с ближайшего к нему берега. Две ищейки так же неусыпно сторожили вигвам, как прежде сторожили блокгауз в Черной бухте. Выдрессированные для охоты за неграми, эти псы растерзали бы всякого, кто бы приблизился к жилищу испанца.

Зерма и Ди находились здесь вот уже два дня. Путешествие в лодке по Сент-Джонсу до озера Вашингтона было сравнительно легким; но дальше, когда пришлось идти кипарисовым лесом, оно стало изнурительным даже для крепких, выносливых мужчин, привычных к этому губительному климату и длинным переходам по лесам и болотам. Нетрудно представить себе, как тяжело приходилось женщине и ребенку! Но у преданной Зермы хватило сил и мужества. Всю дорогу она не спускала с рук малютку Ди, слабые ножки которой не одолели бы таких переходов. Сама Зерма готова была ползком ползти, лишь бы сберечь силы ребенка. Вот почему до острова Карнерал она добралась полумертвой от усталости.

Но как удалось Зерме после всего пережитого не впасть в отчаяние, когда Тексар и Скуамбо силой увезли ее из Черной бухты? Ведь она не подозревала, что ее записка попала в руки Джемса Бербанка; она только зна-

ла, что молодой невольник поплатился жизнью за попытку ее спасти. Его смертельно ранили в тот самый момент, когда он пытался бежать с острова, чтобы доставить в Кэмдлес-Бей ее послание, и мулатка была уверена, что никогда Джемсу Бербанку не узнать того, о чем поведал ей несчастный молодой невольник: о намерении Тексара перебраться со своими сообщниками на остров Карнерал. Ну, а если так, значит, след похищенных будет навсегда потерян.

У Зермы не оставалось уже и тени надежды. К тому же мулатка слышала столько ужасов об этом страшном крае! Она хорошо знала, что такое Эверглейдс: бежать отсюда невозможно!

А малютка, прибыв на остров, совсем ослабела. Усталость, от которой не смогли ее уберечь все заботы кормилицы, и влияние губительного климата сильно подорвали ее здоровье. Худая, бледная, словно отравленная болотными испарениями, она не в силах была ни говорить, ни двигаться. Она только непрерывно звала мать. Зерма уже не могла, как в первые дни их пребывания в Черной бухте, успокаивать ее тем, что скоро она увидит мать, что отец, брат, Алиса и Марс вот-вот за ними приедут. Ди быламышленным ребенком, а пережитые ею страшные сцены разгрома плантации сделали ее понятливой не по годам; девочка сознавала, что она похищена из родительского дома и находится в руках злого человека и что, если ее не освободят, ей никогда уже больше не увидеть Кэмдлес-Бея.

Зерма не знала теперь, что и сказать ребенку; не смотря на все ее заботы, бедное дитя чахло и угасало у нее на глазах.

Вигвам Тексара был кое-как построенной лачугой, в

зимнее время совершенно непригодной для жилья. Ветер и дождь проникали в него через все щели. Однако летом — а в этих широтах его приближение уже чувствовалось — он мог, по крайней мере, уберечь своих обитателей от солнечного зноя.

Вигвам был разделен на две комнаты: одна из них, узкая и полутемная, не имела выхода наружу. Чтобы попасть в нее, нужно было пройти через другую комнату, довольно просторную, дверь которой выходила прямо на берег пролива.

Зерму и Ди поместили в задней комнате, где имелась лишь постель из сухой травы и самая необходимая утварь.

Другую комнату заняли Тексар и индеец Скуамбо, который не расставался со своим господином. В этой комнате стоял стол, заставленный кувшинами с водкой, стаканами и тарелками, какое-то подобие шкафа для хранения съестных припасов и необтесанный обрубок дерева вместо скамьи. Две охапки травы служили постелью. Для приготовления простой пищи вполне достаточно было очага, сложенного из камня и находившегося снаружи. Вся пища состояла из вяленого мяса, дичи, запасы которой легко пополнялись тут же на острове, овощей и фруктов, росших почти в диком виде, — всего этого было как раз довольно, чтобы не умереть с голоду.

Что же касается шестерых негров, которых Тексар привез из Черной бухты, они, как и оба пса, спали снаружи и вместе с собаками сторожили вигвам. Кровом для них служили только ветви густых деревьев, сплетавшиеся над их головами.

С первого же дня Зерме и Ди позволили свободно ходить по острову. Их не запирали в вигваме, ибо тюрь-

мой для них служил весь остров Карнерал. За ними следили издалека, да и это, пожалуй, было излишним, потому что переправиться через пролив можно было только на лодке, а ее постоянно сторожил кто-нибудь из негров. Гуляя с девочкой, мулатка очень скоро поняла, как трудно отсюда бежать.

В первый день пребывания на острове Зерма находилась под надзором Скуамбо; Тексара же она ни разу не встречала. Но вечером она услышала его голос. Он о чем-то говорил с индейцем, наказывал ему быть как можно бдительнее. Вскоре в вигваме все, кроме Зермы, заснули.

Нужно сказать, что до сих пор мулатке не удалось добиться от Тексара ни единого слова. В лодке, по пути к озеру Вашингтона, она несколько раз спрашивала, что он намерен делать с нею и с ребенком; она и умоляла его, и грозила ему, но испанец молчал и холодно смотрел на нее своими злыми глазами. Потом, не достаивая ее ответом, он пожимал плечами, как человек, которому докучают.

Однако Зерма не сдавалась. Прибыв на остров Карнерал, она решила встретиться с Тексаром и вызвать в нем сострадание если не к себе, то хотя бы к несчастному ребенку, а если это не удастся — сыграть на его корыстолюбии.

Случай к тому вскоре представился.

На другой же день, уложив девочку спать, Зерма направилась к проливу.

Там она застала Тексара. Он расхаживал по берегу и вместе с Скуамбо давал какие-то приказания неграм, которые косили в проливе водоросли, мешавшие дви-

жению лодки. Двое из негров били при этом шестами по воде, пугая змей, высовывавших свои головы.

Вскоре Скуамбо отошел от хозяина, и тот собирался уже уходить, когда к нему направилась Зерма. Заметив мулатку, Тексар остановился, поджидая ее.

— Тексар, — решительным тоном обратилась к нему Зерма, — мне нужно с вами поговорить. Я думаю, что это наш последний разговор, и потому прошу вас выслушать меня внимательно.

Испанец закурил и ничего не ответил. Подождав немного, Зерма продолжала:

— Тексар, скажите мне наконец: что вы намерены делать с Дианой Бербанк?

Ответа не последовало.

— Я и не помышляю о том, чтобы возбудить в вас жалость к себе, — продолжала мулатка, — я забочусь лишь о девочке, жизнь которой в опасности и которой вы вскоре лишитесь...

При этих словах Зермы Тексар весьма недоверчиво пожал плечами.

— Да-да, очень скоро, — повторила мулатка. — Если не бегство, то смерть избавит ее от вас.

Затянувшись сигаретой, испанец медленно выпустил дым.

— Вздор! — сказал он. — Девочка за несколько дней отдохнет и поправится. Я рассчитываю на твои нежные заботы, Зерма; ты постарайся сохранить для нас ее драгоценную жизнь.

— Нет, Тексар, не надейтесь, — возразила мулатка. — Девочка скоро умрет... и притом без всякой пользы для вас.

— То есть как это без всякой пользы? — воскликнул

Тексар. — Она погибнет вдали от умирающей матери, вдали от отца и брата, доведенных до отчаяния!

— Допустим, что это так, — сказала Зерма. — Значит, вы уже отомстили сполна. Однако поверьте, для вас гораздо выгоднее вернуть девочку родным, нежели держать ее здесь.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы причинили уже много зла Джемсу Бербанку. Пора вам подумать и о собственной выгоде...

— О собственной выгоде?

— Безусловно, Тексар, — продолжала Зерма, воодушевляясь. — Вы опустошили плантацию; миссис Бербанк при смерти, может быть, теперь ее уже нет в живых; дочь ее исчезла, отец тщетно пытается напасть на след ребенка... И во всех этих преступлениях виновны вы, Тексар. Уж я-то это хорошо знаю! И говорю вам прямо в глаза. Но берегитесь, Тексар! Наступит день, когда ваши преступления откроются. Подумайте о той каре, которая вас ожидает. Подумайте об этом, и вы сами убедитесь, что в ваших интересах проявить наконец жалость. Я не говорю о себе, не говорю о том, что муж мой, вернувшись, не найдет меня. Речь идет только о несчастной девочке, жизнь которой висит на волоске. Оставьте меня, если хотите, но девочку отправьте в Кэмдлес-Бей, верните ребенка ее матери. Вам все простят. Если вы пожелаете, вам даже заплатят за освобождение ребенка. Если я вам это обещаю, то потому только, что прекрасно знаю Джемса Бербанка и его семью, знаю, что ради спасения своего ребенка эти люди ничего не пожалеют и, клянусь богом, выполнят обещание, данное вам их невольницей.

— Невольницей?.. — иронически спросил Тексар. — В Кэмдлес-Бее невольников больше нет!

— Есть, Тексар, — возразила Зерма, — ведь я предпочла остаться рабыней, чтобы не расставаться со своим господином.

— Вот как! — воскликнул испанец. — Ну что ж, если ты не прочь быть невольницей, мы можем столкнуться. Лет шесть-семь тому назад я хотел купить тебя у своего друга Тикборна, за одну тебя предлагал ему огромную сумму, и ты была бы уж давно моею рабою, если б тебя не перекупил Джемс Бербанк. Теперь ты в моих руках, и ты у меня останешься.

— Хорошо, я буду вашей рабыней. Но девочка... Неужели вы ее не вернете?

— Дочь Джемса Бербанка? — с лютой ненавистью вскричал Тексар. — Вернуть ее отцу?.. Ни за что!

— Мерзавец! — воскликнула Зерма в порыве негодования. — Ну, что ж, если не ее отец, то сам бог вырвет девочку из твоих рук!

В ответ испанец лишь злобно усмехнулся и пожал плечами. Он свернул новую сигарету, спокойно прикурил ее от окурка и зашагал вдоль берега, даже не взглянув на Зерму.

Будь у мулатки оружие, она не колеблясь убила бы Тексара, как кровожадного зверя, не посмотрев на то, что Скуамбо и его подручные безжалостно расправились бы с нею. Но она была безоружна. Неподвижно стояла она на берегу, глядя на работавших негров. Ни одного дружелюбного взгляда — вокруг какие-то свирепые лица, в которых не было ничего человеческого. И Зерма побрела к вигваму, чтобы с материнской забот-

ливостью помочь больному ребенку, который жалобно звал ее к себе.

Зерма взяла девочку на руки и, целуя, принялась утешать ее. Ласки кормилицы немного оживили малютку. Зерма напоила ее теплым питьем, приготовив его на очаге подле вигвама. Она сделала все, что было в ее силах. Ди ответила ей благодарной улыбкой... Но какой улыбкой!.. Она была горестнее слез!..

В тот день Зерма не видала больше Тексара, да она и не искала встречи с ним. К чему? Мулатка убедилась в том, что ему неведомо чувство жалости и что она может лишь ухудшить положение своими упреками и обвинениями.

В самом деле, до сих пор с Зермой и Ди обращались не так плохо и в Черной бухте, и здесь, на острове Карнерал. Но от такого человека, как Тексар, можно было ожидать всего. Стоило его вывести из терпения — и он мог впасть в бешенство и совершить любое насилие. Его черствая душа не знала сострадания. Непримируемая злоба взяла в ней верх даже над чувством самосохранения. Зерме не на что было надеяться. Что же касается Скуамбо и невольников, то как от них требовать, чтобы они были человечнее своего хозяина? Они хорошо понимали, что угрожает тому, кто проявит к ней хоть малейшее сочувствие. Нет, с их стороны ждать было нечего. Итак, Зерма могла рассчитывать только на собственные силы. И она приняла решение: этой же ночью она попытается бежать. Но как? Ведь необходимо было переправиться через пролив. И хотя около вигвама он был не слишком широк, переправиться через него вплавь было невозможно. Оставалось одно: раздобыть лодку и в ней переплыть на другой берег.

Наступил вечер, а за ним и ночь — темная и ненастная. Накрапывал дождь, ветер крепчал, угрожая пронестись над болотами ураганом.

Через большую комнату Зерма не могла выйти из вигвама, но она рассчитывала проделать отверстие в саманной стене своей комнаты, пролезть самой наружу, а затем вытащить ребенка. Выбравшись из вигвама, она решит, что делать дальше.

Часов в десять вечера снаружи доносилось лишь завывание ветра. Тексар и Скуамбо спали. Даже собаки укрылись где-то в лесной чаще далеко от вигвама.

Момент был подходящий.

Ди уснула на травяной подстилке, а Зерма принялась осторожно проделывать отверстие в боковой стене вигвама, вытаскивая из нее прутья и солому.

Целый час трудилась она, однако отверстие все еще было слишком мало, и пролезть через него она не смогла бы. Зерма снова принялась за работу, но, услышав какой-то шум, остановилась.

Шум доносился снаружи. Где-то во мраке раздавался лай собак: кто-то, должно быть, шел по берегу. Тексар и Скуамбо сразу проснулись и выбежали из комнаты.

Потом Зерма услышала голоса. По ту сторону пролива, очевидно, ходили какие-то вновь прибывшие люди. Зерме пришлось отложить свою работу: в такой момент побег был невозможен.

Вскоре, несмотря на завывание бури, до нее явственно донесся звук шагов.

Зерма прислушалась. Что это? Может быть, небо сжалилось над нею? Уж не посылает ли оно ей помощь, на которую она давно потеряла надежду?

Но она поняла, что это не так. Будь это подоспевшая

к ним помощь, на берегу неминуемо завязалась бы схватка, были бы слышны крики и стрельба. Однако ничего подобного не было. Скорее всего, к Тексару на остров Карнерал прибыло подкрепление.

Через минуту Зерма услышала, что в хижину вошли двое: Тексар и еще кто-то, но, очевидно, не индеец, ибо голос Скуамбо доносился откуда-то с берега.

Между тем в комнате находились два человека. Они стали о чем-то шептаться, но вдруг смолкли.

Один из них, взяв фонарь, направился к комнате Зермы. Мулатка едва успела броситься на постель, прикрыв собою отверстие в стене.

Тексар — это был он — приоткрыл дверь и заглянул в комнату. Увидев Зерму на постели рядом с девочкой, испанец решил, что она спит крепким сном, и ушел обратно.

Зерма вновь подошла к запертой двери.

То, что происходило в соседней комнате, было скрыто от ее взора, не видала она и собеседника Тексара, но слышать их разговор она могла.

И вот что она услышала.

ГЛАВА 12

Подслушанный разговор

- Ты здесь? На острове Карнерал?!
- Да, уж несколько часов.
- А я-то думал, что ты в Адамсвилле, на озере Апопка.
- Уже с неделю как я оттуда.
- Зачем же ты приехал?
- Пришлось!
- Но ведь ты же знаешь, что мы не должны сходить-

ся вместе! Нигде, кроме Черной бухты, да и то предварительно списавшись.

— Повторяю, мне пришлось бежать в Эверглейдс.

— Но почему?

— Сейчас узнаешь.

— И ты не боишься, что это может нас выдать?

— Нет, что ты! Я прибыл ночью, никто из твоих невольников не мог меня видеть.

Зерма никак не могла понять смысла этого разговора и не в силах была догадаться, кто же такой этот неожиданный посетитель вигвама... Беседовали, несомненно, двое, и в то же время казалось, что спрашивает и отвечает один и тот же человек. Тот же голос, те же интонации. Будто все слова произносились одними и теми же устами. Зерма тщетно заглядывала в щелку двери — в полумраке слабо освещенной комнаты рассмотреть что-либо было невозможно. Мулатке пришлось довольствоваться тем, что она слышит, и постараться как можно больше узнать из разговора, который, как она понимала, мог иметь для нее огромное значение.

После короткой паузы разговор возобновился.

— Ты не один?

Вопрос был задан, очевидно, Тексаром.

— Нет, со мной кое-кто из наших сторонников.

— А сколько их?

— Человек сорок.

— И ты не боишься, что они узнают то, что мы столько лет успешно скрывали?

— Ничуть. Они никогда не увидят нас вместе и уйдут с острова Карнерал в полном неведении. Так что в нашей жизни все останется по-прежнему.

Зерме послышалось, будто собеседники, хлопнув друг друга по рукам, обменялись рукопожатием.

Разговор продолжался.

— Как дела в Джэксонвилле после прихода северян?

— Есть важные новости. Ты, конечно, знаешь, что Дюпон занял Сент-Огастин?

— Знаю, и тебе, разумеется, известно, почему я должен об этом знать.

— Ах, да! Эта история с фернандинским поездом случилась для тебя очень кстати: ты мог доказать свое алиби, и военному суду пришлось тебя оправдать.

— Что он сделал крайне неохотно... Ну, да нам с тобой уже не в первый раз удается выпутываться таким образом...

— И надеюсь, также не в последний. Однако тебе, может быть, неизвестно, с какой целью федералисты заняли Сент-Огастин? Это сделано не столько для того, чтобы овладеть столицей графства Сент-Джонс, сколько для того, чтобы организовать блокаду побережья Атлантики.

— Я об этом слышал.

— Ну, так вот! Дюпону мало было установить контроль над побережьем от устья Сент-Джонса до Багамских островов: он решил повести борьбу с военной контрабандой и в самой Флориде. С этой целью он снарядил две шлюпки с отрядом матросов под командованием двух офицеров эскадры. Ты что-нибудь слышал об этой экспедиции?

— Нет.

— Когда же ты покинул Черную бухту? Вероятно, вскоре после того, как был оправдан?

— Да, двадцать второго марта.

— Ну так вот, как раз двадцать второго марта все и случилось.

Надо заметить, что Зерме также ничего не было известно о событиях близ озера Киссимми, о которых капитан Гауик рассказал Джилберту во время их встречи в лесу. И вот теперь одновременно с испанцем она узнала о том, как подожгли лодки федералистов, как перебили их самих, так что спаслось едва ли человек двенадцать, которые и принесли коммодору Дюпону весть об этой катастрофе.

— И поделом!.. — воскликнул Тексар. — Это им за Джэксонвилл... Эх, заманить бы нам побольше этих проклятых северян в самую глубь Флориды! Они останутся тут все до единого!

— Все до единого, особенно если заберутся в Эверглейдские болота. Кстати, мы очень скоро их здесь увидим.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Дюпон поклялся отомстить за смерть своих офицеров и матросов. Он отправил новую экспедицию на юг графства Сент-Джонс.

— Как? Стало быть, сюда идут федералисты?..

— Да, но теперь их гораздо больше, они хорошо вооружены, стали осторожней и остерегаются ловушек.

— Ты встретился с ними?

— Нет, нас было слишком мало, пришлось отступить. Но, отступая, мы постепенно завлекли их в эти края. Надо собрать рассеянную здесь милицию и разом обрушиться на них — и ни одному тогда не спастись!

— Откуда же они идут?

— Из Москито-Инлет.

— А какой дорогой?

— Через кипарисовый лес.

— Далеко ли они теперь, как ты думаешь?

— Думаю, милях в сорока от острова Карнерал.

— Прекрасно! Надо заманить их возможно дальше на юг и, не теряя времени, собрать милицию. Если нужно будет, мы завтра же удерем отсюда к Багамскому проливу... А там, если на нас уж очень насядут, прежде чем мы успеем собрать своих сторонников, мы найдем надежное убежище на Багамских островах.

Все, что говорилось за дверью, для Зермы было чрезвычайно важно. Если Тексар покинет остров, захватит ли он с собою пленниц или же оставит их в вигваме под надзором Скуамбо? В последнем случае ей следовало бы отложить побег и дождаться отъезда испанца. Может быть, тогда будет больше шансов на то, что ее попытка увенчается успехом. Что, если к тому времени отряд северян, уже вступивший в южную Флориду, выйдет к берегам озера Окичоби где-нибудь поблизости от острова Карнерал?

Но едва блеснувшая надежда тут же разлетелась прахом.

На вопрос собеседника о том, как он думает поступить с ребенком и мулаткой, Тексар, не задумываясь, ответил:

— Если придется бежать, я увезу их с собою на Багамские острова.

— Перенесет ли девочка лишения, связанные с этим новым путешествием?

— Перенесет, конечно... К тому же Зерма постарается оградить от них ребенка.

— А если девочка все же умрет?

— Пусть лучше умрет, только бы не возвращать ее отцу.

— О, ты, видно, здорово ненавидишь этих Бербанков!

— Да ведь и ты ненавидишь их не меньше!

Зерма едва удержалась, чтобы не распахнуть дверь и не встретиться лицом к лицу с двумя негодяями, столь похожими друг на друга не только голосами, но и своими преступными наклонностями, своей бессовестностью и бессердечием. Ей, однако, удалось совладать с собою. Она решила до конца дослушать разговор Тексара и его сообщника. Потом они, возможно, уснут, и тогда она попытается устроить побег, ставший неизбежным, ибо ее и Ди могли увести отсюда.

Очевидно, испанец был совсем не в курсе событий, а потому продолжал расспрашивать своего собеседника.

— Ну, а что нового на Севере? — осведомился он.

— Ничего особенного. Но, по-видимому, одолевают все-таки северяне. Вопрос о рабстве решится, вероятно, не в пользу рабовладельцев.

— А нам-то что! — равнодушно произнес Тексар.

— Нам-то, конечно, все равно. Ведь мы с тобою, в сущности, ни за Юг, ни за Север!

— Нам важно, пока обе стороны дерутся, стоять за тех, у кого можно больше поживиться.

В этих словах был весь Тексар: ловить рыбу в мутной воде Гражданской войны — только к этому и стремились оба негодяя.

— Ну, а что произошло за последнюю неделю во Флориде?

— Ничего такого, о чем бы ты не знал. Река до Пиколаты по-прежнему в руках Стивенса.

— Не собирается ли он подняться вверх по течению Сент-Джонса?

— Нет, пока не слышать, чтобы канонерки стреми-

лись проникнуть в южную часть графства. А вообще-то я думаю, что оккупации скоро конец, и тогда вся река будет в руках конфедератов.

— То есть как?

— Ходят слухи, что Дюпон хочет уйти из Флориды, оставив лишь два или три корабля для блокады ее берегов.

— Неужели?

— По крайней мере, этот слух держится упорно... А если так, то федералисты скоро оставят Сент-Огастин.

— А Джэксонвилл?..

— Разумеется, и Джэксонвилл!

— Черт возьми! Вот было бы здорово!.. Я мог бы тогда снова собрать комитет и занять свое прежнее место. Ведь это федералисты его у меня отняли. А! Распроклятые северяне! Только бы мне вернуться к власти, я бы им показал!..

— Еще бы!

— И если только Джемс Бербанк со всей своей семьей не уберется вовремя из Кэмдлес-Бея, если они не удержат от меня, тогда уж я с ними расправлюсь!

— Вполне одобряю! Ты столько натерпелся из-за этой семейки... да и я вместе с тобою. Я хочу того же, что хочешь ты, и ненавижу тех же, кого ты ненавидишь. Ведь мы с тобою — одно...

— Да... одно, — повторил Тексар.

Тут разговор на мгновение оборвался. Услыхав звон стаканов, Зерма догадалась, что испанец и «тот, другой» чокнулись.

Мулатка была поражена. Из подслушанного разговора можно было заключить, что оба эти человека в рав-

ной мере виновны во всех преступлениях, совершенных за последнее время во Флориде, и, в частности, в преступлениях против семьи Бербанк. Их дальнейшая беседа открыла ей и многое другое. Теперь для нее стали ясны кое-какие подробности загадочной жизни испанца. И все время один и тот же голос раздавался за стеной, спрашивая и отвечая, словно Тексар был в комнате один и сам с собою разговаривал. Тут скрывалась какая-то тайна, которую мулатке очень важно было разгадать. Но как это сделать? Ведь если бы эти негодяи узнали, что Зерма подслушала хотя бы часть их разговора, они бы не колеблясь прикончили ее, чтобы отвратить опасность разоблачения. А что будет с девочкой, если Зерму убьют?

Было часов одиннадцать ночи. Погода по-прежнему стояла отвратительная. Завывал ветер, дождь лил не переставая. Ясно было, что Тексар и его сообщник в такую погоду не выйдут и останутся на ночь в вигваме. К осуществлению своих планов они приступят не раньше завтрашнего дня.

Зерма окончательно в этом убедилась, когда услышала слова собеседника Тексара — говорил, должно быть, именно он:

— Ну, так что же мы решили?

— А вот что, — ответил Тексар. — Завтра утром я отправлюсь с нашими людьми осматривать берега озера. Мы углубимся мили на три-четыре в кипарисовый лес, выслав вперед на разведку тех, кто хорошо знает здешние места, и в первую очередь Скуамбо. Если отряд федералистов далеко, мы вернемся и останемся здесь до тех пор, пока не придется отступать. Если же окажется, что нам угрожает непосредственная опасность, я соберу наших сторонников и невольников, заберу отсюда Зер-

му с девочкой и уйду к Багамскому проливу. Ты же постарайся собрать милицию, рассеянную по всей южной Флориде.

— Идет! — ответил собеседник Тексара. — Завтра, куда вы будете в разведке, я спрячусь тут же на острове, в лесу. Нужно, чтобы ни одна живая душа не видала нас вместе и не разгадала нашей тайны.

— Ну конечно! — вскричал Тексар. — Какого черта рисковать! Итак, мы увидимся лишь завтра ночью в вигваме, а если мне придется покинуть остров в течение дня, то сперва уеду я, а уж потом ты. Местом встречи в таком случае будет мыс Сейбл.

Зерма поняла, что федералистам не удастся освободить ее.

Ведь если Тексар узнает, что они уже близко, он завтра же покинет остров и заберет ее с собой.

Она могла теперь рассчитывать только на свои силы. Надо было пытаться спастись, невзирая на опасность, на почти полную безнадежность такой попытки.

Если бы Зерма только знала, как близко от нее Джемс Бербанк, Джилберт, Марс и ее товарищи с плантации, если б она только знала, что они пустились на поиски, чтобы вырвать ее из рук Тексара, что записка ее дошла по назначению и друзья спешат к ней на помощь, что они поднялись вверх по течению Сент-Джонса, миновали озеро Вашингтона и, пройдя большую часть кипарисового леса, соединились уже с отрядом капитана Гауика, разыскивающего Тексара, чтобы расстрелять его без суда и следствия, — ибо не кто иной, как он, и считался виновником ловушки, устроенной на берегах Киссимми, — знай все это Зерма, с какой энергией принялась бы она за осуществление своей попытки!

Но мулатка ничего этого знать не могла. Ей неоткуда было ждать помощи, и она твердо решила пойти на любой риск и бежать с острова Карнерал.

Однако попытку бегства пришлось отложить на сутки, хотя эта темная ночь и благоприятствовала побегу. Дело в том, что вокруг вигвама расположились прибывшие на остров сообщники Тексара. Они не спали, расхаживали по берегу, курили, разговаривали. Если бы Зерма попыталась бежать и попытка ее не увенчалась успехом, ее положение лишь ухудшилось бы и она навлекла бы на себя ярость Тексара.

Разве завтра не может представиться более благоприятный случай? Ведь испанец говорил, что вместе со своими сторонниками и неграми, в сопровождении Скуамбо, он собирается пойти в разведку, чтобы узнать, не подошел ли уже к озеру отряд федералистов. Что, если Зерма сможет воспользоваться этим обстоятельством, которое увеличит ее шансы на успех? Только бы удалось ей незаметно переправиться через пролив и добраться до леса, а там она не сомневалась бы уже в своем спасении. Укрывшись в лесу, она с божьей помощью избежит преследований Тексара. Капитан Гауик со своим отрядом, вероятно, уже недалеко. Он движется к озеру Окичоби, и, значит, есть надежда, что федералисты освободят ее!

Лучше, стало быть, подождать до завтра. Но неожиданный случай разрушил все расчеты Зермы, окончательно испортив отношение к ней Тексара.

В дверь вигвама постучали. Это был Скуамбо.

— Войди! — сказал испанец.

Скуамбо вошел.

— Нет ли каких-либо распоряжений на ночь? — спросился он.

— Будьте начеку, — приказал Тексар, — и чуть что — сейчас же докладывай мне.

— В точности исполню, — ответил Скуамбо.

— Завтра с утра мы отправимся на разведку в кипарисовый лес.

— А мулатка и девочка?..

— Их надо сторожить, как обычно. И смотри, Скуамбо, чтоб никто не входил в вигвам!

— Понимаю.

— Что делают наши люди?

— Бродят взад и вперед и ложиться спать как будто не собираются.

— Пусть никто из них далеко не уходит.

— Никто не уйдет.

— А какова погода?

— Кажется, получше. Дождь уже перестал, да и ветер стихает.

— Ну, ладно.

Зерма не переставала напряженно прислушиваться. Разговор, по-видимому, окончился. Но вдруг она услышала тяжелый вздох и какое-то хрипение.

У нее замерло сердце.

Она бросилась к травяной постели и склонилась над девочкой...

Ди проснулась. И в каком ужасном состоянии!

Из ее груди вырывалось хриплое дыхание. Ее слабые ручонки судорожно хватали воздух, словно ей нечем было дышать. Она чуть слышно лепетала:

— Пить!.. Пить!..

Бедняжка задыхалась. Необходимо было поскорее

вынести ее на свежий воздух. Обезумев, Зерма в темноте схватила малютку на руки и стала дуть ей в лицо, пытаясь оживить ее своим дыханием. Мулатка чувствовала, как ребенок, точно в судорогах, трепещет на ее руках. Зерма вскрикнула... и распахнула дверь в соседнюю комнату...

Там перед Скуамбо стояли двое людей, до такой степени похожих друг на друга, что Зерма ни за что не могла бы распознать, который из них Тексар.

ГЛАВА 13

Двойная жизнь

Пора, однако, в нескольких словах объяснить читателю то, что до сих пор казалось в этой истории необъяснимым, и он увидит тогда, до какой изобретательности доходят иные люди, если преступные наклонности, сочетаясь с недюжинным умом, толкают их на стезю порока.

Двое людей, перед которыми так внезапно предстала Зерма, были братьями-близнецами.

Откуда они родом, этого они и сами толком не знали. По всей вероятности, из какой-нибудь деревушки в Техасе, на что указывало и самое их имя — Тексар, всего лишь несколькими буквами отличающееся от названия этого штата.

Известно, что такое Техас. Это обширная территория, лежащая на юге Соединенных Штатов, на берегу Мексиканского залива.

Когда Техас возмутился против мексиканского владычества, в его борьбе за освобождение ему оказали поддержку Соединенные Штаты, к которым он и был присоединен в 1845 году при президенте Джоне Тэйлоре.

За пятнадцать лет до этого в одной из прибрежных деревушек Техаса были найдены двое подкидышей. Их вырастили на средства общественной благотворительности.

С самого раннего детства они поражали всех своим необычайным сходством. Те же черты лица, те же движения, тот же голос, те же манеры и — увы! — те же порочные наклонности, которые проявлялись чуть ли не с младенчества.

Неизвестно, как они были воспитаны, получили ли какое-нибудь образование и кто были их родители. Скорей всего, они происходили из какой-нибудь бродячей семьи — их много кочевало по Техасу после его отделения от Мексики.

Как только братья подросли, их обоих охватило неудержимое стремление к вольной жизни. Почувствовав, что смогут сами себя прокормить, они в один прекрасный день исчезли.

Вместе им было тогда двадцать четыре года. Можно не сомневаться в том, что только воровство давало им средства к существованию. Они бродили по полям и фермам, воруя в одном месте хлеб, в другом — фрукты, а позже стали грабить на больших дорогах. К этому они готовили себя с детства.

Словом, братья-близнецы навсегда скрылись из деревушек и селений Техаса, где имели обыкновение промышлять вместе со всякими злоумышленниками, которые уже в то время использовали их поразительное сходство между собою.

Прошло много лет. О близнецах совершенно позабыли, забыли даже их имя. И хотя этому имени суждено было впоследствии заслужить печальную известность,

никто во Флориде не знал, что принадлежит оно двум братьям-близнецам, которые провели свое детство в прибрежных селениях Техаса.

Да и как могло быть иначе? Ведь, покинув родину, братья при помощи ряда ухищрений, речь о которых впереди, избегали где-либо появляться вместе.

Они очень ловко пользовались своим сходством для того, чтобы безнаказанно совершать преступления, в которых так трудно было их уличить.

И действительно, в течение длительного времени — лет с двадцати и до тридцати — они не жили вместе. Правда, узнали об этом лишь впоследствии, когда неопровержимо было доказано существование двух братьев-близнецов. Оба они стремились к богатству, не брезгуя никакими средствами. Они встречались очень редко и всегда тайком. Эти свидания происходили либо в Америке, либо в какой-нибудь другой части света, куда забрасывала их судьба.

Известно было, что один из братьев — который именно, трудно сказать, возможно, что и оба, — известно было, во всяком случае, что один из них вел торговлю неграми.

Они перевозили, или, вернее, подготавливали к перевозке, из Африки в Южные штаты Американского союза целые партии невольников, выполняя при этом лишь роль посредников между работоторговцами американского побережья и капитанами судов, доставлявших живой товар из Африки.

Разжились ли они на этой торговле? Вряд ли. Во всяком случае, занимались они ею все меньше и меньше, а потом и вовсе прекратили, когда в цивилизованных

странах торговля рабами была признана варварством и отменена. Пришлось от нее отказаться и близнецам.

Богатство, к которому они всеми силами стремились, ради которого не пренебрегали ничем, не давалось им в руки, а добиться его нужно было во что бы то ни стало. Вот тогда-то оба авантюриста и решили воспользоваться своим редким сходством.

Обычно бывает, что дети, поразительно похожие друг на друга в детстве, с годами сходство утрачивают. Но в данном случае это было не так. Нельзя сказать, что моральное и физическое сходство между близнецами с возрастом увеличивалось, нет: оно по-прежнему оставалось абсолютным. Их невозможно было отличить друг от друга не только по внешнему облику: манеры, жесты, интонации голоса — все у них было совершенно тождественным.

Братья решили, что эта исключительная особенность, данная им природой, поможет им совершать самые преступные деяния. Ведь если один из них попадет, он всегда сможет благодаря сходству с братом установить свое алиби, а следовательно, и доказать свою полную невиновность.

И вот в то время как один из братьев совершал задуманное ими обоими преступление, другой непременно показывался в каком-нибудь общественном месте, чтобы потом его двойник мог доказать свое алиби и установить *ipso facto* свою непричастность к преступлению.

Им, конечно, надлежало действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не попасться на месте преступления. В самом деле, ведь тогда невозможно было бы сослаться на алиби и преступная махинация тут же оказалась бы раскрытой.

Договорившись об этом друг с другом, близнецы отправились во Флориду, где их тогда никто еще не знал. Этот штат привлекал их потому, что индейцы продолжали здесь ожесточенную борьбу с американцами и испанцами, а перипетии этой борьбы открывали для братьев широкие возможности.

Тексары появились во Флориде не то в 1850, не то в 1851 году. Впрочем, говорить следует не Тексары, а именно Тексар, ибо уговор свой они соблюдали свято и никогда не показывались вместе. Встретить их обоих одновременно было невозможно, они никогда не показывались оба в одном и том же месте, в один и тот же день, и никто не подозревал даже, что существуют два брата, носящие это имя.

Окружив глубокой тайной свою частную жизнь, братья позаботились также и о том, чтобы тщательно скрыть свое постоянное местопребывание. Мы знаем, что их тайным убежищем стал заброшенный блокгауз в глубине Черной бухты.

Они наткнулись на него случайно, разведывая однажды берега Сент-Джонса. Они привезли туда несколько невольников, которым, конечно, их тайна не была известна. Эту тайну знал только Скуамбо. Его безграничная преданность обоим братьям позволяла вполне на него положиться. Индеец был их доверенным лицом и безжалостным исполнителем их преступных замыслов.

Разумеется, даже и в Черной бухте братья никогда не показывались вместе. Когда им необходимо было о чем-либо сговориться, они это делали письменно. Почтой они, впрочем, не пользовались и очень просто без нее обходились: записка просовывалась за прожилки древесного листа, который прикреплялся потом к ветке

тюльпанного дерева, росшего на болоте близ Черной бухты. Скуамбо с большими предосторожностями отправлялся ежедневно к этому дереву. Если он вез письмо от Тексара, находившегося в то время в Черной бухте, он прикреплял послание к ветке дерева; если же в условленном месте оказывалось письмо от двойника Тексара, то индеец забирал письмо и доставлял его в форт.

По прибытии во Флориду Тексары не замедлили сойтись с самыми отъявленными негодьями из подонков общества. Многие из них сделались сообщниками братьев в их многочисленных кражах. Те же люди стали сторонниками Тексаров во время междоусобной войны. Возглавлял эту банду то один, то другой из Тексаров, но никто не догадывался, что это имя принадлежит двум братьям-близнецам.

Теперь, конечно, вполне понятно, каким образом Тексарам постоянно удавалось ссылаться на неопровержимое алиби всякий раз, когда их обвиняли в совершении того или иного преступления. Так неоднократно случилось и прежде, до этой истории, между прочим, и в тот раз, когда Тексара обвиняли в поджоге и разграблении фермы. И хотя Джемс Бербанк и Зерма настаивали на том, что они видели испанца во главе шайки грабителей и узнали его, суд в Сент-Огастине вынужден был признать его невиновным, ибо Тексар доказал, что во время совершения преступления он был в Джэксонвилле, в таверне Торильо, и это подтверждалось многочисленными свидетелями. Так было и с разграблением Кэмдлес-Бея. Как же мог Тексар предводительствовать грабителями в Касл-Хаусе или совершить похищение Зермы и Ди, когда он в это время находился на одном из кораблей федералистов в числе пленников, захваченных ими

в Фернандине? Военный суд и на этот раз вынужден был оправдать испанца, несмотря на многочисленные улики, несмотря на показание, данное под присягой Алисой Стэннард.

Но если бы в конце концов и обнаружилось, что существуют два Тексара, а не один, то, вероятно, и в этом случае невозможно было бы дознаться, который же из них был участником того или иного преступления. Впрочем, в конечном-то счете оба они в равной мере были преступниками, ибо каждый являлся если не главным виновником, то хотя бы сообщником в любом из преступлений, так часто совершавшихся за последние годы в Северной Флориде. И если бы кара постигла того или другого из двух братьев или же того и другого вместе — в любом случае она была бы вполне заслуженной.

Что касается недавних событий в Джэксонвилле, то после свержения в городе законных властей оба брата, вероятно по очереди, играли одну и ту же роль. Когда Тексар 1-й отправлялся куда-нибудь, чтобы осуществить задуманную ими преступную махинацию, его обязанности исполнял Тексар 2-й, причем никто из их приспешников этого не замечал. Поэтому можно считать, что они в равной мере были причастны к насилиям, совершенным в этот период над уроженцами Севера, переселившимися во Флориду, и над плантаторами Юга, разделявшими взгляды северян на рабовладение.

Оба Тексара, разумеется, всегда были в курсе того, что делается в Центральных штатах Союза, где война, как и во Флориде, не раз принимала совершенно неожиданный оборот. Они приобрели большое влияние среди сторонников рабовладения — наименее достойной части населения Флориды, в числе которой были

испанцы и даже американцы. Устраивая свои сложные махинации, братья часто вынуждены были обмениваться письмами, устраивать тайные свидания друг с другом, обсуждать свои действия, договариваться между собою о том, как подготовить очередное алиби.

Известно, что, когда один из них находился под арестом на корабле эскадры северян, другой готовил преступное нападение на Кэмдлес-Бей, и мы уже видели, что военный суд в Сент-Огастине вынужден был оправдать заведомого преступника.

Как уже было сказано, феноменальное сходство двух братьев с годами несколько не уменьшилось. Но ведь случись с одним из них какое-нибудь несчастье, получи он ранение или увечье, и тогда полное тождество между ними было бы нарушено. У одного из Тексаров появилась бы особая примета, что, несомненно, помешало бы успеху их махинаций.

Оба брата вели жизнь бурную, полную опасностей и приключений. Каждый из них мог попасть в такую переделку, которая оставила бы неизгладимые следы на всю жизнь. Как бы он стал тогда выступать в роли своего двойника?

Но если все-таки случалось иной раз, что абсолютное сходство между ними на время нарушалось, они тотчас же принимали меры, чтобы его восстановить.

Так, во время одного ночного нападения, вскоре после прибытия Тексаров во Флориду, пистолетным выстрелом в упор одному из братьев опалили бороду. Тогда другой Тексар спешно обрился, чтобы стать таким же безбородым, как и его двойник.

Был и другой еще случай, о нем упоминалось в начале этой истории, когда речь шла о посещении одним из

Тексаров Черной бухты. Но тут необходимо кое-что пояснить.

Читатель помнит, вероятно, что однажды ночью, находясь еще на острове в блокгаузе, Зерма видела, как Скуамбо татуировал испанцу руку. Понадобилось это вот для чего. Брат Тексара был в числе флоридских путешественников, взятых в плен семинолами и отпущенных после того, как на левую руку каждого из них было поставлено неизгладимое клеймо. Немедленно в блокгауз была прислана копия этой татуировки, и Скуамбо мог в точности воспроизвести ее на руке испанца. И тождество двух братьев, таким образом, было восстановлено.

Вообще можно, пожалуй, поручиться, что, если бы Тексар 1-й почему-либо лишился руки или ноги, Тексар 2-й подверг бы себя такой же ампутации.

Одним словом, в течение многих лет братья Тексары вели эту двойную жизнь, причем так ловко и осторожно, что до сих пор им удавалось ускользнуть от всех преследований правосудия.

Удалось ли братьям разбогатеть с помощью всех этих махинаций? В какой-то мере да. В результате краж и грабежей у них скопилась кругленькая сумма, которую они спрятали в блокгаузе Черной бухты. Отправляясь на остров Карнерал, испанец из предосторожности захватил с собою эти деньги, и можно было поручиться, что он не оставит их в вигваме, если ему придется бежать к Багамскому проливу.

Однако сумма эта казалась братьям недостаточной. Им хотелось увеличить ее, а потом уж и удалиться в какой-нибудь штат Северной Америки или в Европу, чтобы жить там в свое удовольствие и наслаждаться награбленным богатством.

Узнав, что коммодор Дюпон намерен в скором времени очистить Флориду, братья подумали, что им предоставляется случай еще больше нажиться и отплатить северянам за временное занятие штата федералистами. Они решили выждать, а потом отправиться снова в Джексонвилл и при поддержке своих приспешников и всех сторонников Юга, замешанных в беспорядках, захватить опять власть, которую они однажды уже добыли при помощи мятежа и которую только мятеж и мог вернуть им снова.

У Тексаров был, впрочем, и другой способ разбогатеть, и разбогатеть весьма изрядно.

В самом деле, почему бы им не согласиться на предложение, сделанное одному из них Зермой? Почему бы не возратить Ди ее безутешным родителям? Джемс Бербанк, конечно, не пожалел бы ничего ради освобождения своего ребенка. Он дал бы, кроме того, обязательство не преследовать испанца и не возбуждать против него дела.

Но голос ненависти и мести заглушил в братьях даже алчность: им очень хотелось разбогатеть, но не меньше того им хотелось, прежде чем они покинут Флориду, отомстить Бербанкам.

Теперь читателю известно о Тексарах все самое важное. Остается только подождать развязки этой истории.

Нечего и говорить, что, внезапно очутившись в присутствии близнецов, Зерма все поняла. В ее сознании разом возникла картина их прежних деяний. Пораженная тем, что она увидела, мулатка, держа девочку на руках, словно приросла к полу. К счастью, в комнате, где сидели Тексары, воздуха было больше, и приступ удушья у ребенка прошел.

Но для самой Зермы, оказавшейся в присутствии обоих братьев, разоблачение их тайны было равносильно смертному приговору.

ГЛАВА 14

Побег

Как ни умели владеть собою Тексары, но, увидав Зерму, они потеряли всякое самообладание. Ведь это, несомненно, впервые, если не считать раннего детства, посторонний человек заставлял их вместе. И человеком этим была Зерма, их смертельный враг. Вот почему их первым движением было броситься на мулатку, убить ее, чтобы сохранить свою тайну...

Между тем девочка приподнялась на руках у кормилицы и, цепляясь за нее ручонками, крикнула:

— Я боюсь... боюсь!..

По знаку братьев Скуамбо, подскочив к мулатке, схватил ее за плечо и вытолкнул из комнаты. Дверь за нею захлопнулась.

Скуамбо подошел к Тексарам. Всем своим видом он выражал готовность выполнить любое их приказание. Однако при этом неожиданном происшествии близнецы проявили гораздо больше растерянности, чем это можно было ожидать при их наглости и бесстрашии.

Они молча переглянулись, как бы советуясь, что делать.

Между тем Зерма, снова уложив девочку на постель, забилась в угол комнаты. К ней вернулось хладнокровие. Она подошла к двери, желая подслушать, о чем будут говорить ее враги. Сейчас должна решиться ее

участь. Но Тексары и Скуамбо вышли из вигвама, и Зерма не могла уже слышать их слов.

Между тем они говорили вот о чем:

— Зерму надо убить!

— Непременно! Ведь если ей удастся бежать или ее освободят федералисты — нам крышка! Ее необходимо прикончить!

— Хоть сию минуту! — откликнулся Скуамбо.

Он уже направился было к вигваму с ножом в руке, но один из Тексаров остановил его.

— Постой, — сказал он. — Расправиться с Зермой мы всегда успеем, а пока она нам нужна, чтобы ходить за ребенком. Сперва надо найти ей замену. Прежде всего попробуем разобраться в создавшемся положении. Через кипарисовый лес движется сейчас высланный Дюпоном отряд федералистов. Ну что ж! В первую очередь обследуем хорошенько берега озера и остров. Отряд направляется на юг, однако нет никаких оснований утверждать, что он идет именно сюда. Но допустим даже, что это и так, — мы в случае необходимости успеем убежать, прежде чем федералисты подойдут. Если же они идут не сюда, а в какую-либо другую сторону, мы преспокойно останемся здесь, и пусть их забираются в глубь южной Флориды. Они окажутся там в наших руках, потому что мы тем временем соберем милицию, рассеянную в этих местах, и превосходящими силами ударим по ним. Тогда уж не нам, а им придется бежать. Мы окружим их, отрежем им пути отступления, и если у озера Киссимми удалось спастись хотя бы несколькими матросам, то уж отсюда не убежит ни один!

При данных обстоятельствах предложение Тексара было, пожалуй, самым благоразумным. Действительно,

в этой части Флориды находилось еще большое количество южан, только и ожидавших благоприятного случая, чтобы напасть на федералистов. Произведя разведку, Тексары смогут решить, оставаться ли им на острове Карнерал или уходить к мысу Сейбл. Это должно было выясниться завтра. Что касается Зермы, то независимо от результатов разведки Скуамбо поручено было ударом кинжала обеспечить ее молчание.

— Но девочке мы должны сохранить жизнь, — сказал один из братьев, — это в наших же интересах. Понять того, что поняла Зерма, она не могла. А если мы попадемся в руки капитану Гауику, мы сможем предложить ее в качестве выкупа за наше освобождение. Чтобы вернуть свою дочь, Джемс Бербанк пойдет на любую сделку, какую мы ему предложим. Он не только согласится гарантировать нам полную безнаказанность, но отвалит еще столько денег, сколько мы потребуем за освобождение ребенка.

— Если Зерма умрет, — заметил индеец, — то, чего доброго, умрет и девочка.

— Ну, это вздор, — возразил один из братьев. — Мы найдем ей няньку, у меня есть на примете одна индианка, которая сможет заменить Зерму.

— Ладно! Но от мулатки мы в любом случае должны избавиться!

— С нею все равно надо покончить, и как можно скорее!

На этом разговор двух братьев и окончился. Зерма слышала, как они вернулись в вигвам.

Какую страшную ночь провела несчастная женщина!.. Зерма знала, что обречена на смерть, но думала она не о себе. Собственная участь мало беспокоила мулатку,

всегда готовую пожертвовать жизнью ради своих хозяев. Ее приводила в отчаяние мысль о том, что Ди останется во власти безжалостных негодяев. Даже если они ради собственной выгоды и пощадят жизнь ребенка, не погибнет ли девочка, лишенная ее преданной заботы?

Эта мысль настойчиво овладела Зермой, и она, как одержимая, стала думать о побеге. Бежать, бежать во что бы то ни стало, бежать, прежде чем Тексар разлучит ее с ребенком!

Всю ночь, тянувшуюся бесконечно долго, мулатка только и думала о том, как привести в исполнение свой замысел. Из подслушанного разговора она, между прочим, запомнила, что один из Тексаров завтра отправится осматривать местность вокруг озера. Отправится он, конечно, в сопровождении достаточного количества людей, чтобы в случае встречи с отрядом федералистов дать ему отпор. Стало быть, Тексар возьмет с собой всех своих невольников, а также и людей, пришедших сюда вместе с его братом. Другой же Тексар, вероятно, останется на острове, чтобы стеречь вигвам и чтобы его с братом не увидели вместе. Тут-то Зерма и попытается бежать. Быть может, ей посчастливится найти какое-нибудь оружие, которым она в случае надобности не преминет воспользоваться.

Настало утро. Тщетно Зерма старалась понять, что происходит на острове, прислушиваясь к звукам, доносившимся до нее снаружи, и не теряя надежды на то, что сюда явится отряд капитана Гауика, чтобы схватить Тексара.

Как только стало светать, девочка проснулась, немного отдохнув за ночь. Зерма дала ей пить, и ребенок совсем ожил. Мулатка долгим и нежным взглядом смотрела на свою питомицу, как будто навеки прощаясь с

нею, а потом крепко прижала ее к своей груди. Если б в эту минуту кто-нибудь попытался разлучить их, она защищалась бы, как тигрица, у которой отнимают детеныша.

— Что с тобой, Зерма? — спросила Ди.

— Нет... Ничего, — отвечала мулатка.

— А мама?.. Мы ее скоро увидим?

— Скоро, милая, скоро, — утешала Зерма. — Может быть, даже сегодня. Да, голубка моя, я надеюсь, что нынче мы будем уже далеко-далеко отсюда...

— А эти люди, которых я видела ночью?

— Ты их хорошо видела? — спросила Зерма.

— Да... они такие страшные... я боюсь!..

— Но ты их как следует разглядела? Ты заметила, как они друг на друга похожи?

— Заметила... — пролепетала Ди.

— Ну, так запомни же это, запомни твердо и не забудь об этом сказать отцу и брату. Так и скажи, что их два брата... Понимаешь? Два брата Тексара, и что они до того похожи один на другого, что их невозможно различить!

— Но разве ты сама не скажешь? — недоумевала девочка.

— И я скажу, конечно, но только, видишь ли, меня может там и не быть, поэтому ты должна помнить...

— Почему же тебя там не будет? — спросила девочка, обхватив Зерму за шею, словно желая ее удержать.

— Я буду с тобою, детка, буду с тобою!.. А теперь слушай еще. Нам придется идти... далеко-далеко... И нужно набраться сил. Я покормлю тебя...

— А ты?

— Я уже поела... пока ты спала. Мне больше не хочется.

Правду сказать, Зерма и в рот ничего не брала; в том состоянии, в котором она находилась, ей было не до еды. Позавтракав, Ди снова легла на свою травяную постель.

Зерма же уселась в углу комнаты и сквозь маленькую щель в стене стала наблюдать за тем, что делается снаружи. Для нее это было чрезвычайно важно.

А там готовились к походу. Один из Тексаров — только один — собирал отряд, который он намеревался вести в кипарисовый лес. Другой же в это время скрывался, вероятно, где-то в вигваме или на острове, чтобы никто его не видел.

Так, по крайней мере, подумала Зерма, зная, как тщательно братья оберегали свою тайну. При этом она решила, что на того из них, который останется на острове, и будет возложено наблюдение за нею и Ди.

И мулатка, как мы сможем вскоре убедиться, оказалась права.

Между тем человек пятьдесят негров и сторонников Тексара собрались около вигвама и ожидали приказа своего главаря, чтобы тронуться в путь.

Было около девяти часов утра, когда отряд начал переправляться через пролив к опушке леса. На это ушло довольно много времени, так как лодка вмещала сразу не более пяти-шести человек. Зерма видела, как они небольшими группами спускались к проливу, а потом выходили на противоположном берегу. Самого же пролива она сквозь щель видеть не могла, потому что он был скрыт высоким берегом.

Тексар переправился последним, взяв с собой одну из ищеек, которая могла пригодиться в разведке. Другая собака тоже побежала за ним, но хозяин знаком приказал ей остаться на острове, и она вернулась к вигваму.

Вскоре Зерма увидела Тексара уже на противоположном берегу, где он ненадолго задержался, чтобы построить свой отряд. Затем все двинулись к лесу, Скуамбо с собакой шел впереди. Через несколько минут отряд, еле различимый в густых зарослях тростника, достиг опушки леса и скрылся.

Лодку один из негров привел, по всей вероятности, обратно, чтобы никто не мог, воспользовавшись ею, попасть на остров. Зерма не видела этого негра и подумала, что он направился куда-нибудь дальше вдоль пролива.

Мулатка больше не колебалась.

Ди проснулась. Под изношенным платьем ее исхудавшее тельце казалось таким жалким!

— Пойдем, моя крошка, — сказала Зерма.

— Куда? — спросила девочка.

— Туда... в лес... Может быть, мы встретим там твоего отца и брата. Не бойся!

— С тобою я ничего не боюсь! — отвечала малютка.

Зерма осторожно приоткрыла дверь в соседнюю комнату. Комната была пуста. Очевидно, второго Тексара в вигваме не было.

Прежде всего мулатка стала искать какое-нибудь оружие, чтобы пустить его в ход, если ее попытаются задержать. На столе она увидела нож с широким лезвием — охотничий нож индейцев. Она схватила его и спрятала под одеждой, потом взяла на дорогу немного сушеного мяса.

Теперь надо было выбраться из вигвама. Зерма опять посмотрела сквозь щель в сторону пролива. На острове не видно было ни души. Не было даже и пса, оставленного сторожить хижину.

Успокоившись, мулатка попыталась открыть дверь наружу. Дверь не поддавалась: она оказалась запертой.

Зерма тотчас же вернулась с девочкой в свою комнату. Ей оставалось только одно: воспользоваться отверстием, проделанным ею в стенке вигвама, правда, несколько расширив его.

При помощи ножа это было довольно просто. И мулатка принялась осторожно резать плетеный тростник.

Куда, однако, девалась собака? Если ее не было сейчас возле вигвама, то ведь она могла появиться в любой момент. Не набросится ли ищейка на нее и на ребенка, когда они выберутся наружу? Встретиться с таким свирепым псом — все равно что встретиться с тигром!

Но раздумывать не приходилось. Отверстие было готово. Мулатка крепко обняла девочку. Ди горячо и нежно поцеловала кормилицу. Она уже все поняла: им нужно бежать из хижины, бежать через отверстие в стене.

Зерма первая выбралась наружу, огляделась по сторонам, прислушалась.

Все тихо, ни души. В отверстии показалась девочка.

Вдруг послышался лай. Он доносился откуда-то издалека, с западной стороны острова. Зерма схватила девочку на руки. Сердце у мулатки билось так сильно, что, казалось, оно вот-вот разорвется в груди... Только бы добраться до камышей, что на другом берегу пролива: там они будут в относительной безопасности.

Но как пробежать эту сотню шагов до воды? Ведь это был едва ли не самый опасный момент в задуманном предприятии: ее мог заметить Тексар или невольник, который остался на острове.

К счастью, справа от вигвама начиналась густая заросль тростника вперемежку с кустарником. Она тяну-

лась до самого берега и оканчивалась в нескольких ярдах от того места, где должна была находиться лодка.

Зерма решила укрыться в этой чаще, что немедленно и сделала. Кусты раздвинулись, приняли беглянок и тотчас вновь сомкнулись за ними. Собачий лай к тому времени уже умолк.

Пробраться сквозь колючий кустарник было довольно трудно. Зерма в клочья изорвала все платье, до крови исцарапала руки, но девочку она старалась уберечь. Что значили для мулатки уколы этих длинных шипов? Она не обращала никакого внимания на боль. Девочка была тоже немного исцарапана, но не плакала и ни разу не пожаловалась.

Чтобы добраться до пролива, Зерме понадобилось не менее получаса, хотя все расстояние не превышало и шестидесяти ярдов.

Тут она остановилась и поглядела сквозь камыши в сторону вигвама, потом в сторону леса.

На острове под высокими деревьями никого не было видно, на противоположном берегу — тоже. Тексар и его спутники углубились уже, вероятно, на одну-две мили в лесную чащу. Они возвратятся не раньше как через несколько часов, если только не встретят по пути отряд северян.

Однако Зерме не верилось, чтобы ее оставили в вигваме одну, без всякого надзора. Не мог же в самом деле Тексар, прибывший накануне со своими сторонниками, ночью покинуть остров, да еще и взять с собою ищейку? Наконец, она сама слышала лай — значит, собака рыщет где-то здесь поблизости. Тексар или его ищейка могли появиться в любую минуту. Но, может быть, по-

торопившись, она все же успеет добраться до кипарисового леса?

Читатель, вероятно, помнит, что, наблюдая за тем, как отряд испанца переправлялся через пролив, Зерме не удалось заметить, куда девалась лодка. Высокий берег и густой тростник скрывали от нее поверхность воды.

Но мулатка была твердо уверена, что кто-нибудь из негров привел лодку обратно к острову. Ведь это нужно было, чтобы сделать вигвам недоступным для солдат капитана Гауика, если бы им удалось обойти южан.

Ну, а если лодка осталась все же на том берегу, если Тексар предпочел не отправлять ее обратно, чтобы при появлении федералистов можно было скорее добраться до острова, — как переправится тогда мулатка на противоположную сторону? Может быть, скрываться здесь в лесу? Дождаться, пока испанец покинет остров в поисках другого убежища в Эверглейдсе? Но если он и примет такое решение, он сделает сперва все от него зависящее, чтобы снова захватить в свои руки Зерму и ребенка. Итак, оставалось одно: воспользоваться лодкой и на ней переплыть через пролив.

Чтобы добраться камышами до берега, Зерме нужно было пройти не более пяти-шести ярдов. Дойдя до самой воды, она остановилась...

Лодка оказалась на противоположном берегу.

ГЛАВА 15

Два брата

Положение было отчаянное. Как перебраться на ту сторону без лодки? Самый смелый и искусный пловец мог бы отважиться на это лишь с огромным риском для

жизни. Пролив, правда, был не широк — футов сто, не больше, но переправиться через него вплавь было невозможно. Там и сям змеи высывали из воды свои треугольные головки, и водоросли кишели отвратительными гадами.

Бедняжка Ди в ужасе прижималась к Зерме. О, если б для спасения девочки достаточно было отдать себя на съедение этим чудовищам, которые опутали бы ее всю, точно гигантский спрут с тысячью щупалец, мулатка, не задумываясь, принесла бы эту жертву.

Но спасти ребенка могло только чудо, а чудеса творит один лишь бог. Он — их единственная надежда! И, упав на колени, Зерма стала молить того, кто посылает людям спасительный случай.

С минуты на минуту у опушки леса мог появиться кто-нибудь из людей Тексара. С минуты на минуту оставшийся на острове Тексар мог войти в вигвам и, не найдя там ни Зермы, ни Ди, пуститься в погоню за ними.

— Боже мой! — вскричала несчастная женщина. — Смилуйся над нами!..

Случайно она бросила взгляд вдоль пролива направо.

Медленно катились воды его к северной части озера, где берут начало несколько притоков Калаочатео, одной из множества мелких речушек, впадающих в Мексиканский залив и питающих водою озеро Окичоби во время больших ежемесячных приливов.

Увлекаемый тихим течением, по воде плыл большой древесный ствол, и в ту минуту, как Зерма взглянула в сторону пролива, его как раз прибило к самому берегу.

«Не переправиться ли на нем через пролив», — мелькнула мысль у Зермы. Изгиб берега несколькими ярдами дальше отклонял течение в сторону кипарисово-

го леса. Да, конечно, надо было воспользоваться плывущим деревом. Даже если попытка не удастся и дерево будет снова отнесено к острову, положение беглянок от этого хуже не станет.

И, не раздумывая больше, словно повинувшись какому-то наитию, Зерма кинулась к плывущему стволу. Начни она размышлять, она вспомнила бы, вероятно, что вода кишит сотнями ядовитых гадов, что ствол может запутаться в водорослях и застрять посреди пролива. Да, но все это было не так страшно, как оставаться на острове! И Зерма, держа девочку на руках, перепрыгнула на дерево и, ухватившись за его ветви, оттолкнулась от берега.

Ствол снова поплыл, и течением его понесло к противоположному берегу.

Зерма старалась спрятаться в ветвях плывущего дерева. Впрочем, оба берега были пустынные. Ни со стороны острова, ни со стороны леса не доносилось ни звука. Только бы переплыть пролив, а там мулатка знала, что ей делать. Она отыщет какое-нибудь убежище, в котором дождется наступления ночи, и тогда уже, не рискуя быть замеченной, проберется в лес. Надежда вернулась к ней. Ей не страшны были даже пресмыкающиеся, то и дело высывавшие из воды свои отвратительные головы и шнырявшие среди погруженных в воду ветвей плывущего дерева.

Девочка закрыла глаза. Одной рукой Зерма прижимала ее к груди. В другой руке она держала наготове нож.

Но змеи не осмелились броситься на беглянок, потому ли, что их пугал нож, сверкавший в руке у Зермы, или же потому, что они могут причинять вред только в воде.

Древесный ствол доплыл наконец до середины про-

лива, а потом его стало относить течением к лесу. Еще четверть часа — и, если только он не застрянет, запутавшись в водорослях, его прибьет к противоположному берегу. И тогда, как бы ни были еще велики подстергавшие Зерму опасности, она уже будет недосыгаема для Тексара.

Вдруг мулатка вздрогнула и крепче прижала к себе малютку.

На острове послышался яростный лай. Из чащи выскочила собака и огромными прыжками помчалась вдоль берега.

Зерма узнала ищейку, которую Тексар, уходя в лес, оставил на острове сторожить вигвам.

Ощетинившись, с глазами, налитыми кровью, собака готова была броситься в воду, кишашую гадами.

В ту же минуту на берегу появился человек.

Это был Тексар, остававшийся на острове. Услышав лай собаки, он прибежал на берег.

Как описать охватившее его бешенство, когда он увидел уносимое течением дерево и на нем мулатку с девочкой? Пуститься в погоню за ними он не мог — ведь лодка была по ту сторону пролива. Оставалось одно: убить Зерму, рискуя вместе с нею убить и ребенка.

У Тексара было ружье. Он поднял его и прицелился в мулатку, которая старалась прикрыть собою девочку.

Но вдруг расшвиравшийся пес кинулся в воду. Тексар опустил ружье. Он решил подождать, что будет дальше.

Собака поплыла, быстро приближаясь к дереву. Зерма, крепко зажав нож в руке, держала его наготове. Но ей не пришлось им воспользоваться.

Змеи мгновенно опутали собаку. Она отчаянно защи-

щалась своими страшными клыками от их ядовитых укусов, но очень скоро скрылась под водой.

Собака гибла на глазах у хозяина, и он бессилён был ей помочь. А Зерма между тем ускользала из его рук...

— Так умри же, негодная! — в бешенстве крикнул Тексар и выстрелил.

Однако древесный ствол был в это время уже у противоположного берега, и пуля лишь чуть задела плечо мулатки.

Еще минута — и Зерма с девочкой на руках прыгнула на сушу и скрылась в густых камышах. Тексар послал ей вдогонку еще один выстрел, но она была уже в безопасности. Прячась в зарослях, мулатка достигла опушки кипарисового леса.

Но если один из Тексаров, тот, что оставался на острове, был ей уже не страшен — она могла еще попасть в руки его брата.

Поэтому прежде всего нужно было как можно скорей уйти подальше от острова Карнерал, а уж когда стемнеет, направиться к озеру Вашингтона. Собрав все свое мужество, в напряжении всех физических и душевных сил, Зерма, не разбирая дороги, почти бегом устремилась к лесу. Ребенка она держала на руках, потому что девочка не могла бы поспеть за нею. Не для слабеньких ножек измученной крошки был этот тяжелый путь: переплетение гигантских корней, топкие овраги, рывины подстерегали путника на каждом шагу, как западни, устроенные охотником.

Зерма продолжала нести свою драгоценную ношу, словно не чувствуя даже ее тяжести. Время от времени она останавливалась — не для того, чтобы перевести

дух, а чтобы прислушаться к лесному шуму. То ей чудился лай собаки, той, которую взял с собою в разведку Тексар, то слышались отдаленные выстрелы. Уж не бой ли это между южанами и отрядом федералистов? Но, убедившись, что звуки эти не что иное, как крик пересмешника или потрескивание сухих ветвей на ветру, наминавшее пистолетные выстрелы, мулатка снова пукалась в путь. Теперь она была преисполнена надежды и, не думая об опасностях, стремилась к своей цели: ей нужно было во что бы то ни стало добраться до истоков Сент-Джонса.

Около часу шла она, все дальше и дальше удаляясь от озера Окичоби, держа путь на восток, к побережью Атлантики. Она не без основания полагала, что если северяне послали в эту сторону отряд капитана Гауика, то у берегов Флориды в ожидании его возвращения должны крейсировать суда федералистов, и вполне возможно, что несколько шлюпок ведут наблюдение за побережьем где-нибудь поблизости.

Вдруг Зерма остановилась. На этот раз она не ошибалась. В лесу действительно слышен был яростный лай; он раздавался все ближе и ближе. Лай этот мулатка хорошо знала. Ей не раз приходилось его слышать, когда она находилась в блокгаузе Черной бухты, вокруг которого рыскали две огромные ищейки.

«Собака нас выследила, — подумала она, — и Тексар, конечно, где-то здесь поблизости».

Первой ее мыслью было спрятаться с девочкой где-нибудь в чаще. Но разве умному и свирепому псу его нюх не поможет разыскать их? Ведь ищейка была специально выдрессирована для охоты за беглыми неграми и умела отлично их выслеживать.

Лай между тем становился все громче и громче, а издалека уже доносились и человеческие голоса.

В нескольких шагах от Зермы рос высокий дуплистый кипарис, весь обвитый густою сетью лиан и драконова корня.

Зерма забралась в дупло, достаточно глубокое, чтобы она и девочка могли в нем поместиться, и совершенно скрытое сетью ползучих растений.

Но ищейка уже напала на их след. Зерма увидела, как, подбежав к дереву, она бросилась на него с неистовым лаем.

Удар ножом — и собака отскочила назад, зарывав еще яростнее.

Почти тотчас же послышались шаги. Перекликались чьи-то голоса... И среди них Зерма узнала столь памятные ей голоса Тексара и Скуамбо.

Да, это были они — испанец и его сторонники. Они спешили к озеру, удирая от сильного отряда федералистов. Неожиданно наткнувшись на него в лесу, они обратились в бегство. Тексар хотел кратчайшим путем вернуться на остров Карнерал, где он был бы отделен от федералистов водной преградой. А так как у северян лодок нет, они не смогут переправиться через пролив и на их пути хотя бы на время возникнет непреодолимое препятствие. Он со своими сторонниками воспользуется этим, чтобы уйти на другую сторону острова и, дождавшись там ночи, переправиться в лодке на южный берег озера.

Тексар и Скуамбо подбежали к кипарису, около которого продолжала отчаянно лаять собака. Она была ранена в бок. Земля под деревом стала красной от крови, которая так и хлестала из раны.

— Глядите... Глядите!.. — вскричал индеец.

— Собака ранена? — спросил Тексар.

— Да, ранена ножом, и... сейчас только! Кровь еще дымится!

— Кто бы это мог?..

Но в эту минуту собака снова кинулась к дереву. Скуамбо ружьем раздвинул листья, скрывавшие дупло.

— Зерма! — вскричал он.

— И девочка! — подхватил Тексар.

— Да, это они!.. Но как им удалось сбежать?

— Надо убить Зерму! Прикончить сейчас же!

Мулатка хотела было ударить испанца ножом, но Скуамбо схватил ее за руку, обезоружил и с такой яростью рванул из дупла, что Ди выскользнула у нее из рук и покатила по земле среди огромных грибов, тех самых грибов-дождевиков, которые в огромном количестве растут в кипарисовых лесах.

Один гриб лопнул от толчка. Раздался треск, подобный ружейному выстрелу, и светящаяся пыль разлетелась в воздухе. Вслед за первым грибом начали лопаться и другие. Лес наполнился таким грохотом, словно в нем шла оживленная перестрелка.

Ослепленный мириадами спор, Тексар выпустил из рук Зерму, над которой он уже занес свой широкий нож. В облаках пыли Скуамбо тоже ничего не видел. Мулатка и девочка лежали, к счастью, на земле, и светящиеся споры носились над ними в воздухе, не причиняя им никакого вреда.

Однако Зерме все равно не уйти было от Тексара. Еще несколько взрывов — и воздух стал очищаться от спор.

Но вдруг снова слышались выстрелы, на сей раз уже действительно ружейные.

Федералисты атаковали шайку южан. Отряд морской пехоты капитана Гауика окружил их и заставил сложить оружие. Но Тексар, схватив Зерму, успел нанести ей ножом страшный удар в грудь.

— Ребенок!.. — крикнул он Скуамбо. — Скорей унеси ребенка!

Схватив девочку, индеец бросился бежать к озеру, но вслед ему раздался выстрел... Он упал мертвым. Пуля Джилберта угодила ему прямо в сердце.

Тем временем уже подоспели Джемс Бербанк, Джилберт, Эдвард Кэррол, Пэрри, Марс и негры. Моряки из отряда капитана Гауика оцепили южан, среди которых находился и Тексар, неподвижно стоявший над трупом Скуамбо.

Кое-кому из южан удалось все же спастись бегством и добраться до острова Карнерал. Но какое это имело теперь значение? Ведь отец уже нашел свою дочь. Он так крепко прижимал ее к груди, словно боялся, что ее снова похитят. Джилберт и Марс, склонившись над Зермой, пытались привести ее в чувство. Несчастная женщина еще дышала, но говорить не могла. Марс поддерживал ей голову, звал ее, целовал...

Наконец Зерма открыла глаза. Она увидела девочку на руках Джемса Бербанка, узнала Марса, который осыпал жену поцелуями, и улыбнулась ему. Потом веки ее снова сомкнулись...

Поднявшись на ноги. Марс увидел Тексара и бросился к нему.

— Смерть Тексару!.. Убить его!.. — кричал он.

— Постой, Марс, — вмешался капитан Гауик. — По-

зволь нам самим расправиться с этим негодяем. — И, обращаясь к испанцу, он спросил: — Вы Тексар из Черной бухты?

— Я не желаю отвечать, — сказал Тексар.

— Джемс Бербанк, лейтенант Джилберт Бербанк, Эдвард Кэррол, Марс вас знают и могут опознать вашу личность.

— Ну, и пускай их!

— Вы будете расстреляны!

— Что ж, хоть сейчас!

Но, ко всеобщему удивлению, малютка Ди вдруг обратилась к отцу.

— Папа, — сказала она, — их два брата, два злых человека... И они очень друг на друга похожи...

— Два человека?..

— Да, Зерма велела непременно тебе об этом сказать.

Трудно было понять странный смысл этого детского лепета. Но вскоре все разъяснилось самым неожиданным образом.

Тексара поставили у подножия дерева. Он закурил, вызывающе глядя в лицо Бербанку. Перед ним уже выстроился взвод солдат, ждавший лишь сигнала, чтобы расстрелять преступника, как вдруг из чащи выскочил какой-то человек и, подбежав к дереву, встал рядом с испанцем.

Это был второй Тексар, которому южане, убежавшие на остров Карнерал, сообщили об аресте брата.

Теперь, когда они стояли рядом, их поразительное сходство сразу же объяснило странные слова ребенка. Стали понятными и те загадочные алиби, благодаря которым столько преступлений оставались безнаказанными.

Все, что казалось непостижимым в прошлом Тексаров, сейчас стало абсолютно ясным.

Однако появление второго брата должно было вызвать некоторое замешательство и неминуемо задержать казнь.

В самом деле, как выполнить приказ коммодора? Ведь Дюпон приказал расстрелять того Тексара, который виновен в расправе, учиненной над офицерами и матросами федералистов. Что же касается виновника ограбления Кэмдлес-Бея и похищения Зермы и Ди, то его следовало живым доставить в Сент-Огастин, где он снова предстанет перед судом, который на сей раз уже, несомненно, вынесет ему обвинительный приговор.

Но разве нельзя было считать обоих братьев одинаково ответственными за множество преступлений, столь безнаказанно совершенных ими до сих пор? Можно было, конечно! И все же капитан Гауик из уважения к законности счел своим долгом задать Тексарам следующий вопрос:

— Который из вас признает себя виновником кровавой расправы у Киссимми?

Ответа не последовало.

Очевидно, Тексары твердо решили не отвечать на вопросы. Только Зерма могла бы указать, какое участие в преступлениях принимал каждый из братьев. И действительно, ведь тот из них, который 22 марта находился в Черной бухте, не мог быть виновником резни у озера Киссимми. Одна только Зерма и могла сказать, кто же из двух братьев похитил ее и Ди. Но жива ли еще мулатка?

Да, она была жива. Поддерживаемая мужем, Зерма приблизилась и еле слышным голосом произнесла:

— У того, кто нас похитил, должна быть татуировка на левой руке.

Слова мулатки вызвали презрительную усмешку обоих братьев. Засучив рукава, оба они показали одинаковое клеймо.

Отличить одного брата от другого было совершенно невозможно.

Тогда капитан Гауик объявил:

— Виновник резни у озера Киссимми должен быть расстрелян. Кто из вас двоих признает себя в ней виновным?

— Я! — в один голос ответили близнецы.

При этом ответе взвод поднял ружья и прицелился в осужденных. Они обнялись в последний раз.

Грянул залп. Держа друг друга за руки, оба брата упали мертвыми.

Так кончили свою жизнь эти люди, на совести которых было столько тяжких преступлений, в течение многих лет остававшихся безнаказанными благодаря их необычайному сходству. Единственное доступное им человеческое чувство — исступленную любовь друг к другу, которая всю жизнь связывала этих братьев-близнецов, они сохранили до самой могилы.

ГЛАВА 16

Заключение

Гражданская война между тем продолжалась. После отъезда Джемса Бербанка из Кэмдлес-Бея в ходе ее произошли события, о которых он узнал лишь по возвращении домой.

За это время успех, казалось, склонялся, в общем, на сторону конфедератов, сосредоточивших свои силы вокруг Коринта, тогда как федералисты занимали позицию в районе Питсбург — Лэндинг.

Главнокомандующим армии южан был генерал Джонстон, имевший таких талантливых помощников, как Борегар, Гарди, Бракстон-Багг, епископ Полк, бывший некогда воспитанником Уэст-Пойнтской военной академии. Эта армия ловко воспользовалась беспечностью северян.

Пятого апреля их застигли врасплох при Шайло. Бригада Пибоди была разбита, а Шерман вынужден был отступить. Однако конфедераты очень дорого заплатили за этот успех; во время преследования отступающих федералистов был убит доблестный генерал Джонстон.

Так закончился первый день сражения 5 апреля. Через день бой возобновился на всем фронте, и Шерману удалось обратно взять Шайло. Конфедераты в свою очередь вынуждены были отступить под натиском солдат генерала Гранта. Сражение было исключительно кровопролитное. Из восьмидесяти тысяч человек, введенных в бой, двадцать тысяч было убито и ранено.

Джемс Бербанк, вернувшись домой 7 апреля, узнал об этих событиях на следующий же день.

После расстрела братьев Тексар Бербанки последовали за отрядом капитана Гауика, который вместе с пленными южанами направился к побережью. У мыса Малабар их ожидал один из кораблей флотилии, крейсеровавшей вдоль берега. Это судно доставило их в Сент-Огастин. В Пиколате они пересели на канонерку, на которой и прибыли в Кэмдлес-Бей.

Итак, все вернулись домой, в Касл-Хаус, все, не исключая и Зермы, рана которой уже заживала. До судна федералистов ее донес Марс со своими товарищами, а там за нею был самый заботливый уход. Да и могла ли она умереть, когда была так счастлива: ведь ее маленькая Ди спасена, а сама она снова среди тех, кого любит!

Легко представить себе, какую радость переживала семья Бербанков, все члены которой после стольких испытаний собрались наконец, вместе чтобы никогда уже больше не разлучаться. Миссис Бербанк стала понемногу поправляться, снова обретая свою похищенную дочь. Она опять в кругу своих близких: мужа, сына, Алисы, которая вскоре должна была стать ее дочерью, Зермы и Марса. Теперь уж нечего было бояться злодея, вернее, двух злодеев. К тому же и ближайшие их сообщники находились в руках федералистов.

Между тем прошел слух — читатель, вероятно, помнит разговор двух братьев на острове Карнерал — о том, что северяне собираются очистить Джэксонвилл, что коммодор Дюпон намерен ограничиться блокадой побережья Флориды и увести канонерки, обеспечивавшие спокойствие на Сент-Джонсе. Такой план мог представлять опасность для плантаторов, которые слыли сторонниками аболиционизма, и в первую очередь — для Джемса Бербанка.

Слух этот вскоре оправдался. Восьмого числа, на другой же день после возвращения Бербанков в Касл-Хаус, федералисты оставили Джэксонвилл. Многие из жителей, не скрывавших своих симпатий к унионистам, поспешили выехать из города — одни в Порт-Ройял, другие в Нью-Йорк.

Но Джемс Бербанк не счел нужным следовать их

примеру. Негры вернулись на плантацию, однако они уже были не рабами, а свободными людьми. Их присутствие вполне обеспечивало безопасность Кэмдлес-Бея. К тому же военная удача снова перешла на сторону северян, что позволило, между прочим, Джилберту задержаться на некоторое время в Касл-Хаусе и отпраздновать свою свадьбу с мисс Алисой Стэннард.

Работы на плантации возобновились и пошли своим обычным чередом. Теперь уже не могло быть и речи о том, чтобы заставить Джемса Бербанка изгнать с территории Флориды освобожденных им невольников. Не было ни Тексара, ни его сторонников, чтобы подстрекать к мятежу, да и крейсировавшие у побережья канонерки в случае чего восстановили бы порядок в Джэксонвилле.

Но гром сражений не умолкал еще целых три года, и Флориду ждали новые испытания, связанные с превращениями войны.

Действительно, в сентябре того же года эскадра командора Дюпона появилась против Сент-Джонс-Блаффа в самом устье реки, и Джэксонвилл снова оказался в руках федералистов. В третий раз его занял генерал Сеймур, не встретив при этом серьезного сопротивления.

Первого января 1863 года вошла в силу прокламация президента Линкольна об отмене рабства во всех штатах Союза. Война, однако, не прекратилась. Она окончилась лишь 9 апреля 1865 года. В этот день при Аппоматокс-Корт-Хаусе генерал Ли со всей своей армией сдался генералу Гранту, согласившись на почетную капитуляцию.

Итак, ожесточенная борьба между Севером и Югом

продолжалась четыре года. Она обошлась в два миллиарда семьсот миллионов долларов и унесла более полу-миллиона человеческих жизней. Но рабство было уничтожено на территории всей Северной Америки.

Так навсегда было обеспечено единство Соединенных Штатов. Его упрочили потомки тех американцев, которые почти за сто лет перед тем отстаивали свободу своей страны в Войне за независимость.

1887 г.

ФЛАГ РОДИНЫ

ГЛАВА 1

Хелтфул-Хаус

На визитной карточке, которую получил в тот день — 15 июня 189... года — директор лечебницы Хелтфул-Хаус, не было ни герба, ни короны и стояла одна только фамилия:

«ГРАФ Д'АРТИГАС»

Под фамилией, в нижнем углу карточки, был написан карандашом следующий адрес:

«На борту шхуны «Эбба», якорная стоянка Нью-Берна, залив Памлико».

Столица Северной Каролины, одного из сорока четырех штатов Америки, довольно крупный город Роли, расположена в глубине страны, на расстоянии около пятидесяти миль от побережья. Этот город стал административным центром именно благодаря своему местоположению, так как в промышленном и торговом отношении другие города ему не уступали или даже превосходили его; таковы, например, Уилмингтон, Шарлотт, Фейетвилл, Идентон, Вашингтон, Солсбери, Тарборо, Галифакс, Нью-Берн. Этот последний город расположен в низовьях реки Ньюс, впадающей в залив Памлико, обширную морскую лагуну, защищенную как бы естественным молотом — грядой островов и островков у Каролинского побережья.

Директор Хелтфул-Хауса никогда не угадал бы, зачем ему вручили визитную карточку, если бы не приложенная записка, в которой граф д'Артигас просил разрешения посетить его лечебницу. Знатный гость, выражая надежду, что директор любезно согласится принять его, собирался прибыть после полудня в сопровождении капитана Спаде, командира шхуны «Эбба».

Желание проникнуть за ограду столь знаменитого в те годы лечебного заведения, весьма модного среди богатых американцев, казалось совершенно естественным со стороны иностранца. Там побывало немало посетителей с менее громким именем, чем граф д'Артигас, и никто не скупился на похвалы директору Хелтфул-Хауса. Поэтому директор поспешил дать просимое разрешение, ответив, что почтет за честь принять графа д'Артигаса в стенах своей лечебницы.

Хелтфул-Хаус обслуживался первоклассным персоналом и привлекал для консультаций самых знаменитых врачей. Это было частное лечебное заведение, независимое от других госпиталей и больниц, подчиненное лишь общему государственному надзору. Там был комфорт, образцовый порядок и в сочетании со здоровым климатом создавались все условия, которые требуются в санаториях подобного рода, предназначенных для богатой клиентуры.

В самом деле, трудно было найти более приятное местоположение для санатория, чем в Хелтфул-Хаусе. На склоне холма расстилался парк площадью в двести акров с роскошной растительностью, которой изобилует Северная Америка на широтах, соответствующих Канарским островам и Мадейре. Нижняя часть парка спускалась к широкому устью реки Ньюс, где постоян-

но веяли свежие ветерки с залива Памлико и морские бризы, перелетавшие через узкую береговую косу.

Хелтфул-Хаус, предоставлявший богатым пациентам идеальный уход и прекрасные гигиенические условия, предназначался главным образом для лечения хронических болезней; однако администрация не отказывалась принимать и больных с умственным расстройством, если только заболевание их не было неизлечимым.

Как раз теперь, вот уже полтора года, там содержался под особым наблюдением весьма знаменитый пациент; это обстоятельство привлекало к Хелтфул-Хаусу всеобщее внимание и, возможно, объясняло также и визит графа д'Артигаса.

Человек, о котором идет речь, был француз лет сорока пяти, по имени Тома Рок. В том, что он душевнобольной, не могло быть никаких сомнений. Однако врачи-психиатры пока еще не констатировали у него полной потери умственных способностей. В обыденной жизни он вел себя как человек ненормальный — это было совершенно очевидно. Но Тома Рок вновь становился разумным, проницательным, логичным, когда обращались к его научной мысли, к его гению — а, как известно, гениальность часто граничит с безумием. Несомненно, его психика и нервная система были сильно расстроены. Любое раздражение приводило его к неистовым и буйным припадкам. Больной страдал потерей памяти, болезненной рассеянностью, неспособностью сосредоточить внимание на окружающем. Тома Рок превращался мало-помалу в жалкое существо, лишенное разума, не умеющее обходиться без посторонней помощи, утратившее природный инстинкт, которым обладают даже животные, — инстинкт самосохранения,

и с него нельзя было спускать глаз, как с малого ребенка. Поэтому служителю флигеля № 17 в нижней части парка Хелтфул-Хаус, где помещался больной, поручено было присматривать за ним днем и ночью.

Обычно сумасшествие, если оно не безнадежно, лечат посредством морального воздействия. Медицина здесь бессильна, ее беспомощность давно уже признана специалистами. Можно ли было с успехом применить моральное воздействие к болезни Тома Рока? В этом позволительно усомниться, даже если больной находится в спокойных и благотворных условиях Хелтфул-Хауса. В самом деле, вечное беспокойство, резкая смена настроений, раздражительность, нелепые причуды, уныние, апатия, отвращение и к серьезным занятиям, и к развлечениям — все эти симптомы болезни были налицо. Ни один врач не мог бы здесь ошибиться, и, казалось, никакие лекарства не способны были исцелить больного или улучшить его состояние.

Правильно сказано, что безумие — это чрезмерная субъективность, то есть такое душевное состояние, когда человек всецело поглощен внутренней работой и не интересуется внешними впечатлениями.

У Тома Рока это безразличие ко всему доходило до крайности. Углубленный в самого себя, он жил весь во власти навязчивой идеи, которая и довела его до помешательства. Способно ли какое-нибудь событие, какой-нибудь внешний толчок снова вернуть его к жизни? Это казалось маловероятным, хотя и не невозможным.

Теперь следует объяснить, при каких обстоятельствах француз Рок покинул Францию, зачем приехал в Соединенные Штаты и почему американское правительство сочло необходимым и благоразумным заключить его

в эту лечебницу, где за ним должны были наблюдать и тщательно записывать все, что могло вырваться у него во время припадков безумия.

Полтора года тому назад морскому министру в Вашингтоне вручили просьбу об аудиенции от лица Тома Рока, который желал сделать ему важное сообщение.

Едва услышав это имя, министр сразу понял, в чем дело. Хотя он и знал, какого рода будет сообщение и какие требования за ним последуют, он ни минуты не раздумывал и немедленно согласился дать аудиенцию.

В самом деле, Рок был настолько известен, что в интересах вверенного ему дела министр обязан был, не колеблясь, принять посетителя и ознакомиться с предложениями, которые тот хотел сделать ему лично.

Тома Рок был изобретателем, гениальным изобретателем. Несколько важных открытий уже доставили ему громкую известность. Благодаря ему проблемы, считавшиеся до того времени чисто теоретическими, получили практическое применение. Его имя прославилось в науке. В ученом мире он занимал одно из первых мест. Мы увидим дальше, как неудачи, разочарования, даже оскорбления со стороны газетных писак довели его до помешательства и чем была вызвана необходимость поместить его в лечебницу Хелтфул-Хаус.

Последнее его изобретение, военный снаряд, носило название «фульгуратор Рок». Это мощное оружие, по его словам, настолько превосходило все созданные прежде, что государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей.

Мы, к сожалению, хорошо знаем, с какими неодолимыми препятствиями сталкиваются изобретатели, когда хотят продвинуть свое изобретение, в особенности если

они пытаются предложить его министерским комиссиям. Множество широко известных примеров еще свежо в нашей памяти. Бесполезно распространяться на эту тему, ибо в делах такого рода много закулисных тайн много темного и труднообъяснимого. Что же касается Тома Рока, следует признать, что, подобно большинству своих предшественников, он предъявлял столь чрезмерные требования, назначал за свое новое оружие столь неслыханную цену, что с ним просто невозможно было вести переговоры.

Его упорство объяснялось тем — и мы должны это отметить, — что при распространении прежних изобретений, давших плодотворные результаты, его уже не раз бессовестно обманывали. Ему никогда не удавалось получить вознаграждение, на которое он по справедливости мог рассчитывать, и характер его мало-помалу ожесточился. Тома Рок сделался подозрительным, никому не доверял, ставил невыполнимые условия, настаивал, чтобы ему поверили на слово, и заранее, до всяких испытаний, запрашивал такую огромную сумму, что его требования казались всем неприемлемыми.

В первую очередь француз предложил «фульгуратор Рок» Франции. Комиссии, которой было поручено ознакомиться с его предложением, он объяснил в общих чертах, в чем оно состояло. Дело шло об особом самодвижущемся снаряде, снабженном новым взрывчатым веществом, который приводился в действие с помощью воспламенителя также совершенно новой системы.

Когда этот снаряд, пущенный из некоего неведомого орудия, разорвется хотя бы на расстоянии нескольких сот метров от намеченной цели, то получится такое сильное сотрясение воздушных слоев, что любое соору-

жение в зоне десяти тысяч квадратных метров — крепостной форт или военный корабль — будет совершенно уничтожено. Изобретение Рока было основано на том же принципе, что и ядро пневматической пушки Залинского, уже испытанной в ту пору, но результаты, полученные Роком, превосходили ее по крайней мере во сто раз.

Если орудие Тома Рока действительно обладало такой мощностью, оно могло бы обеспечить его родине полное военное превосходство как в наступлении, так и в обороне. Однако не преувеличивал ли он эту мощь, хотя и прекрасно зарекомендовал себя прежними изобретениями? Этот вопрос могли разрешить только пробные испытания. Но Рок наотрез отказывался проводить испытания, пока не получит миллионов, которые требовал за свой фульгуратор.

Очевидно, еще в ту пору умственные способности Тома Рока пришли в расстройство. Он уже не обладал ясным сознанием и здравым рассудком. Чувствовалось, что он ступил на путь, который постепенно приведет его к настоящему безумию. Согласиться на предложенные им условия было невысказано, на это не пошло бы ни одно правительство.

Французская министерская комиссия прервала переговоры, и все газеты, даже самые оппозиционные, должны были признать, что это решение правильно. Правительство окончательно отвергло предложения Рока, не опасаясь, что какое-либо другое государство согласится их принять.

Нечего удивляться, что в глубоко потрясенной душе изобретателя, при его все возраставшей болезненной замкнутости, чувство патриотизма мало-помалу ослабло и наконец совсем заглохло. К чести человеческой

природы следует еще раз повторить, что в то время Рок был уже душевнобольным. Он сохранил ясность мысли во всем, что непосредственно касалось его изобретения. Тут он нисколько не утратил своего гениального дарования. Зато в самых обыденных жизненных мелочах его психическое расстройство усиливалось с каждым днем, и он становился почти невменяемым.

Итак, Тома Рок получил отказ. Может быть, следовало принять меры, чтобы он не предложил своего изобретения другим... Об этом вовремя не подумали, и напрасно.

Случилось то, что должно было случиться. Под влиянием болезненной раздражительности патриотическое чувство, присущее каждому гражданину, который ставит интересы своей родины выше своих собственных, угасло бесследно в душе оскорбленного изобретателя. Он вспомнил о других государствах, пересек границу, забыл незабвенное прошлое и предложил свой фульгуратор Германии.

Германское правительство, ознакомившись с неслыханными требованиями Тома Рока, тоже отказалось принять его предложение. В довершение всего военное министерство только что провело испытания нового баллистического снаряда и решило пренебречь изобретением французского ученого.

Тогда гнев изобретателя обратился в ненависть, лютую ненависть против всего человеческого рода, — в особенности после новой неудачной попытки договориться с советом адмиралтейства Великобритании. Англичане, как люди практические, не сразу оттолкнули Рока, они пытались прощупать его и сторговаться с ним. Но Рок и слышать ничего не хотел. Его секрет сто-

ит миллионы, он должен получить эти миллионы, или же секрет останется при нем. В конце концов адмиралтейство прервало с ним всякие переговоры.

Вот при каких обстоятельствах, в то время как его умственное расстройство усиливалось с каждым днем, Рок сделал последнюю попытку и обратился к правительству Соединенных Штатов, — это произошло года за полтора до начала нашего повествования.

Американцы, еще более практичные, чем англичане, не стали торговаться, ибо, полагаясь на славную репутацию французского химика, верили в исключительную мощь «фульгуратора Рок». Справедливо считая Рока гениальным ученым и объясняя его странности болезненным состоянием, они приняли особые меры, рассчитывая расплатиться с ним позднее по умеренной цене.

Так как Тома Рок обнаруживал явные признаки помешательства, власти сочли благоразумным, в интересах самого изобретателя запереть ученого в больницу.

Как известно, Рока поместили не в сумасшедший дом, а в лечебницу Хелтфул-Хаус, где имелись все необходимые условия для излечения его болезни. И тем не менее, несмотря на самый заботливый и внимательный уход, цель до сих пор не была достигнута.

Повторим еще раз — здесь важно подчеркнуть эту особенность, — Тома Рок, несмотря на свою невменяемость, приходил в сознание всякий раз, как речь заходила о его изобретениях. Он оживлялся, говорил твердо и авторитетно, как человек, уверенный в себе, и невольно внушал уважение. В порыве красноречия ученый описывал изумительные качества своего фульгуратора, его поистине необычайную разрушительную силу. Что же касается взрывчатого вещества и воспламенителя,

входящих в их состав элементов, секрета их изготовления — об этом он хранил молчание, и ничто не могло заставить его проговориться. Раз или два, во время буйного припадка, тайна, казалось, готова была сорваться у него с языка, и врачи уже приняли меры предосторожности... Но напрасно. Хотя Рок и утратил инстинкт самосохранения, он все так же бдительно охранял свое открытие.

Флигель № 17 в парке Хелтфул-Хауса находился в саду, окруженном живой изгородью, где Тома Рок мог прогуливаться под наблюдением своего смотрителя. Последний жил в том же флигеле, спал в одной комнате с пациентом и охранял его днем и ночью, не отлучаясь ни на час. Во время галлюцинаций, которыми обычно страдал больной, при переходе от бдения ко сну, смотритель подстерегал его бессвязные слова, прислушиваясь даже к бреду спящего. Этого человека звали Гэйдон. Узнав вскоре после заточения Тома Рока, что в Хелтфул-Хаусе требуется служитель, хорошо знающий французский язык, он предложил свои услуги и был приставлен к новому пациенту в качестве смотрителя.

В действительности же Гэйдон был французским инженером по имени Симон Харт, уже несколько лет состоявшим на службе в одной из химических фирм в Нью-Джерси. Это был человек лет сорока, с широким лбом, с суровым и решительным лицом; во всем его облике чувствовалась энергия и вместе с тем сдержанность. Весьма сведущий в различных вопросах, касающихся современного вооружения, а также изобретений и усовершенствований, способных увеличить его мощь, Симон Харт был знаком со всеми открытиями в области взрывчатых веществ, количество которых достигало в ту

пору более тысячи ста, и потому не мог не оценить по достоинству такого человека, как Тома Рок. Веря в силу и значение фульгуратора, он не сомневался в том, что изобретатель владел секретом снаряда, способного совершенно изменить условия как оборонительной, так и наступательной войны на суше и на море. Он знал, что безумие пощадило научные идеи больного, что в частично расстроенном мозгу еще брезжило сознание, еще горело пламя, пламя гения. Тогда Симон Харт подумал: если во время припадка ученый выдаст свой секрет, то изобретением француза может воспользоваться не Франция, а чужая страна. И он тут же принял решение наняться служителем к Тома Року, выдав себя за американца, в совершенстве владеющего французским языком. Под предлогом неотложной поездки в Европу он уволился со службы и переименовал имя. Короче говоря, благодаря удачному стечению обстоятельств его предложение было принято — и вот уже пятнадцать месяцев Симон Харт состоял смотрителем при пациенте Хеллфул-Хауса.

Его решение свидетельствовало о редкой самоотверженности, о высоком патриотизме, ибо работа больничного сторожа весьма тягостна для такого интеллигентного и образованного человека, как Симон Харт. Не надо забывать, что инженер никоим образом не собирался присвоить открытие Тома Рока в случае, если бы удалось его выведать, и вовсе не претендовал на причитающееся ученому денежное вознаграждение.

Итак, Симон Харт, или, вернее, Гэйдон, уже пятнадцать месяцев жил бок о бок с сумасшедшим, наблюдая за ним, подслушивая и даже пытаясь задавать вопросы, но так ничего и не добился. Впрочем, теперь он более

чем когда-либо был убежден в важности открытия Рока, а потому больше всего боялся, как бы психическое расстройство его подопечного не перешло в полное безумие и как бы после буйного припадка помешательства тот не унес с собой в могилу секрет фульгуратора.

Таково было положение Симона Харта, такова была задача, которой в интересах своей родины он посвятил себя целиком.

Между тем даже после стольких огорчений и разочарований благодаря могучей натуре Тома Рока его физическое здоровье не было подорвано. Нервный горячий темперамент помог ему устоять против всевозможных сокрушительных ударов. Средний рост, большая голова, широкий выпуклый лоб, волосы с проседью, взгляд то блуждающий, то живой, внимательный и властный, когда он увлекался любимыми идеями, густые усы, нос с трепещущими ноздрями, крепко сжатые губы, словно боявшиеся, что с них сорвется запретная тайна, сосредоточенное выражение, как у человека, который долго боролся и полон решимости продолжать борьбу, — таков был изобретатель Тома Рок, заточенный в одном из флигелей Хелтфул-Хауса, не сознающий, быть может, что он стал узником, и находившийся под надзором инженера Симона Харта, принявшего имя смотрителя Гэйдона.

ГЛАВА 2

Граф д'Артигас

Кем же был, в сущности, граф д'Артигас? Испанцем?.. Его фамилия как будто указывала на это. Однако на корме его шхуны золотыми буквами было написано слово «Эбба», чисто норвежского происхождения. А если

бы графа спросили, как имя капитана «Эббы» и его помощников, он ответил бы, что капитана зовут Спаде, боцмана — Эфрондат, а кока — Хелим, — удивительно несхожие имена, указывающие на различную национальность членов экипажа.

Можно ли было вывести какое-либо заключение, судя по внешнему виду графа д'Артигаса?.. Вряд ли. Хотя смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, изящество осанки и указывали как будто на испанское происхождение, но в общем его облике не хватало многих характерных национальных черт, присущих уроженцам Пиренейского полуострова.

Это был человек выше среднего роста, могучего сложения, не старше сорока пяти лет от роду. Сдержанный и высокомерный, он напоминал знатного индусского раджу с примесью малайской крови. Если он и не был хладнокровным от природы, то, во всяком случае, старался таким казаться; жесты его были повелительны и речь немногословна. Со своим экипажем он объяснялся обычно на своеобразном смешанном наречии, распространенном на островах Индийского океана и прилегающих морей. Когда же во время морских путешествий ему случалось посещать берега Старого и Нового Света, он совершенно свободно говорил по-английски, и лишь легкий акцент выдавал его иностранное происхождение.

Каково было прошлое графа д'Артигаса, полное загадочных приключений, каково было настоящее, откуда взялось его состояние, по-видимому огромное, позволявшее ему вести роскошную жизнь богатого джентльмена, где находилась его постоянная резиденция или, по крайней мере, обычная стоянка шхуны — этого никто не мог сказать, да никто и не решился бы спросить у

графа, настолько он держался замкнуто и гордо. Он не походил на человека, способного выдать себя во время интервью даже ловким американским репортерам.

О графе д'Артигасе знали только то, что говорили о нем газеты, сообщая о прибытии «Эббы» в какой-нибудь порт, чаще всего на восточном побережье Соединенных Штатов. Действительно, шхуна заходила туда почти регулярно, в определенные сроки, чтобы запастись всем необходимым для дальнего плавания. Экипаж «Эббы» не только возобновлял там запасы продовольствия — муки, сухарей, консервов, свежего и сушеного мяса, телятины и баранины, вина, пива, спиртных напитков, но закупал также одежду, разные инструменты, необходимое снаряжение, предметы роскоши, платя за все щедро, по высоким ценам, долларами, гинеями или любой другой монетой.

Из этого следует, что, хотя о частной жизни графа д'Артигаса никто ничего не знал, сам он был хорошо известен во многих портах американского побережья, от Флориды до Нью-Ингланда.

Поэтому нечего удивляться, что директор Хелтфул-Хауса был весьма польщен визитом графа д'Артигаса и принял его чрезвычайно любезно.

В порт Нью-Берна шхуна «Эбба» зашла впервые. И, вероятно, только каприз ее владельца привел «Эббу» к устью реки Ньюс. Что могло ему понадобиться в этих местах? Запастись провиантом?.. Нет, ибо берега залива Памлико не могли снабдить шхуну такими обильными запасами, как портовые города — Бостон, Нью-Йорк, Довер, Саванна, Уилмингтон — в Северной Каролине и Чарлстон — в Южной Каролине. В лиманах реки Ньюс и на жалком рынке Нью-Берна не нашлось бы товаров,

на которые граф д'Артигас мог обменивать свои пиастры и банковые билеты. Административный центр округа Кроуен насчитывал не более пяти-шести тысяч жителей. Торговля там сводилась к вывозу зерна, свинины, мебели и морского снаряжения. Кроме того, несколько недель тому назад, во время десятидневной стоянки в порту Чарлстона, шхуна уже взяла полный груз, готовясь к рейсу в неизвестном направлении.

Неужели таинственный путешественник прибыл сюда с единственной целью посетить Хелтфул-Хаус?.. Что ж, вполне возможно и даже неудивительно — ведь лечебница пользовалась громкой и вполне заслуженной славой.

Возможно также, что графу д'Артигасу захотелось встретиться с Тома Роком. Широкая известность французского изобретателя оправдывала подобное любопытство. Еще бы! Гениальный безумец, чьи изобретения грозили совершить полный переворот в методах современной военной науки!

И вот после полудня, как указывалось в записке, граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде, командира «Эббы», появился у ворот Хелтфул-Хауса.

Согласно данным распоряжениям оба посетителя были тотчас приняты и проведены в кабинет директора.

Директор оказал графу д'Артигасу самый любезный прием и вызвался лично сопровождать его, не желая никому уступать чести быть чичероне высокого гостя, за что тот выразил ему горячую благодарность. Во время посещения общих зал и отдельных палат лечебницы директор без устали расхваливал замечательный уход за больными, режим, как он уверял, совершенно недостижимый в домашней обстановке, великолепные условия

и блестящие результаты лечения, которые и доставили, по его словам, заслуженную славу Хелтфул-Хаусу.

Граф д'Артигас осматривал все со своим обычным хладнокровием, делая вид, будто с интересом слушает эту неиссякаемую болтовню, вероятно, чтобы лучше скрыть истинную цель своего посещения. Однако, посвятив целый час осмотру лечебницы, он счел уместным прервать хозяина следующим вопросом:

— Не находится ли, сэр, у вас на излечении тот больной, о ком так много говорили в последнее время и который привлекает особое внимание к Хелтфул-Хаусу?

— Вероятно, граф, вы хотите узнать о Тома Роке? — спросил директор.

— Именно... о том французе... об изобретателе, который страдает умственным расстройством...

— Тяжелым умственным расстройством, граф, и, может быть, хорошо, что это так! По моему мнению, человечество ничего не выиграло бы от его открытий, которые только умножают способы истребления, а их у нас и так более чем достаточно...

— Совершенно справедливо, господин директор, я держусь на этот счет того же мнения. Истинный прогресс не в разрушении, и тех, кто идет по этому пути, я считаю злыми гениями науки... А что, ваш изобретатель окончательно лишился рассудка?

— Окончательно?.. О нет, граф, это сказывается только в обыденных житейских делах. Тут он уже ничего не соображает и не отвечает за свои поступки. Однако гений ученого остался невредим, мозговое расстройство его не коснулось, и если бы кто-нибудь согласился на неслыханные требования Рока, я не сомневаюсь, что

он выпустил бы в свет новое боевое орудие... в котором нет решительно никакой надобности...

— Решительно никакой, господин директор, — подтвердил граф д'Артигас при молчаливом одобрении капитана Спаде.

— Впрочем, граф, вы можете судить об этом сами. Мы как раз подошли к флигелю, где помещается Тома Рок. Его заточение вполне оправданно с точки зрения общественной безопасности, тем не менее он пользуется здесь самым внимательным уходом и всеми заботами, каких требует его состояние. Кроме того, в Хелтфул-Хаусе он огражден от нескромных посетителей, которые могли бы попытаться...

Директор закончил фразу выразительным кивком головы; при этом на губах иностранного гостя мелькнула неуловимая усмешка.

— Скажите, — спросил граф д'Артигас, — разве Тома Рока никогда не оставляют одного?..

— Никогда, граф, никогда. Он постоянно находится под наблюдением смотрителя, вполне надежного человека, который свободно владеет французским языком. В случае если у больного вырвется невзначай какая-нибудь фраза, относящаяся к его открытию, эти сведения будут тут же записаны, и мы увидим, как надлежит ими воспользоваться.

В этот момент граф д'Артигас бросил быстрый взгляд на капитана Спаде, который кивнул в ответ, как бы говоря: «Понимаю!» И действительно, легко было заметить, наблюдая за капитаном, что он с особым вниманием рассматривал часть парка вокруг флигеля № 17, все подступы, входы и выходы — вероятно, с заранее намеченной целью.

Сад, прилегающий к флигелю, тянулся до самой ограды Хелтфул-Хауса, которая опоясывала холм, отлого спускающийся к правому берегу реки Ньюс.

Это был одноэтажный флигель с итальянской террасой наверху. Он состоял из двух комнат и прихожей, окна были забраны железной решеткой. Со всех сторон домик окружали деревья с густой, пышной листвой. Перед фасадом зеленели бархатистые лужайки, украшенные кустами и клумбами пестрых цветов. Весь сад, площадью почти в пол-акра, был в исключительном пользовании Тома Рока, который мог прогуливаться там под надзором своего смотрителя.

Первым, кого увидели, войдя в сад, граф д'Артигас, капитан Спаде и директор, был служитель Гэйдон, стоявший на пороге флигеля.

Заметив служителя, граф д'Артигас начал необычайно пристально его рассматривать, на что директор не обратил никакого внимания.

Уже не в первый раз иностранцы приходили навещать больного из флигеля № 17, так как французский изобретатель по справедливости считался любопытнейшим пациентом Хелтфул-Хауса. Однако эти два посетителя неизвестной национальности привлекли особое внимание Гэйдона своим необычным видом. Хотя имя графа д'Артигаса и было ему знакомо, он никогда еще не встречался с этим богатым джентльменом, частым гостем восточного побережья, и не знал, что шхуна «Эбба» бросила якорь в устье реки Ньюс, у подножия холма Хелтфул-Хауса.

— Гэйдон, — обратился к нему директор, — где сейчас Тома Рок?

— Вот он, — ответил смотритель, указывая на чело-

века, который с задумчивым видом прогуливался под деревьями позади флигеля.

— Я разрешил графу д'Артигасу осмотреть Хелтфул-Хаус, и он выразил желание видеть Тома Рока, о котором в последнее время так много говорили...

— И говорили бы гораздо больше, — добавил граф д'Артигас, — если бы американское правительство из предосторожности не заперло его в вашем заведении...

— Необходимая предосторожность, граф.

— Совершенно необходимая, господин директор. Пусть лучше секрет изобретателя угаснет вместе с ним, это будет спокойнее для человечества.

Бросив взгляд на графа д'Артигаса, Гэйдон, не говоря ни слова, направился в глубину аллеи; оба иностранца последовали за ним.

Пройдя всего несколько шагов, посетители оказались лицом к лицу с Тома Роком.

Больной не заметил их приближения и, даже когда они подошли вплотную, не обратил на них внимания.

Между тем капитан Спаде, не возбуждая ни в ком подозрений, тщательно обозревал окрестности и нижнюю часть парка Хелтфул-Хауса, где был расположен флигель № 17. Поднимаясь по аллее, он заметил верхушки мачт, видневшиеся над оградой. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы узнать мачты «Эббы» и убедиться, что с этой стороны наружная стена огибала правый берег реки Ньюс.

Тем временем граф д'Артигас внимательно разглядывал французского изобретателя. Здоровье этого человека, еще полного сил, по-видимому, нисколько не пострадало от заключения, длящегося уже полтора года. Но его странная поза, бессмысленные жесты, блуждаю-

щий взгляд, безразличие ко всему окружающему слишком явно указывали на полное расстройство умственных способностей.

Присев на скамью, Тома Рок кончиком трости нарисовал на песке аллеи чертеж крепости. Затем, встав на колени, насыпал по краям кучки песку, очевидно изображавшие бастионы. После этого, сорвав несколько листьев с ближайшего дерева, он воткнул их по очереди в каждую кучку наподобие крошечных флажков; все это он проделал с самым серьезным видом, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих.

Рок играл в детскую игру, но с серьезностью и важностью, несвойственной ребенку.

— Неужели он совсем сошел с ума? — спросил граф д'Артигас, в тоне которого, несмотря на обычную невозмутимость, послышалось разочарование.

— Я предупреждал вас, граф, что от него ничего нельзя добиться, — ответил директор.

— Нельзя ли сделать так, чтобы он обратил на нас внимание?

— Это довольно трудно, — возразил директор, обернувшись к зрителю: — Попробуйте заговорить с ним, Гэйдон, может быть, на ваш голос он откликнется?

— Мне он ответит, господин директор, будьте покойны, — сказал Гэйдон.

Затем, тронув за плечо своего подопечного, он ласково позвал:

— Тома Рок!

Помешанный поднял голову и взглянул на зрителя; ясно было, что из всех присутствующих он видел только его, хотя граф д'Артигас, директор и подошедший капитан Спаде стояли тут же, рядом.

— Тома Рок! — повторил Гэйдон по-английски. — Вот два иностранца, которые хотели вас повидать... Они интересуются вашим здоровьем... вашими работами...

Последние слова как будто заставили изобретателя выйти из состояния вялого безразличия.

— Моими работами?.. — переспросил он на английском языке, который знал как родной.

Схватив камешек и зажав между большим и указательным пальцем, он швырнул его, как мальчишка, в одну из кучек песку и сбил ее. У него вырвался радостный крик.

— Разрушен!.. Бастион разрушен!.. Мое взрывчатое вещество с одного выстрела уничтожило все!

Тома Рок выпрямился, его глаза сверкали торжеством.

— Вы видите, — заметил директор, обращаясь к графу, — его никогда не покидает мысль об изобретении...

— И она умрет вместе с ним, — добавил смотритель.

— Вы не могли бы, Гэйдон, навести его на разговор о фульгураторе?

— Если прикажете, господин директор... я попытаюсь...

— Попробуйте, я думаю, что это заинтересует графа д'Артигаса...

— Разумеется, — подтвердил граф, сохраняя холодное непроницаемое выражение лица и ничем не выдавая волновавших его чувств.

— Должен вас предупредить, что это может вызвать новый припадок, — возразил смотритель.

— Вы оборвете разговор, как только сочтете нужным. Скажите Року, что иностранный гость желает побеседовать о покупке фульгуратора.

— А вы не опасаетесь, что он выдаст свой секрет?.. — вмешался граф д'Артигас.

Он спросил это с такой живостью, что Гэйдон недоверчиво взглянул на него, что как будто нимало не обеспокоило загадочного незнакомца.

— Этого нечего бояться, — ответил смотритель. — У Тома Рока не вырвать его тайны никакими обещаниями! Пока он не получит из рук в руки требуемые миллионы...

— У меня их нет при себе, — спокойно возразил граф д'Артигас.

Гэйдон подошел к больному и снова, как в первый раз, тронул его за плечо.

— Тома Рок, — сказал он, — эти иностранцы хотели бы купить ваше изобретение.

Рок выпрямился.

— Мое открытие?.. — вскричал он. — Мое взрывчатое вещество... мой воспламенитель?

Его нарастающее возбуждение, как и предупреждал Гэйдон, угрожало неминуемым припадком, к которому обычно приводили подобные разговоры.

— Сколько вы за него дадите... сколько? — спросил Рок.

Можно было обещать ему наугад любую сумму, как бы огромна она ни была.

— Сколько... сколько? — настаивал больной.

— Десять миллионов долларов, — отвечал Гэйдон.

— Десять миллионов? — воскликнул Рок. — Только десять миллионов... за фульгуратор, мощность которого в десять миллионов раз превосходит все известные до сих пор снаряды... Десять миллионов... за самодвижущийся снаряд, который при взрыве может разрушить

все вокруг на площади в десять тысяч квадратных метров!.. Десять миллионов... за единственный в мире воспламенитель, способный вызвать взрыв невиданной силы!.. Да всех сокровищ земного шара не хватило бы, чтобы оплатить секрет моего снаряда! Скорее я сам откушу себе язык, чем продам фульгуратор за такую цену!.. Десять миллионов, когда он стоит миллиард... миллиард... миллиард!..

Ясно было, что Тома Рок терял всякое представление о реальности, когда с ним начинали вести переговоры. И если бы Гэйдон предложил ему даже десять миллиардов, безумец все равно потребовал бы больше.

Граф д'Артигас и капитан Спаде с самого начала припадка внимательно наблюдали за больным; граф стоял, нахмутив лоб, по-прежнему невозмутимый, капитан покачивал головой, как бы говоря: право, этот бедняга уже ни на что не годен!

Тома Рок вдруг сорвался с места и начал бегать по саду, крича сдавленным от гнева голосом:

— Миллиарды!.. Миллиарды!

— Я вас предупреждал! — сказал Гэйдон, с упреком обращаясь к директору.

Затем он пустился в погоню за сумасшедшим, догнал его, схватил за руку и, не встретив никакого сопротивления, увел во флигель и тотчас запер за собой дверь.

Граф д'Артигас задержался у флигеля, беседуя с директором, между тем как капитан Спаде в последний раз обходил сад вдоль наружной ограды.

— Вот видите, граф, я не преувеличивал, — заметил директор. — Нет сомнений, что болезнь Тома Рока с каждым днем прогрессирует. По-моему, его безумие уже

неизлечимо. Пусть даже ему дадут деньги, которые он требует, все равно из него ничего не вытянешь...

— Возможно, — согласился граф д'Артигас, — однако, хотя его денежные претензии и доходят до абсурда, ведь он действительно изобрел снаряд, мощь которого, кажется, безгранична.

— Таково мнение специалистов, граф, но его открытие вскоре погибнет вместе с ним, ибо припадки становятся все тяжелее и повторяются все чаще. Скоро в его душе заглухнет и последнее еще живое чувство — жажда обогащения.

— Зато останется, быть может, жажда мести! — проворчал про себя граф д'Артигас в ту минуту, когда капитан Спаде догнал его у ворот.

ГЛАВА 3

Двойное похищение

Полчаса спустя граф д'Артигас и капитан Спаде шли по обсаженной вековыми буками дороге, которая тянулась вдоль ограды Хелтфул-Хауса над правым берегом реки Ньюс. Они сердечно распростились с директором, заявившим, что он был весьма польщен их визитом, и поблагодарили его за любезный прием. Сотня долларов, оставленная на прощанье в пользу служащих лечебницы, свидетельствовала о великодушии графа д'Артигаса. Если благородство измеряется щедростью, то этот чужеземец был благороднейший человек — кто мог в этом сомневаться?

Выйдя за железные ворота Хелтфул-Хауса и очутившись на склоне холма, граф д'Артигас и капитан Спаде обогнули ограду парка, такую высокую, что перелезть

через нее нечего было и пытаться. Граф погрузился в раздумье, а его спутник, привыкший ожидать, пока хозяин не обратится к нему первый, хранил молчание.

Граф д'Артигас, остановившись посреди дороги, смерил взглядом высокую стену, за которой виднелся флигель № 17.

— Ты успел за это время обследовать местность? — спросил он.

— Конечно, успел, ваше сиятельство, — отвечал капитан Спаде, делая ударение на титуле.

— Ничего не упустил?

— Ничего из того, что нам нужно. До флигеля легко добраться, ведь он стоит недалеко от ограды, и если вы настаиваете на своем плане...

— Настаиваю, Спаде...

— Несмотря на психическое расстройство Тома Рока?..

— Несмотря ни на что, и если нам удастся его похитить...

— Это уж мое дело. Ручаюсь, что, как только стемнеет, я проникну за ограду парка Хелтфул-Хауса, а затем в сад павильона номер семнадцать, и никто меня не заметит...

— Через решетку главного входа?

— Нет, с этой стороны.

— Но ведь с этой стороны высокая стена, и если даже ты перелезешь через нее, как ты перенесешь Тома Рока? А вдруг сумасшедший позовет на помощь... или окажет сопротивление... или сторож подымет тревогу?

— Не беспокойтесь ни о чем. Мы просто войдем и выйдем через эту дверь.

И капитан Спаде показал на узкую дверь в стене в нескольких шагах от них; вероятно, этот выход предназна-

чался для слуг, когда им надо было зачем-нибудь спуститься к берегу Ньюса.

— Отсюда мы проникнем в парк, — продолжал капитан Спаде, — и нам не придется тащить за собой лестницу.

— Но дверь заперта...

— Ее можно отпереть.

— Разве внутри нет засовов?

— Я успел их отодвинуть, когда гулял по саду, а директор ничего не заметил.

Приблизившись к двери, граф д'Артигас спросил:

— Как же ты ее отопрешь?

— А вот ключ, — ответил капитан Спаде.

И показал ключ, который успел вытащить из замка, после того как отодвинул засовы.

— Лучше не придумай, Спаде, — сказал граф д'Артигас, — теперь устроить похищение, вероятно, будет не слишком трудно. Вернемся на шхуну. Около восьми часов, когда стемнеет, ты сядешь в шлюпку и возьмешь с собой пятерых матросов...

— Да... пять человек, — ответил капитан Спаде. — Этого довольно, даже если проснется сторож и нам придется его прикончить...

— Прикончить? — переспросил граф д'Артигас. — Пожалуй, если это будет необходимо. Но я предпочел бы захватить его тоже и доставить на борт «Эббы». Кто знает, не выведал ли он у Рока часть его тайны?

— Это верно.

— Кроме того, Рок привык к нему, а я не хочу ни в чем нарушать его привычек.

При этих словах граф д'Артигас усмехнулся так выразительно, что капитан Спаде сразу понял, какая роль предназначена зрителю Хелтфул-Хауса.

Итак, план двойного похищения был разработан и, по-видимому, имел все шансы на успех. Если только за остающиеся до сумерек два часа никто не заметит, что из двери вытащен ключ и засовы отодвинуты, — капитану Спаде с матросами легко удастся проникнуть за ограду парка Хелтфул-Хауса.

Следует отметить, что, за исключением Тома Рока, находившегося под особым наблюдением, остальные пациенты лечебницы не требовали специального надзора. Они размещались в палатах главного здания или во флигелях, расположенных в верхней части парка. Все складывалось так, что Тома Рок и смотритель Гэйдон, захваченные поодиночке, не смогут ни оказать серьезного сопротивления, ни даже позвать на помощь и станут жертвами похищения, которое подготовил капитан Спаде по приказу графа д'Артигаса.

Иностранец и его спутник направились к маленькой бухте, где их ожидала шлюпка с «Эббы». Шхуна стояла на якоре в двух кабельтовых от берега со свернутыми парусами в желтоватых чехлах, аккуратно принайтованными к реям, как это делается на яхтах. На кормовом флагштоке не было никакого флага. Только на гафеле грот-мачты алел красный вымпел, слегка колеблясь от дуновения стихающего восточного бриза.

Граф д'Артигас и капитан Спаде сели в шлюпку. Две пары весел в несколько минут доставили их на шхуну, и они по трапу поднялись на борт.

Граф д'Артигас тут же спустился в свою каюту на корме, а капитан Спаде направился к носу судна, чтобы отдать последние распоряжения.

Дойдя до бака, он перегнулся через фальшборт, ища

глазами какой-то предмет, плавающий на поверхности в нескольких саженях от шхуны.

Это был небольшой буюк, который покачивался на легких волнах, вызванных морским отливом.

Мало-помалу начинало смеркаться. Неясные очертания Нью-Берна постепенно таяли на левом берегу излучины реки. Лишь черные силуэты домов вырисовывались на горизонте, еще озаренном длинной огненной полосой закатных облаков. На противоположной стороне небо заволакивали тучи, но они стояли высоко, и казалось, нечего было опасаться дождя.

К семи часам в Нью-Берне там и сям засветились окна в разных этажах домов; мерцающие огоньки нижних кварталов города отражались в реке длинными зигзагами, едва колеблясь от стихающего к вечеру бриза. Рыбачьи лодки медленно возвращались в бухточки залива; одни, растянув паруса, ожидали последнего дуновения ветра, другие шли на веслах, рассекавших воду четкими мерными ударами, гулко разносившимися далеко вокруг. Проплыли два парохода, выбрасывая из труб снопы искр и клубы черного дыма, взбивая воду могучими лопастями колес, между тем как балансир паровой машины подымался и опускался над спардеком, ревя, как морское чудовище.

В восемь часов вечера граф д'Артигас появился на палубе шхуны в сопровождении пожилого господина лет пятидесяти.

— Пора, Серкё, — сказал он.

— Я скажу Спаде, — ответил Серкё.

В эту минуту к ним подошел капитан.

— Готовься к отплытию, — обратился к нему граф д'Артигас.

— Все готово.

— Постарайся, чтобы в Хелтфул-Хаусе не подняли тревоги и никто не мог заподозрить, что Тома Рока и его сторожа перевезли на борт «Эббы»...

— Где их, кстати, и не найдут, если придут искать, — вставил Серкё.

При этих словах он пожал плечами и весело расхохотался.

— Все равно, лучше не возбуждать подозрений, — возразил граф д'Артигас.

Шлюпку снарядили. Капитан Спаде с пятью матросами спустился в нее. Четверо гребцов взяли за весла. Пятый, боцман Эфрондат, которому было поручено сторожить шлюпку, занял место у руля, рядом с капитаном Спаде.

— Желаю успеха, Спаде, — с улыбкой крикнул Серкё, — действуй без шума, как влюбленный, который похищает свою красавицу...

— Есть... лишь бы только Гэйдон...

— Нам нужны и Рок, и Гэйдон, — приказал граф д'Артигас.

— Будет сделано! — крикнул в ответ капитан Спаде.

Шлюпка отвалила от шхуны; моряки провожали ее взглядом, пока она не исчезла в темноте.

Следует отметить, что, ожидая ее возвращения, на «Эббе» не делали никаких приготовлений к отплытию. По-видимому, и после похищения ее владелец не собирался покинуть якорную стоянку Нью-Берна. Впрочем, как могла шхуна выйти в открытое море? В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка, к тому же через полчаса должен был начаться прилив и погнать волны на

много миль вверх по течению реки Ньюс. Поэтому шхуне незачем было сниматься с якоря.

«Эбба» находилась в двух кабельтовых от берега, но, в сущности, могла бы подойти поближе, так как глубина моря была здесь не менее пятнадцати-двадцати футов, что облегчило бы погрузку на борт по возвращении шлюпки. Если этого не сделали, значит, у графа д'Артигаса были причины не отдавать такого приказа.

Шлюпка прошла расстояние до берега за несколько минут, никем не замеченная.

Берег был безлюден, пустынная была и затененная огромными буками дорога, огибавшая парк Хелтфул-Хауса.

Закинув на берег дрек, шлюпку прочно ошвартовали. Капитан Спаде и четыре матроса высадились, оставив боцмана на корме, и быстро исчезли в густой тени деревьев.

Добравшись до ограды парка, капитан Спаде остановился, а матросы выстроились по обе стороны двери.

После приготовлений, сделанных во время дневного визита, капитану Спаде оставалось лишь вставить ключ в замочную скважину и толкнуть дверь — если только за это время кто-нибудь из слуг не заметил, что засовы отодвинуты, и не запер их снова.

В этом случае похищение было бы трудно совершить, даже если бы удалось перебраться через стену.

Первым делом капитан Спаде приложил ухо к створке двери.

Не слышно было ни шума шагов, ни движения возле флигеля № 17. Ни один листок не шелестел на ветвях буков, окаймлявших дорогу. Стояла мертвая тишина, словно в открытом поле в безветренную ночь.

Вынув ключ из кармана, капитан Спаде осторожно

вставил его в замочную скважину. Ключ повернулся, и от слабого толчка дверь отворилась.

Значит, ничто не изменилось с тех пор, как они покинули Хелтфул-Хаус.

Удостоверившись, что около флигеля никого нет, капитан Спаде проскользнул в сад; матросы вошли вслед за ним.

Дверь только притворили, чтобы на обратном пути капитан и его спутники могли сразу выбежать из парка.

В саду, затемненном высокими деревьями и густым кустарником, стоял такой мрак, что, если бы не ярко освещенное окно, было бы трудно разглядеть флигель.

Это окно, без сомнения, выходило из комнаты, которую занимали Тома Рок и служитель Гэйдон, ни днем, ни ночью не покидавший вверенного ему пациента. Капитан Спаде был убежден, что оба они находятся там.

Капитан и его четыре спутника осторожно двинулись вперед, стараясь не споткнуться о камень, не наступить на ветку, чтобы шум не выдал их присутствия. Приблизившись к флигелю, они подошли к боковой двери, как раз возле окна, сквозь занавески которого пробивался свет.

Но как же проникнуть в спальню Тома Рока, если дверь заперта? Вот о чем размышлял капитан Спаде. Раз у него нет ключа от двери, пожалуй, придется разбить стекло в окне, повернуть рукой шпингалет, прыгнуть в комнату и, внезапно набросившись на Гэйдона, лишить его возможности позвать на помощь. В самом деле, иного способа нет.

Правда, такое дерзкое нападение представляло известную опасность. Капитан Спаде ясно отдавал себе в этом отчет; он предпочитал действовать хитростью, а не силой.

Но у него не было выбора. Граф д'Артигас велел похитить Тома Рока вместе с Гэйдоном, и надо выполнить его приказ любой ценой.

Подкравшись к окну, капитан Спаде поднялся на цыпочки и сквозь щель в занавеске окинул взглядом комнату.

Гэйдон находился там, у изголовья Тома Рока; у больного, по-видимому, все еще продолжался припадок. Смотритель ухаживал за ним под наблюдением какого-то третьего лица.

Это был один из врачей Хелтфул-Хауса, которого директор срочно послал во флигель № 17.

Присутствие врача могло, разумеется, только усложнить задачу и затруднить похищение.

Тома Рок, совсем одетый, полулежал в кресле. В эту минуту он казался спокойным. После припадка, постепенно утихавшего, должно было, как всегда, наступить длительное оцепенение и забытьё.

В ту минуту, когда капитан Спаде, приподнявшись на носках, заглянул в окно, врач как раз собирался уходить. Капитан расслышал, как он уверял Гэйдона, что ночь пройдет спокойно и его помощь больше не требуется.

С этими словами доктор направился к двери, находившейся, как мы помним, рядом с окном, у которого притаились капитан Спаде и его подручные. Если не спрятаться, не укрыться в ближайших зарослях, то пришельцев может заметить не только врач, но и смотритель, собиравшийся его проводить.

Прежде чем оба появились на крыльце, матросы по знаку капитана Спаде рассеялись в темноте, а сам он

распластался у стены. Лампа, по счастью, осталась в комнате, и его не было видно.

Прощаясь с Гэйдонем, врач сказал, остановившись на верхней ступеньке крыльца:

— Это был один из самых тяжелых припадков, которые перенес наш больной!.. Еще два или три в таком роде, и он потеряет последние остатки разума!

— Право, не понимаю, почему директор не запретит посетителям доступ во флигель? — заметил Гэйдон. — Ведь это некий граф д'Артигас своими разговорами довел нашего пациента до такого состояния.

— Я обращаю на это внимание директора, — обещал доктор.

Он спустился по ступенькам крыльца, и Гэйдон пошел проводить его вверх по аллее, оставив дверь флигеля полуоткрытой.

Когда оба удалились шагов на двадцать, капитан Спаде поднялся с земли, и матросы подбежали к нему.

Не следовало ли воспользоваться этим случайным стечением обстоятельств, чтобы проникнуть в спальню, схватить Тома Рока, погруженного в забытие, и затем дожждаться возвращения Гэйдона?

Однако, обнаружив исчезновение Рока, зритель бросится его искать, позовет на помощь, подымет тревогу... Прибежит врач, проснутся служащие Хелтфул-Хауса... капитан Спаде не успеет добраться до ограды, выбежать из двери и запереть ее за собой...

Впрочем, ему некогда было раздумывать. Шум шагов по песку аллеи указывал, что Гэйдон возвращается обратно к флигелю. Самое лучшее теперь напасть на него врасплох, заглушить его крики прежде, чем он успеет поднять тревогу, лишить его возможности защищаться.

Вчетвером-впятером легко будет справиться с ним и вытащить за ограду парка. Похитить же Тома Рока будет совсем нетрудно, ибо несчастный безумец даже не поймет, что с ним произошло.

Между тем Гэйдон, обогнув кустарник, подходил к крыльцу. Но не успел он поставить ногу на ступеньку, как на него набросились четыре матроса, повалили на землю, заткнули рот, чтобы заглушить его крики, наложили повязку на глаза и так туго скрутили по рукам и ногам, что он не мог пошевелиться.

Двое матросов остались сторожить его, а капитан Спаде и двое других ворвались в комнату.

Тома Рок, как и предполагал капитан, находился в таком состоянии, что шум борьбы даже не вывел его из забытья. Он полулежал в кресле с закрытыми глазами, и, если бы не прерывистое дыхание, его можно было бы принять за мертвого. Связывать его и затыкать ему рот не было никакой необходимости. Два матроса подняли больного, один за плечи, другой за ноги, и донесли до шлюпки, которую остался сторожить боцман.

Все было проделано в несколько минут.

Капитан Спаде покинул комнату последним, предусмотрительно потушив лампу и плотно затворив за собой дверь. Теперь можно было надеяться, что похищение обнаружат не раньше завтрашнего утра.

Тем же способом и без всяких затруднений перенесли Гэйдона. Двое матросов подняли его на руки, прошли через сад, огибая кустарники, и донесли до наружной стены.

В этой части парка, всегда пустынной, царил еще больший мрак. На склоне холма даже не было видно ос-

вещенных окон верхних строений и флигелей Хелтфул-Хауса.

Подойдя к двери, капитан Спаде без всякого труда отворил ее.

Первыми вышли за ограду те двое, что тащили связанного зрителя. Вслед за ними двое других вынесли на руках Тома Рока. Капитан Спаде вышел последним и запер дверь на ключ, решив бросить его в реку, как только сядет в шлюпку.

Никто не попался им по дороге, никто не встретился на берегу.

В двадцати шагах от ограды они нашли боцмана Эфрондата, который поджидал их, сидя на откосе.

Положив Тома Рока и Гэйдона на корму, капитан Спаде с матросами уселись в шлюпку.

— Выбирай дрек и отваливай! Живо! — скомандовал капитан Спаде.

Боцман повиновался и, оттолкнув шлюпку от берега, вскочил в нее последним. Две пары весел опустились в воду, и лодка понеслась к «Эббе». Сигнальный огонь на фок-мачте указывал место стоянки шхуны, которая за двадцать минут перед этим развернулась на якоре под влиянием морского прилива.

Через две минуты шлюпка пристала к борту «Эббы».

Граф д'Артигас стоял, опершись на фальшборт около трапа.

— Готово, Спаде? — спросил он.

— Готово.

— Обоих?

— Обоих... и сторожа, и охраняемого.

— В Хелтфул-Хаусе ничего не подозревают?

— Ничего.

Трудно предположить, что Гэйдон, у которого были завязаны глаза и уши, мог узнать голос графа д'Артигаса и капитана Спаде.

Следует заметить, кроме того, что ни его, ни Тома Рока не подняли сразу на палубу шхуны. Шлюпка долго покачивалась и терлась бортом о корпус судна. Прошло добрых полчаса, прежде чем Гэйдон, сохранивший все свое хладнокровие, почувствовал наконец, что его поднимают и затем опускают куда-то в трюм.

Казалось бы, совершив это дерзкое преступление, «Эбба» должна была поскорее сняться с якоря, выйти из устья, пересечь залив Памлико и устремиться в открытое море. Тем не менее на борту судна не делалось никаких приготовлений к отплытию.

Однако разве не опасно было оставаться на месте после двойного похищения, совершенного этим вечером? Неужели граф д'Артигас так ловко спрятал своих пленников, что их не смогут обнаружить при обыске полицейские агенты Нью-Берна, если им покажется подозрительной стоянка «Эббы» по соседству с Хелтфул-Хаусом?

Как бы там ни было, но час спустя после возвращения шлюпки матросы в кубрике, граф д'Артигас, Серкё и капитан Спаде в своих каютах — словом, все, кроме вахтенных на баке, спали глубоким сном на борту шхуны, неподвижно стоявшей в тихих водах устья Ньюса.

ГЛАВА 4

Шхуна «Эбба»

Лишь на следующий день «Эбба» не спеша начала приготовления к отплытию. С набережной Нью-Берна можно было видеть, как матросы под командой Эфрон-

дата мыли палубу, освобождали паруса от чехлов, разбирали фалы и поднимали шлюпки, собираясь сняться с якоря.

В восемь часов утра граф д'Артигас еще не показывался на палубе. Его приятель, инженер Серкё, как называли его на шхуне, тоже не выходил из своей каюты. Что же до капитана Спаде, то он давал команде различные распоряжения, свидетельствующие о скором отплытии.

«Эбба» была замечательно построенным быстроходным судном, хотя ни разу не участвовала в гонках яхт ни в Северной Америке, ни в Великобритании. Высокие мачты, большая парусность, длинные реи, глубокая осадка, обеспечивавшая высокую остойчивость даже при поднятых парусах, устремленный вперед нос, узкая корма, прекрасно обрисованные ватерлинии — все указывало на ходкость и отличные мореходные качества судна, способного выдержать любую штормовую погоду.

И действительно, даже при свежем ветре шхуна «Эбба» легко шла в бейдевинд со скоростью до двенадцати миль в час.

Правда, парусники всегда зависят от капризов погоды. Когда наступает штиль, им поневоле приходится стоять на месте. Хотя они и превосходят паровые яхты своими мореходными качествами, зато не имеют двигателя, обеспечивающего им безостановочное движение.

Казалось бы, это доказывает явное превосходство тех судов, которые одновременно соединяют в себе преимущества парусности и гребного винта. Но, очевидно, граф д'Артигас не разделял этого мнения, предпочитая для своих морских путешествий парусную шхуну, даже когда плавал за пределами Атлантического океана.

В это утро дул легкий западный бриз. Таким образом,

пользуясь попутным ветром, «Эбба» легко могла выйти из устья Ньюса, пересечь лагуну Памлико и достичь одного из узких протоков, соединяющих залив с открытым морем.

Между тем прошло два часа, а «Эбба» все еще покачивалась на якоре; начавшийся отлив натягивал ее якорную цепь. Развернувшись из-за сильного течения, шхуна стояла теперь носом к устью Ньюса. Небольшой буюк, который накануне колыхался у левого борта, должно быть, за ночь убрали, так как его не было видно среди плещущихся волн.

Внезапно на расстоянии мили раздался пушечный выстрел. Над береговой батареей взвился легкий дымок. В ответ послышалось несколько залпов из орудий, установленных на длинной цепи островов, со стороны открытого моря.

В эту минуту на палубе появились граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде подошел к ним.

— Пушечный выстрел... — сказал он.

— Мы этого ожидали, — отвечал инженер Серкё, пожимая плечами.

— Это значит, что служащие Хелтфул-Хауса заметили пропажу, — продолжал капитан Спаде.

— Без сомнения, и эти выстрелы означают приказ закрыть все выходы в море.

— Какое нам до этого дело? — спросил граф д'Артигас самым спокойным тоном.

— Решительно никакого, — отвечал инженер Серкё.

Капитан Спаде был прав, говоря, что к этому времени исчезновение Тома Рока и его смотрителя было обнаружено.

Действительно, дежурный врач, совершая ранним утром обычный обход, вошел во флигель № 17 и нашел комнату пустой. Он тотчас же доложил об этом директору, который распорядился обыскать весь парк. После тщательного осмотра выяснилось, что хотя дверь в наружной стене у подножия холма и была заперта, но ключа в замочной скважине не оказалось и вдобавок засовы были отодвинуты изнутри.

Несомненно, именно через эту дверь, вечером или ночью, и было совершено похищение. Но кто его совершил? Все терялись в догадках; ни на кого не падало ни малейшего подозрения. Знали только, что накануне вечером, между семью и половиной восьмого, один из врачей лечебницы посетил Тома Рока, у которого был сильнейший нервный припадок. Оказав ему помощь и оставив больного в бессознательном состоянии, врач вышел из флигеля, а служитель Гэйдон проводил его до конца боковой аллеи.

Что произошло потом?.. Никто не знал.

Об этом двойном похищении сообщили по телеграфу в Нью-Берн, а оттуда в Роли. Губернатор Северной Каролины послал депешу с приказом не выпускать из залива Памлико ни одного корабля, не произведя на нем самого тщательного обыска. Другая депеша предписывала крейсеру береговой охраны «Фалькону» принять на себя выполнение этого задания. В то же время было приказано взять под строгое наблюдение города и деревни во всем штате.

Поэтому, как увидел граф д'Артигас со шхуны, в двух милях к востоку от устья реки «Фалькон», выполняя приказ, начал приготовления к отплытию. Однако за час с лишним, нужный ему, чтобы развести пары, шхуна ус-

пела бы, не опасаясь преследования, уйти на большое расстояние.

— Поднять якорь? — спросил капитан Спаде.

— Конечно, раз ветер попутный, но спешить незачем, — ответил граф д'Артигас.

— Это верно, — подтвердил инженер Серкё, — все равно все выходы из залива Памлико уже взяты под наблюдение, и ни одному кораблю не удастся избежать визита этих джентльменов, столь же любопытных, сколь и бесцеремонных...

— Не беда, снимайся с якоря, — приказал граф д'Артигас. — После того как офицеры крейсера или таможенные чиновники произведут обыск на борту «Эббы», запрет будет снят, и меня крайне удивит, если мы не получим пропуска на выход.

— И притом с бесчисленными извинениями, с пожеланиями счастливого плавания и скорейшего возвращения! — добавил инженер Серкё, закончив фразу раскатистым смехом.

Когда новость об исчезновении Тома Рока дошла до Нью-Берна, тамошние власти прежде всего задались вопросом, что это такое — побег или похищение? Но так как побег был невозможен без содействия Гэйдона, то первое предположение отвергли. По отзывам директора и администрации, смотритель Гэйдон не вызывал ни малейшего подозрения.

Итак, это было похищение, и легко себе представить, какое волнение происшествие вызвало в городе. Как? Исчез французский изобретатель, находившийся под строгой охраной, и вместе с ним исчез секрет фульгуратора, которым никто еще не сумел овладеть?! Не вызовет ли это весьма серьезных последствий?.. Неужели для

Америки безвозвратно потеряна тайна нового снаряда? Если предположить, что похищение совершено в пользу другого государства, не удастся ли этому государству, захватив в свои руки Тома Рока, добиться от него тех сведений, которых не смогли получить Соединенные Штаты?.. А разве можно предположить, что похитители действовали в пользу какого-нибудь частного лица?..

Поэтому розыски производились во всех округах Северной Каролины. Было установлено особое наблюдение на дорогах, железнодорожных линиях, во всех городах и поселках страны. Что касается моря, то все гавани на побережье были закрыты, от Уилмингтона до Норфолка. Ни одно судно не было избавлено от осмотра офицерами или чиновниками таможни, и при малейшем подозрении его следовало тотчас задержать. Не только «Фалькон» разводил пары, но еще несколько катеров, крейсирующих в водах лагуны Памлико, готовились согласно предписанию обследовать залив и обыскать от рубки до трюма все торговые суда, парусные яхты, рыболовные баркасы, как стоявшие на якоре, так и те, что готовились выйти в море.

Тем не менее шхуна «Эбба» явно собиралась сняться с якоря. По всей видимости, графа д'Артигаса несколько не беспокоили ни строгие предписания властей, ни грозившие ему неприятности, в случае если бы на борту шхуны обнаружили Тома Рока и смотрителя Гэйдона.

К девяти часам последние приготовления были закончены. Команда вращала брашпиль, выбирая якорную цепь через бортовой клюз, и, как только якорь отделился от грунта, матросы быстро подняли паруса.

Несколько минут спустя, поставив два кливера, стак-

сель, фок и грот, «Эбба» взяла курс на восток, огибая левый берег реки Ньюс.

В двадцати пяти километрах от Нью-Берна русло реки делает крутой изгиб и почти на таком же расстоянии, расширяясь, поворачивает к северо-западу. Миновав Кротон и Хавлок, шхуна достигла этой излучины и направилась к северу, держась у левого берега. В одиннадцать часов утра, при попутном ветре, не встретив по пути ни крейсера, ни парового катера, «Эбба» прошла стрелку острова Сидар, за которым открывается лагуна Памлико.

Это обширное водное пространство раскинулось на сотню километров между островами Сидар и Роудок. Со стороны моря оно ограничено естественным молом в виде цепочки длинных узких островов, которые тянутся с юга на север от мыса Лукаут до мыса Гаттерас и далее до мыса Генри, лежащего на широте Норфолка — одного из городов штата Виргиния, граничащего с Северной Каролиной.

Лагуну Памлико освещает множество маяков, установленных на островах и островках; они облегчают судоходство в ночное время. Это надежное убежище для судов, стремящихся укрыться от бурь Атлантического океана, и прекрасная якорная стоянка.

Лагуна Памлико сообщается с океаном несколькими проливами. Немного дальше маяка на острове Сидар открывается пролив Окракок, за ним пролив Гаттерас, несколько севернее еще три пролива, носящие названия Лоджер-Хед, Нью-Инлет и Орегон.

Из этого описания ясно, что шхуне удобнее всего было пройти через пролив Окракок, и, чтобы не менять галса, она, надо полагать, направлялась именно туда.

Правда, эту часть залива контролировал крейсер

«Фалькон», который осматривал торговые суда и рыбацьи баркасы, лавирующие у выхода из лагуны. Но все равно теперь все уже были оповещены о приказе властей и каждый проток находился под наблюдением сторожевых кораблей, не говоря о батареях, установленных у выхода в море.

Находясь на траверсе Окракока, «Эбба», однако, не приближалась к нему, по-видимому несколько не избегая паровых катеров, крейсирующих по заливу Памлико. Казалось, красавица яхта просто вышла на утреннюю прогулку и беззаботно плывет вдоль берега, направляясь к проливу Гаттерас.

Должно быть, граф д'Артигас по причинам, известным ему одному, намеревался выйти в море именно через этот пролив, так как шхуна, сделав поворот в четверть румба, направилась к нему.

До этой минуты к «Эббе» не приближались ни офицеры с крейсера, ни агенты из таможи, хотя шхуна во все не старалась скрыться. Впрочем, ей все равно не удалось бы обмануть их бдительность.

Может быть, власти признали за «Эббой» особые привилегии и решили избавить ее от обыска? Может быть, графа д'Артигаса считали слишком высокой особой, чтобы задержать его шхуну хотя бы на час?.. Нет, вряд ли. Ведь об этом иностранце, ведущем роскошную жизнь баловня судьбы, в сущности, ничего не было известно: ни кто он такой, ни откуда прибыл, ни куда направляется.

Шхуна легким и быстрым ходом продолжала свой путь, скользя по спокойной глади залива Памлико. Утренний бриз развевал поднятый на гафеле флаг — красное полотнище с золотым полумесяцем в углу.

Граф д'Артигас сидел на корме в плетеном кресле, какие обычно встречаются на частных яхтах. Он беседовал с инженером Серкё и капитаном Спаде.

— Что-то господа офицеры американского морского флота не торопятся почтить нас своим визитом, — заметил инженер Серкё.

— Пусть приезжают, когда захотят, — отозвался граф д'Артигас тоном полнейшего безразличия.

— Они, вероятно, поджидают «Эббу» у входа в пролив Гаттерас, — сказал капитан Спаде.

— Пусть подождут, — заявил богатый яхтсмен со своим обычным невозмутимым и высокомерным видом.

Предположение капитана Спаде, по всей вероятности, было правильным, так как «Эбба» явно направлялась к указанному проливу. Если «Фалькон» до сих пор не двинулся ей наперерез, значит, он собирается перехватить ее у самого входа в пролив. Там, перед выходом из лагуны Памлико в открытый океан, шхуна не могла бы воспротивиться осмотру.

Как ни странно, ничто не указывало, что граф д'Артигас стремится избежать подобного осмотра. Неужели Тома Рока и Гэйдона так ловко спрятали на борту шхуны, что агенты не смогут их обнаружить?..

Однако граф д'Артигас, возможно, чувствовал бы себя не так уверенно, если бы знал, что крейсеру и таможенным катерам приказано подвергнуть «Эббу» особенно тщательному обыску.

В самом деле, приезд в Хелтфул-Хаус иностранного гостя привлек к нему внимание. Вначале у директора не было никакого повода заподозрить истинную цель его визита. Однако пациент и смотритель исчезли через несколько часов после отъезда графа, а с тех пор никто не

посещал флигеля № 17 и никто не общался с Роком. Все это казалось подозрительным, и администрация лечебницы склонялась к мысли, что иностранный посетитель, несомненно, замешан в этом деле. Разве не мог спутник графа д'Артигаса, осмотрев местоположение и дорогу к флигелю, отодвинуть засовы, вынуть ключ из двери, вернуться с наступлением темноты, проникнуть за ограду парка и совершить похищение даже без особого труда, так как шхуна «Эбба» стояла на якоре всего в двух или трех кабельтовых от берега?..

Все эти подозрения, в начале расследования зародившиеся у директора и служащих лечебницы, еще усилились, когда шхуна снялась с якоря, вышла из устья Ньюса и устремилась к выходу из залива Памлико.

Поэтому по приказу властей Нью-Берна крейсеру «Фалькон» и таможенным паровым катерам было предписано следить за шхуной «Эбба», задержать ее прежде, чем она проникнет в пролив, и подвергнуть самому тщательному осмотру, обыскав все каюты, рубку, камбуз и трюмы до последнего уголка. Шхуну нельзя выпускать из бухты, пока офицеры не удостоверятся лично, что ни Тома Рока, ни Гэйдона действительно нет на борту.

Граф д'Артигас, конечно, не мог предполагать, что подозрения падали именно на него и что за его яхтой приказано установить особое наблюдение. Впрочем, если бы даже он об этом и знал, разве такого властного, надменного человека могли обеспокоить подобные пустяки?

Около трех часов пополудни шхуна, находившаяся на расстоянии менее мили от пролива Гаттерас, начала лавировать, держа курс на середину пролива.

Обыскав несколько рыболовных баркасов, собиравшихся выйти в море, «Фалькон» стал на страже у входа в

пролив. «Эбба» отнюдь не пыталась пройти незамеченной или ускорить ход, чтобы уклониться от осмотра, обязательного в тот день для всех судов в заливе Памлико. Простому паруснику все равно не уйти от преследования военного корабля, и если бы шхуна не подчинилась приказу лечь в дрейф, ее скоро принудили бы к этому двумя-тремя выстрелами береговых батарей.

В эту минуту от крейсера отвалила шлюпка с десятью матросами и двумя офицерами; налегая на весла, они помчались наперерез «Эббе».

Со своего кресла на корме граф д'Артигас спокойно наблюдал за этим маневром, покуривая отличную га-ванскую сигару.

Когда шлюпка приблизилась на расстояние полка-бельтова, один из матросов встал и начал махать сигнальным флажком.

- Приказ остановиться, — сказал инженер Серкё.
- Да, в самом деле, — кивнул граф д'Артигас.
- Приказ подождать...
- Что ж, подождем.

Капитан Спаде немедленно отдал распоряжение лечь в дрейф. Кливер, стаксель и грот были вынесены на ветер, тогда как над фоком был поднят фор-марсель.

Шхуна убавила скорость и стала на месте, лишь отлив слегка сносил ее по течению.

Гребцы налегли на весла, и шлюпка с «Фалькона» сошлась борт о борт с «Эббой», зацепившись багром за ванты грот-мачты. Со шхуны тут же спустили шторм-трап; два офицера и восемь матросов поднялись на борт, оставив двоих гребцов сторожить шлюпку.

Команда шхуны выстроилась на баке судна.

Старший по чину офицер — лейтенант морской

службы — подошел к владельцу «Эббы», который поднялся с кресла ему навстречу. Вот какими вопросами и ответами они обменялись:

— Я имею честь говорить с графом д'Артигасом, владельцем шхуны?

— Да, сэр.

— Ее название?

— «Эбба».

— Кто ею командует?

— Капитан Спаде.

— Ее национальная принадлежность?

— Индо-малайская.

Офицер поднял глаза на флаг шхуны; тут граф д'Артигас в свою очередь задал ему вопрос:

— Могу ли я узнать, сэр, чему я обязан удовольствием видеть вас у себя на борту?

— Мы получили приказ осмотреть все корабли, которые стоят на якоре в лагуне Памлико или собираются выйти в море, — ответил лейтенант.

Он не счел нужным сообщать, что «Эббу» было приказано обыскать более тщательно, чем какое-либо другое судно.

— Надеюсь, граф, что вы не намереваетесь противиться...

— Конечно, нет, сэр, — ответил граф д'Артигас. — Моя шхуна в вашем полном распоряжении от верхушки мачты до трюма. Я хотел бы только спросить: почему корабли, находящиеся сегодня в заливе Памлико, подлежат такой строгой проверке?

— Не вижу причин оставлять вас в неизвестности, граф, — ответил офицер. — Губернатору Северной Каролины сообщили о злостном похищении, совершенном в

Хелтфул-Хаусе, и власти желают удостовериться, что похищенных не привезли ночью на какое-нибудь судно...

— Да что вы! — воскликнул граф д'Артигас, разыгрывая удивление. — А кого же это похитили из Хелтфул-Хауса?

— Одного изобретателя, сумасшедшего, который стал жертвой преступников вместе со своим сторожем...

— Сумасшедшего, говорите вы?.. Уж не о французе ли Тома Роке идет речь?

— Именно о нем.

— Тот самый Тома Рок, кого мы с капитаном Спаде видели вчера при посещении лечебницы?.. с кем я беседовал в присутствии директора?.. с ним еще случился сильнейший припадок перед нашим уходом?..

Офицер внимательно наблюдал за иностранцем, стараясь уловить что-либо подозрительное в его поведении или в словах.

— Это просто невероятно! — прибавил граф д'Артигас таким тоном, словно в первый раз слышал о похищении из Хелтфул-Хауса. — Сэр, — продолжал он, — мне понятно, насколько обеспокоены власти исчезновением такого человека, как Тома Рок, и я одобряю принятые меры предосторожности. Мне незачем уверять вас, что на борту «Эббы» нет ни французского изобретателя, ни его сторожа. Впрочем, вы сами можете в этом убедиться, произведя на шхуне самый тщательный обыск. Капитан Спаде, будьте любезны проводить господ офицеров.

С этими словами, холодно поклонившись лейтенанту «Фалькона», граф д'Артигас снова уселся в кресло и вновь закурил свою сигару.

Оба офицера и восемь матросов в сопровождении капитана Спаде тут же приступили к обыску.

Первым делом они спустились через люк в кормовую каюту — роскошно обставленный салон с панелями из дорогих сортов дерева, богатой мебелью, изящными безделушками, коврами и дорогими штофными обоями.

Нечего и говорить, что салон, прилегающие каюты и спальня графа д'Артигаса были обысканы со всем старанием, на какое только способны опытнейшие полицейские агенты. К тому же капитан Спаде ревностно помогал офицерам в их поисках, не желая допустить, чтобы на владельца «Эббы» падало хоть малейшее подозрение.

Из салона и кормовых кают офицеры перешли в комфортабельно устроенную столовую. Они обыскали кладовые, камбуз, каюты капитана Спаде и боцмана на носу судна, затем кубрик команды, но нигде не нашли и следов Тома Рока и Гэйдона.

Оставался трюм и подпалубные помещения, требующие особенно внимательного осмотра. Открыв люки, капитан Спаде зажег два фонаря, чтобы облегчить розыски.

В трюме были обнаружены цистерны с водой, всевозможная провизия, ящики вина, бочонки спирта, джина, водки и виски, пивные бочки, запасы угля, — всего в изобилии, как будто шхуна готовилась к дальнему плаванью. Пробираясь среди грузов, пролезая в щели между тюками и ящиками, американские моряки спустились до внутренней обшивки, до самого днища... Но их труды пропали даром.

Не оставалось сомнений, что графа д'Артигаса напрасно заподозрили как соучастника в похищении пациента Хелтфул-Хауса и его сторожа.

Обыск, длившийся около двух часов, не дал никаких результатов.

В половине шестого, добросовестно обследовав все

внутренние помещения и получив полную уверенность, что там не спрятаны ни Тома Рок, ни Гэйдон, матросы и офицеры «Фалькона» поднялись на палубу. Снаружи они осмотрели переднюю палубу, шлюпки и, никого не найдя, пришли к убеждению, что «Эббу» заподозрили напрасно.

Офицерам ничего не оставалось, как распрощаться с графом д'Артигасом, и они направились к нему.

— Простите за беспокойство, граф, — сказал лейтенант.

— Помилуйте! Вы обязаны были повиноваться приказу и исполнить данное вам поручение, господа...

— К тому же это простая формальность, — любезно добавил офицер.

Легким кивком головы граф д'Артигас выразил согласие с этим объяснением.

— Я уже говорил вам, господа, что не принимал никакого участия в этом похищении.

— Мы вполне убедились в этом, граф. Нам пора возвратиться на крейсер.

— Как вам угодно. Имеет ли теперь право моя шхуна свободно выйти в море?

— Разумеется.

— До свиданья, господа офицеры, до свиданья — ведь я частый гость в здешних местах и не замедлю сюда вернуться. Надеюсь, что к моему возвращению вы найдете преступных похитителей и водворите Тома Рока обратно в Хелтфул-Хаус. Это весьма желательно в интересах Соединенных Штатов и, думаю, в интересах всего человечества.

После этих слов офицеры вежливо откланялись графу д'Артигасу, который небрежно кивнул им в ответ.

Капитан Спаде проводил незваных гостей до штормтрапа, и они, спустившись в шлюпку вместе с матросами, вернулись на крейсер, поджидавший их в двух кабельтовых.

По знаку графа д'Артигаса капитан Спаде приказал снова поднять паруса. Ветер свежел, и «Эбба» быстрым ходом направилась к проливу Гаттерас.

Полчаса спустя, миновав пролив, шхуна вышла в открытый океан.

В течение часа она держала курс на ост-норд-ост. Но в нескольких милях от берега, как это обычно бывает, бриз, дующий с суши, затих. Паруса заполоскались на мачтах, руль перестал слушаться рулевого, и «Эбба» замерла неподвижно на гладкой поверхности моря при полном штиле.

Казалось, шхуна на всю ночь потеряла возможность продолжать свой путь.

Капитан Спаде не покидал наблюдательного поста на носу судна. Со времени выхода в море он беспрестанно переводил взгляд с левого борта на правый, словно стараясь разглядеть какой-то предмет, плавающий на поверхности.

Внезапно он крикнул громким голосом:

— Убрать паруса!

Выполняя команду, матросы поспешили взять на гитовы и подтянули спущенные паруса к реям, даже не закрыв их чехлами.

Не собирался ли граф д'Артигас дожидаться здесь рассвета и заодно утреннего бриза? Однако в таких случаях суда обычно остаются под парусами, чтобы воспользоваться первым дуновением попутного ветра.

В море спустили шлюпку, и в нее сел капитан Спаде

с матросом, который, гребя кормовым веслом, направил ее к некоему предмету, выплывшему на поверхность саженьях в десяти от левого борта.

Это был небольшой буюк вроде того, что покачивался на волнах реки Ньюс, когда «Эбба» стояла на якоре у берега Хелтфул-Хауса.

Подтянув буюк вместе с прикрепленным к нему швартовым, шлюпка подплыла с ним к носу шхуны.

Спущенный с борта по команде боцмана буксирный конец прикрепили к швартовым. Затем капитан Спаде с матросом вернулись на палубу шхуны, и шлюпку подняли на борт.

Почти тотчас же буксирный конец натянулся, и «Эбба» со свернутыми парусами помчалась на восток со скоростью не менее десяти миль в час.

Спустилась ночь, и огни американского побережья вскоре погасли на туманном горизонте.

ГЛАВА 5

Где я?

(Записки инженера Симона Харта)

Где я?.. Что произошло со мной после внезапного падения у входа во флигель?

Проводив врача, я собирался подняться на крыльцо, вернуться в комнату, запереть дверь и снова дежурить у изголовья Тома Рока, как вдруг на меня набросились какие-то люди и сбили меня с ног... Кто они такие? Я не мог их видеть — мне завязали глаза. Я не мог позвать на помощь — мне заткнули рот кляпом. Я не мог сопротивляться — меня связали по рукам и ногам... Вскоре я по-

чувствовал, что меня схватили, пронесли около сотни шагов... подняли вверх, опустили... положили куда-то...

Но куда? Куда?

А Тома Рок, что случилось с ним? Не на него ли покушались неизвестные вместо меня? Вполне правдоподобная гипотеза. Ведь для всех я только служитель Гэйдон, а не инженер Симон Харт; о моей истинной профессии, о моей истинной национальности никто не подозревает, а кому мог понадобиться простой больничный служитель?

Очевидно, покушение было совершено на французского изобретателя. Вероятно, его похитили из Хелтфул-Хауса, надеясь вырвать у него тайну фульгуратора.

Однако я строю предположения в уверенности, что Тома Рок исчез вместе со мной... Так ли это... Да... Конечно, так... На этот счет не может быть сомнений. Не похоже, что я попал в руки грабителей, хотевших совершить только кражу... Те поступили бы совсем иначе. Лишив меня возможности позвать на помощь и похитив Тома Рока, они просто бросили бы меня где-нибудь в углу сада и не стали бы запирасть... туда, где я нахожусь.

Но где? Все тот же неразрешимый вопрос — вот уже несколько часов как я бьюсь над ним!

Как бы то ни было, со мной случилось необычайное приключение. Чем оно окончится, к чему может привести — не знаю, даже гадать не смею. Во всяком случае, я постараюсь запомнить минута за минутой все мельчайшие подробности этого темного дела, а потом, если будет возможность, стану ежедневно записывать свои наблюдения... Как знать, что сулит мне будущее и не удастся ли мне в новых условиях раскрыть наконец секрет фульгуратора Рока? Если в один прекрасный

день я окажусь на свободе, необходимо, чтобы люди узнали эту тайну, а также обнаружили, кто виновник или виновники преступного покушения, грозящего такими страшными последствиями!

Я беспрестанно возвращаюсь к тому же вопросу, надеясь, что какая-нибудь случайность поможет мне решить его.

Где я нахожусь?..

Припомним все по порядку.

Когда меня вынесли за ограду Хелтфул-Хауса, я почувствовал, что меня осторожно кладут на скамью какой-то лодки, накренившейся набок, должно быть, шлюпки небольших размеров...

Почти сейчас же лодку снова качнуло, как будто в нее внесли еще одного человека. Можно ли сомневаться, что это был Тома Рок? Ему-то не стоило затыкать рот, завязывать глаза, спутывать его по рукам и ногам. Он, вероятно, был схвачен еще в состоянии прострации, неспособный сопротивляться, не в силах даже понять, что он стал жертвой нападения. Доказательством того, что я не ошибся, служит характерный запах эфира, который я почувствовал, несмотря на повязку. Ведь вчера, перед уходом, доктор дал больному несколько капель эфира, и — я отлично помню, — когда Рок метался в припадке, немного этой быстро испаряющейся жидкости пролилось ему на платье. Значит, нет ничего удивительного, что запах сохранился и я ощутил его. Да... в шлюпке, рядом со мной лежал Тома Рок. А вернись я во флигель на несколько минут позже, я бы уже не нашел там больного...

Меня мучает мысль... почему это графу д'Артигасу пришла злополучная фантазия посетить Хелтфул-Хаус?

Если бы мой пациент не встретился с ним, ничего бы не случилось. Разговор об изобретении и довел Рока до этого на редкость тяжелого припадка. Главная вина лежит на директоре, который не внял моим предостережениям. Если б он послушался меня, к больному не пришлось бы вызывать врача, я бы запер дверь во флигель и покушение бы сорвалось...

О том, какую выгоду может принести похищение Тома Рока частному лицу или одному из государств Старого Света, не стоит и говорить. На этот счет, мне кажется, я могу быть совершенно спокоен. Никому не удастся добиться того, чего я не мог добиться за эти полтора года. На той стадии умственного расстройства, на которой находится мой соотечественник, всякая попытка выведать его секрет обречена на неудачу. В самом деле, его состояние с каждым днем ухудшается, безумие прогрессирует, скоро будут поражены даже те области мозга, которые до сих пор оставались нетронутыми.

Впрочем, сейчас речь идет не о Роке, а обо мне самом; вот что со мной произошло дальше.

Качнувшись несколько раз с боку на бок, лодка пошла на веслах. Переезд длился не более минуты. Затем я почувствовал легкий толчок. Очевидно, стукнувшись носом о корпус судна, шлюпка стала с ним рядом. После этого послышался шум и движение. Кто-то ходил, разговаривал, отдавал команду. Я не мог разобрать слов сквозь плотную повязку, но смутно слышал гул голосов, длившийся минут пять-шесть.

Прежде всего мне пришла в голову мысль, что меня перенесут со шлюпки на борт корабля и запрут в глубине трюма до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море. Разумеется, пока судно плывет в водах лагуны

Памлико, ни Тома Рока, ни его зрителя не могут выпустить на палубу.

И в самом деле, меня, все еще связанного, схватили за ноги и за плечи. Как ни странно, судя по ощущению, меня не поднимают через борт на палубу, но напротив, опускают вниз. Уж не хотят ли бросить меня в море, утопить, чтобы избавиться от неугодного свидетеля?.. На миг меня пронзила эта мысль, и я содрогнулся с головы до ног. Невольно я глубоко вздохнул, вобрав в легкие побольше воздуха, которого мне скоро не будет хватать...

Но нет! Меня бережно опустили на пол, показавшийся мне холодным, как металл. Затем положили навзничь и, к моему величайшему удивлению, развязали стягивавшие меня веревки. Шум шагов вокруг меня стих. Через минуту я услышал стук захлопнувшейся двери.

Где же я? где? и есть ли тут еще кто-нибудь? Я срываю повязку с глаз и вытаскиваю кляп изо рта...

Вокруг темнота, полная темнота. Ни щелочки, ни малейшего проблеска света, как бывает даже в наглухо запертых комнатах.

Я зову... кричу долго и настойчиво... Никакого ответа. Голос мой звучит глухо, словно теряется в звуконепроходимой среде.

Кроме того, мои легкие вдыхают горячий, тяжелый, душный воздух, мне скоро станет трудно, невозможно дышать, если в помещение не откроют доступ свежему воздуху.

Тогда я протягиваю руки и стараюсь определить на ощупь, где я нахожусь.

Я заперт в каком-то чулане величиной не больше трех-четырех кубических метров, обитом листовым железом. Проводя рукой по стенам, я определяю, что они

скреплены заклепками, как водонепроницаемые переборки на кораблях.

Ища выхода, я нащупываю на одной из стен что-то вроде дверной рамы, петли которой выдаются на несколько сантиметров. Дверь отворяется, должно быть, вовнутрь, и, вероятно, меня внесли в это тесное помещение именно через нее.

Приложив ухо к двери, я ничего не слышу. Полный мрак и мертвая тишина, странная тишина, нарушаемая лишь гулом металлического пола, когда я по нему ступаю. Не доносится никаких привычных на море звуков, ни журчания воды вдоль корпуса корабля, ни плеска волн, струящихся за кормой. Не чувствуется даже легкого покачивания, хотя в устье Ньюса прилив всегда вызывает заметное волнение.

Но почему, в сущности, я решил, что это тесное помещение находится на корабле? Правда, меня доставили сюда на лодке, и переезд длился не более минуты, однако действительно ли я плыву сейчас по водам Ньюса? В самом деле, разве не могла шлюпка, вместо того чтобы отвезти меня на судно, ожидавшее ее на реке у подошвы холма Хелтфул-Хауса, пристать к берегу в другом месте? В таком случае меня, может быть, высадили на сушу и заперли в каком-нибудь подземелье? Это объяснило бы полную неподвижность моей темницы. С другой стороны, откуда здесь эти металлические переборки, скрепленные заклепками, откуда легкий запах соленой воды, своеобразный запах, присущий всем морским судам, в природе которого я не могу ошибиться?..

Со времени моего заточения прошло, как мне кажется, часа четыре. Значит, сейчас должно быть около полуночи. Неужели я останусь здесь до утра? Хорошо, что

я пообедал в шесть часов, как это принято в Хелтфул-Хаусе. Голода я не чувствую, но меня сильно клонит ко сну. Надеюсь, однако, у меня хватит силы воли не заснуть... Я не поддамся сну... Надо отвлечься каким-нибудь внешним впечатлением! Но чем же? Ни один звук, ни один луч света не проникает в этот железный гроб... Терпение! Может быть, мое ухо уловит хоть какой-нибудь шум, пусть еле слышный. Я напряженно прислушиваюсь, я весь обращаюсь в слух. Затем стараюсь поймать хоть какое-нибудь движение, колебание, покачивание — я должен его ощутить, если только я не на твердой земле. Допустим, что судно еще стоит на якоре, должно же оно отплыть... или... иначе я не могу понять, зачем же нас похитили. Тома Рока и меня?..

Наконец... нет, это не ошибка... Я чувствую легкую бортовую качку и убеждаюсь, что я не на суше... еле заметное колебание без толчков и перебоев. Скорее скольжение по водной поверхности.

Будем рассуждать хладнокровно. Я нахожусь на борту какого-то корабля, парусника или парохода, который стоял на якоре в устье Ньюса, ожидая исхода дерзкого нападения. Меня перевезли сюда на шлюпке; однако, повторяю, у меня не было ощущения, будто меня подняли через борт на палубу. Может быть, меня внесли через боковой люк в корпусе корабля? Не все ли равно, в конце концов! Спустили меня в трюм или нет — во всяком случае, я на судне, которое покачивается на волнах.

Вероятно, мне скоро вернут свободу и Тома Року тоже, если его упрятали так же старательно, как и меня. Под свободой я разумею возможность выходить на палубу, когда мне вздумается. Однако это произойдет не раньше, чем через несколько часов, так как нас не вы-

пустят наружу, пока судно не выйдет в открытое море. Если это парусник, ему придется ждать бриза, попутного бриза, дующего с суши ранним утром, когда оживают все парусники в заливе Памлико. Правда, если это паровое судно...

Нет! На борту парохода я неизбежно почувствовал бы запах угля, смазочного масла, дым из кочегарки. И затем я ощущал бы работу винта, вращение лопастей, сотрясение машины, толчки поршней...

Так или иначе, самое лучшее — запастись терпением. Ведь только завтра меня выпустят из этой дыры. К тому же если мне и не вернут свободы, то хоть принесут поесть! Право, не похоже на то, что меня решили уморить голодом. Тогда уж гораздо проще было бы утопить меня в реке, чем переносить на корабль. Да и чем я опасен для них в открытом океане? Моих криков о помощи никто не услышит. Мои протесты будут бесполезны, мои упреки и обвинения — еще бесполезнее!

И потом, зачем я мог понадобиться этим преступникам? Для них я просто Гэйдон, больничный служитель — ничтожество. Им надо было похитить из Хелтфул-Хауса именно Тома Рока. А меня... меня прихватили в придачу просто потому, что в эту минуту я входил во флигель...

Во всяком случае, что бы ни случилось, кто бы ни были виновники этого темного дела, куда бы они меня ни везли, я твердо решил одно: по-прежнему играть роль служителя. Никто, решительно никто не должен подозревать, что под личиной Гэйдона скрывается инженер Симон Харт. Это сулит два преимущества: во-первых, беднягу сторожа никто не станет остерегаться, а во-вторых, так будет легче раскрыть этот тайный заговор и расстроить планы преступников, если мне удастся спастись.

Но что за мысли! Прежде чем бежать, надо сначала прибыть на место назначения. О побеге я успею еще подумать потом, когда представится подходящий случай. До тех пор самое главное, чтобы никто не знал, кто я такой, и клянусь, никто этого не узнает.

Вот теперь уж нет никаких сомнений — мы отплываем! Итак, первое мое предположение было правильным. Однако если корабль, на котором мы плывем, не пароход, то это и не парусное судно. Его, несомненно, приводит в движение какой-то мощный механизм. Правда, я не слышу характерного стука паровой машины, заставляющей работать колеса или гребной винт, должен признать также, что судно не сотрясается от толчков поршней в цилиндрах. Скорее это непрерывное равномерное вращательное движение, которое производит двигатель неизвестной системы. Ошибиться невозможно: судно обладает особым двигателем. Но каким?

Не работает ли здесь одна из появившихся в последнее время турбин, которые, действуя внутри подводной трубы, призваны вскоре заменить гребной винт, так как лучше преодолевают сопротивление воды и сообщают бóльшую скорость судну?

Через несколько часов я получу представление об этом новом способе судоходства и о непонятном, таинственном двигателе.

Не менее удивительно и то, что здесь совершенно не ощущается ни бортовая, ни килевая качка. Залив Памлико обычно не бывает таким спокойным. Достаточно одних приливов и отливов, чтобы вызвать постоянное волнение на его поверхности.

Правда, в эти часы мог наступить штиль, — ведь береговой бриз, помнится, стих с наступлением вечера. Нет!

Все равно это кажется мне необъяснимым, так как на любом судне, приводимом в действие двигателем, независимо от скорости движения, всегда ощущается легкое дрожание корпуса, а я этого совершенно не чувствую.

Все эти мысли неотступно преследуют меня. Несмотря на неодолимое желание заснуть, несмотря на гнетущее оцепенение, охватившее меня в этом спертom воздухе, я твердо решил не поддаваться сну. Я буду бодрствовать до утра, хотя бы утро настало для меня не раньше, чем в мою камеру проникнет дневной свет. Мне мало отворенной двери, я буду ждать, пока меня освободят из этой дыры и выведут на палубу...

Я сажусь на пол в углу и прислоняюсь к стене, — ведь здесь нет даже скамьи. Но, почувствовав, что веки слипаются и меня одолевает дремота, — тут же вскакиваю на ноги. В ярости начинаю бить в стену кулаками, звать на помощь... Напрасно я расшибаю руки о стальные заклепки обшивки: на мои крики никто не приходит.

Нет!.. Это недостойно. Я же дал слово держать себя в руках, и вот с самого начала теряю самообладание и веду себя глупо, как ребенок...

Отсутствие килевой и бортовой качки, несомненно, доказывает, что корабль еще не вышел в открытое море. Быть может, вместо того чтобы пересечь залив Памлико, он пошел вверх по течению Ньюса?.. Нет!.. Зачем ему забираться в глубь страны? Выкрав Тома Рока из Хелтфул-Хауса, похитители, без сомнения, намеревались увезти его из Соединенных Штатов — вероятно, на один из далеких островов Атлантического океана или в какой-нибудь порт Старого Света. Значит, наш корабль не идет вверх по короткому руслу реки Ньюс. Мы находимся в водах лагуны Памлико во время мертвого штиля.

Пусть так! Но, выйдя в открытое море, корабль не может избежать качки, всегда ощутимой даже при полном безветрии на судах средних размеров. Разве только я нахожусь на борту крейсера или броненосца... а это совершенно невероятно!

Вдруг мне почудилось... В самом деле, я не ошибаюсь... Снаружи слышится шум... шум шагов. Шаги приближаются к железной переборке, к той стене, где находится дверь моей камеры... Вероятно, это кто-нибудь из команды. Отопрут ли мне дверь, наконец! Я прислушиваюсь... Люди разговаривают, я слышу голоса, но не могу разобрать ни слова. Они говорят на совершенно непонятном языке... Я зову, я кричу... Никакого ответа!

Мне остается только ждать, ждать, ждать! Я твержу это слово, и оно отдается в моей больной голове, словно удары колокола!

Попробуем высчитать, сколько прошло времени.

Судно снялось с якоря не меньше четырех-пяти часов тому назад. По-моему, сейчас уже далеко за полночь. К несчастью, в этой кромешной тьме мои карманные часы не могут мне помочь.

Итак, если мы плывем около пяти часов, корабль должен был уже выйти из залива Памлико, через проток Окракок или Гаттерас — безразлично. Стало быть, он уже ушел на добрую милю в открытое море. И, однако, я не ощущаю никакой качки.

Вот что необъяснимо, вот что невероятно!.. Полно... Неужели я ошибся? Неужели я поддался обману чувств? Разве я не заперт в глубине трюма на некоем неведомом корабле?

Проходит еще час, и вдруг судовые машины прекращают работу. Я совершенно убежден, что теперь судно

стоит неподвижно. Неужели оно прибыло на место назначения? В таком случае мы зашли в какой-нибудь порт на побережье, к северу или к югу от залива Памлико. Однако маловероятно, что, похитив Тома Рока из Хелтфул-Хауса, преступники собираются тут же высадить его на берег. Тогда похищение неизбежно обнаружится, и виновники рискуют попасть в руки американской полиции.

Впрочем, если корабль прибыл на стоянку, я вскоре услышу лязг якорной цепи, пропускаемой через клюз, а когда отданный якорь коснется грунта, последует толчок... Я жду этого толчка, я его почувствую... Это должно случиться скоро... всего через несколько минут.

Я жду... я напрягаю слух.

На судне царит томительная, тревожная тишина. Невольно задаю себе вопрос: есть ли здесь живые существа, кроме меня?

Я чувствую, как мною овладевает странное оцепенение... Воздух отравлен... Мне не хватает дыхания... Грудь давит какая-то тяжесть, и я не в силах сбросить ее.

Пытаюсь бороться... Невозможно... Воздух накалил-ся до того, что я принужден растянуться на полу и скинуть с себя верхнюю одежду. Веки мои тяжелеют, смыкаются, я чувствую полный упадок сил и наконец забываюсь глубоким тяжелым сном...

Сколько времени я спал? Не знаю. Ночь теперь или день? Понятия не имею. Прежде всего я замечаю, что мне стало легче дышать. Воздух, наполняющий легкие, уже не отравлен углекислотой.

Значит ли это, что помещение проветрили, пока я спал? Неужели дверь отпирали? Неужели кто-то входил в эту тесную камеру?

Да, и тому есть доказательство.

Моя рука случайно натывается в темноте на какой-то предмет — сосуд с жидкостью, распространяющей приятный аромат. Я подношу его к пересохшим губам; меня так мучит жажда, что я готов выпить даже соленой морской воды.

Это эль, превосходный эль, — я выпиваю залпом целую пинту — он освежает меня, подкрепляет мои силы.

Однако если тюремщики не дали мне умереть от жажды, не обрекли же они меня, надеюсь, на голодную смерть.

Нет... в углу оставлена корзинка, а в ней круглый хлеб и кусок холодного мяса.

Я принимаюсь за еду, ем с жадностью, и силы мои постепенно восстанавливаются.

Значит, меня не бросили на произвол судьбы, как я боялся. Какие-то люди входили в мою темную конуру и впустили в дверь свежего воздуха, кислорода, без которого я бы задохнулся. Кто-то позаботился о том, чтобы я мог утолять голод и жажду до тех пор, пока меня не освободят.

Как долго продлится мое заточение? Несколько дней? или месяцев?

Впрочем, я не могу ни сосчитать, сколько времени я спал, ни определить, хотя бы приблизительно, который теперь час. Правда, я позаботился завести свои карманные часы, но это часы без боя. Попробую нащупать стрелки... Да, мне кажется, часовая стрелка стала на цифре восемь... вероятно, сейчас восемь часов утра.

В чем я действительно уверен, так это в том, что судно стоит на месте. Внутри не ощущается ни малейшего сотрясения — по-видимому, двигатель бездействует.

Между тем время идет, тянется, проходят бесконечные томительные часы, и я спрашиваю себя, неужели мои тюремщики дожидаются ночи, чтобы снова войти в камеру, проветрить ее, оставить провизию, пока я сплю... Да, они хотят воспользоваться моим сном.

На этот раз я твердо решил бороться с дремотой. Я даже притворюсь спящим... и кто бы ни вошел, я ставлю его ответить на мои вопросы!

ГЛАВА 6

На палубе

Наконец-то я на свежем воздухе и могу дышать полной грудью. Наконец-то меня выпустили из душной камеры и вывели на палубу корабля... Окинув взглядом морскую даль, я нигде не вижу земли. Ничего, кроме круговой линии горизонта, ничего, кроме моря и неба! Нет! Не видно даже смутных очертаний материка на западе, с той стороны, где тянется на тысячи миль побережье Северной Америки.

Заходящее солнце озаряет косыми лучами водную гладь океана... Сейчас, должно быть, около шести часов вечера... Я смотрю на циферблат... Да, шесть часов тринадцать минут.

Вот что произошло за эту ночь, ночь на 17 июня.

Как уже было сказано, я ждал, чтобы отперли дверь моей камеры, твердо решив не поддаваться сну. Я не сомневался, что день уже наступил, но время тянулось, и никто не приходил. От провизии, которую мне принесли, не осталось ни крошки. Я начал страдать от голода, но не от жажды, так как сохранил немного эля.

Вскоре я почувствовал легкое покачивание корпуса

судна. Очевидно, шхуна снова вышла в море, проведя ночь на стоянке, должно быть, в какой-нибудь пустынной бухте у берега, так как раньше я не ощущал характерных толчков, обычных при бросании якоря.

Было шесть часов, когда за металлической переборкой раздались шаги. Войдет ли кто-нибудь ко мне? Да. Ключ щелкнул в замке, и дверь отворилась. Свет фонаря рассеял глубокий мрак камеры, в которой я провел долгие часы заточения.

Вошли два человека, но я не успел рассмотреть их лица. Схватив меня за руки, они завязали мне глаза плотной тряпкой, так что я ничего не мог видеть.

Что означала эта мера предосторожности? Что со мной собирались делать? Я попробовал вырваться. Меня крепко держали. Я задавал вопросы. Никакого ответа. Двое неизвестных обменялись несколькими словами на незнакомом мне языке — на каком, я не мог определить.

Положительно, со мной обращаются слишком уж бесцеремонно! Правда, в их глазах я просто слуга сумасшедшего дома, стоит ли считаться с таким ничтожеством! Однако я далеко не уверен, что с инженером Симоном Хартом обращались бы более почтительно.

На этот раз мне все же не заткнули рот кляпом и не связали по рукам и ногам. Меня просто крепко держат, чтобы я не мог убежать.

Минуту спустя меня выводят из камеры и вталкивают в тесный коридор. Под ногами гулко звенят ступени железного трапа. Затем мне в лицо ударяет свежий ветер, и я жадно вдыхаю его сквозь повязку.

Тут меня поднимают и ставят на пол, на этот раз не металлический, а деревянный; должно быть, это палуба корабля.

Наконец матросы отпускают меня. Я свободен. Прежде всего я срываю повязку с головы и оглядываюсь вокруг.

Я стою на палубе шхуны, которая идет полным ходом, оставляя за кормой длинный пенистый след.

Я принужден ухватиться за бакштаг, чтобы не упасть, так солнечный свет ослепляет меня после двухдневного заточения в полной темноте.

По палубе ходят человек десять матросов с грубыми, суровыми лицами самого разнообразного типа; мне трудно определить их национальность. Впрочем, они почти не обращают на меня внимания.

Что до шхуны, то, мне кажется, ее водоизмещение не более двухсот пятидесяти — трехсот тонн. Широкий корпус, высокие мачты и большая площадь парусности должны обеспечить ей быстрый ход при попутном ветре.

На корме за рулем стоит матрос с загорелым обветренным лицом. Держась за ручки штурвального колеса, он правит шхуной, делая резкие повороты.

Мне хотелось бы узнать название этого судна, напоминающего своим видом яхту. Написано ли оно на корме или на носу судна?

Обратившись к одному из матросов, я спрашиваю:

— Что это за корабль?

Никакого ответа — можно подумать, что он даже не понимает меня.

— Где капитан?

Матрос не отвечает и на этот вопрос.

Я направляюсь к носу судна. На баке подвешен судовой колокол. Может быть, на медной стенке колокола высечено название шхуны?

Нет, ничего.

Вернувшись на корму, я задаю тот же вопрос рулевому.

Бросив на меня угрюмый взгляд, он пожимает плечами и, расставив ноги, выравнивает шхуну, сильно накренившуюся на левый борт.

Я оглядываюсь, чтобы узнать, нет ли здесь Тома Рока. Его нигде не видно... Неужели его нет на борту? Это очень странно. Зачем было похищать из Хелтфул-Хауса одного служителя Гэйдона? Никто ни разу не заподозрил, что на самом деле я инженер Симон Харт, да если бы даже это стало известно, зачем я мог понадобиться похитителям и чего они от меня хотят?

Раз Тома Рока нет на палубе, значит, его заперли в одной из кают; лишь бы только с ним обращались пожебливее, чем с его бывшим смотрителем!

Что такое? Как это я сразу не заметил! Каким же образом движется эта шхуна? Паруса убраны все до последнего, бриз стих... редкие порывы ветра, дующего с востока прямо в лоб, только препятствуют ходу судна... И тем не менее шхуна быстро несется вперед, слегка зарываясь носом и рассекая форштевнем волны, струящиеся белой пеной вдоль ватерлинии. Длинный волнистый след тянется далеко за кормой.

Значит, это паровая яхта? Нет! Между грот- и фок-мачтой не видно никакой трубы. Может быть, это судно с электрическим двигателем, снабженное аккумуляторами или гальванической батареей большой мощности — они-то и приводят в движение гребной винт и сообщают кораблю подобную скорость?

Право же, нельзя иначе объяснить его движение. Во всяком случае, судно, несомненно, движется при помощи гребного винта, и я смогу в этом удостовериться, на-

клонившись над гакабортом; тогда мне останется только выяснить, какая же механическая сила приводит его в действие.

Рулевой не мешает мне приблизиться, смерив меня насмешливым взглядом.

Перегнувшись через борт, я смотрю...

Никаких признаков бурлящей клокочущей струи, которую обычно вызывает вращение винта... Ничего, кроме ровного следа за кормой, тянущегося на три-четыре кабельтовых, как за простым парусным судном.

Какой же двигатель придает шхуне такую удивительную скорость? Как я уже говорил, ветер скорее встречный, и море лишь слабо колышется.

А все-таки я узнаю, в чем дело! Во что бы то ни стало! И, пользуясь тем, что команда не обращает на меня никакого внимания, я возвращаюсь на нос.

Около носового люка я встречаю человека, лицо которого кажется мне знакомым. Облокотившись на борт, он смотрит на меня и дает мне подойти... Он как будто ждет, что я с ним заговорю.

Я припоминаю... Это он сопровождал графа д'Артигаса во время его посещения Хелтфул-Хауса. Да, конечно, я не ошибся.

Значит, Тома Рока похитил этот богатый иностранец, значит, я нахожусь на борту его яхты «Эбба», хорошо известной в восточных портах Северной Америки... Ну что ж! Человек у люка должен объяснить мне то, что я имею право знать. Насколько помню, они с графом д'Артигасом говорили по-английски. Он поймет меня и не сможет уклониться от ответа на мои вопросы.

Я полагаю, что это капитан «Эббы».

— Капитан, я вас видел в Хелтфул-Хаусе, — говорю я. — Вы меня узнаете?

Он оглядывает меня с ног до головы, не достаивая ответом.

— Я смотритель Гэйдон, сторож Тома Рока, — продолжаю я, — и хочу знать зачем вы меня похитили и привезли на шхуну?

Капитан прерывает меня жестом; вместо ответа он подает знак стоящим на баке матросам.

Те подбегают, хватают меня за руки и, не обращая внимания на мои протесты, насильно тащат вниз по лестнице в люк.

В сущности, это не лестница, а вертикальный трап со ступенями из железных прутьев, вделанных в переборку. Я спускаюсь на площадку, откуда несколько дверей ведут в кубрик, капитанскую каюту и прилегающие помещения.

Неужели меня снова запрут в ту же темную камеру в глубине трюма?..

Повернув налево, меня вводят в каюту, освещенную иллюминатором; он открыт, и в него врывается свежий ветер. Мебель каюты состоит из койки с застланной постелью, стола, кресла, умывальника и шкафа.

Стол накрыт на один прибор. Мне остается только сесть за стол, после чего я обращаюсь с вопросом к поваренку, который, поставив передо мной кушанья, собирается уходить.

Еще один глухонемой! Или этот негритенок просто не понимает английского языка?

Когда дверь за ним затворилась, я с аппетитом принялся за еду, отложив все вопросы на будущее в надежде, что когда-нибудь все же получу на них ответ.

Правда, я опять взаперти, но на этот раз в несравненно лучших условиях, которых меня, надеюсь, не лишат до прибытия в гавань.

Мои мысли вертятся вокруг одного: совершенно ясно, что именно граф д'Артигас подготовил похищение, что он его зачинщик и французский изобретатель, несомненно, находится на борту «Эббы» в какой-нибудь не менее комфортабельной каюте.

Кто он такой, этот граф, собственно говоря? Откуда взялся этот иностранец? Захватив Рока в свои руки, он, видимо, хочет любой ценой завладеть секретом фульгуратора? Это весьма правдоподобно. В таком случае надо быть начеку и не выдать себя; если обо мне узнают правду, я потеряю всякую надежду получить свободу.

Сколько мне нужно решить загадок, сколько раскрыть тайн — происхождение графа д'Артигаса, его планы на будущее, курс, которым следует шхуна, место ее обычной стоянки... и, наконец, необходимо понять, почему судно без парусов и без винта плывет со скоростью не менее десяти миль в час!..

С наступлением вечера холодный ветер дует в иллюминатор каюты, и я прикрываю его. Так как дверь заперта снаружи, я почитаю за лучшее растянуться на койке и заснуть под легкое покачивание таинственной шхуны, плывущей по волнам Атлантического океана.

На следующее утро я просыпаюсь с зарей, одеваюсь, привожу себя в порядок и жду.

Мне приходит в голову проверить, заперта ли дверь каюты.

Нет, не заперта. Толкнув ее, я взбираюсь по трапу и выхожу из люка.

Матросы моют палубу; на корме стоит капитан с ка-

ким-то незнакомцем. Мое появление нисколько не удивляет его, и он кивком головы указывает на меня своему собеседнику.

Этого человека я еще никогда не встречал. На вид ему лет пятьдесят; у него черная борода и волосы с проседью, тонкое насмешливое лицо, живые умные глаза. По типу он напоминает элина, и я убеждаюсь в его греческом происхождении, когда капитан «Эббы» называет его Серкё — инженер Серкё.

Что касается самого капитана, его зовут Спаде — имя, по-видимому, итальянское. Грек, итальянец — разноплеменная команда, набранная со всего света на шхуну с норвежским названием, — все это, право же, кажется мне подозрительным.

А сам граф д'Артигас с его азиатским типом и испанской фамилией — откуда он взялся?

Капитан Спаде вполголоса разговаривает с инженером Серкё, наблюдая за рулевым, который правит, как будто вовсе не сверяясь с показаниями компаса, установленного в нактоузе у него перед глазами. Скорее он следит за сигналами матроса на носу судна, который жестами указывает ему то лево руля, то право руля.

Там, возле носовой рубки, я вижу Тома Рока. Он смотрит на необозримый пустынный океан, без единой полоски земли на горизонте. Двое матросов, стоя рядом, не спускают с него глаз. Ведь от помешанного можно всего ожидать — он способен даже выброститься за борт.

Я еще не знаю, разрешат ли мне общаться с моим бывшим пациентом.

Я направляюсь к нему; капитан Спаде и инженер Серкё зорко следят за мной.

Приблизившись к Тома Року, который меня не замечает, я становлюсь рядом с ним.

Тома Рок не трогается с места и, кажется, не узнает меня. Оживленный, с горящими глазами, он смотрит в морскую даль, с наслаждением, полной грудью вдыхая живительный соленый воздух. Он радуется атмосфере, насыщенной кислородом, и яркому солнечному свету, льющемуся с безоблачного неба, он купается в его лучах. Сознает ли он перемену в своем положении? Не успел ли уже позабыть и Хелтфул-Хаус, и флигель, где его держали под надзором, и зрителя Гэйдона? Вполне возможно. Прошлое изгладилось из его памяти, он весь в настоящем.

По-видимому, Тома Рок и здесь, на палубе «Эббы», среди океана, остается все тем же помешанным, за которым я ухаживал полтора года. Его психическое состояние не улучшилось, рассудок вернется к нему, только когда речь пойдет о его изобретениях. Графу д'Артигасу известна эта особенность по опыту, и, очевидно, он именно на нее и рассчитывает, надеясь рано или поздно выведать у изобретателя его тайну. Но как он думает воспользоваться этой тайной?

— Тома Рок! — зову я.

Услышав мой голос, он вздрагивает, но, мельком взглянув на меня, отворачивается.

Я беру его за руку, пожимаю ее. Он быстро выдергивает руку, так и не узнав меня, отходит в сторону и направляется на корму, где стоят инженер Серкё и капитан Спаде.

Любопытно, заговорит ли Тома Рок с кем-нибудь из них и станет ли отвечать на вопросы, после того как не откликнулся на мой зов?

В эту минуту на его лице мелькнул проблеск мысли; его внимание, несомненно, привлёк необъяснимый ход шхуны.

Действительно, он переводит взгляд на мачты и свернутые паруса «Эббы», которая быстро несется по гладкой поверхности моря.

Повернув назад, вдоль правого борта, Тома Рок останавливается там, где должна бы находиться труба судна, будь «Эбба» паровой яхтой, — труба, изрыгающая клубы черного дыма.

То, что поразило меня, озадачило и его... Так же как и я, он не может найти объяснения и тоже спешит на корму, чтобы увидеть работу винта.

За бортом шхуны резвится стая дельфинов. Несмотря на быстрый ход «Эббы», эти проворные животные без труда обгоняют ее, прыгая, кувыркаясь, играя в родной стихии с изумительной легкостью.

Не обращая на них внимания, Тома Рок наклоняется над фальшбортом.

Инженер Серкё и капитан Спаде, боясь, что он свалится в море, спешат к нему и, крепко схватив за руки, уводят обратно на палубу.

Мой опытный глаз замечает, что Тома Рок находится в состоянии сильнейшего возбуждения. Он кружится на месте, жестикулирует и, ни к кому не обращаясь, выкрикивает бессвязные слова...

Совершенно ясно, что у него скоро начнется припадок, как в последний вечер во флигеле Хелтфул-Хауса, припадок, имевший тогда роковые последствия. Надо бы подойти к нему и увести его в каюту; быть может, скоро и меня позовут туда для ухода за больным.

Инженер Серкё и капитан Спаде не спускают с него

глаз, вероятно желая посмотреть, что будет дальше. Вот что делает Тома Рок.

Подойдя к грот-мачте и убедившись, что на ней нет парусов, помешанный толкает ее, обхватывает обеими руками и трясет, точно хочет свалить. Затем, видя, что его усилия напрасны, он перебегает к фок-мачте и также пытается сломать ее. Его нервное возбуждение все возрастает. Непонятное бормотание сменяется нечленораздельными криками...

Внезапно бросившись к вантам левого борта, он хватается за них. Боюсь, что он взберется сейчас по веревочной лестнице и поднимется на марс фок-мачты... Если его не остановить, он может упасть на палубу, а если судно накренится — сорваться в море.

По знаку капитана Спаде подбежавшие матросы хватают Рока, напрасно пытаясь оттащить его от вантов, в которые он вцепился изо всех сил. Во время припадков силы больного удесятерятся — мне это хорошо известно: чтобы справиться с ним, мне часто приходилось звать на помощь санитаров.

На этот раз матросам шхуны — крепким, здоровым ребятам — удастся быстро укротить несчастного безумца. Его сбивают с ног и кладут на палубу, крепко держа за руки, несмотря на яростное сопротивление.

Теперь нужно только унести его в каюту, уложить на койку и оставить в покое, пока не кончится припадок. Так и поступают по приказанию какого-то нового лица, появившегося на палубе.

Услышав голос этого человека, я оборачиваюсь и узнаю его.

На палубе стоит граф д'Артигас с суровым лицом и

высокомерной осанкой, такой же, каким я видел его в Хелтфул-Хаусе.

Я тотчас же подхожу к нему. Я непременно должен добиться объяснения, и я его потребую!

— По какому праву, сударь?.. — спрашиваю я.

— По праву сильного! — отвечает граф д'Артигас.

И удаляется на корму, в то время как Тома Рока уносят в каюту.

ГЛАВА 7

Два дня плавания

Возможно, если потребуют обстоятельства, мне придется открыть графу д'Артигасу, что на самом деле я инженер Симон Харт. Как знать, не станут ли со мной лучше обращаться, чем обращались со служителем Гэйдоном? Во всяком случае, это надо хорошенько обдумать. Я твердо убежден, что владелец «Эббы» велел похитить французского изобретателя в надежде захватить в свои руки «фульгуратор Рок», которого ни в Старом, ни в Новом Свете не пожелали купить за баснословную цену, запрошенную автором. Поэтому, если Тома Рок откроет свой секрет, пожалуй, мне лучше по-прежнему иметь к нему доступ, оставаться при больном в качестве санитаря и выполнять свои прежние обязанности. Да, я не должен упускать возможности все видеть, все слышать... и кто знает? узнать наконец то, что мне не удалось открыть в Хелтфул-Хаусе!

Куда же теперь идет шхуна «Эбба»? Вот первый вопрос.

Кто такой граф д'Артигас? Вот второй вопрос.

Первый, несомненно, разрешится через несколько

дней, принимая во внимание необычайную скорость этой фантастической яхты с таинственным двигателем, систему которого я в конце концов непременно разгадаю.

Насчет второго вопроса я не уверен, что его удастся когда-либо разрешить.

Действительно, этот загадочный незнакомец, по-моему, имеет особо веские причины скрывать свое происхождение, и, боюсь, никакие приметы не помогут мне определить его национальность. Хотя граф д'Артигас свободно говорит по-английски, как я убедился во время посещения им Хелтфул-Хауса, все же в его говоре слышится жесткий вибрирующий акцент, не свойственный северным народам. За время моих странствий в обоих полушариях я не слышал ничего похожего на этот акцент, кроме разве особой жесткости произношения, характерной для малайских наречий. И в самом деле, судя по его смуглой, почти оливковой коже с медным отливом, черным, как смоль, вьющимся волосам, глубоко запавшим глазам, жгучему взгляду неподвижных зрачков, высокому росту, широким плечам, крепким мускулам, свидетельствующим о большой физической силе, вполне возможно, что граф д'Артигас принадлежит к одной из рас Дальнего Востока.

Я подозреваю, что д'Артигас — фамилия вымышленная, так же как и графский титул. Хотя его шхуна носит норвежское название, сам хозяин отнюдь не скандинавского происхождения. Он нисколько не похож на уроженцев северных стран, спокойных, белокурых, с добродушными лицами и светло-голубыми глазами.

В конце концов, кто бы он ни был, этот человек велел похитить Тома Рока и меня вместе с ним, причем, несомненно, с какой-то преступной целью.

Далее, действовал ли он в пользу иностранной державы или в своих собственных интересах? Намерен ли он один использовать новое изобретение и имеет ли возможность и средства это осуществить? Вот третий вопрос, на который я еще не могу ответить. Из того, что я увижу и услышу в дальнейшем, мне, может быть, удастся разрешить эту задачу, перед тем как я убегу отсюда, если только побег будет возможен.

«Эбба» продолжает идти прежним ходом, приводимая в движение своим таинственным двигателем. Я могу свободно разгуливать по палубе, не заходя, однако, дальше носового люка перед фок-мачтой.

Один раз я попытался было подойти к бушприту и посмотреть, перегнувшись через борт, как форштвень рассекает волны. Но вахтенные матросы, очевидно выполняя заранее отданный приказ, не пропустили меня, и один из них крикнул хриплым голосом на ломаном английском языке:

— Назад! Назад! Вы мешаєте маневрам!

Однако никаких маневров не производилось.

Поняли ли они, что я старался разгадать, какого рода механизм приводит в движение шхуну? Вероятно, поняли, и капитан Спаде, присутствовавший при этом, несомненно, догадался, что я пытаюсь проникнуть в тайну нашего странного плавания. Даже простого больничного сторожа должно удивить, что судно без парусов, без гребного винта развивает такую скорость. Словом, по той или иной причине мне запрещен вход на носовую палубу «Эббы».

К десяти часам попутный северо-западный ветер свежеет, и капитан Спаде дает команду боцману.

Боцман, со свистком в зубах, тотчас же приказывает

поднять грот, фок, кливер и стаксель. Матросы выполняют команду с не меньшей расторопностью и дисциплиной, чем на любом военном корабле.

«Эбба» слегка накреняется на левый борт, и ход ее заметно ускоряется. Мотор, однако, не перестает работать, ибо даже при таком положении парусов шхуна не могла бы идти с подобной быстротой. Тем не менее паруса увеличивают ее скорость благодаря свежему ровному ветру, дующему в одном направлении.

Небо ясно, облака на западе, поднимаясь все выше, постепенно рассеиваются, и море сверкает в потоках солнечных лучей.

Теперь моя основная задача выяснить, куда направляется корабль. Я немало плавал по морям и умею определять скорость судна. По моим расчетам, «Эбба» делает десять-одиннадцать миль в час. Курс ее остается прежним, что легко проверить, взглянув на компас, установленный в нактоузе перед рулевым. Смотрителю Гэйдону запрещено ходить только на носовую часть судна, но не на корму. Мне не раз удавалось бросить быстрый взгляд на компас, стрелка которого неизменно указывает на восток, или, говоря точнее, на ост-зюйд-ост.

Таким образом мы пересекаем Атлантический океан, оставив далеко на западе побережье Северной Америки.

Я стараюсь припомнить, какие острова или группы островов встретятся нам в этом направлении, на пути к берегам Старого Света.

Северная Каролина, оставленная нами двое суток тому назад, лежит на тридцать пятой параллели; если продолжить эту параллель к востоку, она, насколько помню, пересекает африканский берег приблизительно на уровне Марокко. На той же широте в трех тысячах миль

от Америки расположены Азорские острова. Неужели «Эбба» направляется туда и ее обычная стоянка находится у одного из островов этого архипелага, принадлежащего Португалии? Нет, я не могу принять подобную гипотезу.

Впрочем, на той же тридцать пятой параллели, гораздо ближе Азорских островов, всего в тысяче двухстах километрах от побережья, расположена группа Бермудских островов, принадлежащих Англии. Если граф д'Артигас взялся похитить Тома Рока для какой-либо европейской державы, то, вероятнее всего, эта держава — Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Хотя, по правде говоря, не исключена возможность, что он затеял дело в своих собственных интересах.

Три или четыре раза за этот день граф д'Артигас выходит на палубу; стоя на корме, он внимательно изучает горизонт. Как только в море появляется парус или дымок парового судна, он долго смотрит на него в сильную подзорную трубу. Надо добавить, что он не устаивает замечать мое присутствие на палубе.

Время от времени к нему подходит капитан Спаде, и они обмениваются короткими фразами на языке, которого я не могу ни понять, ни определить.

Охотнее всего владелец «Эббы» беседует с инженером Серкё, который, по-видимому, пользуется его особым расположением. Этот инженер довольно словоохотлив, менее угрюм и замкнут, чем его спутники; любопытно, какое положение он занимает на шхуне? Может быть, это личный друг графа д'Артигаса, друг, который сопутствует графу в морских путешествиях, деля с ним завидную жизнь богатого яхтсмана?.. Так или иначе, это единственный человек, относящийся ко мне если не с симпатией, то хотя бы с некоторым интересом.

Что касается Тома Рока, то его не видно с самого утра и он, должно быть, лежит взаперти у себя в каюте, еще не оправившись от вчерашнего припадка.

Я убедился в этом, когда около трех часов пополудни, задержавшись у входа в люк, граф д'Артигас знаком позвал меня к себе.

Не знаю, чего он от меня хочет, но отлично знаю, что я ему скажу.

— Долго ли продолжаются припадки Тома Рока? — спросил он по-английски.

— Иной раз по двое суток, — ответил я.

— Что нужно с ним делать?

— Оставить его в покое, пока он не заснет. После крепкого ночного сна приступ кончается, и Тома Рок возвращается к своему обычному состоянию.

— Хорошо, смотритель Гэйдон, если потребуетя, вы будете по-прежнему ухаживать за больным, как в Хелтфул-Хаусе.

— Ухаживать за больным?

— Да... на борту шхуны, до тех пор пока мы не приедем.

— Куда?

— Туда, куда мы прибудем завтра после полудня, — ответил граф д'Артигас.

«Завтра... — подумал я. — Значит, мы держим путь не к африканскому берегу и даже не к Азорским островам. Остается предположить, что «Эбба» бросит якорь у Бермудских островов».

Граф д'Артигас уже поставил ногу на верхнюю ступеньку трапа, когда я в свою очередь задал ему вопрос:

— Сударь, я хочу знать, я имею право знать, куда мы едем и...

— Здесь у вас нет никаких прав, зритель Гэйдон. Ваше дело — отвечать, когда вас спрашивают.

— Я протестую!

— Протестуйте, — холодно ответил надменный иностранец, бросив на меня недобрый взгляд.

С этими словами он спустился в люк, оставив меня вдвоем с инженером Серкё.

— На вашем месте я бы смирился, зритель Гэйдон, — сказал тот, насмешливо улыбаясь. — Когда человека захватили в тиски...

— Он имеет право кричать, я полагаю...

— Какой смысл, раз никто не может вас услышать?

— Меня услышат позже...

— Позже... этого долго ждать! Ну что же, кричите сколько угодно!

После этого иронического совета инженер Серкё удалился, оставив меня одного с моими мыслями.

Около четырех часов дня в шести милях к востоку показался большой корабль, идущий нам навстречу. Он быстро приближается и растет у нас на глазах. Из двух его труб вырываются клубы черного дыма. Несомненно, это военный корабль, так как на грот-мачте развевается узкий вымпел, и хотя на гафеле не видно флага, я как будто узнаю крейсер американского флота.

Интересно, будет ли «Эбба» согласно обычаю салютовать крейсеру, когда мы поравняемся с ним.

Очевидно, нет, ибо в ту же минуту шхуна меняет курс с явным намерением избежать встречи.

Подобный маневр со стороны подозрительной яхты ничуть не удивляет меня. Но я крайне поражен тем, как капитан Спаде производит этот маневр.

В самом деле, подойдя к брашпилю на баке, капитан

останавливается у небольшого сигнального аппарата, вроде пульта, передающего на пароходах команду в машинное отделение. Лишь только он нажимает одну из кнопок аппарата, «Эбба» делает поворот в четверть румба к юго-востоку, а матросы ослабляют шкоты парусов.

Очевидно, был отдан некий приказ механику неведомой машины, управляющей движением шхуны при помощи неведомого двигателя, система которого мне пока еще неизвестна.

В результате этого маневра «Эбба» уклоняется в сторону от крейсера, который продолжает идти, не изменяя курса. Да и ради чего стал бы военный корабль преследовать парусную яхту, не вызывающую никаких подозрений?

Однако «Эбба» поступает совершенно иначе, когда около шести часов вечера с левого борта появляется второй корабль. На этот раз капитан Спаде, подав команду в аппарат, ложится на прежний курс и, вместо того чтобы избежать встречи с судном, идет на восток, прямо ему наперерез.

Час спустя оба корабля находятся всего на расстоянии трех-четырёх миль друг от друга.

Ветер к тому времени совершенно стихает; команда встречного корабля, трехмачтового торгового судна, спешит убрать верхние паруса. До утра на ветер рассчитывать не приходится, и завтра, при таком штиле, трехмачтовик, несомненно, окажется на прежнем месте. Что касается «Эббы», она продолжает идти на сближение при помощи своего таинственного двигателя.

Капитан Спаде, разумеется, приказывает тоже спустить паруса, и команда под наблюдением боцмана Эф-

рондата выполняет приказ с такой же изумительной быстротой, как на гоночных яхтах.

Тут капитан Спаде подходит к правому борту, где я стою, и без церемоний приказывает мне спуститься в каюту.

Приходится повиноваться. Однако, прежде чем покинуть палубу, я успеваю заметить, что боцман вовсе не торопится зажигать сигнальные огни, тогда как на трехмачтовом судне уже горит зеленый огонь на правом борту и красный — на левом.

Для меня ясно, что шхуна намеревается пройти незамеченной мимо встречного корабля. Ход ее несколько замедлился, но направление не изменилось.

По моему расчету, «Эбба» со вчерашнего дня ушла на восток миль на двести.

Вернувшись в свою каюту, я чувствую какое-то смутное беспокойство. На столе меня ждет ужин, но, едва притронувшись к пище, я ложусь на койку, встревоженный, сам не знаю почему, и напрасно стараюсь заснуть.

Такое томительное состояние продолжается около двух часов. Тишину нарушает лишь мерное покачивание шхуны, журчание воды, струящейся вдоль корпуса, да легкие толчки при поворотах судна на гладкой поверхности спокойного моря.

В моей голове теснятся тревожные мысли, воспоминания обо всем, что произошло за последние два дня, и я никак не могу успокоиться. Итак, завтра, после полудня, мы пристанем к берегу. Завтра, на суше, я снова возьмусь за свои обязанности по уходу за больным Тома Роком, «если это потребуется», как сказал граф д'Артигас.

Когда меня впервые заперли в глубине трюма, я заметил, в какой момент шхуна вышла в море из залива

Памлико; теперь — около десяти часов вечера — я чувствую, что она остановилась.

Чем вызвана эта остановка? Когда капитан Спаде приказал мне уйти с палубы, никакой земли не было видно на горизонте. По пути нашего следования на картах нанесены лишь Бермудские острова, а в наступающих сумерках сигнальщики на мачтах едва ли могут их заметить раньше, чем мы пройдем еще пятьдесят-шестьдесят миль.

К тому же «Эбба» не только легла в дрейф, но стоит совершенно неподвижно. Едва ощущается легкое, равномерное бортовое покачивание. Даже зыбь почти не чувствуется. Ни малейшее дуновение ветра не рябит гладкой поверхности океана.

Мои мысли обращаются к торговому судну; оно стояло от нас не больше чем в полутора милях, когда я спускался в каюту. Если бы шхуна продолжала идти ему наперерез, она бы уже поравнялась с ним. Теперь же расстояние между двумя кораблями не должно превышать одного-двух кабельтовых. Трехмачтовое судно легло в дрейф при заходе солнца, и его не могло отнести к западу. Без сомнения, оно на прежнем месте, и, будь ночь посветлее, я бы увидел его через иллюминатор каюты.

Мне приходит в голову, что сейчас представляется удобный случай, которым следует воспользоваться. Почему бы не попытаться убежать, раз всякая надежда быть отпущенным на свободу для меня потеряна? Правда, я не умею плавать, но неужели, бросившись в море со спасательным кругом, я не доплыву до трехмачтовика, если мне удастся обмануть бдительность вахтенных матросов?

Значит, надо прежде всего выйти из каюты и под-

няться по трапу... Ни в кубрике, ни на палубе «Эббы» не слышно никакого шума... Должно быть, в этот час команда уже спит... Рискнем...

Я пробую отворить дверь каюты, но она заперта снаружи. Этого следовало ожидать.

Придется отказаться от плана побега, сулившего, впрочем, мало надежды на успех.

Самое лучшее — уснуть, ибо если я не утомлен физически, то сильно измучен нравственно. Меня преследуют неотступные вопросы, запутанные противоречивые мысли... Хоть бы забыться сном!..

Должно быть, мне это удалось, так как я внезапно просыпаюсь от какого-то странного шума, шума необычного — такого я еще ни разу не слышал на борту шхуны.

За стеклом иллюминатора, обращенного на восток, занимается рассвет. Я смотрю на часы. Они показывают половину пятого утра.

Первым делом надо узнать, тронулась ли в путь «Эбба».

Нет, конечно, — ни на парусах, ни при помощи мотора. Иначе я чувствовал бы знакомое покачивание и дрожание корпуса судна; в этом я не мог бы ошибиться. Кроме того, море, по-видимому, так же спокойно на восходе солнца, как было вчера на закате. Если «Эбба» и шла на парусах, пока я спал, то сейчас, во всяком случае, она стоит неподвижно.

Странный шум происходит от беготни и топота ног на верхней палубе — слышатся шаги людей, нагруженных тяжелой ношей. В то же время мне кажется, что такой же шум и суэта доносятся из-под пола моей каюты, из трюма, сообщающегося с палубой через большой люк позади фок-мачты. Я различаю также какое-то трение и царапание вдоль корпуса шхуны, над ватерлинии-

ей. Может быть, к судну пристали шлюпки? Может быть, матросы грузят или выгружают товары?

Однако трудно предположить, что мы причалили к берегу. Граф д'Артигас сказал, что «Эбба» не прибудет к месту назначения раньше чем через сутки. А вчера вечером, как я уже говорил, она находилась еще на расстоянии пятидесяти-шестидесяти миль от ближайшей земли — Бермудских островов. Немыслимо представить себе, что шхуна повернула обратно на запад и приблизилась к американскому побережью, — расстояние слишком велико. Вероятнее всего, судно стояло на месте всю ночь. Перед сном я заметил, что шхуна остановилась, и сейчас она по-прежнему не двигается.

Остается ждать, пока мне разрешат подняться на палубу. Дверь каюты, как я только что убедился, все еще заперта. Неужели меня не выпустят, когда настанет день? Не думаю.

Проходит час. В иллюминатор проникает свет зари. Я выглядываю наружу. Море заволакивает легкий туман, который быстро рассеется при первых солнечных лучах.

Окинув взглядом пространство на полмили кругом, я нигде не вижу трехмачтового парусника; должно быть, он стоит с противоположной стороны «Эббы», с левого борта.

Но вот раздается скрип в замочной скважине, и ключ поворачивается. Распахнув дверь, я взбегаю по железному трапу и выхожу на палубу в ту минуту, когда матросы закрывают носовой люк.

Я ищу глазами графа д'Артигаса. Его здесь нет, он еще не выходил из каюты.

Капитан Спаде и инженер Серкё наблюдают за погрузкой каких-то тюков, которые, по-видимому, выта-

щили из трюма и переносят на корму. Этим и объяснялись, вероятно, шум и суета, которые я слышал, когда проснулся. Раз команда выносит товары из трюма, значит мы скоро прибудем на место... Мы уже недалеко от порта, и, может быть, через несколько часов шхуна станет на якорь.

Позвольте... а где же парусник, стоявший рядом, за левым бортом? Ведь со вчерашнего вечера не было ветра, значит, он должен был остаться на прежнем месте...

Я обращаю взгляд в его сторону...

Трехмачтовое судно исчезло, море пустынно, не видно ни одного корабля, ни одного парусника ни на севере, ни на юге, вплоть до самого горизонта.

Подумав, я могу найти этому лишь одно объяснение, правда, требующее оговорок; должно быть, пока я спал, «Эбба» все-таки продолжала рейс и прошла большое расстояние, оставив позади трехмачтовый парусник: только поэтому я и не вижу его рядом со шхуной.

Конечно, мне и в голову не приходит спросить об этом ни капитана Спаде, ни даже инженера Серкё; они все равно не удостоили бы меня ответом.

В эту минуту капитан Спаде, подойдя к сигнальному аппарату, нажимает одну из кнопок верхнего ряда. Почти тотчас же «Эбба» сотрясается от сильного толчка. Затем, не поднимая парусов, она снова пускается в путь на восток с поразительной, необъяснимой скоростью.

Два часа спустя у кормового люка появляется граф д'Артигас и занимает свое обычное место у гакаборта. Капитан Спаде и инженер Серкё о чем-то совещаются с ним вполголоса.

Все трое, поднеся к глазам подзорные трубы, обозревают линию горизонта с юго-востока на северо-восток.

Нет ничего удивительного, что и я пристально вглядываюсь в даль в том же направлении, но, не имея подозрительной трубы, не могу ничего рассмотреть в просторах океана.

После завтрака мы все поднимаемся на палубу, за исключением Тома Рока, не вышедшего из каюты со вчерашнего дня.

В половине второго сторожевой матрос с марса фок-мачты подает сигнал, что видна земля. «Эбба» мчится с такой необычайной быстротой, что, надеюсь, скоро и мне удастся увидеть очертания берега.

Действительно, часа через два милях в восьми от нас вырисовываются смутные контуры земли. По мере того как шхуна приближается, очертания становятся все яснее. Это гора или, по крайней мере, возвышенность. Над ее вершиной, вздымаясь к небу, клубится дым.

Вулкан в этих широтах?! Так неужели же это...

ГЛАВА 8

Бэк-Кап

По моим расчетам, «Эбба» не могла встретить в этой части Атлантического океана другого архипелага, кроме Бермудских островов. Я делаю такой вывод, во-первых, зная расстояние, отделяющее нас от американского побережья, и, во-вторых, курс, взятый нами по выходе из залива Памлико. Шхуна неизменно шла курсом ост-зюйд-ост, и пройденное расстояние, судя по скорости хода, составляет приблизительно девятьсот или тысячу километров.

Между тем шхуна продолжает идти вперед, не снижая скорости; граф д'Артигас с инженером Серкё стоят на корме подле рулевого. Капитан Спаде переходит на нос.

Интересно, проплывем ли мы мимо этого одинокого островка, не заходя туда?

Вряд ли, так как наступает день и час, назначенные для прибытия на место стоянки.

Все матросы уже выстроились на палубе в ожидании команды, а боцман Эфрондат готовится отдать якорь.

Не позже двух часов я буду знать, высадимся мы здесь или нет. Наконец-то я получу первый ответ на один из множества вопросов, занимающих меня с тех пор, как шхуна вышла в океан.

Однако трудно поверить, что место стоянки «Эббы» находится именно на одном из Бермудских островов, среди английских владений — если только граф д'Артигас не похитил Тома Рока по заданию Великобритании; впрочем, эта гипотеза маловероятна.

Тут я вдруг замечаю, что этот загадочный человек весьма пристально наблюдает за мной. Хотя он и не может заподозрить, что перед ним инженер Симон Харт, его все же интересует, как я отношусь к этому приключению. Ведь беднягу сторожа Гэйдона ожидающая его судьба должна тревожить не меньше, чем любого джентльмена, будь он даже владельцем этой странной парусной яхты. Признаюсь, меня немного беспокоит настойчивость, с какой он меня разглядывает.

Ах, если бы граф д'Артигас мог знать, какая догадка меня сейчас осенила, — ручаюсь, что он не поколебался бы тут же выбросить меня за борт!..

Рассудок подсказывает мне, что надо быть осторожнее и осмотрительнее, чем когда-либо.

В самом деле, не вызывая ни в ком подозрений — даже в инженере Серкё при всей его проницательности, — я внезапно приоткрыл уголок таинственной завесы. Не-

ожиданная догадка отчасти пролила свет и на мою будущую судьбу.

При приближении «Эббы» очертания острова, или, вернее, островка, к которому она держит путь, все более четко вырисовываются на светлом фоне неба. Солнце, миновав зенит, клонится к закату и ярко озаряет островок своими лучами. Он стоит особняком, во всяком случае, ни к северу, ни к югу от него не видно других островов архипелага.

По мере того как расстояние сокращается, остров вырастает на глазах, и кажется, будто линия горизонта за ним постепенно опускается.

Этот островок, весьма необычного строения, по форме очень похож на опрокинутую чашку, над которой вздымаются черные клубы дыма. Вершина горы — или, если угодно, доньшко чашки — возвышается над уровнем моря, вероятно, на сотню метров, а склоны обрываются в море правильными крутыми гранями, такими же голыми и бесплодными, как утесы у ее подножия, о которые разбиваются волны прибоя.

Благодаря одной замечательной природной особенности мореплаватели узнают маленький островок уже издали. Эта особенность — сквозная скала с западной стороны. Через естественную арку, образующую как бы ручку опрокинутой чашки, прорываются бурные пенистые волны и проникают лучи солнца, когда оно восходит над горизонтом. Всем своим видом островок вполне оправдывает данное ему название Бэк-Кап¹.

Так вот, я запомнил этот островок, я сразу узнал его! Он расположен на краю Бермудского архипелага. Это

¹ Back-Cap — вверх дном (англ.).

«опрокинутая чашка», на которой мне довелось побывать несколько лет тому назад... Нет, я не ошибаюсь! Я не раз взбирался на эти известковые скалы, я обогнул подошву горы с восточной стороны. Да, это Бэк-Кап!

Будь у меня поменьше выдержки, я вскрикнул бы от удивления... и радости, а это вызвало бы вполне понятное подозрение у графа д'Артигаса.

Вот при каких обстоятельствах мне пришлось исследовать Бэк-Кап во время пребывания на Бермудских островах.

Этот архипелаг, расположенный примерно в тысяче километров от Северной Каролины, состоит из нескольких сотен островов и островков. В центре его шестьдесят четвертый меридиан пересекается с тридцать второй параллелью. После кораблекрушения англичанина Ломера, который разбился у здешних берегов в 1609 году, Бермудские острова перешли во владение Великобритании, вследствие чего население ее колоний увеличилось на десять тысяч человек. Англия решила присоединить, или, вернее, захватить, эту группу островов не ради производства хлопка, кофе, индиго, аррорута и других товаров. Здесь было весьма подходящее место для морской базы среди океана, недалеко от Соединенных Штатов. Захват не вызвал никаких протестов со стороны других держав, и с тех пор Бермудскими островами управляет британский губернатор при участии местного совета и генеральной ассамблеи.

Главные острова архипелага носят названия Сент-Дейвидс, Сомерсет, Гамильтон, Сент-Джорджес. На этом последнем острове имеется порт и город того же названия, ставший столицей архипелага.

Самый крупный из островов не превышает двадцати

километров в длину и четырех в ширину. Не считая островов средней величины, архипелаг представляет собою скопление островков и рифов, рассыпанных на площади в двенадцать квадратных лье. Хотя на Бермудах прекрасный, здоровый климат, зимой в Атлантическом океане бушуют неистовые бури, и подступы к островам опасны для мореплавателей.

Главный недостаток архипелага — отсутствие рек и родников. Благодаря обильно выпадающим дождям жители восполняют нехватку воды, собирая ее для своих надобностей в водоемы. Для этого они сооружают обширные цистерны, которые частые ливни щедро наполняют водой. Конструкция их поистине достойна всяческого восхищения и делает честь человеческому гению.

Интересуясь этими замечательными работами и желая ознакомиться с устройством водоемов, я предпринял путешествие на Бермудский архипелаг.

В то время я работал инженером в одном из учреждений штата Нью-Джерси. Взяв отпуск на несколько недель, я поехал в Нью-Йорк, а оттуда отправился пароходом на Бермудские острова.

И вот, во время моего пребывания в большом порту Саутгемптон на острове Гамильтон, там произошло странное явление природы, весьма заинтересовавшее геологов.

В один прекрасный день в порт Саутгемптон приплыла целая флотилия рыбацких лодок с рыбаками, их женами и детьми.

Уже больше пятидесяти лет как семьи эти поселились на восточном побережье Бэк-Капа. Они построили там деревянные хижины и каменные домики. Рыбакам было чрезвычайно удобно жить на самом взморье, в

местах, богатых рыбой и особенно благоприятных для китобойного промысла, так как к Бермудским островам, особенно в марте и апреле, приплывает множество кашалотов.

До сих пор ничто не нарушило покоя здешних жителей и не мешало их мирному промыслу. Условия жизни не казались им слишком суровыми благодаря близости и удобству сообщения с островами Гамильтон и Сент-Джорджес. На прочных баркасах, оснащенных парусами наподобие тендеров, рыбаки вывозили богатый улов и привозили взамен все необходимое для своих семей.

Почему же они вдруг покинули родной остров, решив, как вскоре стало известно, никогда больше туда не возвращаться? Это объяснялось тем, что их жизни на Бэк-Капе с некоторых пор стала угрожать опасность.

Два месяца тому назад рыбаков поразил, а затем и встревожил глухой гул и грохот, доносившийся из недр Бэк-Капа. В то же время из вершины горы — иначе говоря, со дна опрокинутой чашки — начали вырываться дым и пламя. До сих пор никто не подозревал, что островок этот вулканического происхождения и вершина его образует кратер, так как никто не мог взобраться по крутым скалистым склонам. Но теперь не оставалось сомнений, что Бэк-Кап огнедышащая гора и что жителям поселка угрожает извержение вулкана.

В течение двух месяцев не раз повторялись подземные толчки и удары, сотрясавшие весь островок; длинные языки пламени взвивались над верхушкой горы — в особенности по ночам, — и где-то в глубине раздавался ужасающий грохот; все эти признаки неопровержимо свидетельствовали о работе плутонических сил в недрах

острова, предвещающая в недалеком будущем извержение вулкана.

Страшась неминуемой катастрофы на узкой прибрежной полосе, на которой даже негде было бы укрыться от потоков лавы, опасаясь к тому же возможности полного разрушения Бэк-Капа, жители поселка, долго думая, обратились в бегство. Погрузив все имущество на рыбацьи лодки, они переправились в порт Саутгемптон в поисках пристанища.

Известие о том, что бездействующий много веков вулкан на западном краю архипелага начинает пробуждаться, вызвало панику на Бермудских островах. Одних эта новость испугала, в других пробудила любопытство. Я принадлежал к последним. Кроме того, важно было исследовать на месте это таинственное явление и проверить, не преувеличивали ли рыбаки его возможных последствий.

Бэк-Кап выступает из воды отдельным массивом к западу от архипелага и соединяется с ним причудливой цепочкой из мелких островков и рифов, неприступных для мореплавателей с восточной стороны. «Опрокинутую чашку» не видно ни с острова Сент-Джорджес, ни с острова Гамильтон, так как вершина ее не превышает сотни метров.

Тендер из порта Саутгемптон доставил меня и нескольких путешественников на побережье, где еще стояли покинутые хижины бермудских рыбаков.

Внутри скалы по-прежнему раздавался гул, а над кратером клубились пары.

Не оставалось никаких сомнений: древний вулкан Бэк-Капа снова пробудился под действием подземного огня. Можно было опасаться, что со дня на день произойдет извержение со всеми его последствиями.

Тщетно пытались мы взобраться наверх к кратеру вулкана. По крутым, гладким, скользким склонам, без выемок и выступов, которые могли бы служить опорой для ног, по неприступным кручам, обрывающимся в море под углом в 75 — 80 градусов, всякое восхождение было немыслимо. Я никогда не видел ничего бесплоднее этих суровых скал, лишь кое-где поросших редкими пучками дикой люцерны.

После многих безуспешных попыток вскарабкаться на вершину мы решили обойти остров кругом. Но, за исключением приморской полосы, занятой рыбацким поселком, берег у подножия скал был совершенно непроходим из-за обвалов и осыпей, загромождавших его с севера, с юга и с запада.

Итак, исследователи острова принуждены были ограничиться этим далеко не достаточным осмотром. Во всяком случае, глядя на дым и огонь, вырывавшиеся из кратера, слушая глухие раскаты и взрывы, сотрясавшие порою недра горы, мы могли только одобрить решение рыбаков покинуть остров, которому грозили гибель и разрушение.

Вот при каких обстоятельствах я посетил когда-то Бэк-Кап, и нет ничего удивительного, что, едва увидев причудливые очертания островка, я сразу узнал его.

Нет! Повторяю — графу д'Артигасу вряд ли доставило бы удовольствие, что смотритель Гэйдон знает этот островок, особенно если «Эбба» бросит там якорь; впрочем, на нем ведь нет гавани — вот почему это кажется мне невероятным.

Пока шхуна приближается к берегу, я рассматриваю Бэк-Кап, куда ни один из бермудских рыбаков так и не пожелал вернуться. Рыбачий поселок совершенно за-

брошен, и я не могу понять, зачем «Эбба» выбрала здесь место для стоянки.

Впрочем, граф д'Артигас со спутниками, может быть, вовсе и не думает высаживаться на побережье Бэк-Капа? Если даже шхуна и найдет временное убежище между утесами в какой-нибудь узкой бухте, вряд ли богатому яхтсмену придет в голову избрать своей резиденцией эти бесплодные скалы, ничем не защищенные от бурь Атлантического океана. Жизнь на этих суровых берегах подходит для бедных рыбаков, но никак не для графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и экипажа шхуны.

До Бэк-Капа остается не более полумили; он несколько не похож на другие острова архипелага с холмами, покрытыми густой зеленью. Лишь кое-где в извилинах и трещинах между камнями торчат кустики можжевельника да чахлые хвойные деревца, составляющие основную растительность Бермудских островов. Прибрежные скалы у подножия острова покрыты густыми гирляндами водорослей, выброшенных прибоем, а также слоем бесчисленных волокнистых саргассо из Саргассова моря, огромное количество которых наносит течением к рифам Бэк-Капа.

Единственные живые обитатели одинокого острова — это птицы — снегири, «*mota cyllas cyalis*» с синеватым оперением, морские чайки и бакланы, которые тучами кружатся над островом, стрелой проносясь сквозь клубы пара, вырывающиеся из кратера.

На расстоянии двух кабельтовых от берега шхуна замедляет ход и застопоривает (это подходящее слово!) перед узким проходом среди нагромождения скал, едва выступающих из воды.

Неужели «Эбба» рискнет пройти этим опасным извилистым фарватером?..

Нет, вероятнее всего, после остановки на несколько часов — хоть мне и непонятно, для какой цели, — шхуна снова возьмет курс на восток.

Во всяком случае, не видно никаких приготовлений к длительной стоянке. Якоря остаются на крамболах, якорные цепи не готовы к отдаче, шлюпки не спущены.

В эту минуту на носу появляется граф д'Артигас с инженером Серкё и капитаном Спаде, и тут начинается маневр, совершенно для меня необъяснимый.

За левым фальшбортом, почти у фок-мачты, я замечаю плавучий буюк, который матросы подтягивают к носу шхуны.

Вскоре вокруг этого места прозрачная вода забурлила, потемнела, и из глубины поднялась какая-то черная масса. Неужели это огромный кашалот вынырнул на поверхность подышать воздухом?.. Не потопит ли он «Эббу» ударом своего страшного хвоста?..

Нет! Теперь мне все понятно! Я знаю, какой механизм сообщает шхуне без парусов и без винта такую изумительную скорость! Вот он выплывает наверх, неутомимый двигатель, который провел «Эббу» на буксире от американских берегов до Бермудского архипелага. Он здесь, он колышется на волнах рядом с ней. Это подводная лодка, невидимый буксир, «tug»¹ с гребным винтом, приводимым в действие током либо от аккумуляторов, либо от распространенной в последнее время гальванической батареи.

Над рубкой подводного буксира, обшитого листовой сталью и напоминающего по форме длинное веретено,

¹ Буксирное судно (англ.).

помещается площадка с люком посредине, ведущим во внутреннее помещение. Над площадкой спереди возвышается перископ, оптический прибор с чечевицеобразными стеклами, сквозь которые можно освещать электричеством морские глубины. Сейчас, освободившись от балласта воды в резервуарах, подводная лодка всплыла на поверхность. Люк на площадке теперь откроется, и свежий воздух провентилирует все внутри. Вполне возможно, что, погружаясь в воду дном, подводная лодка по ночам всплывала и буксировала «Эббу», оставаясь на поверхности.

Однако здесь возникает новый вопрос. Если подводная лодка приводится в движение электрическим током, ее должна снабжать энергией какая-то электрозарядная станция. Где же находится этот источник электрической энергии? Не на островке же Бэк-Кап, надо полагать?

Кроме того, непонятно: зачем шхуна прибегает к помощи подводного буксира? Почему на ней самой не установлен двигатель, как на многих парусных яхтах?

Однако мне некогда предаваться размышлениям или, вернее, искать объяснение всем этим необъяснимым загадкам.

Подводная лодка становится рядом с «Эббой». Люк открывается. На площадку выходят несколько матросов — весь ее экипаж; по-видимому, капитан Спаде держит с ней связь при помощи электрического сигнального аппарата на носу шхуны, соединенного с буксирным судном подводным кабелем. Именно с «Эббы» подается команда, каким курсом следовать.

Тут ко мне подходит инженер Серкё и говорит одно слово:

— Пересадка.

— Куда? — спрашиваю я.

— Туда... на буксир, живо!

Как всегда, мне приходится повиноваться, и я спешу перелезть через фальшборт.

В эту минуту на палубу поднимается Тома Рок в сопровождении одного из матросов. Он кажется очень спокойным, равнодушным ко всему на свете и без всякого сопротивления пересаживается на буксирное судно. Когда мы сходимся у отверстия люка, к нам присоединяются граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде с командой остается на шхуне, за исключением четырех матросов, которые садятся в только что спущенную на воду шлюпку. Они берут с собой длинный трос, очевидно, чтобы провести «Эббу» на буксире между рифами. Значит, тут, среди скал, существует бухта, где яхта графа д'Артигаса может надежно укрыться от бурь океана? Значит, именно здесь ее якорная стоянка?

Лишь только «Эбба» отходит от буксирного судна, как трос, крепящий ее к шлюпке, натягивается и, проплыв полкабельтова, матросы швартуют ее к железным причальным кольцам, вделанным в скалу. После этого, выбирая трос, они медленно и осторожно подтягивают шхуну к причалу.

Пять минут спустя «Эбба» исчезает за грядой прибрежных скал, и теперь с открытого моря не видно даже верхушек ее мачт.

Кто на Бермудских островах догадается, что здесь, в потаенной бухте, находится стоянка парусной шхуны? Кому в Америке придет в голову, что известный во всех

портах побережья богатый яхтсмен скрывается на одиноком островке Бэк-Кап?

Через двадцать минут шлюпка с четырьмя гребцами возвращается обратно.

Очевидно, подводная лодка дожидалась только их, чтобы отплыть... но куда?

В самом деле, экипаж шлюпки поднимается на площадку, машину включают, гребной винт начинает вращаться, ударяя лопастями по воде, и буксирное судно в надводном положении, таща за собой шлюпку и огибая рифы с юга, направляется к Бэк-Капу.

В трех кабельтовых открывается новый проход, ведущий к острову, и лодка входит в него, лавируя по извилистому фарватеру. У подошвы горы двое матросов по команде вытаскивают шлюпку на узкий песчаный берег, защищенный от волн и бурунов; здесь она может спокойно лежать, пока «Эбба» снова не выйдет в плавание.

Как только оба матроса возвращаются на борт, инженер Серкё знаком велит мне спуститься вниз.

Трап с железными перекладинами ведет во внутреннее помещение, набитое всевозможными тюками и ящиками, которым, должно быть, не нашлось места в перегруженном трюме шхуны. Меня вталкивают в боковую каюту, дверь запирают, и я снова оказываюсь в заточении среди полной темноты.

Я тотчас же узнаю эту камеру. Именно здесь я провел долгие часы после того, как меня похитили из Хелтфул-Хауса, именно отсюда меня выпустили на палубу, когда шхуна вышла из залива Памлико в открытое море.

Нет сомнения, что с Тома Роком поступили так же, как со мной, что его тоже заперли где-нибудь в другой каюте.

Раздается гулкий удар, стук захлопнувшегося люка, и подводная лодка немедленно начинает погружаться.

Действительно, я чувствую, что мы опускаемся вниз, по мере того как ее резервуары заполняются водой.

Затем движение сверху вниз сменяется движением вперед, и подводная лодка скользит в морских глубинах.

Три минуты спустя она останавливается, и мне кажется, что мы всплываем на поверхность.

Снова раздается металлический стук, — на этот раз люк открывается.

Дверь моей камеры отпирают, и я быстро избегаю на палубу.

Я оглядываюсь кругом.

Подводная лодка проникла в самый центр острова Бэк-Кап.

Так вот где находится таинственное уединенное убежище, в котором живут граф д'Артигас и его спутники, порвав все связи с человечеством!

ГЛАВА 9

В глубине пещеры

На другой день я без всякой помехи произвел первую разведку обширной пещеры Бэк-Капа.

Какую тревожную ночь провел я, осаждаемый странными видениями, и с каким нетерпением ждал утра!

По приезде меня отвели в грот, находившийся шагах в ста от того места, где подошла к берегу подводная лодка. В этом гроте, размером десять на двенадцать футов, горела электрическая лампочка; едва я очутился внутри, как тяжелая дверь захлопнулась за мной.

Нет ничего удивительного в том, что пещера освеща-

ется электричеством, ведь этим светом пользуются и на борту подводного буксира. Но где же добывают электрическую энергию?.. Откуда она берется?.. Неужели внутри этого огромного грота устроен целый завод со всем оборудованием — динамо-машинами, аккумуляторами?..

В моей камере оказался стол, уставленный яствами, посланная на ночь койка, плетеное кресло и шкаф с несколькими сменами белья и платья. В ящике я нашел бумагу, чернильницу, перья. В правом углу стоял столик с туалетными принадлежностями. Все кругом блестело чистотой.

Свежая рыба, мясные консервы, хлеб из первосортной муки, эль и виски — таково было меню этой первой трапезы. Но ел я без всякого аппетита, как говорится, через силу: нервы мои были слишком напряжены.

Необходимо все же взять себя в руки, победить волнение и тревогу, обдумать все хладнокровно. Я хочу раскрыть тайну горстки людей, зарывшихся в недрах Бэк-Капа... и я ее раскрою.

Итак, граф д'Артигас обосновался внутри островка. Эта пещера, о существовании которой никто не подозревает, служит ему приютом, когда он не плавает на своей «Эббе» у берегов Нового, а может быть, и Старого Света. Здесь находится открытое им неведомое убежище, куда ведет лишь подводный ход — «ворота», зияющие на глубине двенадцати-пятнадцати футов под поверхностью океана.

Почему этот человек бежит от других людей?.. Что таит в себе его прошлое?.. Если имя д'Артигас и графский титул лишь присвоены им, как я сильно подозреваю, то почему он скрывает свое подлинное лицо?.. Не изгнанник ли он или беглец, который предпочел это ме-

сто ссылки всякому другому?.. Или, может быть, это злодей, зарывшийся в недоступной глазу норе, чтобы пользоваться полной безнаказанностью и избежать кары за свои преступления?.. Я вправе строить всевозможные догадки по поводу этого подозрительного человека, и я пользуюсь этим правом.

И тут передо мной встает все тот же вопрос, на который я не в силах дать удовлетворительного ответа. Зачем Тома Рока похитили из Хелтфул-Хауса при известных нам обстоятельствах?.. Не надеется ли граф д'Артигас вырвать у изобретателя тайну фульгуратора и употребить этот снаряд для защиты Бэк-Капа, если по воле случая его тайное убежище будет обнаружено?.. Допустим, но ведь колонию Бэк-Капа нетрудно взять измором, ибо одной подводной лодки недостаточно, чтобы обеспечить снабжение пиратов!.. Да и шхуне не вырваться из окружения, кроме того, приметы ее тотчас же сообщат во все морские порты!.. К чему же послужит тогда изобретение Тома Рока в руках графа д'Артигаса? Положительно ничего не понимаю.

Около семи часов утра я вскакиваю с постели. Хоть я и не могу выбраться из пещеры, но, по крайней мере, камера моя не заперта. Ничто не мешает мне покинуть ее, и я открываю дверь...

В тридцати метрах от меня тянется скалистый выступ, нечто вроде набережной, уходящей вправо и влево.

Несколько матросов с «Эббы» как раз выгружают товары из трюма подводного буксира, пришвартованного к небольшому каменному молу.

Мои глаза постепенно привыкают к тусклому свету, разлитому по пещере; он проникает в нее сверху, так как посередине свода зияет довольно большое отверстие.

«Вот откуда, — думаю я, — вырываются эти пары или, точнее, дым, указавший нам на близость Бэк-Капа за три-четыре мили от островка».

Целый рой мыслей мгновенно проносится у меня в голове.

«Так, значит, Бэк-Кап не вулкан, как все считают и как я сам считал до сих пор... Оказывается, пары, языки пламени, замеченные несколько лет назад, иного происхождения... Гул, так испугавший бермудских рыбаков, был вызван отнюдь не борьбой подземных сил... Эти явления создавались искусственно... по воле властелина островка, пожелавшего отпугнуть жителей, поселившихся на побережье. И графу д'Артигасу это удалось... Он остался единственным хозяином Бэк-Капа. При помощи взрывов и дыма горящих водорослей, вырвавшегося из мнимого кратера, граф д'Артигас создал легенду о существовании вулкана, о его неожиданном пробуждении и неминуемом извержении, которого, однако, до сих пор не произошло!..»

Так, очевидно, и было в действительности, причем даже после бегства бермудских рыбаков над вершиной Бэк-Капа продолжал клубиться густой дым.

Между тем становится все светлее, проблески дня проникают в мнимый кратер по мере того, как солнце поднимается над горизонтом. Теперь я могу довольно точно определить размеры этой пещеры. Вот, впрочем, данные, которые я получил впоследствии.

Островок Бэк-Кап имеет форму почти правильного круга; длина его окружности равна тысяче двумстам метрам, а площадь внутри каменной чаши — пятидесяти тысячам квадратных метров, или пяти гектарам. Толщина стен у основания — от тридцати до ста метров.

Следовательно, за вычетом стен, пещера занимает почти все внутреннее пространство скалистого массива, возвышающегося над поверхностью океана. Что касается подводного туннеля, по которому мы проникли внутрь Бэк-Капа, то, по-моему, он достигает в длину метров сорока.

Эти цифры, хотя и не вполне точные, позволяют судить о размерах пещеры. Но как бы велика она ни была, напомним, что в Старом и в Новом Свете существуют пещеры гораздо обширнее, ставшие предметом всестороннего спелеологического исследования.

В самом деле, в области Крайна, в графствах Нортумберленд и Дербишир, в Пьемонте, на Пелопоннесе, на Балеарских островах, в Венгрии и Калифорнии встречаются пещеры больших размеров, чем Бэк-Кап. То же можно сказать об известных пещерах на юге Бельгии и о Мамонтовой пещере в Кентукки в Соединенных Штатах Америки. В ней насчитывается двести двадцать шесть залов с куполообразными сводами, семь речек, восемь водопадов, тридцать два провала неизвестной глубины и подземное море площадью в пять-шесть квадратных лье, которое еще не вполне исследовано.

Я знаю Мамонтову пещеру в Кентукки, ибо бывал там, как и тысячи других туристов. Главный из ее залов послужит мне для сравнения с пещерой Бэк-Капа. Как и в Мамонтовой пещере, своды покоятся здесь на колоннах различной формы и величины, которые придают ей вид готического собора с притворами, боковыми приделами, клиросами, хотя это сооружение природы и лишено гармонии, свойственной церковной архитектуре. Единственная разница между двумя пещерами заключается в том, что в Кентукки высота свода достигает ста

тридцати метров, а в Бэк-Капе не более шестидесяти, да и то в самом центре, возле круглого отверстия, через которое вырываются наружу клубы дыма и языки пламени.

Есть еще одна чрезвычайно важная особенность: в большинство упомянутых мной пещер легко проникнуть, вот почему рано или поздно все они были открыты.

Иначе обстоит дело с Бэк-Капом. На картах этой части Атлантического океана Бэк-Кап обозначен как островок, принадлежащий к группе Бермудских, и никому не могло прийти в голову, что внутри этого скалистого массива скрыта огромная пещера. Чтобы найти ее, надо было туда проникнуть, а чтобы проникнуть, требовалась подводная лодка, вроде той, какой владеет граф д'Артигас.

Я думаю, что только случай помог этому странному яхтовладельцу обнаружить подводный туннель и основать внутри островка Бэк-Кап свою подозрительную колонию.

Осматривая водное пространство внутри пещеры, я замечая, что размеры его весьма невелики — всего каких-нибудь триста — триста пятьдесят метров в окружности. Собственно говоря, это небольшое озеро, окруженное отвесными скалами, зато оно прекрасно подходит для стоянки подводного буксира, ибо, как я узнал впоследствии, глубина его не менее сорока метров.

При взгляде на расположение и структуру этого грота сразу становится ясно, что он образовался благодаря работе морских волн и относится к пещерам, как нептунического, так и плутонического происхождения. Таковы, например, гроты Крозон и Моргат в заливе Дуарнене во Франции, пещера Бонифаччо на побережье Корсики, пещера Торгатен в Норвегии, высота которой не менее

пятисот метров, таковы, наконец, известняковые пещеры в Греции, гibraltarские пещеры в Испании и туранские в Кохинхине. Словом, их строение указывает на то, что они появились в результате двойной работы геологических сил.

Островок Бэк-Кап состоит по большей части из известняковых скал. Они полого поднимаются от берега озера к стенам пещеры, разделенные полосками мелкого песка; кое-где торчат желтоватые кустики камнеломки, жесткие и густые. Ближе к воде камни покрыты толстым слоем саргассовых и других водорослей; одни из них высохли, другие, еще мокрые, распространяют вокруг себя терпкий запах моря. Очевидно, течением их принесло через подводный ход и выбросило на берег озера. Впрочем, это не единственное топливо, употребляемое для многочисленных нужд колонии Бэк-Капа. Я вижу целую гору каменного угля, очевидно доставленного на борту подводного буксира и шхуны. Но, повторяю, густой дым, вырывающийся из кратера островка, получается от сжигания большого количества высушенных водорослей.

Продолжая прогулку, я обнаруживаю на северном берегу озера жилища этой колонии троглодитов — разве окружающие меня люди не заслуживают такого наименования? Эта часть пещеры очень удачно названа «Ульем». Действительно, в толще известняковой стены рукою человека выдолблено несколько рядов ячеек, в которых и ютятся эти осы в человеческом образе.

В восточной части строение пещеры совсем иное. Здесь высятся, переплетаются, множатся, разбегаются в разные стороны сотни естественных колонн, поддерживающих высокие своды. Настоящий лес каменных ство-

лов, теряющихся в самом темном конце пещеры. Между этими колоннами извиваются, пересекаясь, тропинки, ведущие в глубину Бэк-Капа.

Сосчитав ячейки улья, нетрудно определить, что число спутников графа д'Артигаса достигает восьмидесяти, а может быть, и ста человек.

Этот странный граф как раз появился перед одной из ячеек, расположенной особняком; к нему только что подошли капитан Спаде и инженер Серкё. Обменявшись несколькими словами, все трое спускаются к берегу и останавливаются возле мола, к которому пришвартован подводный буксир.

Выгрузив товары, человек двенадцать матросов перевозят их в лодке на другой берег, где в стене пещеры высечены помещения для складов колонии Бэк-Капа.

Отверстия туннеля не видно под водой. Вчера я заметил, что, подплыв к островку, буксиру пришлось опуститься на несколько метров ниже уровня океана. Значит, пещера Бэк-Капа отличается в этом отношении от таких пещер, как Фингалова или Моргат, вход в которые всегда открыт даже во время прилива. Существует ли какой-нибудь другой искусственный или естественный выход на берег моря?.. Вот что необходимо выяснить.

Островок Бэк-Кап поистине заслуживает свое название. Он действительно очень похож на огромную опрокинутую чашку. Причем не только по внешнему виду, но, оказывается, и по внутреннему строению, хотя никто об этом не знает.

Как я уже говорил, Улей расположен на северном, мягко закругляющемся берегу озера, то есть влево от подводного туннеля. На противоположном берегу устроены склады, где хранятся всевозможные товары: бочки

вина, водки, пива, ящики с консервами, множество тюков с клеймами различных стран. Можно подумать, что здесь собраны по меньшей мере грузы двадцати кораблей. Немного дальше за дощатым забором высится довольно внушительное строение, назначение которого нетрудно угадать. От высокого столба над ним расходятся в разные стороны толстые медные провода, питающие током мощные электрические фонари под сводами пещеры, а также маленькие лампочки в каждой ячейке Улья. Немало фонарей подвешено также между естественными колоннами, что позволяет освещать самые темные закоулки пещеры.

Передо мной встает вопрос: разрешат ли мне свободно разгуливать внутри островка Бэк-Кап?.. Надеюсь, что да. Для чего графу д'Артигасу стеснять мою свободу, запрещать мне ходить по его таинственным владениям?.. Разве я не пленник, заключенный в этой пещере? И можно ли выбраться отсюда иначе, чем через туннель?.. Ведь пройти по этому ходу, постоянно скрытому под водой, невысказанно.

Но даже если предположить, что мне удастся выбраться по туннелю, разве мое исчезновение не будет тут же обнаружено?.. Десять матросов выедут на подводном буксире, высадутся на берег островка и обыщут каждый камень, каждую ямку... Меня тотчас же схватят, водворят обратно в Улей и на этот раз уж, наверно, лишат свободы передвижения...

Итак, приходится бросить всякую мысль о побеге до тех пор, пока такая попытка не будет иметь серьезных шансов на успех. Но если только представится благоприятный случай, я ни за что его не упущу.

Расхаживая вдоль Улья, я имею возможность разгля-

деть некоторых сообщников графа д'Артигаса, добровольно ведущих однообразное существование в глубине Бэк-Капа. Их не менее сотни, если судить по числу ячеек Улья.

Никто не обращает на меня внимания. Я замечаю, что колонисты Бэк-Капа, очевидно, набраны отовсюду понемногу. В их внешности нет ни одной общенациональной черты; этих людей нельзя отнести к североамериканцам, европейцам или обитателям Азии. Цвет кожи у всех разный, от белого до медно-красного и черного, но черного не африканского, а скорее австралийского. Короче говоря, большинство, по-моему, малайцы, так как этот тип встречается среди них очень часто. Прибавлю, что граф д'Артигас, несомненно, уроженец голландских островов западной части Тихого океана, что инженер Серкё по происхождению левантинец, а капитан Спаде — итальянец.

Но если колонисты Бэк-Капа не связаны национальными узами, то их объединяет, конечно, общность низменных инстинктов и привычек. Что за подозрительные физиономии, что за свирепые выражения лиц! Поистине, эти молодчики похожи на дикарей! Видно, что у них жестокий нрав, что они никогда не обуздывали своих страстей, не останавливались ни перед какими крайностями. В голову мне невольно приходит мысль, что после ряда преступлений, краж, поджогов, убийств и вооруженных нападений, совершенных сообща, они решили искать пристанища в глубине этой пещеры, так как уверены, что здесь им обеспечена полная безнаказанность... В таком случае граф д'Артигас всего лишь главарь шайки злодеев, Спаде и Серкё — его подручные, а Бэк-Кап — притон пиратов...

Я все больше убеждаюсь, что это именно так. Меня весьма удивит, если окажется, что я был не прав. К тому же наблюдения, сделанные во время этого первого осмотра, лишь подтверждают мое мнение и оправдывают самые мрачные догадки.

Во всяком случае, кто бы ни были спутники графа д'Артигаса и по каким бы причинам ни собрались здесь, по-видимому, они беспрекословно признают его неограниченную власть. Но если суровая дисциплина держит этих людей в узде, то существуют, очевидно, какие-то преимущества, вознаграждающие их за добровольное рабство. Какие же?

Обогнув ту часть озера, куда выходит подводный туннель, я добираюсь до противоположного берега. Как я уже заметил раньше, здесь устроены склады товаров, которые шхуна «Эбба» привозит из каждого рейса. Обширные углубления, вырытые в стенах пещеры, могут вместить и действительно вмещают изрядное количество тюков и ящиков.

За складами находится электрическая станция. Проходя мимо ее окон, я замечаю внутри аппараты новейшего изобретения, негромоздкие, усовершенствованные. Нет и следа паровых машин, работающих на угле и обладающих такими сложными механизмами. Как я и думал, здесь применяют гальванические батареи высокого напряжения, питающие ток лампы пещеры и динамо-машины буксира. Электрический ток используется, очевидно, и для различных хозяйственных надобностей, для отопления Улья и приготовления пищи. Я замечаю также, что ток подведен к находящимся поблизости перегонным кубам, служащим для добычи пресной воды. Колонистам Бэк-Капа не приходится соби-

рать обильную в здешних местах дождевую воду. В нескольких шагах от электрической станции виднеется круглый водоем, совершенно такой же, как тот, что я осматривал на Бермудских островах, но значительно меньших размеров. Действительно, там требуется обеспечить водой население в десять тысяч человек... здесь же всего какую-нибудь сотню...

Я еще не знаю, как называть этих людей. Конечно, у главаря их, графа д'Артигаса, да и у них самих имеются веские причины прятаться в недрах островка Бэк-Кап — это ясно как день. Но что это за причины?.. Когда люди укрываются в стенах монастыря с намерением отгородиться от всего человечества, такой поступок еще можно понять. Но, по правде сказать, спутники графа д'Артигаса нисколько не похожи ни на бенедиктинцев, ни на картезианцев!

Продолжая свою прогулку по лесу каменных стволов, я добрался до конца пещеры. Никто меня не задержал, никто со мной не заговорил, никто, по-видимому, даже не заинтересовался моей особой. Эта часть пещеры Бэк-Капа чрезвычайно любопытна и напоминает по красоте самые чудесные гроты Кентукки и Балеарских островов. Само собой разумеется, нигде здесь не чувствуется рука человека. Всюду видна лишь работа природы, и с удивлением, почти с ужасом, думаешь о геологических силах, способных создать такие грандиозные постройки. По эту сторону озера довольно темно, так как сюда почти не проникает свет из кратера. Зато вечером, при свете электрических ламп, пещера, вероятно, представляет фантастическое зрелище. Но несмотря на все свои поиски, я нигде не обнаружил выхода на волю.

Следует отметить, что на островке нашли пристани-

ще многочисленные птицы: бакланы, чайки, морские ласточки, обитающие на побережье Бермудских островов. Здесь, очевидно, за ними никогда не охотились, и птицы размножаются на приволье, нисколько не боясь соседства с человеком.

Впрочем, на Бэк-Капе есть и другие животные. Недалеко от Улья устроены загоны для коров, свиней, овец, домашней птицы. Итак, питание колонии должно быть не только обильно, но и разнообразно, если прибавить ко всему этому еще продукты рыбной ловли, которой поселенцы занимаются как снаружи, среди прибрежных скал, так и во внутреннем озерке, где водятся рыбы самых разнообразных пород.

Словом, достаточно взглянуть на обитателей Бэк-Капа, чтобы убедиться, что они живут в полном довольстве. Это все сильные, крепкие люди, похожие по внешности на моряков, опаленных тропическим солнцем, люди, полной грудью вдыхавшие воздух океанских просторов, в жилах которых течет здоровая кровь. Среди них нет ни детей, ни стариков, одни лишь мужчины в возрасте от тридцати до пятидесяти лет.

Но почему эти люди согласились вести такой странный образ жизни?.. Неужели они никогда не покидают своего убежища внутри островка Бэк-Кап?..

Возможно, я вскоре это узнаю.

ГЛАВА 10

Кер Каррадже

Отведенная мне каморка расположена в ста шагах от жилища графа д'Артигаса — одной из последних ячеек в этом ряду Улья. Тома Рока поместили не со мной, но я

полагаю, что его комната находится тут же рядом. Для того чтобы служитель Гэйдон продолжал ухаживать за бывшим пациентом Хелтфул-Хауса, наши камеры должны быть смежными... Надеюсь скоро узнать, так ли это.

Капитан Спаде и инженер Серкё живут отдельно, поблизости от особняка д'Артигаса.

Обособняк?.. Да, почему бы не назвать так это жилище, отделанное с известным вкусом? Искусные руки обтесали камень и создали затейливо украшенный фасад с широкой дверью. Свет проникает в дом через окна, пробитые в известняке, в них вставлены рамы с цветными стеклами. В доме много комнат, столовая и гостиная с огромными витражами; все устроено так, что свежий воздух в избытке поступает в помещение. Обстановка состоит из мебели самого различного происхождения; клейма на ней указывают, что она вывезена из Франции, Англии, Америки. Очевидно, ее владелец любит смешение стилей. Кухня и службы помещаются в соседних ячейках, позади Улья.

Выйдя к вечеру из своей комнаты с твердым намерением «добиться аудиенции» у графа д'Артигаса, я увидел, что он поднимается от берега озера к Улью. То ли граф меня не заметил, то ли хотел избежать встречи, но он ускорил шаг, и мне не удалось его догнать.

«Он все же должен меня принять!» — сказал я себе.

Я торопливо подхожу к особняку и останавливаюсь перед только что захлопнувшейся дверью.

Какой-то дюжий верзила, очевидно малаец, так как кожа у него очень темная, тотчас же вырастает на пороге. Он что-то кричит грубым голосом, очевидно, требует, чтобы я ушел прочь.

Я не подчиняюсь этому приказанию и дважды настойчиво повторяю по-английски:

— Доложите графу д'Артигасу, что я прошу немедленно меня принять.

С таким же успехом я мог бы обратиться к скалам Бэк-Капа! По-видимому, этот дикарь не понимает ни слова по-английски и отвечает мне лишь угрожающим криком.

Мне приходит в голову мысль силою ворваться в дом и самому позвать графа д'Артигаса, да так громко, чтобы он не мог меня не услышать. Но такая попытка лишь привела бы в ярость малайца, который, наверно, обладает богатырской силой.

Итак, я откладываю до другого раза объяснение, которое мне рано или поздно обязаны дать.

Я иду вдоль Улья в восточном направлении и невольно задумываюсь о Тома Роке. Удивительно, что я не видел его целый день. Не случился ли с ним новый припадок?

Это маловероятно. Если бы Тома Рок заболел, граф д'Артигас тотчас вызвал бы к нему служителя Гэйдона — ведь он сам говорил мне об этом.

Не прошел я и ста шагов, как увидел инженера Серкё.

Этот насмешник, как всегда, в прекрасном настроении и на этот раз весьма любезен. Завидев меня, он улыбается, вовсе не пытаясь избежать встречи. Если бы он знал, что я его коллега — впрочем, инженер ли он сам? — то, быть может, обходился бы со мной с большим уважением... Но я остерегусь сообщать ему свое имя и звание.

Инженер Серкё остановился, глаза его блестят, губы складываются в ироническую усмешку, он здоровается со мной, сопровождая свои слова учтивым поклоном.

Я холодно отвечаю на его любезное приветствие, но он делает вид, что не замечает этого.

— Да благословит вас святой Ионатан, господин Гэйдон! — произносит он своим веселым звучным голосом. — Надеюсь, вы не жалеете о том, что счастливый случай привел вас в эту чудеснейшую... да, прекраснейшую из всех пещер, хоть она известна менее других на нашем сфероиде!..

Признаюсь, что ученое слово в разговоре с простым служителем меня несколько удивляет, но я кратко отвечаю:

— Я не стал бы ни о чем жалеть, господин Серкё, если бы, осмотрев эту интересную пещеру, имел возможность выйти из нее.

— Как! Вы уже собираетесь нас покинуть, господин Гэйдон... и вернуться в этот унылый Хелтфул-Хаус?.. Вы даже не успели хорошенько осмотреть наши великолепные владения, полюбоваться бесподобными красотоми, созданными природой без всякого участия человека...

— С меня вполне достаточно того, что я видел, — заявляю я, — и если вы говорите со мной серьезно, то я так же серьезно отвечаю, что больше ничего не желаю здесь видеть.

— Полноте, господин Гэйдон, позвольте вам заметить, что вы не успели оценить всех преимуществ жизни в этом месте, которому нет равных на земле!.. Тихое, спокойное существование без всяких забот, обеспеченное будущее, материальные условия, каких нигде не найти, ровный здоровый климат: в пещере вы защищены от жестоких бурь, опустошающих острова Атлантического океана, от зимней стужи и от летнего зноя!..

Смена времен года почти не влияет здесь на погоду! Нам не приходится опасаться ни гнева Плутона, ни ярости Нептуна!

Эта ссылка на мифологию кажется мне более чем неуместной. Ясно, что инженер Серкё издевается надо мной. Разве смотритель Гэйдон слышал когда-нибудь о Плутоне или о Нептуне?

— Вполне возможно, сударь, — говорю я, — что здешний климат вам нравится, что вы оценили по достоинству все преимущества жизни в глубине острова...

Я чуть не проговорился, чуть было не произнес название Бэк-Кап... но вовремя спохватился. Какую беду навлек бы я на себя, если бы меня заподозрили в том, что мне известно название острова, а следовательно, и его местоположение на западе Бермудского архипелага?

Вместо этого я говорю:

— Но если здешний климат мне не нравится, ведь я имею право переменить его...

— Действительно, имеете право.

— Я требую, чтобы меня отпустили отсюда и дали возможность вернуться в Америку.

— Мне нечего вам возразить, господин Гэйдон, — отвечает инженер Серкё, — ваше требование вполне резонно. Заметьте, однако, что мы живем здесь в полной независимости, не подчиняемся ни одному иностранному государству, не покоряемся ничьей власти, не принадлежим ни к Старому, ни к Новому Свету... А эти преимущества ценит каждый человек с гордой душой и отважным сердцем... Кроме того, какие величественные образы прошлого возникают у всякого образованного человека при виде этих гротов, словно созданных рукою

богов. В таких пещерах бессмертные небожители вещали некогда свои пророчества устами оракула Трофония...

Положительно инженер Серкё питает слабость к мифологии! Сперва Плутон и Нептун, а теперь Трофоний! Черт возьми! Уж не воображает ли он, что больничный служитель знает, кто такой Трофоний?.. Ясно, этот насмешник продолжает издеваться надо мной, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не ответить ему в том же тоне.

— Я только что хотел войти в этот дом, — продолжаю я отрывисто, — он принадлежит, если не ошибаюсь, графу д'Артигасу, но меня не пропустили...

— Кто же, господин Гэйдон?..

— Какой-то человек, находящийся в услужении у графа.

— По всей вероятности, он получил строгий приказ, касающийся вашей особы.

— Желает или не желает граф, но ему придется меня выслушать...

— Боюсь, что добиться этого будет трудно, даже невозможно, — заявляет, улыбаясь, инженер Серкё.

— Почему?

— Потому что графа д'Артигаса здесь нет.

— Вы смеетесь надо мной!.. Я только что видел его...

— Тот, кого вы видели, господин Гэйдон, вовсе не граф д'Артигас...

— Кто же он в таком случае?..

— Пират Кер Каррадже.

Это имя было произнесено резким голосом; инженер Серкё тут же ушел, и мне даже в голову не пришло задерживать его.

Пират Кер Каррадже!

Да!.. Для меня имя Кера Каррадже — настоящее от-

кровение!.. Это имя мне знакомо и вызывает целый рой воспоминаний!.. Оно сразу объясняет то, что казалось необъяснимым!.. Теперь я понимаю, в руки какого человека попал!..

Собрав воедино то, что я уже знал, и то, что мне сообщил в Бэк-Капе сам инженер Серкё, я могу рассказать следующее о прошлом и о настоящем этого Кера Каррадже.

Восемь или девять лет тому назад корабли, плававшие в западной части Тихого океана, подвергались бесчисленным вооруженным нападениям, пиратским набегам, отличавшимся неслыханной дерзостью. Под предводительством грозного капитана там орудовала шайка злодеев, собравшихся со всего света: дезертиры из колониальных гарнизонов, беглые каторжники, матросы, покинувшие свои корабли. Ядро этой шайки составляли подонки населения Европы и Америки, отчаянные головорезы, которых привлекли в Новый Южный Уэльс на юге Австралии открытые там богатые золотые россыпи. Среди этих золотоискателей находились капитан Спаде и инженер Серкё, люди, порвавшие со своей средой; вскоре их тесно связало сходство характеров и стремлений.

Оба были образованны, решительны и, конечно, добились бы успеха на любом поприще благодаря своим незаурядным способностям. Но, не имея ни совести, ни убеждений, они хотели лишь одного — разбогатеть любыми средствами, будь то спекуляция или азартная игра, хотя прекрасно могли достигнуть того же упорным честным трудом. Вот почему они пустились на самые рискованные авантюры, то богатея, то разоряясь, как

большинство проходимцев, сбежавшихся в поисках наживы в страны, где было найдено золото.

На золотых приисках Нового Южного Уэльса подвизался в то время человек небывалой отваги, один из тех смельчаков, которые ни перед чем не отступают, даже перед преступлением, почему и пользуются неограниченной властью над людьми с необузданными страстями и дурными наклонностями.

Этого человека звали Кер Каррадже.

Несмотря на все предпринятые розыски, никому не удалось установить ни происхождение, ни национальность, ни прошлое этого пирата. Но хотя сам он избегал преследований, его имя — по крайней мере, то, которое он присвоил себе, — облетело весь свет. Имя Кера Каррадже произносили с отвращением и ужасом, ибо оно принадлежало существу легендарному, невидимому, неуловимому.

Я имею все основания считать, что Кер Каррадже малец. Впрочем, не все ли равно. Несомненно одно: его не зря считали грозным корсаром, вдохновителем бесчисленных нападений, совершенных в водах далеких морей.

После нескольких лет, проведенных на австралийских приисках, где он познакомился с инженером Серкё и с капитаном Спаде, Керу Каррадже удалось захватить корабль, стоявший в Мельбурнском порту в провинции Виктория. Под его началом собралось человек тридцать негодяев, число которых вскоре утроилось. В этой части Тихого океана, где морской разбой — занятие пока еще легкое и, скажем прямо, прибыльное, Кер Каррадже разграбил огромное количество судов, перебил их экипажи и совершил множество набегов на ост-

рова, которые колонисты были не в силах защитить. Хотя пиратский корабль Кера Каррадже под командой капитана Спаде бывал не раз замечен, однако никому не удавалось его захватить. Казалось, это судно обладает даром исчезать в нужную минуту среди лабиринта островов, где Кер Каррадже знал все ходы и выходы.

Ужас царил под этими широтами. Англичане, французы, немцы, русские, американцы напрасно посылали свои суда, чтобы поймать корабль-призрак, он появлялся неизвестно откуда и исчезал неизвестно куда, совершив новые грабежи и убийства. В конце концов власти потеряли всякую надежду изловить и покарать морских разбойников.

В один прекрасный день все эти преступления прекратились. О Кере Каррадже не было больше ни слуху ни духу. Покинул ли он Тихий океан?.. Занялся ли морским разбоем в другом месте? Неизвестно. До поры до времени все было тихо. Очевидно, несмотря на груды золота, растраченные на оргии и кутежи, богатство пиратов не иссякло, и теперь Кер Каррадже со своими дружками спокойно пользовался плодами совершенных злодеяний, спрятав награбленные сокровища в каком-нибудь надежном, никому не известном месте.

Куда же исчезла шайка злодеев?.. Все поиски были тщетны. Вместе с опасностью прошли и страхи; вскоре стали забываться и пиратские набеги, ареной которых служил Тихий океан.

Я рассказал то, что было прежде, теперь расскажу о том, чего никто никогда не узнает, если мне не удастся бежать из пещеры Бэк-Капа.

В самом деле, когда злодеи покинули воды Тихого океана, они обладали огромными богатствами. Они по-

топили свой корабль и разбрелись по свету, заранее условившись встретиться в Америке.

В это же время инженер Серкё, человек, хорошо знающий свое дело и весьма искусный механик, специально изучавший системы подводных лодок, предложил Керу Каррадже построить подводное судно и возобновить свою преступную деятельность в новых условиях, гораздо более спокойных для корсаров и опасных для их жертв.

Кер Каррадже тотчас же понял все преимущества плана своего сообщника; денег у него было достаточно, оставалось только претворить эту идею в жизнь.

На шведских верфях в Гетеборге для так называемого графа д'Артигаса построили шхуну «Эбба», а на верфь Крампс в Филадельфии он передал чертежи подводной лодки — заказ, не вызвавший ни малейших подозрений. Впрочем, как мы скоро узнаем, подводное судно графа тут же погибло вместе со всем экипажем.

Итак, по чертежам инженера Серкё и под его личным наблюдением построили подводное судно, используя при этом последние новшества науки кораблестроения. Ток, вырабатываемый гальваническими батареями последнего образца, питал динамо-машину, приводя в движение вал гребного винта и сообщая судну необычайную скорость.

Само собой разумеется, что никто не признал в графе д'Артигасе бывшего пирата Кера Каррадже, а в инженере Серкё ближайшего его сообщника. Графа знали как знатного и богатого иностранца, который уже целый год посещал на своей «Эббе» порты Соединенных Штатов, ибо шхуна была спущена на воду много раньше подводной лодки.

Постройка этой лодки заняла не меньше полутора лет. Зато когда она была готова, то вызвала восхищение всех, кто интересовался подводной навигацией. Новое судно графа д'Артигаса оказалось гораздо лучше подводных лодок Губэ, Жимнота, Зэдэ и прочих столь усовершенствованных типов подводных кораблей нашего времени. Все в нем было превосходно: форма, внутреннее устройство, система вентиляции, оборудование, остойчивость, быстрота погружения, управляемость, легкость маневрирования в надводном и подводном положении, необычайная скорость, высокое напряжение гальванической батареи, ток которой превращался в механическую энергию.

Во всех этих качествах нетрудно было убедиться, ибо вслед за несколькими весьма удачными опытами в четырех милях от Чарлстона провели специальное испытание подводной лодки, на которое были приглашены многочисленные американские и иностранные суда — военные, торговые, яхты и т.д.

Нечего и говорить, что «Эбба» находилась тут же, имея на борту графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и всех матросов, за исключением шести человек, назначенных управлять новым подводным судном, под командой механика Гибсона, весьма смелого и ловкого англичанина.

В программу этого окончательного испытания входили маневры не только на поверхности океана, но и под водой, где лодка должна была пробыть больше часа, а затем снова всплыть возле буя, установленного в нескольких милях от берега.

В назначенный час, едва только крышка верхнего люка закрылась, судно проделало ряд маневров на море,

и как показанная им скорость, так и быстрая перемена галсов вызвали у зрителей вполне заслуженное восхищение.

Затем, по сигналу с «Эббы», оно стало медленно погружаться и вскоре исчезло у всех на глазах.

Некоторые корабли направились к тому месту, где лодка должна была всплыть.

Прошло три часа... подводная лодка все не показывалась. Никто не знал самого главного, а именно, что по приказу графа д'Артигаса и инженера Серкё судно, предназначенное служить невидимым буксиром «Эббы», всплыло на много миль дальше. За исключением людей, посвященных в эту тайну, все решили, что подводная лодка погибла из-за пробоины в корпусе или неисправности машины. На борту «Эббы» прекрасно разыграли отчаяние, вызванное этим горестным событием, тогда как на других судах скорбь была вполне искренней. Произвели промеры глубин, послали водолазов для обследования пути, якобы пройденного судном. Все поиски оказались тщетными, не оставалось сомнений, что лодка погребена в пучине Атлантического океана.

Два дня спустя граф д'Артигас вышел в море, а через двое суток встретил свой подводный буксир в условленном месте.

Вот каким образом Кер Каррадже стал владельцем замечательной подводной лодки, которая должна была нести двойную службу: тянуть на буксире шхуну и нападать на другие суда. Обладая грозным средством разрушения, о существовании которого никто не подозревал, граф д'Артигас возобновил свои пиратские набеги, уверенный теперь в полной безопасности и безнаказанности.

Все эти подробности я узнал от инженера Серкё, который очень гордился своим детищем и к тому же был вполне спокоен, что пленник пещеры Бэк-Капа никогда не раскроет ее тайны. Нетрудно понять, какой страшной силой обладал теперь Кер Каррадже. По ночам его подводный буксир нападал на встречные суда, экипажам которых и в голову не приходило остерегаться безобидной яхты. Он таранил вражеский корабль, затем шхуна брала его на abordаж, а пираты истребляли людей и грабили товары. Вот почему в морском вестнике под рубрикой «пропал без вести» стали вновь появляться многочисленные названия судов, вселяя отчаяние в сердца.

После отвратительной комедии, разыгранной в Чарлстонской бухте, Кер Каррадже целый год разбойничал в Атлантическом океане у берегов Соединенных Штатов. Его богатства неизмеримо возросли. Излишки награбленных товаров продавались на далеких рынках, и в руки пиратов рекой текло золото и серебро. Но у них не было тайного убежища, чтобы прятать сокровища в ожидании дележа.

Случай пришел им на помощь. Исследуя морские глубины возле Бермудских островов, инженер Серкё и механик Гибсон обнаружили у основания островка Бэк-Кап подводный туннель, ведущий в глубину горного массива. Где бы мог найти Кер Каррадже убежище, лучше скрытое от посторонних глаз?.. Вот каким образом этот островок, служивший некогда приютом рыбакам, стал пристанищем шайки опасных преступников.

Под высокими сводами пещеры Бэк-Капа началась новая жизнь графа д'Артигаса и его сообщников, которую мне и довелось наблюдать. Инженер Серкё построил там электрическую станцию, оборудованную без ма-

шин, ибо их заказ за границей мог вызвать подозрения; он ограничился лишь гальваническими батареями, для которых не требуется ничего, кроме металлических пластинок и химических растворов, а ими «Эбба» запасалась во время стоянок в портах Соединенных Штатов.

Теперь нетрудно угадать, что произошло в ночь с девятнадцатого на двадцатое июня. Если, несмотря на штиль, трехмачтовое судно наутро бесследно исчезло, значит, подводный буксир напал на него, шхуна взяла на абордаж, и оно было разграблено и потоплено вместе со всем экипажем... Товары его уже находились на борту «Эббы», когда корабль погрузился в пучину Атлантического океана!..

Понимаю теперь, в руки каких разбойников я попал, но чем все это кончится?.. Удастся ли мне когда-нибудь вырваться из тюрьмы Бэк-Капа, разоблачить самозванного графа д'Артигаса и освободить моря и океаны от пиратской шайки Кера Каррадже?..

Но как бы ни был грозен Кер Каррадже, разве он не станет во сто раз опаснее, если овладеет «фульгуратором Рок»?.. Да, несомненно! Если он будет применять это новое средство уничтожения — ни одно коммерческое судно, ни один военный корабль не избегнут гибели.

Долго меня преследуют тягостные мысли, вызванные именем Кера Каррадже. Мне приходит на память все, что я когда-то слышал о знаменитом пирате: его жизнь в те времена, когда он разбойничал в Тихом океане, многочисленные экспедиции, снаряженные против него морскими державами, бесплодность всех этих попыток. Так, значит, это он виновник необъяснимой гибели судов, исчезнувших за последние годы у берегов Северной Америки... Кер Каррадже не пропал бесследно, а лишь

переменил театр военных действий... Люди думали, что избавились от него, а корсар продолжал совершать разбойничьи набеги в этой оживленной части Атлантического океана с помощью подводной лодки, которую считают погребенной на дне Чарлстонской бухты...

«Теперь, — говорил я себе, — мне известно подлинное имя и подлинное убежище знаменитого корсара: Кер Каррадже и Бэк-Кап! Но если Серкё произнес в моем присутствии имя Кера Каррадже, то сделал это, вероятно, с разрешения главаря пиратов... Не дал ли он мне этим понять, что я должен навсегда отказаться от надежды получить свободу?..»

Инженер Серкё, несомненно, заметил, какое впечатление произвело на меня это имя. После разговора со мной он направился прямо к жилищу Кера Каррадже, очевидно, с намерением рассказать ему о нашей беседе.

После долгой прогулки по берегу озера я уже собирался вернуться в свою камеру, когда услышал сзади чьи-то шаги. Я обернулся.

Передо мной стоит граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде. Он испытующе смотрит на меня. Тогда в порыве возмущения, позабыв об осторожности, я кричу:

— По какому праву вы держите меня здесь, сударь! Вы похитили меня из Хелтфул-Хауса, чтобы ухаживать за изобретателем Роком, но я отказываюсь служить ему и требую, чтобы вы меня отпустили...

Главарь шайки пиратов не делает ни одного движения, не произносит ни единого слова.

Не помня себя от гнева, я продолжаю:

— Отвечайте же, граф д'Артигас, впрочем, ведь я знаю, кто вы, — отвечайте, Кер Каррадже...

И он отвечает:

— Граф д'Артигас и Кер Каррадже одно и то же лицо, точно так же как служитель Гэйдон и инженер Симон Харт, а Кер Каррадже никогда не вернет свободы инженеру Харту, которому известна его тайна!..

ГЛАВА 11

Прошло пять недель

Положение ясно. Кер Каррадже знает, кто я... Ему это было уже известно, когда он приказал похитить Тома Рока вместе с его служителем...

Как он открыл это, как узнал то, что мне удалось скрыть от всего персонала Хелтфул-Хауса, как выяснил, что обязанности служителя при Тома Роке исполняет французский инженер?.. Понятия не имею, но это факт.

Очевидно, у Кера Каррадже есть возможность добывать сведения, которые, несомненно, стоят ему очень дорого, но зато приносят огромную пользу. К тому же, когда человек такого склада хочет добиться поставленной цели, денег он не жалеет.

Отныне Кер Каррадже или, вернее, его сообщник, инженер Серкё, заменит меня подле изобретателя Тома Рока. Добьется ли он большего, чем я?.. Дай бог, чтобы этого не случилось, чтобы цивилизованный мир был избавлен от такого ужасного несчастья!

Я не ответил на последнюю фразу Кера Каррадже. Она сразила меня подобно выстрелу в упор. Однако я не пал духом, как, быть может, ожидал самозванный граф д'Артигас.

Нет! Я прямо посмотрел ему в глаза: они метали молнии, но я не опустил взгляда. Я скрестил руки на груди так же, как и он. А меж тем моя жизнь была целиком в

его власти. Подай он только знак, и я упал бы к его ногам, убитый выстрелом из револьвера... Мое тело бросили бы в озерко, и через подводный ход его унесло бы течением в открытое море...

После этой сцены меня оставили, как и прежде, на свободе. Никаких мер против меня не было принято. Я мог гулять сколько вздумается среди известняковых колонн, добираться до конца пещеры, у которой — увь, это более чем достоверно! — нет иного выхода, кроме подводного туннеля.

Я вернулся в свою ячейку на краю Улья, обуреваемый тревожными мыслями, под впечатлением того нового, что произошло со мной. Я говорил себе: «Пусть Керу Каррадже известно, что я инженер Симон Харт, но, по крайней мере, он не должен догадываться, что я знаю точное местоположение островка Бэк-Кап».

Что касается плана поручить Тома Рока моим заботам, полагаю, что граф д'Артигас никогда о нем серьезно не помышлял, прекрасно зная, кто я такой. В общем, я жалею об этом, ибо изобретатель, несомненно, станет предметом настойчивых домогательств, инженер же Серкё пустит в ход все средства, чтобы выведать состав взрывчатого вещества и воспламенителя и использовать их в своих мерзких целях во время пиратских набегов... Да! Лучше бы мне оставаться служителем Тома Рока... как в Хелтфул-Хаусе, так и здесь.

Прошло две недели, но я ни разу не встретил своего бывшего подопечного. Никто, повторяю, не мешает мне ежедневно совершать прогулки. Я свободен от всяких забот о материальной стороне жизни. Еду мне приносят с величайшей аккуратностью из кухни графа д'Артигаса — никак не могу отвыкнуть от этого имени и титула и

мысленно все еще величаю так Кера Каррадже. Правда, я очень невзыскателен в отношении пищи, но, во всяком случае, было бы несправедливо выражать малейшее недовольство по этому поводу. Стол не оставляет желать ничего лучшего благодаря запасам, возобновляемым при каждом новом рейсе «Эббы».

К счастью, меня не лишили возможности писать в эти долгие часы безделья. Вот почему я не только рассказал в своем дневнике все, что случилось после моего похищения из Хелтфул-Хауса, но и продолжаю вести изо дня в день свои записи. Я буду делать это до тех пор, пока у меня не вырвут пера из рук. Бог даст, дневник поможет со временем раскрыть тайну островка Бэк-Кап.

С пятого по двадцать пятое июля. За эти две недели ни одна из моих попыток увидеться с изобретателем не увенчалась успехом. Очевидно, приняты меры, чтобы вырвать его из-под моего влияния, каким бы ничтожным оно ни было. Я надеюсь только на то, что граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде напрасно потратят время и силы, пытаясь овладеть его тайной.

Три или четыре раза — насколько мне известно — Тома Рок и инженер Серкё прогуливались вместе по берегу озерка. По моим наблюдениям, изобретатель довольно внимательно слушал своего собеседника. Инженер Серкё провел его по всей пещере, показал электрическую станцию, подробно объяснил устройство подводного буксира... Судя по всему, психическое состояние Тома Рока улучшилось с тех пор, как он покинул Хелтфул-Хаус.

Року отвели отдельную комнату в «особняке» самого Кера Каррадже. Не сомневаюсь, что злодеи ежедневно пытаются склонить его на свою сторону, особенно ин-

женер Серкё. Если Року предложат за изобретение назначенную им самим баснословную цену (вряд ли он отдает себе отчет в стоимости денег), устоит ли он против соблазна?.. Ведь пираты могут ослепить его огромным количеством золота — своей добычей за долгие годы морского разбоя!.. При своей болезненной неуравновешенности не поддастся ли изобретатель на уговоры, не откроет ли состав фульгуратора?.. Тогда останется только доставить все нужное в Бэк-Кап, и Тома Рок получит полную возможность заниматься своими химическими опытами. Снаряды же и остальное оборудование нетрудно изготовить на любом американском заводе, заказав все в разное время и по частям, чтобы не возбуждать подозрений... При мысли о том, какие беды может натворить столь грозное оружие в руках пиратов, волосы у меня становятся дыбом!

Эти мучительные мысли не дают мне ни минуты покоя, они гложут мне сердце, подтачивают здоровье. Хотя в пещере Бэк-Капа воздух необыкновенно чист, у меня бывают приступы удушья. Толстые стены пещеры словно давят меня всей своей тяжестью. Кроме того, я чувствую себя отрезанным от людей, как бы живущим за пределами нашей планеты в полном неведении того, что происходит в мире!.. Ах, если бы можно было бежать через отверстие, зияющее над озером в своде пещеры, выбраться на вершину островка... и спуститься на его побережье!..

Двадцать пятого июля утром я вижу наконец Тома Рока. Он один на противоположном берегу. Со вчерашнего дня я не встречаю Кера Каррадже, инженера Серкё и капитана Спаде и спрашиваю себя, не отпра-

вились ли они в какую-нибудь «экспедицию» на борту своей шхуны?..

Направляюсь к изобретателю, внимательно разглядывая его, прежде чем он успел меня увидеть.

Лицо его серьезно, задумчиво, в нем нет ни малейших признаков безумия. Он идет медленно, опустив глаза и не глядя по сторонам; под мышкой он держит небольшую доску с каким-то чертежом.

Вдруг он поднимает голову, делает шаг вперед и узнает меня.

— Ах, это ты... Гэйдон!.. — кричит Тома Рок. — Я вырвался из твоих лап!.. Я свободен!

В самом деле, он должен считать себя более свободным в Бэк-Капе, чем в Хелтфул-Хаусе. Но мой вид пробуждает в нем неприятные воспоминания, а это может вызвать припадок... В необычайном возбуждении Тома Рок продолжает:

— Да... это ты... Гэйдон!.. Не подходи... не подходи ко мне!.. Ты хочешь схватить меня... опять засадить под замок... Не бывать этому никогда!.. У меня есть друзья, они меня защитят!.. Они могущественны, богаты!.. Граф д'Артигас дает мне деньги!.. Инженер Серкё мне помогает!.. Они займутся моим изобретением! Мы создадим здесь «фульгуратор Рок»... Убирайся!.. Убирайся прочь!..

Тома Рок вне себя от ярости. Он говорит все громче, размахивает руками и вытаскивает из кармана пачки долларов и кредитных билетов. На землю падают золотые монеты, английские, французские, американские, немецкие. Откуда у него эти деньги, если не от Кера Каррадже, в обмен за проданную тайну изобретения?..

На шум, вызванный этой неприятной сценой, прибегают несколько человек и останавливаются неподалеку,

наблюдая за нами. Затем они хватают Рока и увлекают за собой. Не видя меня больше, изобретатель перестает сопротивляться и вновь обретает душевный покой.

Двадцать седьмое июля. Два дня тому назад, спустившись ранним утром на берег озера, я дошел до конца небольшого каменного мола.

Подводного буксира нет на обычной стоянке у подножия скал, не видно его нигде и в другом месте. Впрочем, ни Кер Каррадже, ни инженер Серкё в тот день не уехали, как я предполагал, — я видел их мельком вчера вечером.

Однако есть все основания полагать, что сегодня они вместе с капитаном Спаде и его матросами отправились на буксире в бухточку, где стоит шхуна, и в настоящее время «Эбба» находится в открытом море.

Не задумали ли злодеи новый пиратский набег?.. Вполне возможно. Но возможно также и другое: Кер Каррадже, превратившийся на борту своей яхты в графа д'Артигаса, решил отправиться в какой-нибудь пункт на побережье, чтобы запастись там химическими веществами, необходимыми для изготовления «фульгуратора Рок»...

Если бы я мог спрятаться на борту подводного буксира, незаметно проскользнуть в трюм «Эббы» и укрыться там до прихода в какую-нибудь гавань!.. Тогда, быть может, я сумел бы вырваться из плена... и избавить мир от этой шайки пиратов!..

Вот какие мысли неотступно преследуют меня... Бежать... бежать во что бы то ни стало!.. Но побег возможен лишь через туннель на борту подводного буксира!.. Не безумие ли думать об этом?.. Да!.. безумие... А между тем как же иначе выбраться из Бэк-Капа?..

Пока я размышляю об этом, на воде метрах в двадцати от мола появляется пенный след, и на поверхность озера всплывает буксир. Почти тотчас же крышка люка откидывается, и из него выходит механик Гибсон с несколькими матросами. Другие пираты выбегают на скалы, чтобы принять конец швартова и подтянуть судно к причалу.

Значит, на этот раз «Эбба» отправилась в плавание без буксира, который лишь доставил Кера Каррадже и его спутника на борт шхуны и вывел ее в открытое море.

Все это лишь подтверждает мою догадку, что поездка предпринята с единственной целью добраться до одного из американских портов, где граф д'Артигас купит необходимые ему химические вещества и закажет снаряды на каком-нибудь заводе. Затем, в заранее назначенный день, буксир выйдет из туннеля, встретится со шхуной, и Кер Каррадже вернется в пещеру Бэк-Капа...

Положительно все удастся этому злодею, и дело движется быстрее, чем я предполагал!

Третье августа. Сегодня произошло неожиданное событие, местом действия которого стало наше озерко, — событие очень любопытное и, очевидно, очень редкое.

Около трех часов пополудни вода в нем забурлила, затем на две-три минуты все успокоилось, после чего то же самое повторилось на середине озера.

Человек пятнадцать пиратов, заметив это непонятное явление, спустились на берег, глядя на воду с удивлением и даже, как мне показалось, со страхом.

Буксир не мог вызвать волнения в озере, так как он преспокойно стоит у причала. А предположение, что

другой подводной лодке удалось проникнуть сюда через туннель, кажется по меньшей мере маловероятным.

Почти тотчас же на противоположном берегу раздаются крики. Другие пираты что-то объясняют первым на непонятном для меня наречии, и, обменявшись десятком гортанных фраз, все поспешно бегут к Ульюю.

Не заметили ли они под водой какое-нибудь морское чудовище?.. Не побежали ли за оружием, чтобы его убить, или за рыболовной снастью, чтобы его изловить?..

Я угадал, ибо минуту спустя пираты возвращаются на берег, вооруженные ружьями с разрывными пулями и гарпунами на длинных веревках.

В самом деле, это кит, или, вернее, китообразное из породы кашалотов, которых так много водится возле Бермудских островов; он пробрался через туннель и теперь барахтается в глубине озера. Если животному пришлось искать убежища внутри Бэк-Капа, то не значит ли это, что его преследовали, что за ним гнались китобой?..

Проходит несколько минут, и вот кашалот поднимается на поверхность воды. Его огромная блестящая зеленоватая туша мелькает среди пены, можно подумать, что животное борется с каким-то опасным противником. Когда кашалот выплывает, две громадные струи с оглушительным шумом вырываются из его водометных отверстий.

«Если животное приплыло сюда через туннель, спасаясь от китобоев, — говорю я себе, — значит, поблизости от Бэк-Капа находится судно... быть может, всего в нескольких кабельтовых от берега... Лодки китобоев, очевидно, подошли с запада к самому острову, лавируя между рифами... А у меня нет никакой возможности установить с ними связь...»

Даже если мои предположения справедливы, разве я могу пробраться к китобоям через толстые стены пещеры?..

К тому же я вскоре узнаю причину появления кашалота. Дело вовсе не в преследующих его китобоях, а в стае акул, огромных пятнистых акул, которыми кишит море у Бермудских островов. Я без труда различаю их в воде. Их штук пять или шесть, они поворачиваются, ложатся на бок, открывая огромные пасти с двумя рядами острых зубов, похожих на зубья пилы. Эти хищники напали на кашалота, который может защищаться лишь ударами хвоста. Кашалот уже получил огромные раны, вода становится красноватой, он ныряет, всплывает, плещется в воде, безуспешно пытаясь отбиться от страшных врагов.

И все же не прожорливые акулы выйдут победителями из борьбы. Добыча ускользнет от них, ибо человек со своими орудиями могущественнее, чем они. Здесь, на берегу, собралось немало соратников Кера Каррадже, которые ничуть не лучше этих акул, так как пираты и морские хищники стоят друг друга! Разбойники пытаются захватить кашалота, ведь он — ценная добыча для Бэк-Капа!..

В этот миг кашалот приближается к причалу, где стоят малаец графа д'Артигаса и несколько других наиболее крепких пиратов. Малаец вооружен гарпуном на длинной веревке. Он размахивается и бросает его с поразительной силой и ловкостью.

Кашалот, тяжело раненный в левый бок, быстро уходит под воду, сопровождаемый акулами, которые ныряют вслед за ним.

Веревка гарпуна разматывается на пятьдесят-шесть-

десять метров. Остается лишь потянуть за нее, и раненое животное выплывет из глубины, чтобы испустить дух на поверхности озера. Это и делает малаец со своими приятелями осторожно, не спеша, чтобы не вырвать гарпун вместе с мясом, и вскоре кашалот появляется у стены пещеры, близ отверстия туннеля.

Раненное насмерть огромное животное неистовствует, бьется в страшной агонии, изрыгает целые столбы пены, воздуха и воды, смешанной с кровью. Вдруг яростным ударом хвоста кашалот выбрасывает на скалы бьющуюся в предсмертных судорогах акулу.

От толчка гарпун выскакивает из бока кашалота, и тот опять уходит в глубину. Когда он в последний раз появляется на поверхности, хвост его с такой силой бьет по воде, что в озере образуется огромная впадина, обнажая верхнюю часть туннеля.

Акулы набрасываются на свою добычу, но под градом выстрелов одни гибнут, другие спасаются бегством.

Нашла ли стая акул подводный ход, сумела ли вырваться из пещеры и уплыть в открытое море?.. Вполне возможно. Тем не менее лучше несколько дней не купаться в озере. Что касается кашалота, то двое пиратов вскочили в лодку, чтобы пригнать его к берегу. Когда тушу вытащили на мол, малаец, как видно не новичок в этом деле, занялся ее свеживанием.

Зато теперь я точно знаю, в какое именно место пещеры выходит отверстие туннеля... Оно находится в западной стене, всего лишь в трех метрах от поверхности воды. Однако к чему мне, в сущности, эти сведения!..

Седьмое августа. Вот уже двенадцать дней, как уехали граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде. Ничто пока не предвещает скорого возвращения шхуны. Одна-

ко я заметил, что буксир стоит наготове, словно пароход под парами, и его гальванические батареи все время работают под наблюдением механика Гибсона. Если шхуна «Эбба» не боится посещать порты Соединенных Штатов среди бела дня, то, вероятнее всего, она предпочтет подойти к Бэк-Капу вечером. Поэтому я полагаю, что Кер Каррадже и его спутники вернутся ночью.

Десятое августа. Вчера вечером, часов около восьми, как я и предполагал, подводная лодка, погрузившись в озеро, выбралась из туннеля как раз вовремя, чтобы взять на буксир «Эббу», и, проведя ее по фарватеру в бухту, доставила обратно экипаж шхуны и всех пассажиров.

Выйдя сегодня утром из своей комнаты, я вижу Тома Рока и инженера Серкё, которые спускаются к озеру, оживленно беседуя. О чем они говорят, легко догадаться. Я стою шагах в двадцати от них и наблюдаю за своим бывшим подопечным.

Глаза изобретателя блестят, морщины на лбу разглаживаются, лицо преображается, в то время как инженер Серкё отвечает на его вопросы. Рок не может устоять на месте от нетерпения и поспешно направляется к причалу.

Инженер Серкё идет вслед за ним, и оба останавливаются на берегу, возле буксира.

Матросы, занятые выгрузкой товаров, только что поставили на скалистый берег десять ящиков средней величины. На ящиках красной краской выведены какие-то буквы, которые Рок рассматривает с величайшим вниманием.

Инженер Серкё приказывает переправить ящики — каждый из них вмещает примерно один гектолитр — на склады, расположенные на левом берегу озера. Пираты тотчас же грузят их в лодку и перевозят.

По-моему, в этих ящиках упакованы химические элементы, которые при соединении или смешивании должны дать взрывчатое вещество и воспламенитель... Снаряды же, очевидно, заказаны на каком-нибудь американском заводе. Когда они будут готовы, шхуна отправится за ними и привезет на островок Бэк-Кап...

Итак, на этот раз «Эбба» вернулась без награбленных товаров, не запятнав себя новыми пиратскими набегами. Но каким страшным оружием будет владеть Кер Каррадже для нападения и обороны на море! Ведь, по словам Тома Рока, его фульгуратор может сразу уничтожить весь земной шар!.. Как знать, не сделает ли он когда-нибудь такой попытки?..

ГЛАВА 12

Советы инженера Серкё

Принявшись за работу, Тома Рок проводит целые дни в сарае, превращенном в лабораторию, на левом берегу озера. Никто не входит туда, кроме него. Уж не хочет ли он работать один над своими препаратами, никому не сообщая их состава?.. Вполне возможно. Условия применения «фульгуратора Рок», насколько я знаю, весьма просты. В самом деле, такого рода снаряд не требует ни пушки, ни мортиры, ни катапульты, как ядро Залинского. Снаряд Рока самодвижущийся; сила, вызывающая это движение, заключена в самом фульгураторе, и всякий корабль, находящийся в зоне его действия в момент взрыва, может погибнуть от одного лишь чудовищного сотрясения воздушных слоев. Кто справится с Кером Каррадже, если в руки к нему попадет такое разрушительное средство?..

С одиннадцатого по семнадцатое августа. Всю эту неделю Тома Рок работал без передышки. Каждое утро он отправляется в свою лабораторию и возвращается оттуда лишь к ночи. Я даже не пытаюсь подойти к изобретателю или заговорить с ним. Хотя Тома Рок по-прежнему равнодушен ко всему, что не касается его дела, разум изобретателя, по-видимому, прояснился. Да и почему бы не возродиться теперь его дарованию? Разве этот талантливый человек не добился полного удовлетворения своих запросов?.. Разве он не осуществляет теперь давным-давно задуманный план?

Ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа. В час ночи меня внезапно будят звуки выстрелов, доносящиеся снаружи.

«Не нападение ли это на Бэк-Кап?.. — думаю я. — Быть может, шхуна графа д'Артигаса вызвала подозрение властей и преследователи настигли ее у наших скалистых берегов?.. Не пытаются ли они уничтожить островок из орудий?.. Неужели справедливое возмездие настигнет злодеев прежде, чем Тома Рок создаст свое взрывчатое вещество, прежде чем снаряды будут доставлены на Бэк-Кап?..»

Оглушительные залпы следуют один за другим через довольно правильные промежутки времени. Мне приходит в голову мысль, что стоит только потопить «Эббу», как у пиратов порвется всякая связь с внешним миром и снабжение островка станет невозможным...

Правда, достаточно и подводного буксира, чтобы доставить графа д'Артигаса в любой пункт американского побережья, а денег на постройку новой яхты у него хватит с лихвой... Пусть так!.. Но даст бог, Бэк-Кап бу-

дет разрушен до того, как Кер Каррадже воспользуется «фульгуратором Рок»!..

На следующий день, с первым проблеском зари, я выбегаю из своей комнаты...

Около Улья не заметно ничего нового.

Пираты занимаются своими обычными делами. Буксир стоит у причала. Я вижу Тома Рока, идущего в свою лабораторию. Кер Каррадже и инженер Серкё спокойно прохаживаются по берегу озера. Никакого нападения этой ночью не было... И, однако, меня разбудил гул близкой стрельбы...

Тем временем Кер Каррадже направляется к себе домой, а инженер Серкё подходит ко мне, как всегда насмешливо улыбаясь.

— Ну как, господин Симон Харт, — спрашивает он, — привыкаете понемногу к новой обстановке? Оценили ли вы по достоинству все преимущества нашей волшебной пещеры?.. Отказались ли, наконец, от надежды вернуть себе свободу... бежать из этого очаровательного убежища... и покинуть, — продолжает он, напевая старинный французский романс:

...Чудесные места,
Где Сильвия цвела,
Пленяя всех красой...

Стоит ли сердиться на этого балагура?.. Я отвечаю с полным спокойствием:

— Нет, сударь, я не отказался от этой мысли и все еще надеюсь, что вы вернете мне свободу...

— Полноте, господин Харт, разве мы в силах расстаться с таким уважаемым человеком, как вы, да вдобавок с дорогим коллегой! Ведь, слушая бредни Тома Ро-

ка, вы могли открыть хотя бы часть его тайны... Вы просто шутите!..

Так вот по какой причине злодеи держат меня в пещере Бэк-Капа... Они полагают, что изобретение Рока мне отчасти известно... Надеются, что заставят меня говорить, если изобретатель откажется открыть свой секрет... Вот почему меня похитили вместе с ним... и до сих пор еще не бросили в озеро с камнем на шее!.. Знать это небесполезно!

— Отнюдь не шучу, — говорю я в ответ на последние слова инженера Серкё.

— Допустим, — продолжает мой собеседник. — Но если бы я имел честь быть инженером Симоном Хартом, то рассуждал бы следующим образом: принимая во внимание, во-первых, личность Кера Каррадже, причины, побудившие его выбрать столь таинственное убежище, и необходимость уберечь эту пещеру от нескромных глаз не только в интересах графа д'Артигаса, но и в интересах его соратников...

— Сообщников, хотите вы оказать...

— Сообщников, будь по-вашему!.. Принимая во внимание, во-вторых, что вам известны подлинное имя графа д'Артигаса и тайна «несгораемого шкафа», в котором спрятаны его богатства...

— Богатства, награбленные и запятнанные кровью, господин Серкё!

— Пусть так!.. Но вы должны понять, что вопрос о вашем освобождении никогда не будет решен так, как вы того желаете...

Спорить в этих условиях бесполезно, и я меняю тему разговора.

— Могу ли я узнать, — спрашиваю я, — как вам уда-

лось выяснить, что служитель Гэйдон и инженер Симон Харт одно и то же лицо?

— Не вижу причин скрывать это от вас, дорогой коллега... Чистая случайность... Мы были связаны с заводом, на котором вы работали, и узнали, что вы ушли отсюда при довольно странных обстоятельствах... Между тем, побывав в Хелтфул-Хаусе за несколько месяцев до посещения графа д'Артигаса, я встретил вас там... и узнал...

— Вы?..

— Да, собственной персоной, и с той минуты я дал себе слово, что вы будете нашим спутником на борту «Эббы»...

Не могу вспомнить, чтобы я видел этого Серкё в Хелтфул-Хаусе, но, возможно, он говорит правду.

«Надеюсь, — подумал я, — что придет день, когда эта причуда вам дорого обойдется!»

— Если не ошибаюсь, — неожиданно спрашиваю я, — вам удалось убедить Тома Рока продать секрет фульгуратора?..

— Да, господин Харт, за миллионы... Впрочем, эти миллионы сами плывут нам в руки!.. Вот почему мы не поскупились, и теперь у Тома Рока карманы битком набиты золотом!..

— Но на что ему эти миллионы, если он несвободен, если не может уехать и воспользоваться ими?

— Такие соображения ничуть не волнуют изобретателя, господин Харт!.. Этот гениальный человек не думает о будущем! Он живет только настоящим... Пока там, в Америке, по его чертежам делают снаряды, он возится здесь с химическими препаратами, ведь мы в изобилии снабдили ученого всем необходимым. Хе... хе... Что за

превосходная выдумка этот самодвижущийся снаряд, самостоятельно развивающий все большую скорость благодаря особому, постепенно разгорающемуся пороху!.. Это изобретение вызовет коренной переворот в способах ведения войны!..

— Оборонительной войны, господин Серкё?

— А также и наступательной, господин Харт.

— Естественно, — отвечаю я.

И, не давая инженеру Серкё опомниться, прибавляю:

— Итак... то, чего никто не мог добиться от Рока...

— Мы добились без особого труда...

— Заплатив ему...

— Баснословную цену... и к тому же играя на одной струнке, весьма чувствительной у этого человека...

— Какая же эта струнка?

— Жажда мести.

— Кому же он хочет мстить?

— Всем, кого считает своими врагами: тем, кто старался обескуражить его, лишить веры в свои силы, кто отказывал ему, прогонял, заставлял переезжать из страны в страну, выпрашивая деньги за свое выдающееся изобретение! Теперь всякий патриотизм угас в его душе. У Тома Рока осталась лишь одна мысль, одно страстное желание: отомстить людям, отказавшим ему в признании... и даже всему человечеству!.. Право, господин Харт, ваши правительства в Европе и Америке совершили непростительную оплошность, не пожелав дать настоящую цену за «фульгуратор Рок»!

Инженер Серкё с воодушевлением описывает мне различные преимущества нового взрывчатого вещества; по его словам, оно не идет ни в какое сравнение с тем, которое добывается из нитрометана путем замены одно-

го из трех атомов водорода атомом соды, — открытие, весьма нашумевшее в последнее время.

— А какая разрушительная сила! — продолжает инженер Серкё. — В этом отношении «фульгуратор Рок» похож на ядро Залинского, только он во сто раз сильнее и не требует специального аппарата для метания; ведь у него, фигурально выражаясь, имеются собственные крылья!

Я жадно слушаю, надеясь узнать хотя бы часть тайны. Но нет. Инженер Серкё не проговаривается.

— Открыл ли вам Тома Рок состав своего взрывчатого вещества? — спрашиваю я.

— Да, господин Харт — уж не прогневайтесь, — и скоро мы получим и спрячем в надежном месте огромные запасы «фульгуратора Рок».

— Но не подвергаете ли вы себя опасности... постоянной опасности, накапливая так много этого вещества?.. Ведь достаточно простой неосторожности, и взрыв уничтожит островок...

И опять название острова чуть не сорвалось у меня с языка. Узнай пираты, что Симону Харту известно не только подлинное имя графа д'Артигаса, но и местонахождение Бэк-Капа, и они найдут, пожалуй, что их пленник слишком много знает.

К счастью, инженер Серкё не заметил, как я прикусил себе язык.

— Нам нечего опасаться, — отвечает он. — Взрывчатое вещество Рока воспламеняется совершенно особым способом. Ни сотрясение, ни искры не могут вызвать взрыва...

— А разве Рок не продал вам также секрет своего воспламенителя?..

— Нет еще, господин Харт, но сделка состоится в

ближайшее время! Итак, повторяю, опасности нет никакой, и вы можете спать совершенно спокойно!.. Тысяча чертей! Нам вовсе неохота взлететь на воздух вместе с пещерой и всеми нашими сокровищами! Если дела пойдут и впредь так же хорошо, то через несколько лет мы разделим полученные доходы; надо думать, они будут весьма велики, и доля каждого составит вполне приличное состояние, которое он будет тратить по собственному усмотрению... после ликвидации фирмы «Кер Каррадже и К°»! Прибавлю к этому, что доноса мы боимся не больше, чем взрыва... ведь вы один могли бы донести на нас, дорогой господин Харт! Вот почему я советую вам, как человеку практичному, примириться со своей участью, покориться неизбежности и набраться терпения, до ликвидации фирмы... Тогда мы решим, как с вами поступить в интересах нашей общей безопасности!

Надо сознаться, в словах инженера Серкё нет ничего обнадеживающего. Правда, до тех пор многое может измениться. Из этого разговора следует запомнить одно: хотя Тома Рок и продал свое взрывчатое вещество фирме «Кер Каррадже и К°», он все же сохранил в тайне состав воспламенителя, без которого взрывчатое вещество стоит не больше, чем придорожная пыль.

Однако прежде, чем закончить этот разговор, я должен высказать инженеру Серкё одно соображение, по моему, достаточно веское.

— Сударь, — говорю я, — вам известен теперь состав взрывчатого вещества, что ж, превосходно. Но скажите, действительно ли оно обладает той разрушительной силой, которую ему приписывает изобретатель?.. Ведь это взрывчатое вещество никогда еще не испытывали?.. Не

купили ли вы такой же безобидный порошок, как щепотка табака?

— Мне кажется, господин Харт, что вы лучше осведомлены на этот счет, чем стараетесь показать. Тем не менее я весьма признателен за интерес, который вы проявляете к нашему делу: поверьте, вам совершенно незачем беспокоиться. Прошлой ночью мы проделали ряд решающих опытов. При помощи всего нескольких граммов этого вещества огромные каменные глыбы превратились в прах.

Речь идет, очевидно, о взрывах, которые я принял ночью за выстрелы.

— Итак, дорогой коллега, — продолжает инженер Серкё, — смею вас заверить, что мы застрахованы от всяких неожиданностей. Действие этого взрывчатого вещества превосходит все ожидания. Несколько тысяч тонн «фульгуратора Рок» было бы достаточно, чтобы уничтожить наш сфероид и рассеять его осколки в мировом пространстве, как это случилось с планетой, распавшейся на части в зоне между Марсом и Юпитером. Можете не сомневаться — фульгуратор уничтожит любой корабль на расстоянии, значительно превышающем дальность самых мощных орудий, а поражаемое им пространство достигает доброй мили... Слабое место изобретения заключается в трудности регулировать наводку; чтобы изменить ее, требуется пока еще довольно длительное время...

Инженер Серкё умолкает, как человек, который боится сказать лишнее, и после паузы добавляет:

— Словом, господин Харт, я кончаю наш разговор тем же, с чего я начал. Покоритесь неизбежности!.. Примиритесь без задних мыслей с этой новой для вас жиз-

нюю!.. Наслаждайтесь спокойными радостями нашего подземного существования!.. Здесь можно сберечь здоровье, если оно в порядке, восстановить силы, если они подорваны... Последнее как раз и произошло с вашим соотечественником!.. Да... Покоритесь своей участи. Это самое разумное, что вы можете сделать!

После чего сей любитель бесплатных советов покидает меня, дружески помахав на прощание рукой, как человек, чье доброе отношение нельзя не оценить. Но сколько иронии сквозит в его словах, жестах, взгляде, и представится ли мне когда-нибудь возможность отомстить ему за все?..

Во всяком случае, я узнал из нашего разговора, что обращаться с фульгуратором довольно сложно. Изменить наводку и расширить поражаемое пространство длиною в милю, вероятно, нелегко, и корабль, находящийся вне этой зоны, избежит действия взрыва... Если бы я мог уведомить об этом тех, кому грозит ужасная опасность!..

Двадцатое августа. Прошло два дня, но ничего нового не случилось. В своих ежедневных прогулках я забирюсь в самые дальние уголки Бэк-Капа. Вечером, когда свет электрических ламп озаряет длинную анфиладу арок, невольно испытываешь почти религиозное благоговение, созерцая чудеса природы в этой пещере, ставшей моей темницей. Впрочем, я не теряю надежды отыскать в окружающих меня толстых стенах какую-нибудь не замеченную пиратами щель и бежать через нее на волю!.. Правда... когда я выберусь наружу, мне придется ждать, чтобы в виду островка прошло какое-нибудь судно... К тому же о моем побеге тут же станет известно... Меня не замедлят схватить... если только... да...

шлюпка... шлюпка «Эббы», спрятанная в глубине бухточки!.. Если бы мне удалось захватить шлюпку... проскользнуть среди рифов... добраться до Сент-Джорджеса или Гамильтона...

Вечером, часов около девяти, выйдя прогуляться, я растянулся на песке у подножия одной из естественных колонн, метрах в ста от Улья, на восточном берегу озера. Вскоре я услышал поблизости шум шагов, а затем чьи-то голоса.

Я сжался в комок, стараясь спрятаться за массивным основанием колонны, и прислушался...

Мне знакомы эти голоса. Они принадлежат Керу Каррадже и инженеру Серкё... Вот оба пирата остановились и беседуют по-английски — на языке, принятом на Бэк-Капе, так что я понимаю все, что они говорят.

Речь идет о Тома Роке или, точнее, об его фульгураторе.

— Через неделю, — замечает Кер Каррадже, — я думаю выйти в море на «Эббе» и вскоре привезу из Виргинии разные детали, они, наверно, уже готовы на заводе...

— А когда мы их получим, — отвечает инженер Серкё, — я займусь здесь устройством установок для фульгуратора. Но прежде надо проделать одну работу, на мой взгляд, совершенно необходимую...

— А именно? — спрашивает Кер Каррадже.

— Надо пробить стену пещеры.

— Пробить?..

— О, всего лишь узкий проход, не шире, чем нужно для одного человека, нечто вроде коридора. В случае необходимости мы без труда завалим его камнями; выход же наружу будет незаметен среди скал.

— К чему это, Серкё?..

— Я часто думал о необходимости иметь еще один

ход сообщения с внешним миром... Неизвестно, что ждет нас в будущем...

— Но ведь стены пещеры чрезвычайно массивны, да и порода здесь очень твердая... — замечает Кер Каррадже.

— С несколькими крупинками взрывчатого вещества «Рок», — отвечает инженер Серкё, — я берусь превратить скалы в мельчайшую пыль, которая разлетится от одного дуновения!

Легко понять, как заинтересовал меня этот разговор.

Итак, они собираются проделать, помимо подводного туннеля, новый ход сообщения между пещерой и побережьем Бэк-Капа... Как знать, не представится ли мне тогда случай спастись бегством?

Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как Кер Каррадже ответил:

— Решено, Серкё! В самом деле, если придется когда-нибудь защищать Бэк-Кап, мы сумеем помешать судам подойти к островку... Правда, наше убежище не так легко открыть, тут врагам может помочь лишь случай... или донос...

— Нам нечего опасаться ни того, ни другого, — заверяет сообщника инженер Серкё.

— Со стороны наших товарищей — согласен, но со стороны этого Симона Харта...

— Симона Харта! — восклицает инженер Серкё. — Но сперва ему надо бежать... а из пещеры Бэк-Капа не убежишь!.. К тому же Симон Харт — славный малый, и, признаюсь, он меня интересует... Ведь он — мой коллега и, как мне кажется, знает об изобретении Тома Рока больше, чем следует... Я думаю, что в конце концов мы с ним поладим и будем беседовать о физике, механике, баллистике, как настоящие друзья...

— Пусть так! — милостиво соглашается граф д'Артигас. — Но как только мы овладеем всей тайной, лучше будет отделаться от...

— Время терпит, Кер Каррадже...

«Но потерпит ли бог, негодяи!» — думаю я, стараясь успокоиться: сердце мое неистово бьется.

И, однако, на что мне надеяться, кроме скорого вмешательства провидения?..

Тут разговор заходит о другом, и Кер Каррадже замечает:

— Теперь, когда мы знаем состав взрывчатого вещества, Серкё, нам надо во что бы то ни стало вырвать у Рока секрет воспламенителя...

— Что правда, то правда, — отвечает инженер Серкё, — и я стараюсь изо всех сил. К несчастью, Рок очень несговорчив. Он не хочет и слышать об этом. Впрочем, он уже изготовил несколько капель воспламенителя для испытания взрывчатого вещества, а теперь приготовит и побольше, когда мы вздумаем пробить каменную стену.

— А для наших морских экспедиций?.. — спрашивает Кер Каррадже.

— Терпение!.. Еще немного, и в наших руках окажутся все громы и молнии фульгуратора...

— Ты в этом уверен, Серкё?..

— Вполне уверен... если только мы не поскупимся, Кер Каррадже.

На этом разговор закончился, и оба пирата удалились, по счастью так и не заметив меня. Если инженер Серкё готов вступить за коллегу, то граф д'Артигас, по-видимому, относится ко мне менее благожелательно. При первом же подозрении меня бросят в озерко, и если

я выберусь из туннеля в открытое море, то лишь в виде бездыханного трупа, уносимого отливом.

Двадцать первое августа. Сегодня инженер Серкё начал обследовать пещеру, желая выбрать такое место для нового туннеля, чтобы снаружи никто не мог заподозрить о его существовании. После тщательных изысканий было решено пробить северную стену пещеры в двадцати метрах от первых ячеек Улья.

Не дождусь, когда туннель будет окончен. Кто знает, не удастся ли мне воспользоваться им для побега?.. Ах, если бы я умел плавать, то попытался бы бежать через подводный ход, ведь теперь мне точно известно, где он находится. Во время недавнего сражения между кашалотом и акулами, когда воды озера отхлынули от стены пещеры, верхняя часть туннеля обнажилась... Я его видел... Но открывается ли он во время сильных отливов?.. В полнолуние или в новолуние, когда уровень воды в море особенно низок, возможно, что... не премину в этом убедиться!

К чему мне это? Не знаю, однако я не должен ничем пренебрегать, лишь бы вырваться из пещеры Бэк-Капа.

Двадцать девятое августа. Сегодня утром я присутствовал при отплытии подводного буксира. Очевидно, он направляется в один из американских портов, чтобы получить там уже готовый заказ.

Граф д'Артигас разговаривает несколько минут с инженером Серкё, который, кажется, не собирается его сопровождать. По-видимому, он дает своему дружку какие-то распоряжения. Уж не обо мне ли идет речь? Затем, сойдя на площадку подводного судна, он спускается вниз в сопровождении капитана Спаде и матросов «Эб-

бы». Как только люк закрыли, буксир погружается, и по гладкой поверхности озера пробегает лишь легкая рябь.

Часы текут, день подходит к концу. Подводное судно не вернулось, значит, оно ведет на буксире шхуну... а быть может, и топит встречные суда...

По всей вероятности, шхуна недолго пробудет в плавании, так как достаточно и недели, чтобы совершить путешествие туда и обратно.

К тому же погода благоприятствует «Эббе», если судить по полному безветрию в пещере. Ведь на широте Бермудских островов август — самое хорошее время года. Ах, если бы только я мог найти какую-нибудь трещину в этих толстых стенах и выбраться из своей темницы!..

ГЛАВА 13

Плыви с богом!..

С двадцать девятого августа по десятое сентября. Прошло тринадцать дней, а «Эбба» еще не вернулась. Неужели она направилась не к берегам Америки?.. Не задержал ли шхуну какой-нибудь пиратский набег?.. Мне кажется, однако, что у Кера Каррадже была лишь одна забота: привести составные части фульгуратора. Правда, завод в Виргинии мог запоздать с выполнением заказа...

Впрочем, инженер Серкё не проявляет нетерпения. При встрече со мной он, как всегда, напускает на себя добродушный вид, но у меня есть основания ему не доверять. Коллега подчеркнуто любезно осведомляется о моем здоровье, настойчиво советует примириться со своей участью, называет меня «Али-Баба», уверяет, что на земном шаре нет места очаровательней этой сказоч-

ной пещеры из «Тысячи и одной ночи», говорит, что я живу здесь на всем готовом, не платя ни налогов, ни поборов, и что даже в благословенном княжестве Монако люди не знают такого беззаботного существования...

Слушая ироническую болтовню инженера Серкё, я чувствую, как порой вся кровь бросается мне в лицо. С трудом преодолеваю искушение кинуться на этого негодяя, на этого насмешника и задушить его... Меня тут же убьют... Ну и пусть... Не лучше ли такой конец, чем жить долгие годы среди презренных злодеев, обосновавшихся в этой мрачной пещере?

Но все же рассудок берет верх, и я только пожимаю плечами.

В первые дни после отплытия «Эббы» я лишь мельком видел Тома Рока. Запершись в лаборатории, он занимается своими бесконечными опытами. Если изобретатель использует все предоставленные в его распоряжение химические элементы, то у него будет чем взорвать не только Бэк-Кап, но и все Бермудские острова в придачу!

Я по-прежнему цепляюсь за надежду, что Тома Рок не согласится открыть состав воспламенителя, не выдаст своей последней тайны, несмотря на все усилия инженера Серкё... Не будет ли обманута и эта надежда?..

Тринадцатое сентября. Сегодня я убедился воочию в огромной силе взрывчатого вещества и увидел также, как используют воспламенитель.

Утром пираты начали пробивать в намеченном месте туннель, чтобы установить сообщение с побережьем островка.

Под руководством инженера Серкё они прежде всего принялись долбить стену пещеры у основания — задача

весьма сложная, так как известняк не уступает здесь по крепости граниту. Сначала работали кирками; пираты владели ими мастерски, и все же, если бы, кроме кирки, у них ничего не было, этот тяжелый труд затянулся бы надолго, ведь стены пещеры имеют внизу не менее двадцати — двадцати пяти метров толщины. Но благодаря «фульгуратору Рок» пробить скалу разбойникам удастся довольно быстро.

Я был просто поражен тем, что увидел. Прокладка туннеля в горной породе, которая едва поддается кирке, оказалась делом чрезвычайно легким.

Да, нескольких граммов взрывчатого вещества было достаточно, чтобы раздробить камень, раскрошить его, превратить в почти невесомую пыль, которая рассеивается, как дым, от малейшего дуновения! Да, повторяю, эти пять-десять граммов порошка взорвались с грохотом, похожим на выстрел артиллерийского орудия из-за сильнейшего сотрясения воздуха, и пробили углубление размером в целый кубический метр.

При первом опыте, хотя была использована лишь микроскопическая доза взрывчатого вещества, пираты, находившиеся поблизости, упали навзничь. Двое были тяжело ранены, а самого инженера Серкё отбросило взрывом на несколько шагов и довольно сильно ушибло.

Опишу, как обращаются с этим веществом, обладающим невиданной до сих пор разрушительной силой.

В горной породе пробивают шурф длиной в пять сантиметров, имеющий в сечении десять квадратных миллиметров. Затем в него закладывают несколько граммов взрывчатого вещества, даже не затыкая отверстия снаружи.

Тут на сцену выступает Тома Рок. В руке он держит

небольшую стеклянную трубку, содержащую голубоватую маслянистую жидкость, которая при соприкосновении с воздухом очень быстро свертывается. Изобретатель капает в шурф всего одну каплю этой жидкости и не спеша отходит в сторону. В самом деле, требуется известное время — около тридцати пяти секунд — для завершения реакции воспламенителя и взрывчатого вещества. А затем происходит взрыв такой разрушительной силы, что, подчеркиваю, ее можно считать неограниченной, и, во всяком случае, она в тысячи раз превосходит все, что нам до сих пор известно.

Легко поверить, что в этих условиях толстая стена будет пробита за какую-нибудь неделю.

Девятнадцатое сентября. С некоторых пор я наблюдаю приливы и отливы, которые здесь очень ощутимы; дважды в сутки через подводный канал течение устремляется то в озерко, то обратно в океан. Несомненно, что любой предмет, находящийся на поверхности воды, будет подхвачен отливом и унесен в открытое море, если только отверстие туннеля хоть немного выступит из воды. Но ведь уровень воды бывает ниже всего в период равноденствия!.. Что ж, в этом нетрудно убедиться, так как осеннее равноденствие скоро наступит. Послезавтра двадцать первое сентября, а сегодня, девятнадцатого, я уже видел, как при малой воде обнажилось верхнее полукружие туннеля.

Сам я не могу проплыть через подводный туннель, но разве брошенную в озерко бутылку не унесет течением во время отлива?.. Если же поможет случай — правда, случай, граничащий с чудом, — бутылку подберет какой-нибудь корабль, проходящий поблизости от Бэк-Капа... Или же волны выбросят ее на берег одного из

Бермудских островов... А если бы в бутылке находилась записка...

Эта мысль не дает мне покоя. Но тут же возникают сомнения: ведь бутылка может разбиться о стенки туннеля или по выходе в океан о прибрежные скалы... Да... но если ее заменить герметически закупоренным бочонком, вроде тех, что прикрепляют к рыболовным сетям? Бочонок не такой хрупкий, как бутылка, у него больше шансов достигнуть открытого моря...

Двадцатое сентября. Сегодня вечером я незаметно пробрался на один из складов, где лежат груды награбленных вещей, и нашел там маленький бочонок, вполне пригодный для моего замысла.

Тщательно спрятав бочонок под одеждой, я возвращаюсь в Улей и забираюсь в свою ячейку. Затем, не тратя ни минуты, принимаюсь за дело. Бумага, чернила, перо — у меня ни в чем нет недостатка, вот почему я уже три месяца регулярно веду этот дневник.

Беру лист бумаги и пишу.

«Тома Рок и его слугитель Гэйдон, или, точнее, французский инженер Симон Харт, занимавшие флигель № 17 в Хелтфул-Хаусе, около Нью-Берна в штате Северная Каролина, Соединенные Штаты Америки, были похищены одновременно пятнадцатого июня и отвезены на борт шхуны «Эбба», принадлежащей графу д'Артигасу. С девятнадцатого числа того же месяца оба они заключены в пещере, служащей убежищем вышеупомянутому графу д'Артигасу — настоящему имени которого Кер Каррадже, — корсару, занимавшемуся некогда разбоем в западной части Тихого океана с сотней бан-

дитов, составляющих шайку этого опасного злодея. Как только в руках пиратов окажется «фульгуратор Рок», обладающий поистине неограниченной разрушительной силой, Кер Каррадже снова примется за свои разбойничьи набеги, но теперь уж в условиях почти полной безнаказанности.

Вот почему заинтересованные государства должны как можно скорее уничтожить притон бандитов.

Пещера, где скрывается пират Кер Каррадже, расположена внутри островка Бэк-Кап, который ошибочно считают действующим вулканом. Это самый западный остров Бермудского архипелага; с востока он недоступен из-за рифов, но открыт с юга, запада и севера.

Сообщение между внешней и внутренней частью Бэк-Капа возможно только через туннель, который лежит на несколько метров ниже уровня моря, в конце узкого залива на западе островка. Поэтому проникнуть в пещеру Бэк-Капа можно только на подводной лодке, по крайней мере, пока не будет закончен новый туннель, выходящий на северо-запад.

Пират Кер Каррадже владеет прекрасным подводным судном, тем самым, которое построил себе граф д'Артигас, хотя оно и считается погибшим во время испытаний в Чарлстонской бухте. Эта подводная лодка не только служит пиратам для сообщения с пещерой, но также водит на буксире шхуну и нападает на торговые суда в районе Бермудских островов.

Шхуна «Эбба», прекрасно известная на западном побережье Америки, пользуется для стоянки маленькой бухточкой, скрытой среди скал на западной стороне островка и поэтому невидимой с моря.

Прежде чем произвести высадку на Бэк-Капе — и

лучше всего на западном берегу, где жили прежде бермудские рыбаки, — следует пробить брешь в скалистом склоне острова при помощи мощных мелинитовых снарядов. После высадки через эту брешь можно будет проникнуть в пещеру.

Необходимо также принять меры на случай, если изготовление «фульгуратора Рок» уже будет закончено. Вполне возможно, что захваченный врасплох Кер Каррадже попытается применить это средство для защиты Бэк-Капа. Вот почему надо запомнить следующее: если разрушительная сила фульгуратора превосходит все, что можно себе представить, то радиус его действия не превышает тысячи семисот — тысячи восьмисот метров. В этих пределах наводку можно менять, но это требует большой затраты времени, и судно, благополучно миновавшее опасную зону, может беспрепятственно подойти к островку.

Документ этот составлен сегодня, двадцатого сентября, в восемь часов вечера, и подписан мной собственноручно.

Инженер Симон Харт».

Таково содержание моей записки. В ней имеются необходимые сведения об островке, нанесенном на все современные карты, и об обороне Бэк-Капа, которую, быть может, предпримет Кер Каррадже, а также совет действовать без промедления. Я приложил к записке план пещеры, с указанием местонахождения подводного туннеля, озера, Улья, жилища Кера Каррадже, моей комнаты и лаборатории Тома Рока. Но будут ли подобраны эти бумаги каким-нибудь кораблем?..

Наконец, завернув свое письмо в большой кусок

просмоленного полотна, я вложил его в обитый железом бочонок длиною в пятнадцать и шириной в восемь сантиметров. Как я в этом убедился, он не пропускает воду и вполне выдержит удары о стенки туннеля или о прибрежные скалы.

Правда, вместо того, чтобы попасть в надежные руки, бочонок будет, возможно, подхвачен приливом, выброшен на скалистый берег островка и найден матросами «Эббы», когда шхуна станет на якорь в глубине бухточки... Если подписанный мною документ, разоблачающий графа д'Артигаса, попадет в руки Кера Каррадже, мне уже не придется мечтать о побеге из Бэк-Капа: судьба моя будет тут же решена...

Наступила ночь. Легко догадаться, с каким лихорадочным нетерпением я ждал ее! По моим наблюдениям, уровень воды в озерке бывает ниже всего вечером, без четверти девять. В это время верхняя часть туннеля обнажается сантиметров на пятьдесят. Этого расстояния вполне достаточно, чтобы бочонок свободно проплыл по туннелю. Я собираюсь к тому же бросить его в воду на полчаса раньше, чтобы течение, устремляющееся из озера в море, успело подхватить его.

Около восьми часов вечера выхожу из своей комнаты среди сгушающейся темноты. На берегу ни души. Я направляюсь к стене пещеры, где находится туннель. При свете последней электрической лампочки, горящей в этой части пещеры, замечаю, что над поверхностью озера выступает полукруглый свод туннеля, в который бурно устремляется поток воды.

Спустившись со скалистого берега к самому озеру, я бросаю в воду бочонок с драгоценным документом: в нем моя последняя надежда!

«Плыви с богом! Плыви с богом!» — повторяю я, как говорят обычно наши французские моряки.

Маленький бочонок сперва покачивается на месте, потом его прибывает обратно к берегу. Мне приходится с силой оттолкнуть бочонок, чтобы его подхватило течением...

Действительно, не проходит и двадцати секунд, как он исчезает в туннеле...

Да... Плыви с богом!.. Да сохранит тебя небо, мой милый бочонок!.. Да защитит оно всех тех, кому угрожает Кер Каррадже! И пусть обрушится на эту шайку пиратов кара людского правосудия!

ГЛАВА 14

Сражение «Суорда» с подводным буксиром

Всю эту ночь я провел без сна, неотступно следуя в мыслях за своим драгоценным бочонком. Сколько раз мне казалось, что он разбился о скалы или же его занесло волнами в соседнюю бухточку и выбросило на берег... Весь я покрылся холодным потом... Нет, туннель наконец пройден... бочонок благополучно проплыл между рифами... отлив несет его в открытое море... Великий боже! А что, если волны опять прибьют бочонок к островку, увлекут его в туннель и... с наступлением утра я снова увижу его в озерке...

Я поднимаюсь на заре и спешу к берегу...

Ни одного предмета не плавает на спокойной глади озерка.

В следующие дни работа по прокладке нового хода продолжалась по-прежнему. Двадцать третьего сентября,

в четыре часа дня, инженер Серкё приказал взорвать последнюю скалу. Сообщение с морским берегом установлено — это всего лишь узкий коридор, по которому приходится идти, согнувшись в три погибели. Снаружи отверстие нового туннеля теряется среди прибрежных скал, и в случае необходимости ничего не стоит завалить его.

Нечего и говорить, что отныне проход будет строго охраняться. Без разрешения никто не войдет по нему в пещеру и не выйдет из нее... Итак, побег с этой стороны невозможен...

Двадцать пятое сентября. Сегодня утром подводный буксир неожиданно появляется на поверхности озера. Граф д'Артигас, капитан Спаде и команда шхуны выходят на берег. Приступают к выгрузке товаров, привезенных на «Эббе». Я вижу ящики с сушеным мясом и консервами, бочки с вином и водкой, несколько тюков для Тома Рока. Вместе с ними пираты вытаскивают и складывают на земле какие-то металлические части круглой формы.

Тома Рок присутствует при выгрузке. Глаза его возбужденно блестят. Схватив одну из этих частей, он внимательно рассматривает ее и с довольным видом кивает головой. Я замечаю, что радость уже не проявляется у него в бессвязных словах и восклицаниях, а сам он ничем больше не напоминает бывшего пациента из Хеллфул-Хауса. Я даже спрашиваю себя: не излечился ли изобретатель окончательно от своего предполагаемого помешательства?..

Наконец Тома Рок садится в лодку, служащую для внутреннего сообщения по озеру, и вместе с инженером

Серкё едет в лабораторию. Через час весь груз подводного буксира уже переправлен на другой берег.

Кер Каррадже обменялся лишь несколькими словами с инженером Серкё. Немного позже они опять встретились и долго беседовали, прохаживаясь вдоль Улья.

Закончив разговор, оба направились к новому проходу в стене и вошли в него друг за другом в сопровождении капитана Спаде. Как жаль, что я не могу пробраться туда вслед за ними!.. Как жаль, что не могу вдохнуть полной грудью воздух морских просторов, который доходит до пещеры Бэк-Капа, потеряв всю свою живительную силу!..

С двадцать шестого сентября по десятое октября. Прошло две недели. Под руководством инженера Серкё и Тома Рока все это время велись работы по изготовлению снарядов. Потом занялись сооружением пусковых установок. Это обычные козлы, к которым приделаны своего рода желоба с изменяемым углом наклона. Такую установку легко поместить не только на палубе «Эббы», но и на площадке буксира, конечно, когда он держится на поверхности воды.

Так, значит, Кер Каррадже станет властелином морей, плавая по ним на своей утлой шхуне!.. Ни один военный корабль не пересечет поражаемую зону и не приблизится к «Эббе». Она же останется вне досягаемости для любых вражеских снарядов!.. Только бы моя записка попала в надежные руки... только бы люди узнали о существовании пещеры Бэк-Капа!.. Тогда удастся если не уничтожить этот притон разбойников, то, по крайней мере, взять его измором!..

Двадцатое октября. К своему крайнему удивлению, я

не вижу сегодня утром буксира на обычном месте! Припоминаю, что как раз накануне были возобновлены элементы его гальванических батарей, и я еще тогда подумал: пираты хотят быть наготове. Если буксир вышел в море теперь, когда существует новый ход сообщения, то не иначе как для пиратских набегов. В самом деле, на Бэк-Капе сейчас нет недостатка ни в снарядах, ни в химических веществах, необходимых Року.

Между тем наступил период осеннего равноденствия. Частые бури проносятся над Бермудскими островами. Штормы свирепствуют на море. Это чувствуется по всему: ветер с силой врывается сверху в мнимый кратер Бэк-Капа, клочки тумана, смешанного с дождем, вихрем кружатся внутри обширной пещеры, разгулявшиеся на озере волны обдают брызгами и пеной прибрежные скалы.

Но действительно ли шхуна покинула бухточку Бэк-Капа?.. Не слишком ли это хрупкое суденышко, чтобы выйти в море в такую непогоду, даже при помощи подводного буксира?

С другой стороны, буксир вряд ли ушел в плавание без шхуны, хотя ему нечего опасаться волнения — ведь он без труда избежит его, опустившись на несколько метров ниже поверхности океана!..

Не знаю, чем объяснить исчезновение подводной лодки — тем более что плавание ее, очевидно, затягивается, так как она не вернулась даже к вечеру.

На этот раз инженер Серкё остался в Бэк-Капе. Уехали только Кер Каррадже, капитан Спаде и команды буксира и «Эббы»...

Жизнь в нашей колонии заживо погребенных по-прежнему течет среди удручающего однообразия. Я ча-

сами сижу, забившись в свою ячейку, размышляю, надеюсь, отчаиваюсь, все туманнее представляя себе, что случилось с бочонком, брошенным мной на произвол судьбы, и веду этот дневник, который, вероятно, не переживет меня...

Тома Рок без усталости работает в лаборатории над своим воспламенителем. Я все еще тешу себя надеждой, что он ни за какие деньги не продаст секрета этой жидкости... но в глубине души знаю, что он, не колеблясь, отдаст свое изобретение на службу Кера Каррадже.

Прогуливаясь около Улья, я часто встречаю инженера Серкё. Он всякий раз охотно разговаривает со мной... правда, по-прежнему в шутивно-дерзком тоне.

Мы беседуем обо всем понемногу, но редко говорим о моем положении — ведь стоит мне пожаловаться, как я навлекаю на себя насмешки.

Двадцать второе октября. Сегодня я решился спросить у инженера Серкё, действительно ли шхуна ушла в плавание с подводным буксиром.

— Да, господин Симон Харт, — ответил он. — Правда, погода стоит собачья, и волны в открытом море разгулялись не на шутку, но вы можете не беспокоиться о нашей дорогой «Эббе»!..

— Плавание шхуны затянется?

— Мы ждем ее обратно через двое суток... Это последнее путешествие графа д'Артигаса перед наступлением зимних бурь, скоро ни одно судно не выйдет в море под этими широтами.

— Эта поездка увеселительная... или деловая? — отваживаюсь я спросить.

Инженер Серкё отвечает, улыбаясь:

— Деловая, господин Харт, вполне деловая! Наши

снаряды уже готовы, и, как только установится хорошая погода, мы возобновим нападения...

— На злополучные суда...

— Не столько злополучные... сколько богато нагруженные!

— Это же морской разбой! Надеюсь, вы не всегда будете пользоваться безнаказанностью! — не выдерживаю я.

— Успокойтесь, дорогой коллега, успокойтесь!.. Вы же прекрасно знаете, что никто никогда не откроет нашего убежища, никто никогда не проникнет в тайну островка Бэк-Кап!.. К тому же обращаться с этими снарядами проще простого, а сила их так велика, что мы без труда уничтожим любое судно, если оно приблизится на известное расстояние к островку...

— При условии, — возражаю я, — что вы купите у Тома Рока состав его воспламенителя, как купили секрет фульгуратора...

— Сделка уже состоялась, господин Харт, — разрешите успокоить вас на этот счет.

Из категорического заявления инженера Серкё можно было бы заключить, что несчастье совершилось, если бы не его неуверенный тон; словам этим, по-видимому, все же нельзя вполне доверять.

Двадцать пятое октября. Какое страшное происшествие! Не понимаю, как я остался жив!.. Просто чудо, что я могу опять сесть за дневник, прерванный два дня тому назад!.. Улыбнись мне счастье, и я был бы свободен!.. Находился бы в эту минуту в одном из ближайших портов — в Сент-Джорджесе или Гамильтоне... Тайна Бэк-Капа была бы раскрыта... Приметы «Эббы» стали бы известны во всех портах мира, и пиратская шхуна нигде не могла бы появиться. Снабжать Бэк-Кап продо-

вольствием стало бы невозможно. Бандиты Кера Каррадже были бы осуждены в пещере на голодную смерть!..

Вот что произошло.

Двадцать третьего октября, около восьми часов вечера, я вышел из Улья в состоянии непонятного нервного возбуждения, словно предчувствуя приближение какого-то важного события. Напрасно я искал успокоения во сне. Меня мучила бессонница, и я наконец покинул свою комнату.

За пределами пещеры Бэк-Капа, очевидно, бушевала непогода. Ветер врывается в кратер, вздымая волны на поверхности озера.

Я спустился на берег возле Улья.

Было холодно, сыро. Кругом ни души. Все трутни Улья забились в свои ячейки.

Только один человек охранял туннель, хотя из предосторожности его наружный вход был завален камнями. Как я заметил, часовой со своего поста не мог видеть побережья озера. На берегу справа и слева горело по одному фонарю, и в глубине пещеры, между колоннами, царил полный мрак.

Я наугад пробирался в темноте, когда мимо меня прошел какой-то человек.

Я узнал Тома Рока.

Изобретатель шел медленно, погруженный, как всегда, в свои мысли; воображение его неустанно работало, ум неустанно решал какие-то проблемы.

Не представился ли мне удобный случай поговорить с изобретателем, открыть то, что ему, по всей вероятности, неизвестно... Он не знает... не может знать, в чьи руки попал... Он не подозревает, что граф д'Артигас не кто иной, как пират Кер Каррадже... Не представляет

себе, что продал часть своего изобретения разбойнику. Надо объяснить Року, что он никогда не воспользуется полученными миллионами... Так же, как и я, он никогда не покинет пещеры Бэк-Капа, ставшей нашей тюрьмой... Да!.. Я постараюсь вызвать в нем чувство человечности, опишу несчастья, в которых он будет виновен, если откроет свою последнюю тайну...

Тут нить моих размышлений оборвалась, ибо кто-то с силой схватил меня сзади.

Двое людей крепко держали меня за руки, в то время как третий вырос передо мной.

Я хотел было позвать на помощь.

— Ни звука! — сказал по-английски незнакомец. — Вы Симон Харт?..

— Откуда вы меня знаете?..

— Я видел, как вы вышли из своей комнаты...

— Кто вы?..

— Лейтенант британского военного флота Дэвон, с корабля «Стэндард», стоящего в Бермудах.

Я задыхался от волнения, не мог выговорить ни слова.

— Мы прибыли, чтобы вырвать вас из рук Кера Каррадже и увезти вместе с вами французского изобретателя Тома Рока... — пояснил лейтенант Дэвон.

— Тома Рока?.. — пробормотал я.

— Да... Подписанный вами документ был подобран на берегу возле Сент-Джорджеса...

— В бочонке, лейтенант Дэвон?.. Я бросил его в это озерко...

— Да, из вложенной в него записки мы узнали, что островок Бэк-Кап стал пристанищем Кера Каррадже и

его шайки... Кер Каррадже, мнимый граф д'Артигас, совершил двойное похищение в Хелтфул-Хаусе...

— Ах, лейтенант Дэвон...

— Не будем терять ни минуты... Надо воспользоваться темнотой...

— Одно слово, лейтенант Дэвон... Как вы проникли в глубину Бэк-Капа?..

— На подводной лодке «Суорд», уже полгода находящейся на испытании в Сент-Джорджесе...

— На подводной лодке?..

— Да, она ждет нас у подножия скалы.

— Ждет... здесь!.. — повторил я.

— Но скажите, господин Харт, где буксир Кера Каррадже?..

— Ушел в плавание... вот уже три недели...

— Кер Каррадже не в Бэк-Капе?..

— Нет... но должен вернуться со дня на день, с часу на час...

— Впрочем, не все ли равно, — ответил лейтенант Дэвон. — Речь идет не о Кере Каррадже... Нами получен приказ увезти Тома Рока... и вас, господин Харт... «Суорд» не уйдет из этого озера, не захватив вас обоих... Если я не вернусь в Сент-Джорджес, там поймут, что я потерпел неудачу... и предпримут новую попытку.

— Но где же «Суорд», лейтенант?..

— С этой стороны... под защитой берега, там его не видно. Благодаря вашим указаниям мы без труда нашли подводный туннель... «Суорд» благополучно миновал его... Десять минут назад он всплыл на поверхность озера... Взяв с собой двух людей, я сошел на берег... Я видел, как вы вышли из комнаты, обозначенной на вашем плане... Знаете ли вы, где Тома Рок?..

— В нескольких шагах отсюда... Он только что прошел в свою лабораторию...

— Да поможет нам бог, господин Харт!

— Вы правы, лейтенант Дэвон! Да поможет нам бог.

Лейтенант, двое матросов и я направились по тропинке, огибающей озеро. Пройдя шагов десять, мы заметили Тома Рока. Броситься на него, заткнуть ему рот кляпом, прежде чем он успел крикнуть, связать, прежде чем он сделал хотя бы одно движение, перенести его туда, где стоял на причале «Суорд», — все это заняло не больше минуты.

«Суорд» — подводная лодка водоизмещением не более двенадцати тонн, следовательно, она и по размерам и по мощности значительно уступает подводному буксиру Кера Каррадже. Две динамо-машины, питаемые током аккумуляторов, заряженных двенадцать часов назад в Сент-Джорджесе, приводят в движение ее гребной винт. Но как ни мала эта лодка, мы вполне можем выбраться на ней из нашей тюрьмы и вернуть себе свободу, ту самую свободу, на которую я уже перестал надеяться!.. Наконец Тома Рока удастся вырвать из рук Кера Каррадже и инженера Серкё!.. Теперь негодяи уже не воспользуются его изобретением!.. Ничто не помешает военным кораблям подойти к островку, произвести высадку, а их экипажи ворвутся в проход и возьмут в плен пиратов!..

Мы никого не встретили, пока двое матросов переносили Тома Рока. Затем все спустились по трапу «Суорда»... Крышка верхнего люка захлопнулась... Отсеки наполнились водой... Лодка ушла в глубину озера... Мы были спасены...

«Суорд» разделен на три части водонепроницаемыми

переборками. Первое помещение, предназначенное для аккумуляторов и двигателей, занимает пространство от среднего бимса до кормы. Второе, отведенное штурману, находится посредине судна; над ним торчит перископ с двояковыпуклыми стеклами, через которые проходят лучи электрического фонаря, освещая путь подводной лодке. Третье, носовое помещение, отвели Тома Року и мне.

Моего спутника освободили от душившего его кляпа, но, разумеется, оставили связанным, хотя он вряд ли понимал, что происходит.

Нам не терпелось скорее выйти в море, чтобы прибыть в Сент-Джорджес той же ночью, если не встретится никакого препятствия на пути...

Притворив за собой дверь, я вошел во второе помещение, где находились лейтенант Дэвон и рулевой.

В кормовом помещении трое людей, в том числе и механик, ожидали команды лейтенанта, чтобы пустить мотор.

— Лейтенант Дэвон, — сказал я, — мне кажется, Тома Рок вполне обойдется без меня... И если я могу быть вам полезен, чтобы найти вход в туннель...

— Да... оставайтесь подле меня, господин Харт.

Было тридцать семь минут девятого. Лучи электрического фонаря, проходя через перископ, смутно освещали водяную толщу перед «Суордом». От скалы, у которой мы стояли, следовало пересечь все озеро. Найти вход в туннель будет нелегко, но мы, конечно, преодолеем это затруднение. Мы отыщем подводный коридор, и довольно скоро, даже если придется обойти под водой всю пещеру. Затем, пройдя тихим ходом по туннелю,

чтобы не задеть его стенок, «Суорд» поднимется на поверхность моря и направится в Сент-Джорджес.

— Как глубоко мы опустились? — спросил я лейтенанта.

— На четыре с половиной метра.

— Не стоит опускаться ниже, — сказал я. — По наблюдениям, сделанным мною во время равноденствия, мы находимся как раз против оси туннеля.

— Прекрасно! — ответил лейтенант.

— Да, прекрасно. — И мне показалось, что само провидение глаголет устами офицера... В самом деле, провидение не могло бы избрать лучшего исполнителя своей воли.

Я внимательно посмотрел на лейтенанта при свете фонаря. Это человек лет тридцати, сдержанный, спокойный, решительный — настоящий английский офицер со своей словно врожденной невозмутимостью. Он, по-видимому, не более взволнован, чем если бы находился на борту «Стэндарда», и действует с необыкновенным хладнокровием, я бы сказал даже — с четкостью механизма.

— Проходя через туннель, — заметил лейтенант, — я определил его длину — метров сорок...

— Да... от одного конца до другого, лейтенант Дэвон, метров сорок, не больше.

Очевидно, это определение правильно, ибо ход, пробитый в скале, имеет около тридцати метров в длину.

Механику отдали приказ включить мотор. «Суорд» двинулся вперед очень медленно, чтобы не натолкнуться на подводную скалу.

Порой «Суорд» так близко подходил к берегу озера, что тот стеной надвигался на нас, смутно чернея впер-

ди в лучах судового фонаря. Поворот руля тотчас же изменял направление. Но если управлять подводной лодкой трудно в открытом море, то насколько осложняется эта задача в маленьком озере!

Прошло пять минут, но «Суорд», плывший на глубине четырех-пяти метров, еще не достиг отверстия туннеля.

— Лейтенант Дэвон, — предложил я тогда, — не лучше ли нам подняться на поверхность, чтобы легче было определить, где находится туннель?

— Согласен, господин Харт, и если вы можете точно указать это место...

— Могу.

— Отлично.

Из предосторожности электрический фонарь был выключен, и подводные глубины погрузились во мрак. По приказанию лейтенанта механик пустил в ход насосы, и «Суорд», освободившись от воды, начал медленно подниматься.

Я остался в кабине штурмана, чтобы осмотреться и определить наше положение сквозь стекла перископа.

Наконец «Суорд» остановился, его корпус выступал над водой не более чем на фут.

При свете лампы, висевшей на берегу, я узнал Улей.

— Где мы?.. — спросил лейтенант Дэвон.

— Мы взяли слишком к северу... Туннель в западной стене пещеры.

— На берегу никого нет?

— Ни души.

— Тем лучше, господин Харт. Мы останемся на поверхности. Затем, когда, по вашим расчетам, «Суорд» подойдет к туннелю, я прикажу погружаться...

Действительно, это было лучшее решение. Штурман

отвел подводную лодку от берега, к которому мы слишком приблизились, и направил прямо к туннелю. Для этого достаточно было слегка повернуть румпель, и, движимый гребным винтом, «Суорд» взял нужное направление.

Когда судно было метрах в десяти от западной стены пещеры, я скомандовал остановиться. Как только подача тока прекратилась, «Суорд» замер на месте. Краны были открыты, резервуары наполнились водой, и лодка стала медленно погружаться.

Включили фонарь перископа, и он осветил на темном фоне стены какой-то черный круг, не отражавший его лучей.

— Вот... вот туннель! — воскликнул я.

Неужели эта дверь выведет меня из темницы?.. Ведь там в открытом море меня ждет свобода!..

«Суорд» медленно приближался к отверстию туннеля...

Боже, какое ужасное несчастье! И как я выдержал такой удар судьбы?.. Как сердце мое не разбилось?..

Неясный свет мелькнул сквозь толщу воды метрах в двадцати перед нами в глубине туннеля. Он двигался прямо на нас. Это могло быть только одно: фонарь подводной лодки Кера Каррадже.

— Буксир!.. — крикнул я. — Лейтенант... буксир возвращается в Бэк-Кап!..

— Ход назад! — скомандовал лейтенант Дэвон.

И «Суорд» подался назад в тот миг, когда он должен был войти в туннель.

Еще оставалась надежда на спасение: лейтенант быстро выключил фонарь, и капитан Спаде с матросами могли не заметить «Суорда»... Быть может, они пройдут

мимо... Быть может, наше судно сольется с темной массой воды... Быть может, с буксира не увидят его?.. А когда подводная лодка Кера Каррадже станет у причала, «Суорд» продолжит свой путь и незаметно проскользнет в туннель...

Гребной винт «Суорда» завертелся в обратном направлении, мы отошли к южному берегу пещеры... Еще несколько мгновений, и «Суорду» останется только выключить мотор...

Нет!.. Капитан Спаде заметил подводную лодку, собиравшуюся проникнуть в туннель, и отдал приказ преследовать ее в глубине озера... Выдержит ли наша хрупкая лодка нападение мощного подводного буксира Кера Каррадже?..

Тут лейтенант Дэвон обратился ко мне:

— Возвращайтесь к Тома Року, господин Харт... Закройте за собой дверь, а я запру дверь, ведущую в кормовое отделение... Если на нас нападут, «Суорд», возможно, не затонет благодаря этим водонепроницаемым переборкам...

Пожав руку лейтенанту, сохранившему все свое хладнокровие перед лицом грозной опасности, я вернулся в носовое отделение, где оставался Тома Рок... Закрыв дверь и стал ждать в полной темноте.

Я ощущал или, точнее, угадывал маневры «Суорда», пытавшегося уклониться от встречи с буксиром; он то устремлялся вперед, то кружил на месте, то опускался. Иногда он делал резкий поворот, чтобы избежать удара, иногда поднимался на поверхность озера или же уходил в самую его глубину. Пусть читатель попробует представить себе схватку этих двух подводных лодок, двигав-

шихся под взбаламученной поверхностью воды, словно два морских чудовища неравной силы и величины!

Прошло несколько минут... Я уже начал думать, что погоня прекратилась и «Суорд» миновал наконец туннель...

Но тут неожиданно произошло столкновение... Толчок не показался мне особенно сильным... Однако ошибиться было невозможно: «Суорд» атаквали с правого борта возле кормы... Но выдержал ли удар его стальной корпус?.. А если нет, то вода залила, быть может, лишь одно помещение?

Почти тотчас же второй удар отбросил нас в сторону, на этот раз с огромной силой. Нападающее судно приподняло своим тараном «Суорд», и тот, словно треснув пополам, стал опускаться все ниже и ниже. Затем я почувствовал, что нос судна поднялся, и оно камнем пошло ко дну под тяжестью воды, заполнившей его кормовой отсек...

Внезапно Тома Рок и я полетели друг на друга, не успев ухватиться за переборку. Наконец последовал еще один толчок, раздался треск пробитой металлической обшивки, «Суорд» лег на дно и застыл в полной неподвижности...

Что произошло потом?.. Не знаю, так как потерял сознание.

Я узнал впоследствии, что долгие часы пробыл без чувств. Помню лишь последнюю мысль, мелькнувшую у меня в голове:

«Пусть я умру, но, по крайней мере, Тома Рок и его тайна умрут вместе со мной... и пираты Бэк-Капа не уйдут от возмездия за свои преступления!»

ГЛАВА 15

Ожидание

Придя в себя, я увидел, что лежу на койке в своей комнате, где, оказывается, нахожусь уже целых тридцать часов.

Я не один. Возле меня сидит инженер Серкё. По его приказанию мне была оказана необходимая помощь, больше того, он сам ухаживал за мной — не как за другом, полагаю, а как за человеком, от которого ждут важных разоблачений с тем, чтобы потом отделаться от него, если того потребуют интересы шайки пиратов.

Я еще очень слаб и не могу встать на ноги. Ведь я чуть не задохнулся в тесном помещении «Суорда», погребенного на дне озера. В состоянии ли я отвечать на вопросы, которые инженеру Серкё не терпится мне задать?.. Да... но надо быть начеку.

Прежде всего мне хотелось бы знать, что случилось с лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда». Неужели храбрые англичане погибли во время столкновения?.. Или же они остались целы и невредимы, как и мы, ибо я полагаю, что Тома Рок тоже уцелел после двух столкновений буксира с «Суордом»?..

— Объясните мне, что произошло, господин Харт? — задает первый вопрос инженер Серкё.

Я тут же решаю, что лучше всего не отвечать, а самому задавать вопросы.

— Что с Тома Роком? — спрашиваю я.

— Он в добром здоровье, господин Харт... Что же произошло?.. — настойчиво повторяет он.

— Прежде всего скажите мне, — говорю я, — что случилось с ними... с теми?..

— С кем это?.. — переспрашивает инженер Серкё, бросая на меня подозрительный взгляд.

— С людьми, которые накинулись на меня, на Тома Рока... связали нас... потащили куда-то... заперли... Куда? Зачем? Я так и не понял.

По зрелом размышлении я решил, что самое лучшее — утверждать, будто в тот вечер я подвергся неожиданному нападению и не успел ни разглядеть нападавших, ни понять, куда они меня притащили.

— Вы скоро узнаете, что случилось с этими людьми... — отвечает инженер Серкё. — Но прежде объясните, как все произошло...

По угрожающему тону его голоса, когда он в третий раз повторяет тот же вопрос, я догадываюсь, в чем меня подозревают. Однако у него нет никаких оснований обвинять меня в связи с внешним миром, ведь бочонок с моей запиской не попал в руки Кера Каррадже... Нет, этого несчастья не случилось: бочонок был передан бермудским властям... Значит, такое обвинение не имеет под собой никакой почвы.

Поэтому я ограничиваюсь следующим рассказом: накануне, около восьми часов вечера, я прогуливался по берегу озера, где встретил Тома Рока, направлявшегося в лабораторию. Неожиданно трое людей накинулись на меня сзади. Заткнув мне рот кляпом и завязав глаза, они куда-то потащили меня; спустили в какую-то дыру вместе с другим человеком; он все время стонал, и я узнал по голосу своего бывшего подопечного... Мне пришло в голову, что мы находимся на борту какого-то судна... очевидно, это был буксир, вернувшийся из плавания... Затем мне показалось, что он ушел под воду... Вдруг от сильного толчка я упал навзничь, куда-то провалился,

стал задыхаться... и вскоре потерял сознание... Больше я ничего не помню...

Инженер Серкё слушает меня с величайшим вниманием, глаза его смотрят сурово, лоб нахмурен, хотя у него нет никаких оснований усомниться в моих словах.

— Вы утверждаете, что на вас напали три человека?.. — спрашивает он.

— Да... и я подумал, что это ваши люди... Я не видел, как они подошли... Кто они?

— Иностранцы, которых вы, очевидно, узнали по говору?

— Они не произнесли ни слова.

— Вы не знаете, кто они по национальности?..

— Не знаю.

— Вам не известно, с какими намерениями они проникли в пещеру?

— Понятия не имею.

— А что вы об этом думаете?

— Что думаю, господин Серкё?.. Повторяю, я решил, что двум или трем вашим пиратам было поручено бросить меня в озеро по приказанию графа д'Артигаса... что такая же участь ожидает и Тома Рока... что, овладев, по вашим же словам, всеми тайнами изобретателя, вы желали отделаться от нас обоих...

— Неужели, господин Харт, такая мысль могла прийти вам в голову?.. — спрашивает инженер Серкё, но без своей обычной иронии.

— Да... но я тут же отказался от нее. В самом деле, сбросив повязку, я увидел, что нахожусь в одном из отделений буксира.

— То был не буксир, а похожая на него подводная лодка, она проникла сюда через туннель...

— Подводная лодка?! — восклицаю я.

— Да... и в ней были люди, получившие приказ похитить вас и Тома Рока...

— Похитить нас? — повторяю я, продолжая разыгрывать крайнее изумление.

— А теперь, — говорит инженер Серкё, — скажите, что вы думаете обо всем этом?

— Что я думаю?.. По-моему, здесь может быть только одно объяснение. Если тайна вашего убежища не была открыта — я не допускаю возможности предательства или неосторожности со стороны кого-нибудь из ваших товарищей, — то все произошло совершенно случайно: подводная лодка, находясь в пробном плавании поблизости от островка, неожиданно обнаружила вход в туннель. Пройдя через него, она поднялась на поверхность озера. Экипаж лодки, очень удивленный тем, что очутился в пещере, да еще населенной, захватил первых попавшихся обитателей... Тома Рока... меня... других, быть может... ведь я не знаю...

Инженер Серкё угрюмо смотрит на меня. Чувствует ли он всю неправдоподобность гипотезы, которую я стараюсь ему внушить? Подозревает ли, что я знаю больше, чем хочу сказать?.. Как бы то ни было, он делает вид, что соглашается со мной, и добавляет:

— Вероятно, все так и случилось, как вы говорите, господин Харт. Когда же чужое судно подошло к туннелю, в нем появился наш подводный буксир, и произошло столкновение... столкновение, которое и погубило пришельцев. Но мы не такие люди, чтобы покинуть своих ближних в беде... К тому же ваше исчезновение с Тома Роком было почти тотчас же обнаружено... Следовало во что бы то ни стало спасти две столь драгоценные

жизни. Мы принялись за дело. Среди наших людей есть прекрасные водолазы... Они спустились на дно озера... подвели тросы под корпус «Суорда»...

— «Суорда»? — переспрашиваю я.

— Да, мы прочли это название на носу судна, после того как подняли его на поверхность... Как мы обрадовались, найдя вас обоих, правда, без сознания, но еще живых, как были счастливы, когда удалось привести вас в чувство!.. К сожалению, офицеру, командовавшему «Суордом», и его экипажу уже не требовалась наша помощь... При столкновении судно получило две пробоины, вода залила кормовой и средний отсеки, и люди, находившиеся там, заплатили жизнью... за случайность, которая, по вашим словам, привела их в наше тайное убежище.

При известии о смерти лейтенанта Дэвона и его спутников сердце мое болезненно сжалось. Но мне надо держать себя в руках, оставаться верным своей роли. Ведь этих людей я не знал... не мог знать... Главное, не дать никакого повода заподозрить себя в связях с командиром «Суорда». Ведь неизвестно, действительно ли инженер Серкё считает случайностью появление «Суорда» в пещере и нет ли у него тайных причин, чтобы соглашаться до поры до времени с придуманным мною объяснением?

Итак, неожиданная возможность вырваться на свободу потеряна... повторится ли еще раз такая удача? Во всяком случае, теперь стало известно, кто такой граф д'Артигас и чего следует опасаться со стороны Кера Каррадже, ведь моя записка попала в руки английских властей на Бермудских островах. Как только выяснится, что «Суорд» не вернулся из плавания, будут приняты

новые меры против островка Бэк-Кап, откуда мне, конечно, удалось бы бежать, если бы не это злосчастное совпадение — встреча подводного буксира с «Суордом» в ту самую минуту, когда тот входил в туннель.

Я веду свой прежний образ жизни и, не внушая ни малейшего недоверия, свободно разгуливаю по пещере.

Последнее происшествие не имело дурных последствий для Тома Рока. Умелый уход спас ему жизнь так же, как и мне. В полном расцвете сил и таланта, изобретатель вновь принялся за работу и проводит целые дни в лаборатории.

Из своего недавнего путешествия «Эбба» привезла какие-то тюки, ящики, множество вещей с клеймами различных стран. Очевидно, за последнюю экспедицию пираты ограбили немало судов.

Работы по изготовлению установок для пуска снарядов идут полным ходом. Количество снарядов уже доходит до пятидесяти. Если бы Кер Каррадже и инженер Серкё намеревались только преградить доступ к островку, им бы вполне хватило трех-четырёх снарядов, чтобы поразить любой корабль, случайно подошедший на слишком близкое расстояние. Не собрались ли разбойники всерьёз оборонять Бэк-Кап после такого вполне резонного рассуждения:

«Если появление «Суорда» в водах озера дело случая, то в нашем положении ничто не изменилось, и ни одной державе, даже Великобритании, не придет в голову разыскивать «Суорд» под скалистым панцирем островка. Если же каким-то непонятным образом стало известно, что Бэк-Кап служит убежищем Керу Каррадже и прибытие сюда «Суорда» было только первой попыткой нападения на островок, то следует ожидать новых

действий: будь то обстрел или высадка. Тогда прежде, чем покинуть Бэк-Кап и перевезти в другое место наши богатства, следует использовать «фульгуратор Рок» в целях обороны».

По-моему, негодяи вполне могли развить эту мысль, задав себе ряд таких вопросов:

«Нет ли прямой связи между раскрытием тайны Бэк-Капа, как бы оно ни произошло, и двойным похищением из Хелтфул-Хауса?.. Известно ли, что Тома Рок и его служитель заключены в пещере Бэк-Капа?.. Известно ли, что это похищение было совершено в интересах пирата Кера Каррадже?.. Подозревают ли американцы, англичане, французы, немцы, русские, что всякая попытка взять островок штурмом заранее обречена на провал?»

Ответив утвердительно на эти вопросы, Кер Каррадже должен понять, что, как бы велика ни была опасность, от нападения на Бэк-Кап никто не откажется. Необходимость уничтожить этот пиратский притон диктуется интересами высшего порядка — долгом человеколюбия и заботой об общественном благе. Прежде корсар Кер Каррадже и его сообщники разбойничали в западной части Тихого океана, теперь они опустошают западную часть Атлантического океана... Надо любой ценой покончить с морскими разбойниками!

Во всяком случае, обитатели пещеры Бэк-Капа должны быть настороже, даже если их опасения преувеличены. Действительно, отныне они организовали строжайшую охрану островка. Благодаря новому ходу пираты могут нести караульную службу на морском берегу, не пользуясь подводным туннелем. Смены по двенадцать человек день и ночь наблюдают за горизонтом, спрятав-

шись за низкими прибрежными скалами. Появление корабля, приближение к островку даже небольшой лодки будет тотчас же замечено.

Ничего нового не случилось за эти дни, которые чередуются с убийственным однообразием. Однако в колонии Бэк-Капа нет прежней уверенности. В ней царит какое-то неясное гнетущее беспокойство. Пираты боятся, что с морского побережья каждую минуту может раздаться крик: «Тревога! Тревога!» После случая с «Суордом» положение сильно изменилось. Вот почему в Англии и других цивилизованных странах люди должны навек сохранить память о храбром лейтенанте Дэвоне и о его отважных матросах, пожертвовавших жизнью ради блага человечества!

Несмотря на мощные средства обороны, гораздо более надежные, чем любое минное заграждение, Кер Каррадже, инженер Серкё и капитан Спаде, по-видимому, находятся в сильной тревоге, которую напрасно пытаются скрыть. Вот почему они так часто совещаются между собой. Не собираются ли злодеи покинуть Бэк-Кап, захватив с собой все награбленные богатства? Ведь если убежище пиратов обнаружено, их рано или поздно уничтожат или возьмут измором.

Достоверно мне ничего не известно. Главное же, никому даже в голову не приходит, что я мог переправить через туннель бочонок с запиской, по воле провидения подобранный на Бермудских островах. Ни разу — подчеркиваю это — инженер Серкё не намекнул мне на такую возможность. Нет! Никто меня не подозревает, более того, я даже не кажусь им подозрительным. В противном случае меня уж давно отправили бы вслед за лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда» на дно

озерка — я достаточно хорошо знаю характер графа д'Артигаса, чтобы не сомневаться в этом.

Теперь под здешними широтами ежедневно свирепствуют сильнейшие зимние бури. Штормы дико завывают над скалистой вершиной островка.

Резкие порывы ветра проносятся среди известняковых колонн, наполняя пещеру странным гулом, напоминающим звуки гигантского органа. Временами вой ветра достигает такой силы, что вполне мог бы покрыть залпы целой эскадры. Спасаясь от непогоды, множество морских птиц залетают в пещеру и в редкие минуты затишья оглушают нас своими резкими криками.

В такую злую непогоду шхуна не могла бы выйти в море. Впрочем, в этом нет никакой надобности, так как колония Бэк-Капа обеспечена до весны всем необходимым. Полагаю, кроме того, что граф д'Артигас поостережется разъезжать теперь на своей «Эббе» вдоль американского побережья, где ему, пожалуй, не окажут почестей, подобающих богатому и знатному иностранцу, а устроят встречу, достойную пирата Кера Каррадже!

Да, если появление «Суорда» было началом кампании, предпринятой против островка во имя закона и общественной безопасности, то теперь, по-моему, перед колонией Бэк-Капа должен встать один чрезвычайно важный вопрос.

И вот однажды я решился выведать мнение инженера Серкё на этот счет, но крайне осторожно, чтобы не возбудить подозрений.

Мы прогуливались поблизости от лаборатории Тома Рока. Разговор длился уже несколько минут, когда инженер Серкё упомянул о необъяснимом появлении в озерке английской подводной лодки. На этот раз, как

мне показалось, он склонялся к мысли, что действия «Суорда» были направлены против шайки Кера Каррадже.

— Я не согласен с вами, — отвечаю я, желая навести разговор на интересующий меня вопрос.

— Почему же?..

— Потому что, будь ваше убежище известно, вскоре последовала бы новая попытка проникнуть в пещеру или уничтожить Бэк-Кап.

— Уничтожить!.. — восклицает инженер Серкё. — Уничтожить островок!.. Это было бы безумием при тех средствах обороны, которыми мы располагаем.

— Но о них никто не знает, господин Серкё. Ни в Старом, ни в Новом Свете не известно, что похищение из Хелтфул-Хауса дело ваших рук... что вам удалось договориться с Тома Роком и купить его изобретение...

Инженер Серкё ничего не возражает на это замечание, на которое, впрочем, нечего возразить.

— Итак, — продолжаю я, — эскадра, посланная морскими державами, заинтересованными в уничтожении островка, без колебания приблизилась бы к нему... засыпала бы его снарядами... Раз этого до сих пор не случилось, значит, и не случится — по-видимому, о Кере Каррадже ничего не известно... Согласитесь, такое предположение как нельзя более вам на руку...

— Согласен, — отвечает инженер Серкё, — однако чему быть, того не миновать. Известно им это или нет, но стоит военным кораблям приблизиться на четыре-пять миль к островку, и они пойдут ко дну, не успев даже открыть огонь из своих орудий!

— Согласен, — говорю я в свою очередь, — ну, а потом?..

— Потом?.. По всей вероятности, другие не осмелятся повторить попытку...

— Пусть так! Но тогда корабли могут окружить вас за пределами поражаемого пространства, а «Эбба» не войдет больше ни в один из тех портов, где бывала раньше как яхта графа д'Артигаса!.. Как же вы обеспечите в таком случае снабжение островка?

Инженер Серкё молчит.

Этот вопрос, очевидно, давно волнует его, но ответа на него он так и не нашел... Мне кажется, что пираты надумали покинуть Бэк-Кап...

Между тем Серкё чувствует, что мне удалось припереть его к стене, и, не желая признаться в этом, говорит:

— У нас еще останется подводный буксир, и он заменит шхуну...

— Подводный буксир!.. — восклицаю я. — Но если известны тайны Кера Каррадже, то надо думать, известно и о существовании подводной лодки графа д'Артигаса.

Инженер Серкё подозрительно смотрит на меня.

— Господин Симон Харт, — говорит он, — мне кажется, вы заходите слишком далеко в своих умозаключениях...

— Я, господин Серкё?..

— Да... и я нахожу, что вы говорите обо всем этом как человек, знающий больше, чем следует!

Тут я сразу прикусил язык. Мои рассуждения, очевидно, навели собеседника на мысль, что я как-то причастен к последним событиям. Инженер Серкё не спускает с меня глаз, он сверлит меня своим горящим взглядом, старается проникнуть в мозг...

Однако я не теряю самообладания и совершенно спокойно отвечаю:

— Видите ли, господин Серкё, я по специальности инженер и привык логично рассуждать обо всех явлениях жизни. Вот почему я сообщил вам выводы, к которым пришел. А принять или не принять их в расчет, это уж ваше дело.

На этом мы расстались. Но я был слишком неосторожен и мог навлечь на себя подозрения, которые нелегко будет рассеять...

Из этого разговора я все же вынес ценное сведение: пространство, поражаемое «фульгуратором Рок», достигает четырех-пяти миль... Не бросить ли мне, когда наступит весеннее равноденствие... еще один бочонок с запиской?.. Однако надо ждать долгие месяцы, прежде чем отлив обнажит верхнюю часть туннеля!.. Да и дойдет ли по назначению вторая записка так же удачно, как и первая?..

Непогода продолжается. Шквалы налетают с неистовой силой — явление, обычное в зимнее время на Бермудских островах. Наверно, разбушевавшееся море и задерживает поход против Бэк-Капа... Ведь лейтенант Дэвон сказал, что в случае неудачи будет предпринята другая, более серьезная попытка покончить с разбойничьим притоном. Рано или поздно дело правосудия должно свершиться, и островок Бэк-Кап будет уничтожен... пусть даже мне не суждено пережить этого возмездия!

Как обидно, что я не могу выйти хотя бы на минуту из пещеры и вдохнуть полной грудью живительный воздух океанских просторов!.. Увы, я лишен возможности окинуть взором далекий морской горизонт!.. Всеми силами души я хочу лишь одного: проскользнуть в проход, выбраться на побережье, спрятаться среди скал... Кто

знает, не я ли первый увидел бы тогда дымки эскадры, идущей к островку?..

К несчастью, это желание неосуществимо, ибо часы стоят день и ночь у обоих концов туннеля. Никто не может войти в него без разрешения инженера Серкё. Если я попытаюсь сделать это, меня запрут в Улье, а может быть, и того хуже...

Мне кажется в самом деле, что после нашей последней беседы инженер Серкё переменялся ко мне. Его насмешливый взгляд стал теперь недоверчивым, подозрительным, испытующим и таким же жестким, как взгляд Кера Каррадже!

Семнадцатое ноября. Сегодня во второй половине дня в Улье неожиданно поднялся ужасный переполох. Пираты выбегают из комнат... отовсюду несутся крики.

Я вскакиваю со своей койки и поспешно выхожу на берег озера.

Все бегут к проходу в стене, около него стоят Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде, боцман Эфрондат, механик Гибсон и малаец, находящийся в услужении у графа д'Артигаса.

Нетрудно догадаться, чем вызвана вся эта суеда, ибо стража вбегает в пещеру с криками «тревога!».

На северо-западе замечены военные корабли, они полным ходом идут к Бэк-Капу.

ГЛАВА 16

Еще несколько часов

Как потрясла меня эта новость, какое невыразимое волнение охватило все мое существо!.. Развязка прибли-

жается, я это чувствую... Только бы она соответствовала требованиям цивилизации и гуманности!

До сих пор я вел свой дневник день за днем. Теперь следует записывать события час за часом, минута за минутой. Как знать, не откроет ли мне Тома Рок своей последней тайны, не удастся ли убедить его в том, что это необходимо?.. Если мне суждено погибнуть во время нападения на остров, дай бог, чтобы на моем трупе нашли дневник об этих пяти месяцах заточения в пещере Бэк-Капа!

Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде и несколько других пиратов немедленно заняли наблюдательные посты на побережье островка. Чего бы я не дал, чтобы иметь возможность последовать за ними, спрятаться между скалами, следить за кораблями, замеченными в открытом море...

Час спустя Кер Каррадже возвращается с товарищами в Улей, оставив на берегу человек двадцать наблюдателей. В это время года дни очень коротки, и до завтрашнего утра пиратам, по-видимому, нечего опасаться. Кроме того, зная о средствах обороны Бэк-Капа, осаждающие вряд ли помышляют о высадке и не отважатся на ночной штурм.

Вплоть до вечера шли работы по размещению установок для пуска снарядов. Шесть штук перенесли по проходу, пробитому в стене, и поставили в различных точках побережья.

После этого инженер Серкё зашел в лабораторию Рока. Не хочет ли он сообщить изобретателю о том, что происходит... сказать ему, что к Бэк-Капу приближается эскадра... убедить его использовать фульгуратор для обороны островка?..

Ясно одно: штук пятьдесят снарядов, заряженных взрывчатым веществом, благодаря которому их траектория намного превосходит траекторию снарядов самых дальнобойных орудий, готовы совершить свое разрушительное дело.

Кроме того, Тома Рок изготовил несколько склянок воспламенителя и, я уверен, не откажется помочь шайке Кера Каррадже!

Между тем наступила ночь. В пещере царит полумрак, так как сегодня горят только лампочки в комнатах Улья.

Я возвращаюсь к себе домой: сейчас мне лучше всего не попадаться на глаза пиратам. В этот час, когда эскадра приближается к Бэк-Капу, подозрения, внушенные мною инженеру Серкё, могут снова ожить...

Но не изменят ли направления замеченные в море корабли? Не пройдут ли они мимо Бермудских островов и не скроются ли за горизонтом?.. Сомнение на миг закрадывается мне в душу... Нет... нет!.. К тому же по пеленгу, взятому капитаном Спаде — он сам только что сказал об этом, — корабли остались в виду островка.

Какой стране они принадлежат?.. Быть может, англичане сами снарядили эту экспедицию, чтобы отомстить за гибель «Суорда»... А возможно, к ним присоединились и корабли других стран. Я ничего не знаю... ничего не могу знать!.. Да и не все ли равно?.. Важно одно: этот разбойничий притон должен быть уничтожен, пусть даже я погибну под развалинами или же паду геройской смертью, как доблестный лейтенант Дэвон и его отважный экипаж!

Приготовления к обороне ведутся планомерно, хладнокровно, под наблюдением инженера Серкё. Видимо,

пираты убеждены в том, что им удастся потопить нападающих, как только те вступят в поражаемую зону. Их вера в «фульгуратор Рок» непоколебима. Злодеи считают, что корабли бессильны против них, и не думают ни о грозящих им опасностях, ни о будущих трудностях.

По моим предположениям, установки для пуска снарядов должны быть размещены в северо-западной части побережья, но направлены в разные стороны, чтобы снаряды летели на север, на запад и на юг. Что касается восточной части островка, то, как известно, она защищена подводными скалами, которые тянутся до ближайших островов архипелага.

Около девяти часов вечера я решаюсь выйти из своей камеры. Вряд ли на меня обратят внимание, и, быть может, я незаметно проберусь среди сгустившейся темноты. Если бы только мне удалось проскользнуть в туннель, выбраться на берег моря, спрятаться за какой-нибудь скалой!.. Просидеть там до рассвета!.. А почему бы нет? Ведь Кера Каррадже, инженера Серкё, капитана Спаде и остальных пиратов нет в пещере: они заняли наблюдательные посты на морском берегу!..

Вокруг озера ни души, но вход в туннель охраняет малаец графа д'Артигаса. Все же я выхожу из Улья и без определенной цели направляюсь к лаборатории изобретателя. Я думаю только о Тома Роке, о моем соотечественнике!.. Я все больше убеждаюсь в том, что ему ничего не известно о появлении эскадры вблизи островка Бэк-Кап. Очевидно, инженер Серкё лишь в последнюю минуту поставит его перед необходимостью совершить акт жестокой мести...

Тогда меня внезапно осеняет мысль: я должен сказать Тома Року об ответственности, которую он берет на

себя; в последний решающий час открыть ему, кто эти люди, заставляющие его выполнять свои преступные планы...

Да... я попытаюсь... и да поможет мне бог тронуть эту душу, восставшую против людской несправедливости, и пробудить в ней заглохшую любовь к родине!

Тома Рок работает в лаборатории. По всей вероятности, он один, так как никого не допускает к себе, когда занят приготовлением своего воспламенителя...

Я решительно направляюсь к лаборатории и, проходя по берегу озера, замечаю, что буксир по-прежнему стоит на причале у небольшого мола.

Добравшись до места, я решаю из предосторожности проскользнуть между первыми рядами известняковых колонн, чтобы приблизиться к лаборатории сбоку; таким образом я заранее увижу, нет ли там кого-нибудь, кроме Тома Рока.

Как только я углубился под темные своды пещеры, яркий свет блеснул над озерком. Это горит электрическая лампочка в лаборатории, и лучи ее падают сквозь узкое оконце, пробитое в фасаде здания.

За исключением этой светлой точки, весь южный берег погружен во мрак, тогда как на противоположной, северной стороне слабо светятся окна Улья. Наверху, в широком отверстии свода, над темной водой озера тихо мерцают звезды. Небо чисто, буря улеглась, порывы ветра не проникают более в пещеру Бэк-Капа.

Подойдя к лаборатории, я крадусь вдоль стены, приподнимаюсь, заглядываю в окно и вижу Тома Рока...

Изобретатель один. Голова его ярко освещена. Морщины на лбу стали глубже. Лицо немного осунулось, но во всем его облике чувствуется спокойствие и полное

самообладание. Нет, передо мной уже не помешанный из флигеля № 17 Хелтфул-Хауса! Неужели он совсем выздоровел и теперь нечего опасаться, что его разум снова помутится во время одного из припадков?..

Тома Рок только что положил на полку две стеклянные трубки, а третью держит в руке. Он рассматривает на свет наполняющую ее прозрачную жидкость.

Меня охватывает страстное желание ворваться в лабораторию, схватить эти склянки, разбить их... Но ведь ученый успеет приготовить новую порцию жидкости!.. Лучше поступить так, как я решил раньше.

Я открываю дверь, вхожу.

— Тома Рок!.. — говорю я.

Он ничего не видит, не слышит. Я повторяю:

— Тома Рок!..

Изобретатель поднимает голову, оборачивается, смотрит на меня...

— Ах, это вы, Симон Харт!.. — отвечает он спокойно, даже равнодушно.

Значит, Тома Рок знает мое настоящее имя. Инженер Серкё, видно, не преминул сообщить ему, что в Хелтфул-Хаусе за ним ухаживал не слуга Гэйдон, а Симон Харт.

— Вы знаете?.. — спрашиваю я.

— Да, и не только это, мне известно также, с какой целью вы выполняли обязанности смотрителя!.. Да! Вы надеялись выманить хитростью тайну, за которую ни одно правительство не хотело мне заплатить настоящую цену!

Тома Рок знает, кто я, и, пожалуй, это лучше, принимая во внимание то, что я собираюсь ему сообщить.

— Итак, ваша затея не удалась, Симон Харт, а что до

этой жидкости, — продолжает он, встряхивая стеклянную трубочку, — никто еще ничего не узнал... и не узнает!

Как я и подозревал, Тома Рок не открыл состава своего воспламенителя!..

Глядя ему прямо в глаза, я отвечаю:

— Вы знаете, кто я, Тома Рок... Но известно ли вам, у кого вы находитесь?..

— Я здесь у себя! — кричит он.

Так вот что ему внушил Кер Каррадже!.. В Бэк-Капе изобретатель считает себя дома... Он думает, что богатства, собранные в пещере, принадлежат ему. Если на Бэк-Кап готовится нападение, то это для того, чтобы украсть его сокровища... он будет их защищать... он имеет на это право!

— Тома Рок, выслушайте меня... — продолжаю я.

— Что вам нужно, Симон Харт?..

— Эту пещеру, куда нас с вами привезли, занимает шайка пиратов...

Тома Рок не дает мне договорить — не знаю даже понял ли он меня, — и заявляет с горячностью:

— Повторяю, все собранные тут сокровища — цена моего изобретения... Они принадлежат мне... За «фульгуратор Рок» эти люди мне заплатили все, что я пожелал. А ведь мне всюду отказали... даже в моей собственной, да и в вашей стране... теперь я не дам себя ограбить!

Что можно ответить на эти безрассудные слова?.. Но я не сдаюсь.

— Тома Рок, — спрашиваю я, — помните ли вы Хелтфул-Хаус?

— Хелтфул-Хаус?.. Куда меня заперли, поручив слу-

жителю Гэйдону шпионить за мной... похитить мою тайну...

— Я никогда не думал лишить вас плодов вашего труда, Тома Рок... Я ни за что бы не взялся за такое дело... Но вы были больны... ваш разум помутился... такое изобретение не должно было погибнуть. Поверьте... Если бы во время припадка вы выдали свою тайну, вам одному достались бы деньги и слава!

— Неужели, Симон Харт? — презрительно отвечает Тома Рок. — Деньги и слава... вы сообщаете мне об этом немного поздно!.. Вы, может быть, забыли, что меня заперли в сумасшедший дом... под предлогом безумия... да! под предлогом, так как разум никогда не покидал меня, ни на минуту, и вы сами можете в этом убедиться: взгляните только на все, что я создал с тех пор, как получил свободу...

— Свободу!.. Вы считаете, что вы свободны, Тома Рок!.. Ведь в стенах этой пещеры вы еще больше отрезаны от мира, чем в Хелтфул-Хаусе!

— Если человек живет у себя дома, — возражает Тома Рок, и от гнева голос его звучит все громче, — он может уйти, уехать, когда ему заблагорассудится!.. Стоит мне сказать одно слово, и все двери откроются передо мной!.. Это жилище мое!.. Граф д'Артигас отдал мне Бэк-Кап в полное владение со всеми накопленными здесь богатствами!.. Горе тем, кто нападет на островок! У меня здесь есть чем встретить и уничтожить всех врагов до единого, Симон Харт!

И, говоря это, изобретатель лихорадочно размахивает стеклянной трубкой.

Тогда, не в силах больше сдерживать себя, я кричу:

— Граф д'Артигас обманул вас, Тома Рок, так же как

и многих других!.. Под этим именем скрывается опаснейший разбойник, потопивший множество кораблей в Тихом и Атлантическом океанах!.. Это закоренелый преступник... гнусный Кер Каррадже...

— Кер Каррадже! — повторяет Тома Рок.

Я спрашиваю себя: произвело ли это имя хоть какое-нибудь впечатление на изобретателя, напомнило ли оно ему все преступления знаменитого пирата? Во всяком случае, впечатление оказалось мимолетным.

— Я не знаю Кера Каррадже, — говорит Тома Рок, указывая мне на дверь. — Я знаю лишь графа д'Артигаса...

— Послушайте, Тома Рок, — продолжаю я, стараясь в последний раз убедить его, — граф д'Артигас и Кер Каррадже — одно и то же лицо!.. Да, этот человек купил у вас тайну изобретения, но лишь с одной целью: безнаказанно творить свои преступления и совершать все новые злодеяния. Да... главарь пиратов...

— Вы говорите «пираты»!.. — кричит Тома Рок, раздражение которого увеличивается по мере того, как мои доводы становятся убедительнее. — Пираты — это те, кто посмел преследовать меня даже в этом убежище, кто подослал сюда «Суорд»... Серкё мне все рассказал... Они хотели похитить из моего дома то, что принадлежит только мне... справедливую плату за мое изобретение...

— Нет, Тома Рок, пираты — те, кто заключил вас в пещере Бэк-Капа, кто хочет использовать ваш талант для своей обороны. Поверьте, они отделаются от вас, как только овладеют вашей тайной!

Тома Рок прерывает меня. По-видимому, он уже не слушает того, что я говорю... Он следит за нитью своих мыслей, а не моих: его преследует одно неотступное же-

лание, умело раздутое инженером Серкё, желание отомстить, в котором сказывается вся его ненависть.

— Бандиты — те, кто оттолкнул меня, не пожелав выслушать... — продолжает он, — эти люди дали мне испить до дна горькую чашу несправедливости... сколько раз они оскорбляли меня своим презрением и грубыми отказами... Они гнали меня из страны в страну, я же нес им непобедимость, превосходство, всемогущество!

Вот она, вечная история изобретателя, которого никто не хочет слушать; завистники и бездушные люди отказывают ему в средствах, необходимых для опытов, не желают платить требуемую сумму за изобретение... Да, правда, но я знаю также, сколько написано на этот счет нелепостей и преувеличений.

Собственно говоря, сейчас не время спорить с Тома Роком... Я понимаю одно: мои доводы не оказывают никакого влияния на эту ожесточенную душу, на это сердце, где после бесконечных разочарований скопилось столько ненависти, на этого несчастного человека, обманутого Кером Каррадже и его сообщниками!.. Открыв Тома Року подлинное имя графа д'Артигаса, разоблачив перед ним шайку пиратов во главе с Кером Каррадже, я надеялся вырвать изобретателя из-под их влияния, показать, на какое преступление его толкают... Я ошибся!.. Он мне не верит!.. Не все ли ему равно, как зовут этого человека — д'Артигас или Кер Каррадже!.. Разве не Тома Рок полновластный хозяин Бэк-Капа?.. Разве не он владеет всеми богатствами, накопленными здесь после двадцати лет убийств и грабежей?..

Я чувствую себя бессильным перед его глубокой нравственной слепотой, не знаю, как подойти к этому озлобленному человеку, как тронуть душу, не сознаю-

щую всей тяжести своей ответственности, и постепенно отступаю назад, к двери лаборатории. Мне остается только уйти... Будь что будет, я не властен предотвратить ужасную развязку, до которой осталось всего несколько часов.

К тому же Тома Рок больше не обращает на меня внимания... Должно быть, он уже забыл о моем существовании, забыл весь наш разговор. Он снова занялся своими опытами и не замечает меня...

Есть только одно средство предотвратить неизбежную катастрофу... Я должен броситься на Тома Рока... обезвредить его... ударить... убить... Да!.. убить. Это мое право... вернее, мой долг...

У меня нет оружия, но я вижу вон там на полке инструменты: резец, молоток... Почему бы мне не раздробить ему голову?.. Как только он будет убит, я разобью эти склянки, и изобретение погибнет вместе с изобретателем!.. Корабли подойдут к берегу... обстреляют Бэк-Кап из своих орудий... произведут высадку!.. Кер Каррадже и его сообщники будут уничтожены все до единого... Можно ли колебаться, если убийство одного человека даст возможность покарать стольких преступников?..

Я направляюсь к полке... Стальной резец лежит совсем близко... Протягиваю руку, чтобы взять его...

Тома Рок оборачивается.

Я опоздал... Последует борьба... А борьба не обойдется без шума... Крики будут услышаны... Поблизости бродят пираты... Я слышу, как скрипит песок на берегу под тяжестью чьих-то шагов... Мне остается только бежать, не то меня схватят...

И все же я пытаюсь в последний раз пробудить у изобретателя чувство патриотизма.

— Тома Рок, — говорю я ему, — близ островка появились корабли... Они собираются уничтожить этот притон пиратов!.. Быть может, на одном из них развевается французский флаг?..

Тома Рок смотрит на меня... Он не знал, что на Бэк-Кап готовится нападение, я первый сказал ему об этом... Он морщит лоб... взгляд его загорается...

— Тома Рок... неужели вы посмеете открыть огонь по флагу своей родины... по трехцветному флагу?

Изобретатель поднимает голову, лицо его нервно передергивается, он презрительно машет рукой.

— Как!.. вы выступите против своей родины?..

— У меня больше нет родины, Симон Харт! — восклицает он. — У отвергнутого изобретателя нет больше родины!.. Его отечество там, где он нашел себе приют! У меня хотят отнять все мое достояние... я буду защищаться... Горе... горе тому, кто посмеет напасть на меня!..

Он бросается к двери лаборатории и с шумом распаковывает ее.

— Вон!.. вон!.. — кричит он так громко, что его, вероятно, слышно на том берегу возле Улья.

Нельзя терять ни секунды, и я убегаю.

ГЛАВА 17

Один против пяти

Целый час я бродил под темными сводами Бэк-Капа, меж колонн, похожих на стволы деревьев, дошел до самого отдаленного конца пещеры. Сколько раз я искал здесь какой-нибудь ход, трещину, щель, чтобы выбраться на берег моря. Но все мои поиски были напрасны.

В моем теперешнем состоянии меня преследуют ка-

кие-то странные видения: стены пещеры становятся все массивнее, все толще... надвигаются на меня... грозят раздавить...

Сколько времени длилась эта галлюцинация?.. Не знаю.

Я очутился, сам того не ведая, возле Улья, против своей комнаты, где мне уже не найти ни отдыха, ни сна... Можно ли спать в таком лихорадочном волнении, спать, когда близится развязка драмы, грозившей затянуться на долгие годы...

Но какова будет эта развязка для меня?.. Чего мне ждать от нападения на Бэк-Кап, ведь я не помог атакующим, не обезвредил Тома Рока?.. Фульгуратор готов поразить неприятеля, едва лишь его корабли войдут в опасную зону, и все они погибнут, даже если снаряды и не попадут в них...

Как бы то ни было, я вынужден провести остаток ночи в своей камере. Пора вернуться в нее. Настанет день, и я решу, что делать. Кто знает, не дрогнут ли этой ночью скалы Бэк-Капа от гула взрывов, не обрушится ли «фульгуратор Рок» на корабли прежде, чем они успеют стать на якорь возле островка?..

Тут я в последний раз окидываю взглядом окрестности Улья. На противоположном берегу блестит огонек... только один... Это горит лампа в лаборатории, и ее отражение колеблется в глубине озера.

Всюду пустынно, на молу ни души... По-видимому, в Улье тоже никого не осталось, так как пираты заняли боевые посты на морском берегу...

Тогда, повинувшись непреодолимой силе, вместо того чтобы вернуться домой, я крадусь вдоль стены пещеры, напрягая слух, вглядываясь в темноту, готовый забиться

в первую попавшуюся щель при шуме шагов или звуке голосов...

Я дохожу наконец до прохода в стене...

Всемогущий бог!.. Никто не охраняет его... Ход свободен...

Не рассуждая, я проскальзываю в его темное отверстие... Пробираюсь ощупью в полном мраке... Вскоре прохладная струя воздуха бьет мне прямо в лицо! Это свежий, живительный морской воздух, о котором я мечтал в течение долгих пяти месяцев заточения, и я жадно, полной грудью, вдыхаю его...

На противоположном конце туннеля виднеется клочок неба, усеянного звездами. Ничья тень не заслоняет этот просвет... быть может, мне удастся выбраться из пещеры...

Бросившись ничком на землю, я ползу медленно, бесшумно.

Добираюсь до выхода, осторожно высовываю голову, смотрю...

Никого... никого!

Прижимаясь к прибрежным скалам, переползаю на восточный берег островка, недоступный с моря из-за длинной гряды рифов. Здесь не должно быть охраны. Я прячусь в небольшом углублении, метрах в двухстах от того места, где на северо-западе клочок суши выдается в море.

Наконец-то... я выбрался из пещеры — я еще не свободен, нет, но это начало освобождения.

На самом конце мыса неподвижно стоят часовые, их силуэты почти сливаются с прибрежными скалами.

Небо чисто, и звезды ярко блещут, как это бывает в холодные зимние ночи.

Далеко на северо-западе светится узкая полоска: это мачтовые огни кораблей.

На востоке небо начинает светлеть, и я заключаю, что сейчас около пяти часов утра.

Восемнадцатое ноября. Стало уже достаточно светло, и я могу продолжить свой дневник; прежде всего я подробно описал посещение лаборатории Тома Рока — возможно, это будут последние строки, начертанные моей рукой...

Теперь по мере развертывания событий я стану заносить в эту тетрадь все их перипетии.

Утренний ветерок вскоре разгоняет легкий влажный туман, окутавший море... Я различаю наконец корабли... Их всего пять, и они выстроились в боевом порядке на расстоянии не меньше шести миль, следовательно, вне досягаемости для снарядов Рока.

Итак, одно из моих опасений рассеялось: ведь я боялся, что, пройдя мимо Бермудского архипелага, корабли возьмут курс на Антильские острова или направятся к берегам Мексики. Но нет! Они стоят здесь неподвижно... ожидая утра, чтобы атаковать Бэк-Кап...

В этот миг берег островка ожил. Несколько пиратов появилось из-за скал. Часовые, стоявшие на мысу, отошли назад. Оказывается, вся шайка в сборе.

Разбойники не укрылись в пещере, прекрасно зная, что корабли не могут приблизиться настолько, чтобы обстрелять островок из своих орудий.

Я спрятался поглубже в расщелине между скалами и не боюсь, что меня здесь заметят: вряд ли кто-нибудь вздумает направиться в эту сторону. Впрочем, может произойти досадный случай, если инженер Серкё или кто-нибудь другой пожелает проверить, нахожусь ли я в

своей комнате, и запереть меня там... Хотя, в сущности, чего им меня бояться?..

В двадцать пять минут восьмого Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде выходят на мыс и наблюдают оттуда за северо-западной частью горизонта. Сзади них стоят шесть установок для самодвижущихся снарядов. Под действием воспламенителя снаряды вылетят из своих гнезд, опишут длинную кривую и разорвутся, вызвав чудовищное сотрясение воздуха.

Тридцать пять минут восьмого... несколько дымков поднимаются над кораблями; они собираются приблизиться к островку Бэк-Кап, где их ждет верная гибель.

Дикие вопли радости, громовые возгласы «ура», скорее похожие на рев диких зверей, вырываются из глоток бандитов.

В эту минуту Серкё отходит от Кера Каррадже и, оставив его с капитаном Спаде, направляется к отверстию туннеля, очевидно, для того, чтобы вызвать Тома Рока.

Получив от Кера Каррадже приказ обстрелять вражеские корабли, вспомнит ли Тома Рок о моих словах?.. Поймет ли весь ужас совершаемого преступления?.. Откажется ли повиноваться?.. Нет, не откажется... я в этом более чем уверен!.. К чему тешить себя несбыточными надеждами?.. Разве изобретатель не убежден, что он здесь хозяин?.. Он несколько раз повторил это... он верит тому, что ему внушили... На него нападают... он будет защищаться!

Между тем пять кораблей идут тихим ходом, держа курс прямо на островок. Быть может, там полагают, что Тома Рок еще не открыл своей последней тайны пиратам Бэк-Капа, — так оно и было, когда я бросил бочонок в озеро. Если же командиры собираются произве-

сти высадку, то стоит кораблям войти в поражаемую зону шириною в милю, как от них не останется ничего, кроме бесформенных обломков, плавающих по волнам!

Вот и Тома Рок в сопровождении инженера Серкё. Выйдя из туннеля, оба направляются к той установке для снарядов, которая наведена на головной корабль.

Там ждут их Кер Каррадже и капитан Спаде.

Насколько я могу судить, Тома Рок совершенно спокоен. Он знает, что ему делать. Ни малейшее сомнение не закрадывается в душу этого несчастного, ослепленного ненавистью человека!

В его руке блестит стеклянная трубочка, наполненная жидкостью воспламенителя.

Изобретатель вглядывается в ближайший корабль, находящийся милях в пяти от берега.

Это крейсер средней величины водоизмещением не более двух с половиной тысяч тонн.

Флаг спущен; но, судя по конструкции, корабль принадлежит нации, к которой ни один француз не питает особой симпатии.

Четыре остальных корабля идут сзади.

Крейсер, видимо, получил приказ первым атаковать островок.

Пусть же корабль откроет огонь из всех своих орудий, раз пираты дают ему возможность подойти к островку, и да поразит первый его снаряд Тома Рока!..

Пока инженер Серкё внимательно следит за ходом крейсера, Тома Рок становится возле установки фульгуратора. Все три снаряда начинены взрывчатым веществом, которое под действием воспламенителя сообщает им огромную движущую силу, но без вращения, присутствующего гироскопическим ядрам Тюрпена. Впрочем, дос-

таточно снарядам Рока разорваться в нескольких сотнях метров от корабля, чтобы мгновенно поразить его.

Время настало.

— Тома Рок! — кричит инженер Серкё.

Он указывает изобретателю на крейсер. Тот медленно направляется к северо-западному мысу, до которого осталось каких-нибудь четыре-пять миль...

Тома Рок кивает в знак согласия, показывая жестом, чтобы его оставили одного перед установкой фульгуратора.

Кер Каррадже, капитан Спаде и другие отходят шагов на пятьдесят.

Тогда Тома Рок откупоривает стеклянную трубочку, которую держит в правой руке, и наливает по несколько капель жидкости в отверстие каждого снаряда.

Проходят сорок пять секунд — время, необходимое для завершения реакции, — сорок пять секунд, в течение которых мне кажется, что сердце мое остановилось...

Раздается оглушительный свист, и все три снаряда, описывая сильно вытянутую кривую метрах в ста над поверхностью воды, перелетают за корму крейсера.

Неужели они не попали в цель и опасность миновала?

Нет! Подобно дискообразным гранатам майора артиллерии Шапеля или австралийским бумерангам, снаряды Рока сами возвращаются обратно.

Почти тотчас же раздается чудовищный взрыв, можно подумать, что на воздух взлетел целый склад мелинита или динамита. Сотрясение воздушных масс ощущается даже на островке Бэк-Кап, почва и та ходуном ходит под ногами...

Я вглядываюсь...

Крейсер исчез! Разнесённый в щепы, он пошел ко

дну. Это похоже на действие снаряда Залинского, только сила взрыва «фульгуратора Рок» в сотни раз больше.

Что за дикие вопли радости испускают бандиты, выбегающая на мыс! Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде застывают на месте, словно не веря собственным глазам!

Тома Рок стоит тут же, скрестив руки; глаза его мечут молнии, лицо сияет торжеством.

Глубоко презирая Тома Рока, я все же понимаю переживания изобретателя, к ненависти которого примешивается чувство удовлетворенной мести!..

Теперь стоит другим судам приблизиться к островку, и они затонут так же, как и крейсер. Их ждет неминуемая гибель, ни один из них не избежит своей участи!.. И хотя с их уходом исчезнет моя последняя надежда, пусть лучше они обратятся в бегство, скроются в открытом море, откажутся от бесполезного нападения!.. Заинтересованные государства сумеют договориться и уничтожить островок иными средствами!.. Они окружат Бэк-Кап плотным кольцом кораблей, и пираты умрут от голода в этой пещере, как хищные звери в своем логове!..

Но я знаю, военные корабли наступают, даже если им грозит верная гибель. И эти корабли, не колеблясь, тоже двинутся вперед, хотя бы им суждено было найти могилу в глубине океана!

В самом деле, их экипажи оживленно обмениваются сигналами. Почти тотчас же черный густой дым заволакивает горизонт, но северо-западный ветер относит его в сторону, и ясно видно, что все четыре корабля снялись с места.

Один из них опережает остальных, он идет полным ходом, спеша приблизиться к островку, чтобы открыть огонь из крупнокалиберных орудий!..

Пренебрегая опасностью, я вылезаю из своей норы... Смотрю во все глаза... Лихорадочно жду, хоть я не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу...

Этот корабль, который растёт, увеличивается у меня на глазах, — крейсер, приблизительно такого же водоизмещения, как и первое судно. На его гафеле нет флага, и я не могу определить, какой стране он принадлежит. По-видимому, крейсер идет на всех парах, чтобы пересечь поражаемую зону, прежде чем с островка снова откроют огонь. Но ему не избежать разрушительной силы снарядов Рока, ведь они могут поразить его и с кормы...

Тома Рок стоит перед второй установкой фульгуратора; крейсер приближается к тому месту, где нашел гибель его предшественник, скоро и он тоже погрузится в морскую пучину.

Ничто не нарушает окружающей тишины, лишь легкий ветерок дует с моря.

Внезапно на борту крейсера раздается барабанный бой... трубят горны. Их медный голос доносится до меня.

Я узнаю этот голос, так звучат горны моей родины... Боже правый!.. К берегу приближается французский корабль, он опередил остальные, и французский изобретатель сейчас потопит его!..

Нет... Этому не бывать!.. Я брошусь к Тома Року... крикну ему, что это французское судно... Он его не узнал... он узнает...

В этот миг, по знаку инженера Серкё, Тома Рок поднимает руку, в которой держит стеклянную трубку...

Горны звучат еще громче, салютуя флагу... Его полотнище взвивается, полощется на ветру... Это трехцветное знамя, его цвета — синий, белый, красный — ярко выделяются на фоне неба.

Но... что же происходит?.. Да, понимаю!.. Узнав французский флаг, Тома Рок останавливается как громом пораженный!.. По мере того как флаг поднимается, рука изобретателя опускается... Он пятится... Прикрывает глаза рукой, словно для того, чтобы не видеть трехцветного полотнища...

Всемогущий боже!.. Значит, любовь к родине не угасла в сердце этого озлобленного человека, раз оно забилося при виде родного флага!..

Я взволнован не меньше его!.. Пренебрегая опасностью — не все ли мне равно теперь? — я ползу вдоль гряды скал... Мне хочется быть подле Тома Рока, чтобы поддержать его, подбодрить!.. Хотя бы это стоило мне жизни, я в последний раз обращаюсь к нему во имя родины!.. Я крикну: «Ты же француз, а на этом корабле развевается трехцветный флаг!.. Ты же француз, а по морю к тебе приближается клочок Франции!.. Ты же француз, неужели у тебя хватит духу совершить преступление против своей страны?..»

Но моего вмешательства не требуется... Сейчас нечего опасаться нервного припадка, какие у него бывали прежде. Тома Рок вполне владеет собой.

Увидев флаг, он понял... он отпрянул назад...

Несколько пиратов подходят к изобретателю, они хотят подвести его к установке фульгуратора... Он отталкивает их... отбивается.

Подбегают Кер Каррадже и инженер Серкё... Они указывают ему на быстро приближающийся корабль... Приказывают выпустить снаряды.

Тома Рок отказывается.

Капитан Спаде и остальные разбойники вне себя от

ярости угрожают изобретателю, осыпают его бранью... ударами... хотят вырвать у него стеклянную трубку...

Тома Рок бросает ее на землю и топчет каблуком...

Смертельный страх овладевает злодеями!.. Крейсер вышел из поражаемой зоны, снаряды начинают падать на островок, дробят скалы, а пираты даже не могут открыть ответный огонь...

Но где же Тома Рок?.. Быть может, он убит снарядами?.. Нет... в последний раз я замечаю его в тот миг, когда он бросается в туннель...

Кер Каррадже, инженер Серкё и все остальные бегут вслед за ним, чтобы спрятаться в недрах Бэк-Капа...

Нет... я ни за что не вернусь в пещеру, пусть меня лучше убьют на месте! Я сделаю последнюю запись, и, когда французские моряки сойдут на берег, я...

(На этом обрывается дневник инженера Симона Харта.)

ГЛАВА 18

На борту «Громовержца»

Вскоре после неудавшейся попытки лейтенанта Дэвона, получившего приказ проникнуть на борту «Суорда» в пещеру Бэк-Капа, английские власти убедились в гибели отважных моряков. В самом деле, «Суорд» так и не вернулся на Бермудские острова. Разбился ли он о подводные скалы, стараясь найти вход в туннель? Или его захватили пираты Кера Каррадже? Этого никто не знал.

Лейтенант Дэвон получил приказ похитить Тома Рока прежде, чем будут готовы снаряды, руководствуясь во время экспедиции указаниями, данными в документе, который был найден в бочонке на морском берегу возле Сент-Джорджеса. Как только французский изобрета-

тель будет взят в плен — а с ним, конечно, и инженер Симон Харт, — Тома Рока передадут в руки бермудских властей. После чего корабли, посланные к островку Бэк-Кап, могут не опасаться «фульгуратора Рок».

Но когда по прошествии нескольких дней «Суорд» не вернулся из плавания, власти решили послать вторую экспедицию, на этот раз более внушительную.

В самом деле, следовало учесть, что прошло около двух месяцев с того дня, как Симон Харт вложил свою записку в бочонок. Быть может, Кер Каррадже владел теперь всеми тайнами Тома Рока?

По соглашению, заключенному между морскими державами, было решено послать к Бермудским островам пять военных кораблей. Так как в глубине скалистого массива Бэк-Капа существовала обширная пещера, следовало пробить ее своды, как стены бастиона, огнем мощной современной артиллерии.

Соединившись в Чесапикском заливе, в штате Виргиния, корабли эскадры взяли курс на Бермудские острова, куда и прибыли вечером семнадцатого ноября.

На следующий день крейсер, получивший приказ идти в атаку первым, двинулся вперед. Он был еще на расстоянии четырех-пяти миль от островка, когда три снаряда, пущенные с берега, перелетели за его корму, а затем, описав полукруг, вернулись обратно и разорвались в пятидесяти метрах от корабля, который затонул в течение нескольких секунд.

Действие этого взрыва, сопровождавшегося чудовищным сотрясением воздуха, воды, суши, было мгновенным; таких результатов еще не удавалось добиться ни с одним взрывчатым веществом. Четыре корабля, ос-

тавшие позади, ощутили, несмотря на расстояние, толчок огромной силы.

Из этой внезапной катастрофы следовало сделать два вывода.

Во-первых, пират Кер Каррадже уже получил в свое распоряжение «фульгуратор Рок».

Во-вторых, новый снаряд действительно обладал той разрушительной силой, какую ему приписывал изобретатель.

После гибели головного крейсера с других судов были спущены шлюпки, чтобы подобрать всех оставшихся в живых: некоторые моряки еще держались на воде, уцепившись за обломки.

После обмена сигналами корабли полным ходом направились к островку Бэк-Кап.

Французский военный корабль «Громовержец», как наиболее быстроходный, опередил всех остальных, хотя они и старались не отставать от него.

«Громовержец» прошел около полумили по зоне, только что подвергшейся действию взрыва, каждую минуту рискуя погибнуть от новых снарядов. Пока артиллеристы наводили на островок крупнокалиберные судовые орудия, над крейсером взвился трехцветный флаг.

С капитанского мостика офицеры видели шайку Кера Каррадже, рассыпавшуюся по прибрежным скалам.

Представлялся благоприятный случай уничтожить злодеев, а затем разгромить из орудий их убежище. «Громовержец» тут же дал первые залпы, за которыми последовало спешное бегство пиратов в глубину Бэк-Капа...

Несколько минут спустя раздался оглушительный грохот, все вокруг содрогнулось — казалось, небесный свод обрушился в пучину Атлантического океана.

На месте островка осталась только груда дымящихся скал, которые катились в разные стороны, сталкиваясь, налетая друг на друга, как камни во время обвала. Вместо опрокинутой чашки из воды торчали лишь осколки вдребезги разбитой чашки. Вместо пещеры появилось нагромождение рифов, на которые, пенясь, набегали огромные валы: после взрыва море грозно разбушевалось...

Какова же была причина этого взрыва?.. Может быть, пираты нарочно вызвали его, видя, что оборона невозможна?

«Громовержец» получил лишь легкие повреждения от разлетевшихся во все стороны осколков скал. Командир приказал спустить шлюпку, и экипаж направился к тому, что уцелело от островка.

Высадившись на скалы под командованием своих офицеров, матросы обследовали остатки Бэк-Капа, слившиеся с грядой рифов, которая тянулась по направлению к Бермудским островам.

Были подобраны страшно изуродованные трупы, разбросанные руки и ноги, кровавое месиво вместо человеческих тел... От пещеры не осталось и следа. Все было погребено под развалинами.

На северо-западном краю утеса было найдено только одно не тронутое взрывом тело... Хотя человек этот едва дышал, еще оставалась надежда вернуть его к жизни. Он лежал на боку, судорожно сжимая в руке какую-то тетрадь с недописанной строчкой...

Это был французский инженер Симон Харт. Его тут же переправили на борт «Громовержца». Но, несмотря на все усилия, пострадавшего никак не могли привести в чувство.

Однако благодаря дневнику, который он вел вплоть

до взрыва пещеры, удалось отчасти восстановить то, что произошло за последние часы существования Бэк-Капа.

Впрочем, Симону Харту суждено было одному пережить эту катастрофу, все остальные обитатели пещеры получили вполне заслуженную ими кару. Как только Симон Харт оказался в состоянии отвечать на вопросы, он рассказал о своих догадках, которые, по-видимому, мало в чем расходились с действительностью.

Потрясенный до глубины души при виде трехцветного флага, осознав наконец, что он собирается совершить преступление против собственной родины, Тома Рок бросился в пещеру и добежал до склада, где хранилось огромное количество взрывчатого вещества. Затем, прежде чем пираты успели ему помешать, он вызвал чудовищный взрыв, уничтоживший островок Бэк-Кап.

Так погибли Кер Каррадже, его шайка и Тома Рок, унесший в могилу тайну своего изобретения!

1896 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА. Роман

(Перевод с французского под ред. Р. Гурович) 5

ФЛАГ РОДИНЫ. Роман

(Перевод с французского О. Моисеенко) 389

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Жюль Верн

ФЛАГ РОДИНЫ

Ответственный редактор *Д. Байкалов*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *А. Чаплыгина*

Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 19.04.2010.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 4000 экз. Заказ № 671.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-42196-1

9 785699 421961 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**

обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-42196-1

9 785699 421961 >